

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи
УДК 930.1(470+571)''18/20''

ЛАНДИНА
Лариса Владимировна

**КОНЦЕПТ ЕВРОПЕЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XXI В.**

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

по специальности 07. 00. 09. – историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Научный консультант–
доктор исторических наук, профессор
Кошелев В. С.

Минск, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	5
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ	7
ГЛАВА 1	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	16
1.1. Историография проблемы.....	16
1.2. Характеристика источников.....	20
1.3. Методология и методы исследования.....	24
ГЛАВА 2	
ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДА РАСЦВЕТА И КРИЗИСА ПОЗИТИВИЗМА (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)	27
2.1. Изучение государственных институтов в контексте развития российской исторической науки пореформенной эпохи.....	27
2.2. Интерпретация западноевропейского абсолютизма в российской дореволюционной новистике.....	33
2.3. Самодержавная монархия как феномен российского историографического нарратива последней трети XIX – начала XX в.	43
ГЛАВА 3	
СОСТОЯНИЕ КОНЦЕПТА АБСОЛЮТИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1917–1920-Е ГГ.)	55
3.1. Концепт западноевропейского абсолютизма в условиях трансформации исторической науки в 1917–1920-х гг.	55
3.2. Проблема российского абсолютизма в идейно-политических дискуссиях советской исторической науки 1920-х гг.	68

ГЛАВА 4**ОФОРМЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «РАВНОВЕСИЯ» И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АБСОЛЮТИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 1930-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-Х ГГ.74**

- 4.1. Социально-политические приоритеты исторической науки СССР 1930-х гг. и оформление концепции «равновесия» в изучении абсолютизма.....74
- 4.2. Развитие социологической модели абсолютизма в 1940-х–первой половине 1950-х гг.....91

ГЛАВА 5**НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В РАЗВИТИИ КОНЦЕПТА АБСОЛЮТИЗМА И ЧАСТИЧНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ КРИЗИСА ЕГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980 - Х ГГ.).....112**

- 5.1. Изучение советскими историками государственных институтов Нового времени в период «оттепели».....112
- 5.2. Западноевропейский абсолютизм в советской исторической науке середины 1950-х – 1960-х гг.....123
- 5.3. Дискуссия об абсолютизме 1968–1972 гг. и интерпретация российского абсолютизма в 1970-х – начале 1980-х гг.133
- 5.4. Западноевропейский абсолютизм в советской историографии периода «развитого социализма».....145

ГЛАВА 6**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ СОВЕТСКИМИ ИСТОРИКАМИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х–1991 ГГ.).....155**

- 6.1. Социально-политические изменения второй половины 1980-х гг. и изучение российской монархии советскими историками.....155
- 6.2. Западноевропейский абсолютизм в дискурсе российской советской историографии 1985–1991 гг.163

ГЛАВА 7**ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА АБСОЛЮТИЗМА В УСЛОВИЯХ ПОНЯТИЙНОГО КРИЗИСА И ПОЛИВАРИАНТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.170**

- 7.1. Изучение проблем государства в контексте системной трансформации российской постсоветской историографии.....170
- 7.2. Абсолютные монархии Запада в работах современных российских историков.....175
- 7.3. Российский абсолютизм как государственный и социокультурный феномен в постсоветской российской историографии.....189

ГЛАВА 8**СОЗДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АБСОЛЮТИЗМА В УСЛОВИЯХ РАЗНООБРАЗИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ206**

- 8.1. Современные контуры и перспективы развития концепта абсолютизма.....206
- 8.2. Концепт абсолютизма в условиях терминологической и понятийной ревизии.....212
- 8.3. Абсолютные монархии Западной Европы и шляхетская республика Речи Посполитой в свете задач компаративного подхода.....218

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....224

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....231

ПРИЛОЖЕНИЕ. Документы, подтверждающие прикладное значение результатов диссертации.....340

ВВЕДЕНИЕ

Государство, власть и осуществление управления неизменно находятся среди важнейших проблем исторической науки. Как политический, правовой и социокультурный феномен, государство и его разнообразные институты являются актуальными темами в историографическом и социально-политическом дискурсе. Более того, поиск эффективных механизмов управления в сочетании с запросами общества диктует не только обращение к исторической ретроспективе, но и постановку в связи с этим новых вопросов.

В Новое время значимость государства, а именно абсолютной монархии, невозможно переоценить, так как ее активная роль определяла развитие Западной Европы и России. Как компонент новоевропейской цивилизации, абсолютизм отразился в религиозной, философской и историко-правовой традиции. В представленной работе речь идет о преломлении концепта абсолютизма как феномена европейской историографии в российской исторической науке.

В данном исследовании предпочтительно употребление термина «концепт», а не термина «понятие». Термин «концепт», восходящий к латинскому «conceptus» — «содержание понятия», «восприятие», — обозначает не только явление и определяющее его понятие, но и совокупность смыслов, идей и представлений, это теоретическое построение в науке, социально детерминированное и выраженное в дискурсе. Таким образом, концепт европейского абсолютизма выступает как существующая и изменяющаяся в исторической науке система понятий, представлений и смыслов. В свою очередь, задачи рассмотрения концепта европейского абсолютизма в исторической науке России делают необходимой параллельную рефлексию двух его составляющих — концептов западноевропейского абсолютизма и российского абсолютизма, называемого также самодержавием.

Понятие «абсолютизм» было воспринято российскими исследователями всеобщей истории в середине XIX в. В настоящее время абсолютной монархией (абсолютизмом) называется преобладающая в Западной Европе XVI–XVIII вв. (в России до начала XX в.) форма государственного управления, при которой власть монарха передается по наследству и не имеет формально-юридических ограничений. При абсолютизме отсутствует разделение властей, управление бюрократизировано, церковь не отделена от государства, общество сословно и иерархично, экономика аграрная, с элементами мануфактурного капитализма. Термины «абсолютизм» и «абсолютная монархия» синонимичны, но не тождественны. Термин «абсолютизм» характеризует в первую очередь общество и

государство, термин «абсолютная монархия» указывает, прежде всего, на форму управления. Несмотря на привычность понятия «абсолютизм», проблема европейского абсолютизма во многом дискуссионна, термин «абсолютизм» уже не первое десятилетие подвергается критике. Такое положение является результатом продолжительного системного воздействия множества факторов и требует особого рассмотрения.

Изучение природы и построение теоретической модели европейской государственности, в основе которой лежала абсолютная монархия, необходимо для понимания исторических судеб государств и регионов Европы. В частности, перспективным является использование подходов исторической компаративистики для оценки специфики и выраженности тех или иных явлений и процессов в различных странах. Не менее продуктивно также рассмотрение рецепции абсолютистских форм правления в государствах, где абсолютная монархия либо развивалась в сглаженных формах, либо не существовала вообще, например в Англии и Речи Посполитой.

Историографическая рефлексия проблемы абсолютизма показывает, однако, лишь единичные работы. Необходимо комплексное исследование развития концепта европейского абсолютизма в долговременной динамике и социально-политическом контексте функционирования исторической науки. Данная работа раскрывает указанный процесс с последней трети XIX в. до наших дней. В свою очередь, в последнем выявлены как периоды, так и аспекты изменений концепта абсолютизма — мотивационный, методологический, содержательный, ценностный.

В фокусе внимания автора находится абсолютизм как особый этап развития новоевропейского государства, взятый в качестве предмета историографической рефлексии. Речь идет о работах историков Российской империи, СССР и современной Российской Федерации. Автор не рассматривает трактовки абсолютной монархии историками российского зарубежья ввиду иных, нежели в России и СССР, условий развития исторической науки. Предметом специального анализа также не являются монархическая идеология и современный монархизм как совершенно особые области изучения.

В работе не только выявлена трансформация концепта европейского абсолютизма, но и предложена интегративная модель европейского абсолютизма как предмета научного анализа. Последняя может быть использована как для дальнейших исследований в указанном направлении, так и в практике преподавания. Кроме того, на основе компаративного подхода автор предлагает новое направление в изучении Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, что призвано поднять на следующую ступень исследования по истории Беларуси раннего Нового времени.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами) и темами

Тематика исследования соответствует п. 11 приоритетных направлений научных исследований Республики Беларусь согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 12 марта 2015 г. № 190, Государственной программе научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 июня 2015 г. № 483, а также приоритетным направлениям научных исследований БГУ на 2016–2020 гг., рассмотренным и утвержденным на совместном заседании Совета БГУ и Ученого совета БГУ 30 ноября 2015 г.

Исследования по теме диссертации проводились на кафедре истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета в рамках научной темы «Социально-политические процессы и движения в странах Запада и Востока в новое и новейшее время», «Восток — Запад: противостояние и взаимозависимость в новое и новейшее время» на 2019-2023 гг., № ГР 21091406.

Диссертационное исследование выполнялось также на кафедре истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств в соответствии со следующими научными темами: «Гісторыка-культурная спадчына Беларусі: праблемы захавання» 2006–2010 гг., № ГР 2007212, «Гісторыка-культурная спадчына Беларусі: вивучэнне, захаванне, трансляцыя» 2011–2015 гг., № ГР 20115713, «Музеефікацыя гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі: дасягненні і перспектывы» 2016-2020 гг., № ГР 20161947.

Цель и задачи исследования

Цель исследования — выявить содержание, направленность и особенности развития концепта европейского абсолютизма в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- раскрыть эволюцию концепта европейского абсолютизма в российской историографии как преломление и развитие западноевропейской исторической мысли в российской исторической науке и определить этапы данного процесса;
- показать мотивацию, методологические основы, ценностные установки и специфику разработки проблем западноевропейского и российского абсолютизма в российской историографии последней трети XIX–начала XX в.;
- выявить характер методологической и ценностной преемственности и дискретности в трансформации концепта абсолютизма в советской историографии

1917–1920-х гг., показать постепенную методологическую унификацию и формирование концепции «равновесия»;

- охарактеризовать интерпретацию проблемы европейского абсолютизма в историографии 1930-х – первой половины 1950-х гг. в условиях утверждения концепции «равновесия» и советского историографического канона;

- показать влияние социально-политических изменений периода «оттепели» на исследование проблематики европейского абсолютизма, оценить кризис социологической модели абсолютизма в исторической науке и значение дискуссии 1968–1972 гг. для разработки проблем абсолютизма в 1970-х – первой половине 1980-х гг.;

- выявить причины, содержание и последствия методологических изменений второй половины 1980-х гг. применительно к концепту абсолютизма;

- раскрыть сущность и проявления эволюции концепта европейского абсолютизма в контексте методологических, содержательных и ценностных трансформаций российской постсоветской историографии;

- оценить современную историографическую ситуацию в развитии концепта европейского абсолютизма и предложить исследовательские перспективы в данной области.

Объектом исследования является концепт европейского абсолютизма в исторической науке. **Предметом исследования** выступает развитие концепта европейского абсолютизма в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в.

Хронологические рамки исследования включают период последней трети XIX – начала XXI в. Выбор нижней хронологической границы обусловлен тем, что с последней трети XIX в. российская историческая наука вошла в особенно продуктивный этап, отмеченный как развитием «русской школы» всеобщей истории, так и расцветом государственной школы в изучении истории России. Верхняя хронологическая граница является открытой, что создает перспективу дальнейшей разработки проблемы.

Научная новизна

Впервые в историографии эволюция концепта европейского абсолютизма анализируется в большом временном масштабе и динамике — с последней трети XIX до начала XXI в. Это дает возможность прийти к качественно новым выводам о методологической преемственности и дискретности в развитии концепта абсолютизма, взаимном влиянии и сочетании различных парадигм, особенностях трактовки ападноевропейского и российского абсолютизма.

Автор предлагает интегративную модель абсолютизма как этапа развития европейской государственности. При этом абсолютизм рассматривается в

совокупности характеристик — от хронологических до ментальных, взятых в динамической многомерной системе.

Исследование основывается на комплексном применении подходов историографической компаративистики, чего в рассмотрении концепта европейского абсолютизма ранее не практиковалось. Прежде всего, речь идет о сопоставлении историографической рефлексии западноевропейского и российского абсолютизма как различных предметов рассмотрения в российской исторической науке. Такой подход позволил выйти на новый уровень решения исследовательских задач. Были выявлены различия в мотивации, ценностных установках, методологии, терминологии, идейной направленности, степени методологических трансформаций и иных аспектах историографического анализа западноевропейского и российского абсолютизма.

Актуализация исследования истории раннего Нового времени позволит поднять на новый уровень разработку проблем всеобщей истории в белорусской историографии. Комплексный характер предложенной автором работы и применение методов исторической компаративистики генерирует также новое направление в изучении отечественной истории XVI–XVIII вв.

Положения, выносимые на защиту

1. Концепт европейского абсолютизма, сформировавшийся в западноевропейской богословской, правовой и исторической мысли, был воспринят российскими исследователями всеобщей истории в середине XIX в. и впоследствии развит ввиду востребованности изучения в России, как модернизирующемся государстве, европейских государственных институтов и политической культуры. Обусловленная этим эволюция концепта абсолютизма демонстрирует, однако, не только преломление установок европейской историографии в российской исторической науке, но и специфику их развития на основе последней. В указанном процессе выделяются следующие периоды, отличающиеся в мотивационном, методологическом, содержательном и ценностном аспектах. **I период (последняя треть XIX в. – 1917 г.)** характеризуется развитием концепта абсолютизма в рамках позитивистской парадигмы и правового подхода. Итогом **II периода (1917–1920-е гг.)** явилось постепенное установление марксистского методологического канона и социологической модели в интерпретации абсолютизма. **III период (1930-е – середина 1980-х гг.)**, стал временем господства в трактовке абсолютизма концепции «равновесия», вступившей в кризис в середине 1960-х гг. и частично преодоленный дискуссией 1968–1972 гг. Рассмотрение абсолютизма стало качественно изменяться под влиянием идей перестройки, что явилось содержанием методологически переходного **IV периода (вторая половина 1980-х – 1991 г.)**. **V период (1990-е гг. – начало XXI в.)** характеризуется методологическим кризисом и разнообразием

подходов, а также полным вхождением российской историографии в общемировое русло. Критерием периодизации является изменение социально-политического вектора развития общества, но указанные периоды не являются однородными. Так, концепт европейского абсолютизма приобретал новые качества после революции 1905–1907 гг., под влиянием дискуссии 1968–1972 гг., во время празднования 200-летнего юбилея Французской революции и т.д.

2. В интерпретации западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия дореволюционными историками существовал ряд отличий. В первом случае изучалась зарубежная история, во втором — соответственно оцениваемая отечественная. При рассмотрении западноевропейского абсолютизма были приняты его либеральные сдержанно-критические оценки и сам термин «абсолютизм». Российская же монархия называлась самодержавием, и последнее зачастую противопоставлялось абсолютизму. Либеральная государственная школа в целом оценивала самодержавие как созидательную силу. При этом существовали также монархические (апологетические) и социал-демократические (негативизирующие) оценки российской монархии. Термин же «абсолютизм», воспринимаемый как инородный в отношении российской монархии, лишь в конце XIX – начале XX в. стал применяться марксистскими и леволиберальными авторами в качестве синонима термина «самодержавие».

Интерпретация абсолютизма основывалась на позитивизме, что предполагало правовой подход и многофакторность. В изучении истории как Западной Европы, так и России абсолютизм считался закономерным этапом развития государства, для которого было характерно усиление монархической власти при ослаблении сословно-представительных институтов. Монархия опиралась как на дворянство — свою социальную основу, — так и на буржуазию ввиду потребности в средствах. Таким образом, концепция «равновесия» имплицитно присутствовала в дореволюционной историографии.

3. Период 1917–1920-х гг. являлся переходным и закончился установлением методологического монизма. Трактовки европейского и российского абсолютизма сводились в единую марксистскую формационную схему, акцентировалось сходство западноевропейского и российского абсолютизма и закономерность революций в России. Советская историография приняла присущие либеральной новистике сдержанное отношение к западноевропейскому абсолютизму, а также характеристику его социальной базы, т.е. содержащуюся в работах дореволюционных новистов идею «равновесия». В отношении российского самодержавия, напротив, произошла радикальная ценностная переориентация и отказ от установок государственной школы. Основной задачей советских историков в обоих случаях стало точное определение социальной основы абсолютизма. Однако это вряд ли было достижимо: наряду с узостью классового подхода (советские историки категорически отвергали тезисы о «надклассовости»

или «двухклассности» абсолютной монархии) существовали объективные трудности, связанные с интерпретацией источников и условностью социологических схем. Согласно установкам «школы Покровского» абсолютизм расценивался как «государство торгового капитала», однако на рубеже 1920-х – 1930-х гг. стало превалирующим понимание абсолютизма как феодального дворянского государства, использующего ресурсы буржуазии.

4. В 1930-х гг. прошли организационные и методологические процессы в советской историографии, обусловившие развитие концепта абсолютизма практически до конца 1980-х гг. Различия в трактовках западноевропейского и российского абсолютизма были ликвидированы, историки следовали концепции «равновесия», термины «абсолютизм» и «самодержавие» применялись как синонимы. Вместе с тем в рамках методологического монизма существовали оттенки интерпретаций западноевропейского абсолютизма С. Д. Сказкиным, В. В. Бирюковичем, А. Д. Люблинской, Б. Ф. Поршневым, а российского абсолютизма — Б. И. Сыромятниковым. Кроме того, анализируя российский абсолютизм, историки уделяли больше внимания его правовым и идеологическим аспектам, нежели при социологических интерпретациях западноевропейского абсолютизма. Абсолютизм расценивался как явление, прогрессивное на этапе создания централизованных государств и формирования капитализма, однако изначально антинародное и закономерно уничтожаемое буржуазными революциями.

5. Идеологические изменения периода «оттепели» привнесли новые акценты в рассмотрение абсолютизма. Речь шла о внимании к источникам и их публикации, переосмыслении марксистских установок, а также выходе советских историков на международную арену. Диалог советских и зарубежных ученых, однако, носил характер идеологического и методологического противостояния, в наибольшей степени выразившегося в полемике Б. Ф. Поршнева и Р. Мунье. Возможности альтернативного понимания марксизма привели к переосмыслению концепции «равновесия» в дискуссии 1968–1972 гг., традиционная оценка которой как не принесшей результатов должна быть отвергнута. Дискуссия стала знаковым явлением, продемонстрировавшим не только узость концепции «равновесия» и границы социологической модели, но и кризис социальной истории как исследовательской парадигмы. В ходе дискуссии были предложены более гибкое понимание «равновесия», оптимальное определение понятия «абсолютизм», типологическое рассмотрение абсолютных монархий. Сделанное было максимумом в условиях доминирования социологической модели абсолютизма и дало ей ресурс развития на последующее десятилетие. Указанные изменения коснулись преимущественно изучения российского абсолютизма, в трактовках же западноевропейского безусловно господствовала концепция «равновесия».

6. С середины 1980-х гг. советская историография получила импульс, вызванный идеями перестройки и возможностями восприятия концепций исторической науки Запада. Расширилось проблемное поле изучения абсолютизма: стали рассматриваться государственные институты, организация управления, персоналии правящей элиты, двор и т.д. В условиях формального сохранения позиций марксистской методологии советские историки стали воспринимать теорию конфликта элит, переосмысливать характер власти монарха при абсолютизме, актуализировать установки государственной школы в изучении российского самодержавия. В ценностном аспекте абсолютизм уже не рассматривался как «необходимое зло», уничтожаемое буржуазными революциями, а становился значимым объектом изучения. В дискурсивном плане изменилась лексика работ, из которых исчезали ссылки на классиков марксизма. Знаковым событием явилось 200-летие Французской революции, после чего методологические изменения приобрели необратимый характер, что проявилось также в фактическом отказе от концепции «равновесия».

7. Смена парадигм в историографии после 1991 г. придала новое качество развитию концепта абсолютизма. На смену методологическому монизму и концепции «равновесия» пришла плюралистическая методология с превалированием правового подхода. В связи со сменой революционных ценностей советского общества традиционалистскими одно из центральных мест в историографии занял феномен власти. Радикально изменилось отношение к абсолютизму как историческому явлению — он превратился в самодостаточный объект исследовательского интереса. В изучении западноевропейского абсолютизма были восприняты концепции европейской историографии, в рассмотрении российского самодержавия — актуализированы установки государственной школы. Значительно разнообразилось проблемное поле исследования абсолютизма, включившее не только рассмотрение государственных институтов, реформ «сверху» и персоналий, но также подходы психоистории, гендерной истории, истории повседневности, элит, двора, ментальности различных социальных групп, репрезентации власти, потестарной имагологии и т.д. Указанные процессы дополнились терминологической и понятийной ревизией, а также идейным размежеванием среди исследователей истории России. Актуальное состояние концепта абсолютизма имеет ряд общих черт с его осмыслением в дореволюционной российской историографии, что позволяет вести речь о прохождении концептом абсолютизма масштабного методологического цикла.

8. Современное многообразие подходов и значимость проблемы абсолютной монархии обуславливают необходимость создания теоретической модели абсолютизма. Модель многомерна и носит интегративный характер, объединяя хронологический, правовой, социологический, военный и ментальный компоненты, которые не могут быть ранжированы и рассматриваются в комплексе,

взаимном влиянии и совокупном действии. В данной конструкции сохраняет стабильность лишь хронотопическая составляющая, маркирующая время и место существования абсолютизма как исторического явления. Несмотря на терминологическую ревизию, термин «абсолютизм» сохраняет свои позиции в историографии с учетом внесенных в последние годы коррективов. Ближайшими его эквивалентами являются «абсолютная монархия», где акцентируется форма государственного управления, и «Старый порядок», где указывается на специфику новоевропейского государства. Изучение абсолютной монархии может активизировать не только развитие отечественной новистики, но и предоставить возможность комплексного, панорамного рассмотрения государственных институтов и политической культуры в Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой в сопоставлении с соответствующими аналогами в рамках европейских монархий. Указанное может быть достигнуто на основе подходов исторической компаративистики и составить новое направление исследований в отечественной историографии.

Личный вклад соискателя ученой степени

Представленная к защите диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук является самостоятельно, без соавторов, выполненным исследованием. В работе приводятся факты и выводы, полученные автором в ходе длительной работы по изучению не только опубликованных источников на русском и иностранных языках, но и массива архивных материалов, полученных в результате работы в восьми архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Автор разработал собственную концепцию исследования и пришел к ряду новых выводов, имеющих как научное, так и практическое значение.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов

Научная аргументация и результаты исследований автора представлены на 40 республиканских и международных научных и научно-практических конференциях, важнейшими из которых являются следующие: Международная научно-практическая конференция «Организация самостоятельной работы студентов на факультете вуза», Минск, 16–17 ноября 2006 г.; Международная научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социорелигиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья», Витебск, 19–20 апреля 2007 г.; III Международная научно-практическая конференция «Научное пространство Европы – 2007», Днепропетровск, 16–30 апреля 2007 г.; Международная научная конференция «Методология исследований истории Беларуси: проблемы, достижения, перспективы», Минск, 22–23 октября 2008 г.; Международные научные чтения, посвященные 130-летию со дня рождения

первого ректора БГУ, выдающегося ученого-слависта, академика В. И. Пичеты, Минск, 28–29 октября 2008 г.; Международная научная конференция «История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты», Витебск, 8–9 октября 2009 г.; III Міжнародны кангрэс гісторыкаў Беларусі «Гістарычная навука на пераломе эпох: дыялог з часам (да 80-годдзя Інстытута гісторыі НАНБ)», Минск, 15–16 октября 2009 г.; Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного гуманитарного познания», Витебск, 29–30 октября 2009 г.; VIII Международная научно-практическая конференция, посвященная 50-летию кафедры отечественной истории Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского «Культура и власть», Пенза, декабрь 2010 г.; XVI Міжнародныя Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры «Духоўныя асновы сучаснай культуры: праблемы захавання культурнай спадчыны», Минск, 26–28 мая 2010 г.; Международная научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени: к 100-летию профессора Л. М. Шнеерсона», Минск, 25 февраля 2011 г.; Международная научная конференция «М. М. Ковалевский: медиэвистика и новистика в России второй половины XIX – начала XX в.», Москва, 17–18 мая 2011 г.; Международная конференция «Переходные периоды всемирной истории: динамика в оценках прошлого», Москва, 23 сентября 2011 г.; VI Международная научно-теоретическая конференция «Европа: актуальные проблемы этнокультуры», Минск, 22 апреля 2013 г.; XIX, XX Міжнародныя Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры, Минск, 22-24 мая 2013 г., 20–23 мая 2014 г.; IX Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне «Культура. Наука. Творчество», Минск, 15 мая 2015 г.; X Международная научно-практическая конференция «Культура. Наука. Творчество», Минск, 12 мая 2016 г.; IX Международная научно-теоретическая конференция «Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Древность, средние века, Новое и Новейшее время», Минск, 10–11 ноября 2016 г.; Навуковая канферэнцыя прафесарска-выкладчыцкага складу БДУКМ, прысвечаная Году культуры ў Рэспубліцы Беларусь «Навуковы пошук у сферы культуры і мастацтва», Мінск, 24 лістапада 2016 г.; Международная научно-практическая конференция «Европа: актуальные проблемы этнокультуры», Минск, 25–26 мая 2017 г.; Международная научно-теоретическая конференция, посвященная памяти д-ра ист. н., профессора Г. А. Космача и в связи с 65-летием со дня его рождения (1953–2016 гг.) «Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований», Минск, 21–22 июня 2018 г.; Международная конференция «Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и

Тридцатилетней войны», Москва, 19–20 сентября 2018 г.; Международная научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты «История и историография: объективная реальность и научная интерпретация», Минск, 05 октября 2018 г. Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию факультета информационно-документных коммуникаций Белорусского государственного университета культуры и искусств «Библиотеки и музеи в современной образовательной и социокультурной среде: сохранение традиций и перспективы развития», Минск, 24–26 сентября 2019 г.; VII, VIII, XII, XIV, XV Международная научно-практическая конференция «Культура. Наука. Творчество», Минск, 29–30 мая 2013 г., 15 мая 2014 г., 03 мая 2018 г., 14 мая 2020 г., 13 мая 2021 г.

Материалы и выводы диссертации нашли применение в преподавании автором в Белорусском государственном университете культуры и искусств таких дисциплин, как «Гісторыя гістарычнай думкі», «Гісторыя Беларусі», «Усеагульная гісторыя» (имеется 3 акта о внедрении). Результаты диссертации нашли отражение также в изданных 8 учебных программах и учебно-методических комплексах.

Опубликованность результатов диссертации

Основные результаты диссертации опубликованы в 49 научных работах, в числе которых: 1 монография (объемом 66,1 авторского листа), 25 статей в отечественных и зарубежных научных изданиях в соответствии с п. 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь (общим объемом 16,4 авторского листа), 22 статьи в сборниках научных конференций, 1 резюме докладов.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, восьми глав, заключения, библиографического списка и приложения. Полный объем диссертации составляет 343 страницы, 1 приложение занимает 4 страницы. Библиографический список содержит 1425 наименований, включая собственные публикации соискателя ученой степени (на 109 страницах).

ГЛАВА 1

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Историография проблемы

Анализ работ, отражающих осмысление проблем европейского абсолютизма российской исторической наукой, позволяет сделать вывод о том, что рефлексия в ней концепта абсолютизма включает три периода. Они могут быть обозначены как дореволюционный (последняя треть XIX в.–1917 г.), советский (1917–1991 гг.) и постсоветский (современный), продолжающийся с 1991 г. до сегодняшнего дня.

Первые публикации историографического характера появились на рубеже 1870-х–1880-х гг. и имели форму рецензий. Так, историк, юрист и социолог М. М. Ковалевский (1851–1916), в 1879 г. оценивая работу И. В. Лучицкого о политических институтах Франции XVIII в., согласился с автором в том, что двор и правительство не смогли предотвратить революцию реформами [481, с. 32]. В 1908 г., в будущем известный белорусский историк В. Н. Перцев (1877–1960) в рецензии на книгу П. П. Митрофанова о просвещенном абсолютизме Иосифа II отмечал значимость выводов автора о прагматизме данной политики [839, с. 24].

Центральной фигурой в историографическом анализе был Н. И. Кареев (1850–1931), ведущий исследователь Новой истории. Он выступал рецензентом упомянутой работы И. П. Митрофанова [434], исследования о предпосылках Французской революции М. М. Ковалевского [435] и других.

Н. И. Карееву принадлежат развернутые историографические публикации, посвященные Французской революции [440–441]. Именно ее изучение генерировало интерес к проблемам Старого порядка как одной из предпосылок событий 1789 г. В масштабном обзоре «Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911)» [443] Кареев обращает внимание на две работы, посвященные французскому абсолютизму. Первая из них — книга историка права Ф. В. Тарановского «Догматика положительного государственного права при Старом порядке», вносила, по мнению Кареева, существенные дополнения в российский исторический нарратив о правовой основе французского абсолютизма [443, с. 15–24]. Вторая — обширная работа коллеги Кареева П. Н. Ардашева о провинциальных интендантах во Франции накануне 1789 г., уточняла представления о Старом порядке и разрушала стереотипы об абсолютизме как системе всеобъемлющего контроля и подавления [443, с. 24–40].

Оценивая дореволюционный вклад в изучение проблем французского абсолютизма, уместно привести суждение такое Н. И. Кареева: «Из ученых, не принадлежащих к французской национальности, никто так много за ближайшие 30–35 лет не сделал для изучения французской революции и старого порядка, как русские историки» [437, с. 318].

В рефлексии российского абсолютизма значимой является работа историка и публициста М. О. Кояловича (1828–1891) «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», где проблема российского самодержавия полемически рассматривается сквозь призму частных сюжетов в работах С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и других авторов [551]. П. Н. Милюков (1859–1943), историк и впоследствии лидер либералов, в историографическом обзоре 1886 г. критически оценивает государственную (юридическую) школу за ограниченность ее исследований государственными институтами и недостаток рассмотрения «наполняющего ее социального материала» [682, с. 91].

Историк и историограф В. С. Иконников (1841–1923) высоко оценивал «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII в. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» — докторскую диссертацию С. Ф. Платонова [377; 378]. В 1907 г. исследователь летописей И. А. Тихомиров (1852–1928), рассматривая «Курс русской истории» В. О. Ключевского, указал на верную трактовку автором Московского государства как боевого (находящегося в состоянии борьбы с внешней угрозой), тяглогового (неправового, состоящего из обремененных повинностями сословий), и обладающего верховной властью с неограниченным пространством действия [1122, с. 199].

Таким образом, в период Российской империи историографическая рефлексия проблем западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия проходила этап становления, принимая форму рецензий и обзоров.

Свержение монархии в 1917 г. и смена ценностей в обществе привела к изменению историографического дискурса. При этом западноевропейский абсолютизм, как явление, не касающееся непосредственно Советской России, не вызывал особенного интереса, его изучение фрагментарно комментировалось в обобщающих трудах Н. И. Кареева [430] и В. П. Бузескула [143–144]. Совершенно иным было отношение к российской монархии, резко негативно оцениваемой советской идеологией — все написанное о самодержавии дореволюционными историками негативизировалось. Наибольшим ударам подвергалась государственная школа, и самым непримиримым ее критиком был глава советской исторической науки М. Н. Покровский (1868–1932). В целом ряде работ [889; 891; 897] он утверждал, что историкам государственной школы важно было доказать, что «государство в России не было созданием господствующих классов и орудием

классового угнетения, а представляло собой интересы всего народа, без различия классов» [891, с. 110]. Среди историко-политических споров 1920-х–1930-х гг. наиболее известной была дискуссия М. Н. Покровского и Л. Д. Троцкого о классовом характере российского самодержавия, отраженная в статье Президента Академии наук БССР П. О. Горина (1900–1938) [224].

В последующие годы публикации, затрагивающие проблемы российской государственности, предварялись критикой взглядов как дореволюционных историков, так и марксистов (особенно М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова) [809, с. 5–27]. Таков, например, историографический очерк Б. И. Сыромятникова (1874–1947) в книге о «регулярном» государстве Петра I [1112, с. 5–77]. Сам Сыромятников также подвергался жесткой критике, и лишь Б. Б. Кафенгауз (1894–1969), исследователь петровской эпохи, был более корректен в оценках [449; 452].

Рефлексия проблем западноевропейского абсолютизма была еще более фрагментарной, хотя вопросы государства, как политической надстройки, считались весьма значимыми. Результатом таких установок стало включение сюжета об абсолютизме в обобщающие историографические труды. В таком формате изложена проблематика абсолютизма в работах ведущих советских медиевистов и историографов — О. Л. Вайнштейна (1894–1980) [150–152], Е. А. Косминского (1886–1959) [541; 545–547] и Е. В. Гутновой (1914–1992) [244; 245; 250].

Со второй половины 1960-х гг. активизировались исследования проблем европейского абсолютизма советскими историками. Причинами этого стало их участие в международных конгрессах, а также дискуссия об абсолютизме 1968–1972 гг. В 1968 г. была издана «История советской медиевистики» О. Л. Вайнштейна, где автор расценил проблему абсолютизма как «сложную» и посчитал второй по важности после генезиса капитализма [152, с. 128]. Вайнштейн изложил также каноническую трактовку абсолютной монархии, которая «является последней фазой развития феодального государства, организацией диктатуры дворянства, причем эта диктатура могла осуществляться только в условиях известного компромисса с поднимающимся классом буржуазии» [152, с. 150].

Тем не менее очевидная значимость проблемы европейского абсолютизма не вызывала появления отдельных историографических работ. Проблематика абсолютизма была представлена фрагментарно — в статьях [697; 723; 937], монографиях [163; 384; 623–624; 698; 713], диссертациях [621], учебных пособиях [244–245], юбилейных [240–241; 724; 1027; 1119] и мемориальных [21; 249; 1051] публикациях. Нужно, однако, отметить, что российские исследователи Т. Н. и С. В. Кондратьевы указывают также на депонированные в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) рукописи начала 1980-х гг. воронежского историка Ю. Л. Ярецкого,

посвященные интерпретации проблем абсолютизма Б. Ф. Поршневым [508, с. 17–18].

Только в 1989 г. в Ленинградском государственном университете (ЛГУ) была защищена кандидатская диссертация, посвященная интерпретации российского абсолютизма XVII–первой половины XVIII в. в советской исторической науке [18]. Автором работы была венгерская исследовательница М. Агоштон, диссертация содержала новые идеологические и концептуальные акценты.

После 1991 г., ввиду утраты позиций марксистской парадигмы и смены в обществе революционных ценностей традиционалистскими, абсолютизм обрел статус самодостаточного и достойного уважения объекта исследования, российское самодержавие стало значимым компонента исторической памяти и культурной идентичности. Указанные условия вызвали появление историографических работ, раскрывающих те или иные аспекты российского абсолютизма. Так, к рассмотрению проблем абсолютизма в российской и зарубежной историографии неоднократно обращался А. Н. Медушевский [669; 670; 672; 674]. В монографии Д. Ф. Попова [911] абсолютизм рассматривается не как концепт, а как понятие, разделяемое на отдельные аспекты [911, с. 6]. Данный подход, однако, минимизировал собственно историографический контекст, оценочный фактор в понимании абсолютизма, изменение его проблемного поля и т.д. В диссертации А. Б. Савельева [1009] внимание автора сконцентрировано на царствовании Николая II. Историографическая рефлексия проблем западноевропейского абсолютизма отражена в работах, посвященных его исследователям — С. Д. Сказкину [242], А. Д. Люблинской [20], В. В. Бирюковичу [342; 349; 517], Б. Ф. Поршневу [507; 509; 512; 514; 516], В. В. Штокмар [27; 576].

На сегодняшний день лишь два сюжета о французском абсолютизме представлены отдельными историографическими исследованиями. Это диссертация А. Н. Зарубина о проблеме Старого порядка в научном наследии П. Н. Ардашева [326], а также диссертация Т. Н. Кондратьевой [518] и созданная на ее основе монография [508], где раскрыто отражение проблемы французского абсолютизма в советской историографии 1920–1950-х гг. Историографический анализ просвещенного абсолютизма представлен работами О. И. Барбашиной [90], Е. В. Леушиной [592] и статьями В. С. Антипова об осмыслении просвещенного абсолютизма в дореволюционной историографии [45], а также в 1920-х гг. [48] и 1930-х гг. [47; 49]. В отечественной исторической науке рефлексия абсолютизма (французского) представлена единичными работами. Это публикации как ведущих историографов [1256], так и начинающих исследователей [720; 722], затрагивающие в том числе и понятийный аспект абсолютизма [721].

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что, несмотря на известную степень разработки, концепт европейского абсолютизма все же не получил надлежащего историографического освещения.

1.2 Характеристика источников

Для проведения исследования использован массив разнообразных источников. Автор придерживается культурологической парадигмы в понимании исторического источника и признания феноменологической природы последнего как артефакта и феномена культуры с неограниченным потенциалом интерпретации [409, с. 11–12.]. Не менее важна интегративная роль источника, в соответствии с которой он выступает единым объектом различных гуманитарных наук, создавая общую основу для их интеграции и междисциплинарных исследований [408, с. 7].

Используемые в диссертации источники типологически относятся к письменным. В свою очередь, согласно критерию опосредованности в отражении прошлого, их следует разделить на повествовательные и документальные. Важно учитывать, что «любой источник... не может быть интерпретирован вне той общекультурной ситуации, в которой он возник и функционировал» [408, с. 128]. Более того, ввиду многоуровневого и системного рассмотрения общества и исторической науки необходимо выделение **основных** и **опорных** источников. Такой подход тем более целесообразен, что в работе не только исследуется эволюция концепта абсолютизма, но и очерчивается то, что российский историк и методолог В. П. Корзун охарактеризовала как «образ исторической науки» [528].

Основные источники отражают развитие концепта европейского абсолютизма в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в.

Документальные источники — это материалы делопроизводства — стенограммы и протоколы заседаний Ученых советов, секторов, научных групп, кафедр и т.д. [67; 73; 729; 732; 734; 748; 750]. Документальными источниками являются и научные публикации документов [178–179; 282–288].

Нарративные источники включают следующие группы. *Обобщающие работы* по истории [193–198; 387–389; 407; 432–433; 806–809] и историографии [143–145; 151–152; 551; 799–802] освещают соответствующие проблемы европейского абсолютизма в комплексном ракурсе. *Монографии* по истории [36; 42; 54–56; 142; 153–154; 171–172; 174; 254; 308; 314; 322–325; 335; 337–338; 345; 490; 521; 594; 622–624; 637; 695; 818; 920; 942; 1077; 1176] и историографии [186; 430; 508; 546; 804] посвящены значимым проблемам европейского абсолютизма.

Источником, содержащим комплексную информацию о тематике и целях научных исследований, являются докторские [230; 314; 339; 621; 633; 781; 785; 880; 947; 999; 1144; 1149; 1287; 1310] и кандидатские [140; 147; 187; 190; 280; 326; 353; 368; 415; 485; 538; 549; 579; 674; 833; 860; 997; 1098] *диссертации*. Нормы общения в научном сообществе и требования к научным текстам демонстрируют *рецензии*

[162; 377–378; 574; 642; 705; 839; 1122] и *отзывы* [362; 436]. *Обсуждения* диссертаций, монографий, статей и т.д. раскрывают восприятие итогов исследований научным сообществом [3; 341; 710; 773–774; 1275].

Частные вопросы изучения абсолютизма освещены в научных *сборниках* [2; 177; 255; 305; 382; 536; 761; 797; 977; 999; 1043], *статьях* [7; 46; 50–52; 116–117; 158; 257; 333–334; 336; 354; 361; 363–364; 366; 445; 467–468; 520; 522–523; 557; 572; 612; 615; 639; 647; 660; 662; 704; 706–708; 813; 815; 895; 923; 945–946; 1005; 1071; 1113; 1146; 1168; 1174–1175; 1177; 1181–1182; 1206; 1235; 1237; 1263; 1298], а также *материалах конференций, круглых столов и конгрессов* [160; 267; 306; 761; 772; 838; 934]. Историкографическая рефлексия проблем абсолютизма отражена в статьях [47–49; 121; 150; 250; 449; 452; 512; 617; 620; 663; 712; 719; 829; 1256], в том числе демонстрировавших методологический канон — трактовку абсолютизма классиками марксизма [100; 246; 251; 265; 1066; 1068; 1138–1139; 1260; 1314].

Весьма важной функциональной группой выступает *учебная литература*, показывающая нормативную трактовку абсолютизма. Она представлена лекционными курсами [97; 98; 471–476; 533; 542–543; 628–629; 844–845; 872; 1014–1015; 1158–1161; 1313], лекциями [539–540; 767; 786; 932–933; 1062–1063], учебниками [57; 170; 244; 245; 310; 383; 394–401; 403–406; 499; 699; 763–765], учебными пособиями [4; 309; 311; 390; 762; 909; 931; 964; 970; 1305], программами [764; 1023; 1231]. Общепринятую позицию в трактовках абсолютизма отражают также *статьи в энциклопедиях и словарях* [1; 271; 887; 1061; 1185]. *Реферативные сборники и обзоры* доводят тематически подобранную информацию до исследователя в концентрированном виде [107; 519; 1165].

Среди основных повествовательных источников надлежит выделить две специфические группы. Первая из них — *научно-популярные работы*, созданные историками-профессионалами. Это книги [31; 34; 38; 130–131; 201; 276; 307; 356; 360; 417; 457; 563; 566; 811–812; 820–821; 1186; 1241] и статьи [43; 259; 565; 1137], обращенные к широкому кругу читателей для создания базового уровня знаний и представлений. Второй группой источников, также весьма важной, выступают *работы историков Западной Европы и США* — монографии [30; 167; 215; 446–448; 963; 1130; 1147–1148; 1162–1163; 1192; 1200; 1276; 1315; 1338; 1340; 1342; 1344–1345; 1347–1351; 1353–1355; 1357–1359; 1362–1363] и статьи [832; 908; 1346; 1352; 1364], содержащие альтернативные интерпретации концепта европейского абсолютизма.

В предметном поле **опорных источников** можно выделить четыре целевых группы. *Первая группа* объединяет в себе две подгруппы и *демонстрирует специфику* российской и советской историографии. Так, анализируя феномен самодержавия, нельзя абстрагироваться от трактовок последнего российской монархической мыслью [53; 1123–1124; 1202; 1252] и ее интерпретациями в современных условиях [83; 239; 828; 1052]. В свою очередь, рассмотрение концепта

абсолютизма в советской историографии невозможно без обращения к работам К. Маркса [652–655], Ф. Энгельса [1325–1327] и В. И. Ленина [581–589].

Вторая группа отражает концепт европейского абсолютизма в философии, правоведении, идеологии, т.е. важнейших смежных с историографией областях. Нарративный характер носят мемуарные и эпистолярные источники [60; 837], работы по истории права [173; 268; 530–531; 973–975; 1114], произведения философской и политической мысли [127; 216–217; 427; 632; 702]. Документальными источниками, раскрывающими идеологию абсолютизма, являются Соборное Уложение 1649 г. [1082] и Артикул воинский 1715 г. [59].

Третья группа характеризует историографический контекст развития концепта абсолютизма. Это «Очерки истории исторической науки в СССР» [799–802], монографии [465; 529; 686; 718; 755–756; 976; 1057; 1059; 1253–1255], статьи [148; 150; 469; 870; 1150; 1152], диссертации [353; 465; 477; 528; 755], лекции [696].

Цель *четвертой группы* опорных источников — раскрыть взаимосвязь исторической науки и общества. Она может быть разделана на три частично перекрывающихся подгруппы. Первая раскрывает задачи исторического образования, подготовку кадров и функционирование научных учреждений, вторая выявляет социально-политический контекст развития исторической науки, третья отражает указанные процессы сообществом профессиональных историков.

Первая подгруппа включает документальные и нарративные источники. В первом случае речь идет о постановлениях СНК и ЦК ВКП(б) [461; 746; 775] и материалах делопроизводства [1229–1230], во втором — о «Кратком курсе» истории ВКП(б) [386], публикациях о задачах исторической науки [320; 747; 890; 1037; 1312], а также монографиях [381; 384; 414; 464; 1203] и статьях [14; 1336].

Социально-политический контекст развития исторической науки отражает широкий круг источников. Документальные представлены материалами делопроизводства [69–72; 737], нарративные включают монографии [297; 1126], статьи, диссертации, материалы обсуждений и т.д. [5; 220; ; 351; 385; 603; 894; 951–952; 1102–1103; 1262], отражающие социокультурные реалии как недавнего прошлого, так и настоящего [234; 577; 661; 663; 665; 1034; 1039; 1151–1152].

Связь историка и общества отражена в биографиях и мемуарах. Биографические работы советского периода — это юбилейные [109; 241–242] и мемориальные статьи [21; 210; 247], за исключением работы М. В. Нечкиной о В. О. Ключевском [752] и автобиографической книги Н. М. Дружинина [295].

После 1991 г. ввиду переосмысления истории российской исторической науки резко возросло количество биографических публикаций, среди которых одной из наиболее известных является серия «Портреты историков. Время и судьбы» [20; 300; 348; 1080]. Были изданы воспоминания А. А. Зимина [347], Н. И. Кареева [438], П. Н. Милюкова [677], дневник А. Н. Савина [1016] и т.д.

Наряду с юбилейными статьями [1210], представлены направление «эго-истории», [209; 222; 233; 236; 347; 410] и «война мемуаров» [232; 235; 683–684].

Массив документальных и повествовательных источников взят из фондов российских архивов.

– *Архив Российской академии наук (РАН)*, ф. 457 — Отделение истории Российской академии наук; ф. 1577 — Институт истории Академии наук СССР; ф. 1900 — Институт всеобщей истории АН СССР; ф. 1514 — Косминский Евгений Алексеевич (1886–1959); ф. 1604 — Дружинин Николай Михайлович (1886–1986); ф. 1742 — Сказкин Сергей Данилович (1890–1973); ф. 1791 — Черепнин Лев Владимирович (1905–1977).

– *Научный архив Института российской истории Российской академии наук (ИА ИРИ РАН)*, ф. 1 — Институт истории АН СССР, в том числе документы папки «Г», содержащие опись материалов сектора истории средних веков.

– *Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН), Западноевропейская секция (ЗЕС)*, фонд Санкт-Петербургского института истории РАН, ф. 15 — Вайнштейн Осип Львович (1894–1980).

– *Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)*, ф. 684 — Поршнева Борис Федорович (1905–1972).

– *Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)*, ф. 133 — Ленинградское отделение Института истории АН СССР и ф. 227 — Ленинградское отделение Коммунистической академии при ЦИК СССР.

– *Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы)*, ф. 418 — Московский императорский университет и 1609 — Московский государственный университет.

– *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)*, ф. 14 — Императорский Петроградский университет.

– *Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации*. Текущий архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Протокол заседания сектора истории средних веков от 28. 09. 1956 г.; Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии 11-13 мая 1966 г.; Стенограмма объединенного заседания секции «Генезис капитализма» и сектора средних веков Института истории академии наук СССР 8 апреля 1966 г.

Таким образом, представленный и структурированный в соответствии с современными подходами и целями работы массив источников позволяет вести речь о высокой степени обоснованности и доказательности выводов диссертации.

1.3 Методология и методы исследования

Теоретическую основу диссертационного исследования составляет авторская концепция, заключающаяся в следующем:

– концепт европейского абсолютизма в историографии, как совокупность понятий, смыслов, идей и представлений, системно организованных, социокультурно детерминированных и выраженных в дискурсе исторической науки, явился результатом развития обширной западноевропейской богословской, философской и историко-правовой традиции и был воспринят в России Нового времени как в модернизирующейся стране;

– ввиду цивилизационной близости Западной Европы и России концепт европейского абсолютизма был адаптирован и развит первоначально как правительственная идеология, а затем, в середине XIX в., стал достоянием профессиональной исторической науки России;

– концепт европейского абсолютизма был адаптирован российской историографией и получил дальнейшее развитие на ее почве, демонстрируя, с одной стороны, преломление западноевропейской историографической традиции в российской историографии, с другой — генерирование оригинальных идей российской исторической наукой;

– на протяжении последней трети XIX – начала XXI в. концепт европейского абсолютизма в российской исторической науке прошел ряд этапов развития и продемонстрировал комплексные изменения в мотивационном, методологическом, содержательном и ценностном аспектах, рассмотрение совокупности которых позволяет сделать вывод о прохождении им на протяжении данного периода масштабного методологического цикла;

– анализ и раскрытие развития и направленности концепта европейского абсолютизма в российской историографии необходимы не только для понимания соответствующих процессов в историографии, имеющих место и в настоящий момент, но и для развития перспективных направлений в изучении государственных институтов Нового времени.

Разработанная автором концепция стала результатом применения комплекса современных методологических подходов, целесообразность выбора которых обусловлена решением конкретных исследовательских задач.

Историография — это научный и социокультурный феномен, то есть явление, имеющее материальный референт и доступное для познания, что диктует применение феноменологического подхода. В этой связи нельзя переоценить утверждение российского методолога и источниковеда О. М. Медушевой (1922– 2007) о том, что «по сути, основной принцип

феноменологического подхода — это понимание отношений между реальным миром и изучающим его научным методом, наукой» [656, с. 14]. В представленной работе применение феноменологического подхода позволило, на основе интерпретации источников как референта историографического процесса реконструировать, в соответствии с авторской концепцией, системную картину развития концепта европейского абсолютизма в российской исторической науке.

Как история, так и историография являются одним из важнейших цивилизационных признаков — письменной традиции и социальной памяти. По этой причине уместно применение цивилизационного подхода, позволившего продемонстрировать, во-первых, преломление и развитие установок европейской историографии в исторической науке России, во-вторых, влияние российского цивилизационного и социокультурного своеобразия на данный процесс.

Создание исторического повествования осуществляется ученым, как личностью, живущей и работающей в конкретной социальной реальности. Данное обстоятельство предполагает использование подходов культурной антропологии, необходимых для раскрытия социокультурной и личностной составляющей как в деятельности научного сообщества, так и в создании историографического нарратива. В связи с этим, уместно привести суждение основателя исторической антропологии в советской медиевистике А. Я. Гуревича (1924–2006): «Человеческие истины всегда и неизбежно антропологичны... Возможна ли наука без предпосылок? А где коренятся сии предпосылки?... Так вот, я утверждаю, что история — наука *пристрастная*, что работать, не имея никаких симпатий и антипатий, увлечений, склонностей, даже предвзятых идей, историк, который изучает людей, действовавших в обществе, совершавших поступки и движимых мыслями и страстями — не может» [233, с. 184].

Созданный историком текст включает авторскую логику, аргументацию, лексику, речевые обороты, коннотации, акценты, умолчания и т.д. Все указанное образует дискурс исторической науки, создающий вербальный образ науки и предоставляющий большие познавательные возможности. Указанное диктует применение дискурсивного подхода, позволяющего раскрыть исследовательские стратегии, речевые практики, представления, интенции, аргументацию и иные составляющие текстов, представленных корпусом источников. Автор находит исчерпывающим определение дискурса российского ученого-лингвиста, профессора В. Е. Чернявской: «Под дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и другими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающую особую — ту, а не иную — упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в текст» [1251, с. 77–78]. С позиций историографии удачно

определение отечественных исследователей В. Н. Сидорцова и О. М. Шутовой: дискурс есть языковое сознание эпохи. Историк может определить, как «рисовали» себе в речи свою жизнь люди изучаемой им эпохи. Соответственно, бытие есть текст, а мир — это семиотическое образование, которое может быть расшифровано [1060, с. 38–43].

В представленном исследовании применялся ряд общенаучных и специальных методов. Общенаучные методы — это анализ и синтез, дедукция и индукция, классификация и типологизация, сравнение и обобщение и другие. Специальными историческими методами являются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, а также диахроническое, синхроническое и ретроспективное рассмотрение историографических процессов. При историографической интерпретации текстов продуктивным является метод контент-анализа. В рамках данной работы особое значение приобрели историко-сравнительный метод, выводящий на продуктивные возможности исторической компаративистики, а также метод моделирования, примененный для создания интегративной модели абсолютизма как объекта научного анализа. При написании работы автор руководствовался принципами историзма, системности, объективности и ценностного подхода.

Подводя общий итог анализа теоретических основ диссертационного исследования, нужно отметить, что реализация разработанной автором концепции, использование указанных выше подходов и методов, а также корпуса источников призваны заполнить существенный методологический и историографический пробел в исследовании концепта европейского абсолютизма, так как в настоящее время отсутствуют:

- комплексное изучение развития концепта европейского абсолютизма в динамике, что необходимо для выявления сущности и содержания последнего;
- сравнительный анализ историографической рефлексии западноевропейского абсолютизма по странам, что содействовало бы более глубокому пониманию разработки проблем истории и политической культуры отдельных государств;
- сопоставление, в рамках российской историографии, трактовок абсолютизма западноевропейского и российского, что важно для понимания условий развития и специфики российской исторической науки;
- комплексный анализ изменений, произошедших в развитии концепта европейского абсолютизма на протяжении трех последних десятилетий, между тем как данный период не только обладает выраженными отличительными чертами, но и определяет современное видение проблем абсолютизма.

ГЛАВА 2

ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДА РАСЦВЕТА И КРИЗИСА ПОЗИТИВИЗМА (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)

2.1 Изучение государственных институтов в контексте развития российской исторической науки пореформенной эпохи

В результате реформ 1860-х – 1870-х гг. в России развернулась масштабная модернизация, которая, несмотря на неравномерный характер, существенно изменила все сферы жизни общества. Российская историческая наука стала важным средством формирования национального самосознания и имиджа страны. Российская империя, позиционирующая себя как великая держава и европейское государство, адаптировала европейские научные и культурные достижения и демонстрировала собственные. В общественно-политической полемике широко использовалось апеллирование к историческому прошлому России и Европы. Речь шла о российских общественных и государственных институтах, их сопоставлении с западноевропейскими аналогами, результативности проводимых реформ, выборе российского пути развития, западноевропейской и российской ментальности.

Изучение всеобщей, и особенно Новой истории, началось в России значительно позже, и диктовалось другой мотивацией, нежели изучение российской истории, призванной сформировать национальное сознание и историческую память. Со времен Петровских реформ Россия вступила в тесное взаимодействие с Европой, что требовало знания истории и культуры последней. В общественно-политических дискуссиях российские либералы обращались к истории двух великих европейских держав — Англии и Франции. Англия выступала как образец идеального государства, в котором передовая экономика развивалась в рамках наиболее разумной, как представлялось, политической системы — конституционной монархии в сочетании с сильным местным самоуправлением. По этой причине закономерными были в российском обществе, особенно в вестернизированной ее части, интерес к британской истории, «англомания» и появление самого термина «англоман» [1253, с. 16–17, 20; 1254, с. 15–16]. Более того, с принятием нового университетского устава 1863 г. и открывшейся возможностью поездок за границу появилась целая плеяда российских англоведов [1255, с. 6]. Франция являла пример радикального разрешения конфликта власти и общества на основе либеральных ценностей

свободы, равенства и братства. По этой причине Французская революция являлась едва ли не самым популярным сюжетом исследований «русской школы» [1272, с. 10–24]. Интерес к западноевропейской государственности, однако, не исчерпывался примерами Англии и Франции. Анализируя российское реформаторство XVIII в., историки неизбежно выходили на рассмотрение просвещенного абсолютизма. Страны, в которых проводилась эта политика, в первую очередь Австрия и Германия, принадлежали к иной модели, нежели Англия и Франция, и имели сходные с Россией черты развития.

Не случайно поэтому в России издавались переводы работ европейских историков и «всеобщих историй». Как отмечает белорусский историограф И. Р. Чикалова, первыми появились труды Ф. Шлоссера, затем Г. Вебера, Т. Маколея, О. Егера, Ш. Сеньбоса, Э. Лависса и А. Рамбо [1253, с. 353–361; 1254, с. 521–527]. Говоря о восприятии всеобщей истории в России, уместно привести мнение одного из крупнейших новистов-либералов В. И. Герье (1837–1919): «На западе всякий принадлежит к какой-нибудь из старинных партий, корни которых кроются в далеком прошлом... Для русского всеобщая история есть история человеческой цивилизации, на которую он смотрит как на совершившийся процесс... Он не связан преданием и инстинктивным, наследственным влечением к тому или другому началу...» [1264, с. 21].

Абсолютная монархия рассматривалась в исторической и юридической парадигмах, причем термины «абсолютизм», «самодержавие», «абсолютная монархия» имели свою локализацию. Применительно к России использовался термин «самодержавие». Правоведы предпочитали понятию «абсолютизм» такие аналоги, как «неограниченная монархия» и «абсолютная монархия». Н. М. Коркунов (1853–1904) указывал, что при сосредоточении всей государственной власти в руках правителя речь идет об абсолютной монархии [531; с. 48]. «В республике, — подчеркивал Коркунов, — все лица, участвующие в распоряжении властью, ответственны... В монархии, напротив, имеется и безответственный орган власти — монарх» [530, с. 338]. А. Д. Градовский (1841–1889) определял «права и преимущества» государственной власти в России как «монархии неограниченной» [226, с. 127]. М. Ф. Владимирский-Буданов (1838–1916) указывал, что в период империи государство «из вотчинного и патриархального превращается в полицейское» [173, с. 248]. Термин «абсолютизм» применялся при рассмотрении государственных институтов Западной Европы. Например, В. О. Ключевский (1841–1911) вел речь о реформах «просвещенного абсолютизма» в Европе [471, с. 200, 203]. Понятие «абсолютизм», очевидно, воспринималось как инородное в дискурсе истории России. Однако на рубеже столетий ситуация стала меняться.

Историк, социолог, юрист М. А. Рейснер (1868–1928) рассматривает европейский и российский абсолютизм как аналоги [971; 973, с. 5–11]. Под

влиянием революции 1905–1907 гг. и Манифеста 17 октября абсолютизмом стала называться и российская монархия. В работе М. А. Рейснера «Русский абсолютизм и европейская реакция» (1905) самодержавие названо абсолютизмом особого рода, использовавшим европейские технические и культурные достижения [974, с. 6]. В 1906 г. Е. В. Тарле (1874–1955) в работе о падении абсолютизма указывал, что абсолютизм — государство насквозь реакционное [1117, с. 103–118], реформируемое лишь ценой собственной гибели, ибо ограниченный абсолютизм — это нонсенс [1117, с. 89–90]. Н. И. Кареев отмечал закономерную смену абсолютизма (Старого порядка) народно-правовым государством, а также то, что в России крушение Старого порядка началось с 1905 г. [429; с. 4–5].

Таким образом, термин «абсолютизм» применительно к российской монархии имел иные коннотации, нежели термин «самодержавие». Абсолютизм указывал не просто на европейский компонент в российской монархии, но и переносил на нее оценки в либеральном и революционном духе [1–А, с. 81–82].

Российские историки и юристы достаточно часто применяли термин «полицейское государство», называя им как западноевропейские монархии, так и российское самодержавие, начиная с петровских времен. Данное понятие, появившееся еще в античности, получило особенное развитие в работах Х. Вольфа (1679–1754). Вольф, следуя договорной теории государства, считал, что целью последнего является общее благо, но лишь государство знает, как этого достичь. Теоретически гуманные цели достигались принуждением, и понятие «полицейское государство» стало противопоставляться народно-правовому [757; с. 183–184]. Немецкоязычный термин *Polizeistaat* «полицейское государство» был впервые использован в 1851 г. [571].

Ведущей научной парадигмой российской историографии являлась позитивистская, трактующая исторический процесс как прогрессивное развитие, которое может быть познано на основе многофакторности и изучения корпуса источников. Позитивистами и либералами были представители как государственной или юридической школы российской историографии, так и специалисты «русской школы» всеобщей истории.

Нужно отметить, что методологические поиски и кризис позитивизма на рубеже XIX–XX вв. в свое время оценивались советской историографией как тупик буржуазной науки, реакционной и противостоящей марксизму [247; 464; 800; 1100; 1201]. В настоящее время кризис в российской историографии не отрицается, но он оценивается как закономерный этап развития науки и поиска в ней новых путей [965]. Белорусский историограф А. Н. Нечухрин отмечает его поэтапный и системный характер, завершающий этап которого приходится на 1920-е гг. Однако ограниченный отрезок времени и наступление марксизма не позволили развиваться альтернативным течениям [756, с. 6–7].

Марксизм стал распространяться в общественной мысли России с 1870-х гг. Созданный на основе достижений западноевропейской общественной мысли, он отнюдь не был чужд в российском интеллектуальном пространстве конца XIX – начала XX в. Например, Н. И. Кареев в книге «Прожитое и пережитое» рассказывает о собственном к нему сначала заинтересованном, а затем критическом отношении [438, с. 34–35]. Марксистское понимание исторического процесса как стадийного и прогрессивного было генетически связано с позитивизмом. Общим с позитивизмом было и признание утилитарности исторического знания. Отличием был экономический детерминизм, противопоставленный позитивистскому плюрализму, однако на рубеже XIX–XX вв. эта проблема не выходила за рамки теоретических споров. В то время марксизм приобретал различные оттенки в трактовках В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, А. А. Богданова, Н. А. Рожкова, Л. Д. Троцкого, М. Н. Покровского и других, но это еще не было основанием для обвинений политического характера.

Преподавание российской истории в высшей школе, естественно, включало рассмотрение абсолютизма. Например, на историко-филологическом факультете Петербургского университета в 1909/10 учебном году проводились следующие лекции и семинары: приват-доцента С. В. Рождественского лекция «Московское государство XVII века и эпоха преобразований Петра Великого» и семинар по литературе проектов реформ в эпоху Петра Великого [1214, л. 70, 70 об.]; приват-доцента М. А. Полиевктова лекции «История России в первую половину XIX века» и семинар «Проекты государственных преобразований в царствование Александра I» [1214, л. 66, 66 об.]; приват-доцента В. Н. Строева — углубленный курс «История России в XVIII ст. (1725–1801) — от смерти Петра I до смерти императора Павла I» [1214, л. 77].

Проблемы российского абсолютизма были представлены в многочисленных конспектах, а также дипломных работах и рефератах студентов Московского университета. Во второй половине 1890-х гг. их тематика выглядела так: «Происхождение и развитие неограниченной власти Московского государства» (С. Горбунов) [1223], «Государственный и общественный строй Московского государства в царствование Алексея Михайловича (по Котошихину)» (Н. Берсенев) [1218], «Состав и строй Московского государства перед эпохой преобразований» (А. Дельвиг) [1226], «Сенат при Петре I» (С. Горбунов) [1222], «Власть русских государей в первую половину XVIII века и попытка ее ограничения» (А. Губонин) [1224], «“Наказ” императрицы Екатерины II» (А. Дельвиг) [1225], «Реформы Александра I» (М. Блюм) [1219] и другие.

Изучение новой истории прошло в дореволюционной России более тяжелый и длительный путь, чем медиевистика или антиковедение. Историк-франковед В. А. Бутенко (1877–1931) отмечал: «Новая история... была в планах

университетов в первой половине XIX в, но обыкновенно эти курсы были простым переложением иностранных руководств. В лучшем случае материал доводился до второй половины XVIII в., не дерзая вступать в находившуюся под строгим запретом эпоху французской революции» [148, с. 129].

Ситуация изменилась после принятия университетского устава 1863 г. и проведения цензурной реформы 1865 г. В России выходили работы Ф. Гизо, Ф. Минье, А. де Токвиля, И. Тэна, О. Тьерри, У. Прескотта, Т. Карлейля, Т. Маколея, Г. Бокля и др. [1253, с. 244–260; 1255, с. 277–290]. Сильное влияние на российскую историческую мысль оказала германская историография (Л. Ранке, Г. Зибель, Ф. Шлоссер, Л. Гейссер и др.). Новая история «стала, наконец, занимать подобающее ей место и в университетском преподавании, и на университетских кафедрах» [148, с. 130]. Однако в 1884 г. был принят новый университетский устав, и правительство делало все, чтобы максимально урезать новую и новейшую историю в учебных планах. Н. И. Кареев вспоминал впоследствии, как он и его коллеги составили коллективное письмо на имя министра народного просвещения, где доказывалась необходимость курсов всеобщей истории, дающих системное видение исторического процесса [438, с. 17–18].

О том, насколько непросто было отстаивать университетскую автономию в условиях консервативного курса после революции 1905–1907 гг., рассказывал в своем дневнике профессор Московского университета, медиовист А. Н. Савин (1873–1923) [1016, с. 32]. Причины неприязни к курсам Новой и особенно новейшей истории официальных лиц были очевидны: конституционализм, радикальные и либеральные идеи, революции были нежелательны в качестве сюжетов для студенческой аудитории. Тем не менее университетское преподавание истории неуклонно приближало ее содержание к актуальным событиям. Если Т. Н. Грановский доводил свой материал до Реформации, то В. И. Герье — до Французской революции, а его ученики Н. И. Кареев и Р. Ю. Виппер — до современности, что казалось тогда необычным [1100, с. 100–101]. П. Н. Милюков так вспоминал об этом: «Курсы новой, а особенно новейшей истории у нас казались почему-то обязательно ненаучными, и я помню наше общее неодобрение, когда такой курс (истории XIX века) начал читать в Петербурге проф. Кареев» [677; с. 146].

Изучение западноевропейского абсолютизма отражено в ряде рефератов и дипломных работ, написанных студентами Московского университета. В 1880–1890-х гг. студенты выбирали, например, такие темы: «Характер испанской монархии в XVI веке. Филипп II» (В. Арсеньев) [1215], «История безответственности монарха» (В. Белецкий) [1216], «Политическая оппозиция при дворе Людовика XIV» (П. Довнарочич) [1227], «Борьба партий в Англии от вступления на престол Карла I и до утверждения республики» (Н. Гольденвейзер) [1221], «Просветительный абсолютизм в трех главных представителях: Фридрихе

П, Иосифе II, Екатерине II» (Г. Берент) [1217], «Дворянские наказы 1789 г.» (В. Боголепов) [1220] и другие.

Важным фактором развития российской новистики была ее открытость европейским идеям. Это предполагало, в частности, обязательные командировки будущих специалистов по всеобщей истории за границу. Российские ученые приняли участие в трех международных конгрессах исторических наук — в Риме (1903), Берлине (1908), Лондоне (1913), где Россию представляли П. Н. Ардашев, В. П. Бузескул, П. Г. Виноградов, М. А. Дьяконов, С. А. Жебелев, А. С. Лаппо-Данилевский, П. П. Митрофанов, Е. В. Тарле и ряд других [351, с. 14].

На Лондонском конгрессе особое внимание привлек доклад, прочитанный на пленарном заседании А. С. Лаппо-Данилевским и посвященный идее государства в истории России [572]. Был поставлен вопрос о включении русского языка наравне с английским, французским, немецким и итальянским в число языков международного научного общения. Успех российской делегации обусловил решение провести IV Конгресс в Петербурге в 1918 г. Однако Первая мировая война и революция не дали реализовать этот проект [351, с. 16, 21].

Таким образом, изучение государственных институтов абсолютизма в дореволюционной России было вызвано востребованностью данной проблематики в общественно-политическом дискурсе. Вместе с тем, очевидна разница во времени и мотивации исследований российского самодержавия и западноевропейского абсолютизма. В первом случае речь шла о национальном самосознании и оценке самодержавия как главной движущей силы в развитии страны, во втором — о необходимости знакомства с европейской историей и культурой и сопоставления в процессе модернизации российских общественных и государственных институтов с европейскими. Рассматривая политические институты и культуру Запада, российская элита получала возможность более глубокой рефлексии собственно российских политических и социокультурных реалий.

Кроме разницы в мотивации изучения самодержавия и абсолютизма, необходимо отметить их терминологическую дифференциацию. Термин «абсолютизм», ассоциируемый с Западом и регламентирующим государством, применялся в работах по истории Западной Европы и только в начале XX в. в радикальном и либеральном контекстах стал связываться с российской монархией, для обозначения которой традиционно применялся термин «самодержавие».

Отличались также условия преподавания и изучения российской и Новой истории. При изучении России речь шла об отечественной истории как неотъемлемой части национального наследия. Новая история Западной Европы, несмотря на социально-политическую востребованность, напротив, стала изучаться позднее других разделов всемирной истории, зачастую в урезанном виде, ввиду наличия в историческом нарративе идеологически нежелательных с официальной точки зрения сюжетов [1–А, с. 93–94].

2.2 Интерпретация западноевропейского абсолютизма в российской дореволюционной новистике

На протяжении столетий семантика термина «абсолютизм» изменялась. В христианской традиции термин «*potentia Dei absoluta*» означал всемогущество Бога. Со временем было выдвинуто понятие «*potestas absoluta*», прилагаемое к светской власти, что дополнялось тезисами римского права [1168]. Идея суверенной власти, сопровождаемая, однако, тезисом о ее правовых границах, была развита рядом философов и правоведов, в частности, Н. Макиавелли [632], Ж. Боденом [127], Т. Гоббсом [216; 217], Ш. Монтескье [702] и другими. В Россию идеи европейского абсолютизма проникают в Петровскую эпоху. Наречие «абсолютно» в контексте власти появляется в «Истории о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях» князя Б. И. Куракина. Куракин писал: «Князь Борис Алексеевич Голицын сидел в Казанском дворце и правил весь Низ так абсолютно, как бы был государем» [60, с. 63].

Понятие «абсолютизм» появилось в европейской исторической науке в 1830-х гг. и воспринималось тогда, по словам российского историка права О. А. Омельченко, скорее как неологизм [778]. Тем не менее немецкий историк К. Шарф указывал, что в первой половине XIX уже оперировали понятием «абсолютизм». В справочнике «Лексикон государства» Ф. Мурхард (1778–1853) из Гессена, ученик Августа Людвиг фон Шлецера в статье «*Absolutismus*», опубликованной в 1845 г., различал абсолютную монархию и деспотию как разные формы государственного устройства, причем в первом случае речь шла о системе, где правитель обязан придерживаться законов [1277, с. 43–44].

Широкое же применение термина «абсолютная монархия» произошло во многом благодаря французским историкам — О. Тьерри [1147] и Ф. Гизо [215], концепция которых была дополнена И Тэном [1148]. Либеральные историки эпохи Реставрации, демонстрируя генезис буржуазного общества, рассматривали развитие третьего сословия в политическом партнерстве с монархией. Таким образом, королевская власть считалась, наряду с народом, ведущей силой европейской истории, что обусловило значимость концепта абсолютизма в западноевропейской историографии.

В создании соответственного нарратива центральная роль принадлежит О. Тьерри (1795–1856) и его «Истории происхождения и успехов третьего сословия» [1147]. Под третьим сословием Тьерри понимал не буржуазию, а весь народ (за исключением духовенства и дворянства) [1147, с. 35], который в союзе с королевской властью стал создателем французского государства. Историографическая канва Тьерри стала краеугольной для последующего развития

концепта абсолютизма. Это тезисы о классовой борьбе третьего сословия — покоренного позднеримского населения против германцев-завоевателей, о параллельно происходящих объединении страны и коммунальной революции, о союзе горожан и королевской власти.

В понимании российскими новистами предпосылок революции 1789 г. важную роль сыграла книга И. Тэна (1828–1893) «Происхождение современной Франции» [1148]. Более того, в ней уже прочитывалась будущая концепция «равновесия», описывающая «движение нации к единству» путем «значительной концентрацией власти», сопровождающейся процессом движения к «гражданскому равенству» путем принижения знатных дворянских родов и одновременного поднятия различных классов третьего сословия [1148, с. 179]. В данной работе указывалось также на сословный характер Старого порядка, превращение абсолютизма в регрессивную силу и нежелание правящей элиты поступиться привилегиями, что и явилось причиной революции.

В российской историографии термин «абсолютизм» впервые был применен в курсе лекций 1858/59 гг. медиевиста С. В. Ешевского (1829–1865). Речь шла о том, что Рим признал власть Августа как условие мира и спокойствия после гибели республики. Абсолютизм связывался в первую очередь с авторитаризмом власти, необходимым во имя высшей цели: «Как переходное состояние, как возможность... лучшего будущего, абсолютизм имеет свое историческое оправдание» [317, с. 125–126]. Однако, предупреждал Ешевский, утративший необходимость, ставший самоцелью «абсолютизм губительно действует на все живое, смертельным недугом поражает организм общества» [317, с. 126].

Авторы первых работ по Новой истории, по словам академика В. П. Бузескула (1858–1931) «до шестидесятых-семидесятых годов, за немногими исключениями, были по преимуществу историки-художники» [143, с. 187]. Существуют различные мнения о том, кто является основоположником российской новистики. В данном качестве указывается С. М. Соловьев, освещавший международные отношения XVII–XIX в. [316, с. 71–72], В. И. Герье, впервые включивший в преподавание материал о Французской революции [148, с. 131]. Наконец, в «Очерках истории исторической науки в СССР» сказано: «Первым историком нового времени в России из рядов университетской профессуры следует считать не столько В. И. Герье, как это принято обычно, сколько М. Н. Петрова (1826–1887)» [799, с. 393]. С этим надлежит согласиться, так как докторская диссертация М. Н. Петрова, защищенная в 1865 г. в Москве, имела фундаментальное значение и называлась «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» [799, с. 394].

Среди проблем Новой истории европейская государственность занимала одно из важнейших мест ввиду исключительной роли абсолютной монархии. Главными ее представителями, указывал Петров, являлись испанские Габсбурги,

английские Тюдоры, «французские государственные люди» Ришелье и Мазарини. При Людовике XIV во Франции абсолютизм достиг «полной зрелости» [844, с. 3].

Франция раньше других оформилась в сильное государство со светской культурой. Здесь максимально полно и последовательно развились феодальные учреждения. Страна не испытывала проблем, связанных с государственным объединением или национальным вопросом [845, с. 10]. Петров называет первым французским королем нового времени Франциска I, сделавшего изречение «чего хочет король, того хочет и закон» девизом своей политики [844, с. 92–93]. В дальнейшем, начиная с Генриха IV, происходило развитие абсолютизма, связанное с Ришелье и Мазарини. Людовику XIV «оставалось лишь воспользоваться плодами деятельности двух кардиналов и с небывалым блеском идти по проложенному ими пути» [844, с. 140]. Политика «короля-Солнца», сначала блестящая, была омрачена кризисными явлениями конца царствования, имевшими негативные последствия [845, с. 8–45].

М. Н. Петров, таким образом, указал базовые положения для дальнейшего развития концепта абсолютизма: абсолютизм — ведущая сила новоевропейского общества; Франция — страна образцовой модели абсолютизма; абсолютизм развивался по восходящей от Генриха IV до Людовика XIV; ввиду авторитарной политики, истощившей страну, абсолютизм стал регрессивной силой [32–А].

Профессор Петербургского университета В. В. Бауер (1833–1884) считал крупнейшим событием Нового времени Реформацию, освободившую общество и государство от опеки папства. Но это освобождение было только провозглашено. Необходимо было придать государству соответствующую форму, что и явилось задачей XVII в. [97, с. 4]. Такой формой было усиление «монархического начала» [97, с. 137]. Страной, воплотившей «эмансипацию государства от церкви», стала Франция, достигшая апогея при Людовике XIV [98, с. 4–5; 8–А].

Говоря о знаковых фигурах российской новистики, необходимо остановиться на работах исследователя религиозных войн во Франции И. В. Лучицкого (1845–1918), представлявшего Киевский университет. Лучицкий исходил из традиционного тезиса европейских историков о «борьбе феодализма и абсолютизма». «Феодализм» — это феодальный партикуляризм [606, с. 29]. Это аристократия, городские общины и провинции, стремящиеся к независимости и противостоящие абсолютной монархии [606, с. 1]. Такое понимание феодальных институтов и абсолютизма сопрягается с идеями популярной в России книги «Старый порядок и революция» А. де Токвиля (1805–1859). Токвиль считал феодальные институты жизнеспособными. Но, как он отмечал, к XVIII в. все это «обветшало и пришло в негодность». Причиной этого Токвиль, потомственный аристократ, считал губящее влияние королевской власти [1129, с. 63–71].

И. В. Лучицкий относится к феодальным учреждениям более критически, расценивая «личную и местную независимость» как бремя, зачастую ложившееся

на народ [606, с. I]. Более того, попытки феодальной аристократии и протестантов отвоевать былое влияние он называет «феодальной реакцией» [604; с. 2]. Перипетии борьбы различных социальных сил имели результатом «торжество королевской власти в лице Генриха IV» [606, с. II].

Лучицкий оценивает абсолютизм в русле европейской либеральной традиции, воспринятой и в России — как силу, необходимую в чрезвычайных условиях, но губительную, если она становилась самодовлеющей. Характеризуя канун революции 1789 г., Лучицкий говорит о господстве «целого режима, тяготевшего над Францией в течение почти целого века, режима, сдавливавшего и сковывавшего пробуждающуюся мысль, страшно разорительного для народа» [605, с. 2]. И над всем этим «возвышалась в XVIII в. неограниченная почти власть одного короля, управлявшего по произволу безмолвною нацией» [605, с. 6].

Коллега И. В. Лучицкого, приват-доцент Новороссийского университета в Одессе Г. Е. Афанасьев (1848–1925), характеризуя абсолютизм как силу, поглотившую и подчинившую все в государстве, указывал и на скрывавшуюся в этом слабость. Став всем в государстве, взвалив на себя задачу заменить все общественные силы, абсолютистская власть автоматически приняла на себя и всю ответственность за происходящее в стране [84, с. 2].

Ключевой фигурой пореформенной эпохи в изучении Новой истории являлся В. И. Герье [4–А]. Ученик С. М. Соловьева, Герье известен как методолог и наставник ряда ученых — Н. И. Кареева, П. Г. Виноградова, Р. Ю. Виппера, П. Н. Ардашева, М. С. Корелина и других. Герье был консервативным либералом [465, с. 64–65] и монархию рассматривал как объединяющую силу, особенно при просвещенном правителе [214, с. 5–7].

Становление абсолютизма Герье связывал с торжеством государственного принципа над феодальным партикуляризмом [213, с. 106–107]. В зависимости от стиля управления Герье выделял два типа абсолютизма. При первом из них идея государя заслоняет собой идею государства, и монарх ищет опору личной власти в божественном установлении. Это монархия Людовика XIV, праздничная и разорительная для государства. Другой тип монархии — будничной, рабочей, подразумевает монарха как хозяина своего государства, трудящегося ему во благо, не отвергая идею божественного происхождения своей власти. Это монархия Фридриха-Вильгельма I [213, с. 107–108]. Постепенно среди монархий второго типа под влиянием просветительских идей появляется «просвещенный абсолютизм», основанный на рациональных, этических началах [213, с. 108–115], а наиболее ярким просвещенным правителем Герье считал Петра I [213, с. 116].

Период конца XIX – начала XX в. стал временем расцвета исследований в области всеобщей истории и признания «русской школы» в Европе. Это время характеризуется и как кризис позитивизма, но, как отмечает А. Н. Нечухрин, проблема кризиса позитивизма остается открытой [755, с. 2; 756]. Во-первых,

позитивистская парадигма была успешно реализована [755, с. 6]. Во-вторых, кризис предполагает рост и поиск, в котором А. Н. Нечухрин особую роль отводил Н. И. Карееву, указавшему не только на сложную динамику и соотношение факторов в историческом развитии и познании, но и на значимость самого познающего субъекта [753, с. 49–60; 754; 755, с. 20–23].

Абсолютная монархия включена Кареевым в общий исторический процесс прогрессивного развития государства и общества. Кареевым были созданы типологические курсы с рассмотрением соответствующих государственных форм. Это государство-город античного мира, монархии Древнего Востока и греко-римского мира, средневековое поместье-государство (феодалная сеньория), сословная монархия средних веков, западноевропейская абсолютная монархия и новейший тип — народно-правовое (конституционное) государство [439, с. 1–4].

В хронологическом отношении абсолютная монархия — это политический и социальный строй большей части западноевропейских стран в XVI, XVII, XVIII вв. и ближайших к ним десятилетиях XV и XIX вв. С Французской революции начинается крушение абсолютизма в Западной Европе. Тогда же появляется термин «старый порядок», т.е. учреждения и отношения, которые господствовали в дореволюционной Франции, им аналогичные и продолжавшие еще существовать в других странах [429, с. 1, 4–5]. Абсолютную монархию Кареев рассматривает предельно обобщенно, относя к таковой древневосточные деспотии, Римскую и Византийскую империю. Основанием для этого является, по мнению Кареева, сосредоточение власти в руках одного лица и исключение общества из политической жизни [429, с. 2–8].

В социально-правовом аспекте абсолютизм — это бюрократическое, полицейское государство с системой всепроникающей опеки, недоверием к общественной самодеятельности, преклонением перед идеей государства, охраной сословных привилегий и особым покровительством дворянству [429, с. 5–6]. Абсолютизм пришел на смену сословной монархии на фоне политического ослабления сословий [429, с. 41–45]. После победы над феодализмом (сепаратизмом феодальных сеньорий) и католицизмом (претензиями папства и католической церкви) королевская власть отняла у духовенства и дворянства их политические права, но оставила за ними их социальные привилегии и господство над духовной жизнью общества [442, с. 55–57].

Кареев различал две модели утверждения абсолютизма. Первая — это возникновение новой власти без традиционных корней в общественной жизни. Вторая — превращение в неограниченную прежней более или менее ограниченной королевской власти. В первом случае возникает абсолютизм в чистом виде, во втором старые феодальные порядки приспособляются к новому строю [429, с. 45]. Примером монархов «без примеси феодальных начал» являются итальянские князья-принцессы XIV–XV вв., узурпировавшие власть при упадке

республиканских порядков [432, с. 85–86]. В Англии, Испании, Франции абсолютизм прививался к уже существовавшей власти [429, с. 54; 432, с. 86–93]. Спецификой английской монархии была изначально более жесткая власть, установившаяся после норманнского завоевания, с полным подчинением всех вассалов королю. Однако деспотизм короны оттолкнул от нее аристократию и горожан — так возник английский парламент [428, с. 40–11].

Идеологически абсолютизму могло приписываться и божественное происхождение, и государственная необходимость. Абсолютная монархия могла служить делу культурной и социальной реакции, особенно в период контрреформации (при этом Кареев применяет эпитеты «вероисповедный» и придворный абсолютизм XVI и XVII вв.) или становиться орудием прогресса, что выразилось в просвещенном абсолютизме XVIII в. [442, с. 55; 30–А; 31–А].

Проблематику абсолютизма в максимальной степени отразил в своих работах и ученик В. И. Герье, П. Н. Ардашев (1865–1924). В генезисе абсолютизма Ардашев опирается на правовой подход. Причинами установления абсолютной монархии он называет, во-первых, возрождение римской государственной идеи и, во-вторых, разложение феодализма и вышедшей из него сословной монархии [54, с. 1–4]. Ардашев отмечает, что именно в романском мире — Италии, Испании, Франции, где «римская традиция коренилась в самой почве», абсолютизм реализовался наиболее полно, являясь «туземным растением». В Италии абсолютизм зародился, в Испании — возрос, а во Франции — «окончательно возмужал» [54, с. 50]. Вместе с тем Ардашев обращает внимание на социально-экономические предпосылки абсолютизма — освобождение крестьян из крепостной зависимости, рост городов, формирование рынка, разрушение натурального хозяйства, формирование буржуазии [54, с. 13–19].

Особое место в научном наследии Ардашева занимает Старый порядок, включающий, как указывал Ардашев, три предреволюционных царствования — от эпохи Людовика XIV до 1789 года [55, с. 90–92]. При этом Франция не была государством с унифицированным правом. По выражению Вольтера, при путешествии по известным областям Франции приходилось менять юридический режим при каждой перемене лошадей, а провинциальные интенданты должны были приспособляться к местным условиям. Тогда это было естественно, и поэтому смысл, вкладываемый в XX в. в слова «Франция», «французская нация», «народ», «страна», неприменим для Старого порядка [55, с. 100–104].

Коллега П. Н. Ардашева, историк, юрист, публицист А. А. Боровой (1875–1935) поддерживал его мнение о том, что изучение Старого порядка «in bloc» — в целом — невозможно. Для системы правосудия в эпоху Людовика XVI характерны сложность, разнообразие юрисдикций, отсутствие четких компетенций учреждений, при этом государство правовых гарантий не предоставляло [129, с. 34–40]. Ардашев, характеризуя правовую систему

Старого порядка, указывал, что закон расценивался лишь как некий провозглашенный принцип и рассматривался на соответствие местному праву. Король обязан был считаться с судебно-административными учреждениями — парламентами, особенно главным из них — Парижским [55, с. 447–464]. Система частных узаконений, специальных регламентов, местных обычаев минимизировала деятельность правительства, которому не были известны даже точное количество населения, границы округов, бюджет государства [55, с. 107–115, 122–129].

Королевская власть — объект оценки общественного мнения [56, с. 122–124]. Оно формировалось парламентами, провинциальными штатами, правительством, печатью, литературой. Его источниками выступали двор, салоны, клубы, академии, театры, кафе [56, с. 174]. Однако контролировать и использовать общественное мнение правительство не могло [56, с. 153–159, 198]. Престиж двора упал, памфлеты, брошюры, афиши, направленные против двора и правительства, захлестнули столицу [56, с. 162, 198–199], а запреты в отношении авторов и их произведений практически не выполнялись [56, с. 182–184]. Таким образом, абсолютная монархия при Старом порядке таковой не являлась, отношения монархии и общества оказались значительно сложнее, чем было принято считать, следовательно, необходимо переосмысление причин Французской революции. Эти идеи Ардашева нашли понимание только к концу 1980-х гг. в связи с новыми трактовками причин революции 1789 г. [326; 590; 6–А; 7–А].

Изучение предпосылок Французской революции неизбежно приводило к рассмотрению правовых основ французского абсолютизма. По этой причине выход в 1911 г. книги историка права Ф. В. Тарановского (1875–1936) о государственном праве Франции при Старом порядке [1114] был закономерным и устранял ряд стереотипов, касающихся абсолютной власти французских монархов. Согласно парламентской доктрине XVIII в., законная монархия во Франции была «совершенно не совместима с какими бы то ни было актами абсолютной власти» [1114, с. 422]. Квинтэссенцией же парламентских принципов служил тезис о том, что «короли существуют для блага народов», а не народы «для удовлетворения интересов королей» [1114, с. 225].

В условиях пореформенного оживления либерального движения и тем более событий 1905–1907 гг. предыстория Французской революции, экстраполируемая на политическую ситуацию в России, привлекала внимание представителей самых разных политических воззрений.

Консерватор, отрицательно относящийся к реформам Александра II и восстанию 1863 г., профессор физики Московского университета Н. А. Любимов (1830–1897) в «Крушении монархии во Франции» указывал на пагубность идей революции. Сопоставляя реформы Александра II и Французскую революцию, Любимов говорил о разрушительности «русской революции»,

называя ее «русским разложением», а причины в обоих случаях усматривал в пагубности «умственной смуты» [611, с. V]. Книга Н. А. Любимова вызвала критические замечания ученика Н. И. Кареева А. М. Ону (1865–1935). Отметив крайнюю реакционность взглядов Любимова, Ону указал, что последний не заметил самого главного: системы Александра II, освободившего крестьян и реформировавшего страну, и бездарного Людовика XVI прямо противоположны [784; с. IX–X].

Консервативное восприятие Французской революции демонстрировал также доктор богословия Т. И. Буткевич (1854–1925). В книге «Уроки первой Французской революции (из переписки друзей)» Буткевич утверждал, что революцию начал не народ. Инициатива в ней принадлежала дворянству, католическому духовенству и буржуазии [149, с. 17–18]. Причину же революции Буткевич видел в моральных пороках — упадке религии и нравственности, вызванном «грубо-материалистическим философским мировоззрением» [149, с. 52].

Диаметрально противоположные взгляды на причины Французской революции высказывал идеолог анархизма князь П. А. Кропоткин (1842–1921). Его «Великая Французская революция 1789–1793» указывает на «два главных течения, подготовивших и совершивших революцию». При этом новые понятия относительно переустройства государства исходили от буржуазии, действия для осуществления новых устремлений — от народных масс [558, с. 1].

Французская революция как величайшее событие и Старый порядок как причина и «виновник» революции, опыт которых переносился на российскую почву, стали, таким образом, едва ли не самыми популярными сюжетами «русской школы» Новой истории. Что же касается значения революции, то утвердился тезис о том, что революция «имела своим следствием уничтожение тех политических устоев, называемых обычно феодальными порядками, которые на протяжении многих веков безраздельно царили у большинства европейских народов» [1130, с. 29]. Это суждение А. де Токвиля окажется весьма долговечным в российской историографии — как дореволюционной, так и советской.

Говоря о «русской школе», необходимо обратить внимание на двух ее крупных представителей-англоведов. Это М. М. Ковалевский (1851–1916) и А. Н. Савин (1873–1923). Англия как страна образцового капитализма и победоносной буржуазной революции была не менее популярной для изучения в России, чем Франция.

В 1880 г. вышла работа М. М. Ковалевского «Английская конституция и ее историк» [480], где объяснялись причины своеобразия и слабости английского абсолютизма. Одной из них было отсутствие замкнутости аристократии и ее противостояния среднему сословию. Города не выступали сторонниками короля в его борьбе с аристократией, как это было во Франции. Другой причиной являлось

островное положение Англии, ее малодоступность для внешних врагов. Содержание постоянной армии было бесполезным, и это лишало короля главного оплота его могущества [480, с. 19–21]. Для укрепления абсолютизма в Англии была важна Реформация. При распродаже церковных имуществ покупателем выступала зажиточная буржуазия. Она получила доступ к власти, а монархия создала себе «благодарных союзников». Кроме того, в ходе Реформации к королю перешло главенство церковью [480, с. 121–122].

Термин «абсолютизм» Ковалевский использует в нескольких аспектах. В правовом — абсолютизм выступает как результат подражания идеалу Римской империи и обращения к принципу «*quod principi placuit, legis habet vigorem*», т.е. «что нравится князю, то должно быть законом» [482, с. 40–41]. Абсолютизмом Ковалевский называет также систему управления Меровингов, Каролингов и англосаксонских королей по причине устранения народа от участия в делах управления и минимизации роли народных собраний [482, с. 2–4].

В социологическом плане борьба с аристократией заставляет власть содействовать материальному подъему и юридической правоспособности крестьян и горожан, а в условиях сословной розни быть социальным арбитром. При этом монархия ослабляет или прекращает сословное представительство, располагая налогом на содержание постоянного войска [482, с. 55].

В историческом аспекте Ковалевский различает абсолютизм континентальный и английский. Абсолютизм континентальный — это прежде всего французский. Ковалевский оценивает его почти как восточный деспотизм, в который выродилась сословная монархия [480, с. 19–21]. Для английского же абсолютизма характерно сохранение сословного представительства [480, с. 21]. Тем не менее общая европейская тенденция к установлению абсолютной монархии давала о себе знать пассивностью парламента, единоличными решениями монарха, что, в свою очередь, вызвало политическую оппозицию [482, с. 41].

Со своей стороны А. Н. Савин отмечал, что, несмотря на формальное существование парламента, в реальности были все признаки религиозного поклонения монарху, и «даже такие хундордные короли, как Тюдоры, представлялись в XVI в. помазанниками божьими» [1013, с. 5, 7]. При этом Савин указывал, что противники абсолютизма опирались не на идеи правового государства или прогресса — они были чужды парламентской оппозиции [1015, с. 75], а на традиционные сословные свободы [1015, с. 69]. Даже в самые острые моменты вожди парламентской оппозиции не позволяли себе нападать на монарха, обвиняя «дурных советников» короля [1015, с. 77].

Проблемное поле западноевропейского абсолютизма в дореволюционной историографии было достаточно широко в географическом плане. Это иллюстрируется целым рядом обобщающих работ — от «Истории Западной Европы в новое время» Н. И. Кареева [433] до учебного издания «Очерки новой

истории (XVI–XIX вв.)», одним из авторов которого был В. Н. Перцев [841]. Отдельное внимание было уделено истории Австрии и особенно австрийскому просвещенному абсолютизму (П. П. Митрофанов) [694–695], Италии (Е. В. Тарле) [1115], Испании (В. К. Пискорский) [866].

Спектр дореволюционных интерпретаций абсолютизма будет неполон без трактовки историка, который уже в то время считал себя марксистом — Н. А. Рожкова (1868–1927) и исходил из того, что «главной причиной всех перемен в народной жизни является хозяйство» [979, с. 9]. Для экономики Англии, Франции и Германии XV–XVIII вв. (последней до середины XIX в.) характерно денежное хозяйство с обширным рынком [979, с. 17, 86, 92]. Политической оболочкой, покрывающей эти общества, была абсолютная монархия — «единая огромная... власть самодержавных королей, которые объединяли всю страну, укрепляли торговлю, делали возможным широкий сбыт товаров» [979, с. 97–98].

Статья в энциклопедическом словаре Гранат медиевиста А. К. Дживелегова (1875–1952) выступает итогом в дореволюционном осмыслении абсолютизма:

- абсолютизм (абсолютная монархия) есть «форма монархии, которая не признает никаких ограничений для носителя верховной власти» [271, стб. 64];
- практика управления приводит к неизбежному самоограничению власти монарха, однако оно не носит необходимого характера;
- абсолютизм немислим без бюрократии – монарх не может править единолично и делегирует часть своих полномочий чиновникам [271, стб. 65];
- абсолютизм представляет собой одну из древнейших государственных форм и восходит к древневосточным деспотиям [271, стб. 66];
- приходя на смену феодальному партикуляризму и сословной монархии, абсолютизм является закономерным;
- в генезисе абсолютизма важны факторы экономической (разрушение натурального хозяйства, создание национальных рынков), политической (необходимость в уничтожении политического феодализма) и идеологической (рецепция римского права) [271, стб. 67–69];
- классом, «вложившим в руки королевской власти острый меч абсолютизма, мог быть только торговый и промышленный класс» [271, стб. 68];
- абсолютная власть, отняв у «старших сословий» политические права, «оставила в их руках социальное господство» [271, стб. 70];
- социальная основа абсолютизма такова: «Живя в мире с классом торговым, в союзе с землевладельческим, абсолютизм мог не бояться ничего» [271, стб. 70].

Период дореволюционной историографии оказался, таким образом, определяющим в формировании концепта западноевропейского абсолютизма в российской исторической науке. При значительной роли рецепции установок западноевропейской историографии с последующей их адаптацией одновременно

происходило создание оригинальных работ российских историков, результатом чего было признание авторитета «русской школы» всеобщей истории в Европе.

Российские специалисты по Новой истории восприняли либеральную и позитивистскую направленность в трактовке абсолютизма. Многофакторность в генезисе абсолютизма, правовой уклон в понимании условий его формирования, идея баланса сил дворянства и буржуазии при усиливающейся королевской власти, дворянская основа абсолютизма и его сословный характер — большинство этих установок окажутся базовыми. Нужно отметить также, что господствующая впоследствии в советской историографии идея «равновесия» сил дворянства и буржуазии уже присутствовала в историографическом нарративе.

Не меньшее значение имела и пришедшая из либеральной европейской историографии ценностная составляющая, заключающаяся в признании абсолютизма «необходимым злом» и даже закономерной конструктивной силой, которая, тем не менее, неизбежно становится реакционной и может быть устранена лишь революцией. Такое «предъявление счета» абсолютизму отвечало либеральной идее и было воспринято российскими историками-либералами, переносившими данные установки на оценку российской монархии.

Наполненность проблемного поля западноевропейского абсолютизма обуславливалась как содержанием используемой в России европейской научной литературы, так и востребованностью в российском обществе конкретных сюжетов. Так, наиболее популярными для рассмотрения были английский и французский абсолютизм. В первом случае речь шла о парламентаризме и оптимальной политической модели, во втором — демонстрировался классический абсолютизм и наиболее масштабная буржуазная революция [1–А, с. 94–143].

2.3 Самодержавная монархия как феномен российского историографического нарратива последней трети XIX–начала XX в.

Понятие «самодержавие», значение которого со временем изменялось, представляло собой не только правовую, но и социокультурную составляющую российского общества. Термин «самодержавие» применялся еще с XII в., но не для обозначения самовластия, а как синоним государственного суверенитета правителя. При этом считалось необходимым и существование противовесов самодержавной власти. Так, М. Грек уподоблял правителя туловищу орла, а советников — его крыльям [350, с. 206–212].

С получением Иваном Грозным титула царя в 1547 г. и политической борьбой концепт «самодержавие» стал ассоциироваться с ничем не ограниченной властью. В первом письме Андрею Курбскому Иван Грозный убеждал князя: «Разве это и есть “совесть прокаженная” — держать свое царство в своих руках, а своим рабам не давать господствовать? ... А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют» [837, с. 31]. В Соборном Уложении 1649 г. монарх именуется государем, царем, великим князем и всей Руси самодержцем [1082]. В статье 20 созданного при Петре I Артикула воинского указано: «Кто против его величества особы хулительными словами погрешит... оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен... Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен» [59].

«Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [427, с. 22], — это высказывание Н. М. Карамзина (1766–1826) широко известно. При этом, во-первых, подчеркивается неограниченность и произвольность самодержавия: «Никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать» [427, с. 24]. Во-вторых, идет речь о добровольном подчинении самодержавной власти: «Народ, избавленный князьями московскими от внутренних междоусобиц и внешнего ига... довольный действием, не спорил о правах» [427, с. 24]. В-третьих, демонстрируется отличие государственных институтов и политической культуры России от западноевропейских [427, с. 26].

Акцентирование неограниченности царской власти сочеталось с обоснованием ее сакральности. В рамках византийской традиции возникли представление о российском самодержавии как особом духовном единении веры, престола и народа, «симфонии» духовной и светской властей, а также сочетающая имперский и мессианский компоненты идеологема «Москва — Третий Рим», взятые за основу российского монархизма.

Д. А. Хомяков (1841–1919), православный мыслитель и публицист, вел речь об уникальности самодержавия и его принципиальном отличии от абсолютизма. «Вся суть реформы Петра сводится к одному, — указывал Хомяков, — **к замене русского самодержавия — абсолютизмом** (выделено Хомяковым — Л. Л.). Самодержавие, означавшее первоначально просто единоедержавие, становится после него римско-германским **императорством**» [1202, с. 219–220]. Власть ради власти, автократия ради самой себя — вот чем Петр и его преемники, по мнению Хомякова, «стремились заменить живое народное понятие об органическом строе государства, в котором Царь — глава, народ — члены» [1202, с. 219–221].

Л. А. Тихомиров (1852–1923) отличал европейский абсолютизм, восточное самовластие и российское самодержавие [1124, с. 72–73] Абсолютизм — это абсолютная власть государства над массой. На Востоке существует огромная

зависимость от личности правителя [1124, с. 123–131]. В России же монархия самодержавная, основанная на моральном единстве царя и народа [1124, с. 81, 139]. Л. А. Тихомировым пропагандировалась идея «народной монархии». Народ может обладать в государстве своим представительством, но только в том случае, когда его представители не стремятся сделаться господствующей властью. Эту, по словам Тихомирова, опасность может предотвратить только вручение верховной власти царю. Верховная, а потому неограниченная власть российского императора «не есть его частная собственность», а освященная Богом политическая обязанность. Российский монарх может все, за исключением ограничения своей власти [1123, с. 135–148].

Н. И. Черняев (1853–1910) был уверен, что «мистика русского самодержавия целиком вытекает из учения православной церкви о власти и народных взглядов на царя как на “Божьего пристава”» [1252, с. 16].

Примером же нормативной правовой трактовки самодержавия является его характеристика историком государства и права И. И. Дитяиным (1847–1892). Власть российского императора, неограниченная и самодержавная, не стеснена «никакими юридическими нормами» и не разделяется «ни с каким установлением или сословием в государстве» [268, с. 591]. Самодержавие опирается на божественную санкцию, дополненную в петровское время рациональными основаниями «естественного разума» и «договора» [268, с. 594–596].

Анализируя развитие концепта самодержавия в российской дореволюционной историографии, уместно сделать некоторые пояснения. Во-первых, о целесообразности применения в данном случае именно указанного термина, так как дореволюционные историки и правоведы, за минимальным исключением, называли российскую монархию именно самодержавием. Во-вторых, необходимо пояснить имеющуюся историографическую рефлексия. Было бы тщетно искать отдельного анализа концепта самодержавия в советской историографической литературе. Самодержавная монархия оценивалась как антинародная сила, ее рассмотрение рассредоточивалось на сюжетах закрепощения крестьян, Петровских реформах, истории сословий, усилении дворянства и других аспектах. В биографии В. О. Ключевского, созданной М. В. Нечкиной, показаны идейные поиски историка в оценке российской монархии и отмечено, что Ключевский не смог понять «классовой сути самодержавия» [752, с. 539]. В поздней советской и современной историографии проблема самодержавия включается в смежные вопросы, рассматривается в рамках концепций отдельных историков [156–157; 184; 294; 411; 1294], и, несмотря на значимый опыт рефлексии [911], рассматривается вне компаративного подхода.

Российское самодержавие интерпретировалось в двух парадигмах — юридической и исторической. Общим в обоих случаях был правовой подход, реализуемый государственной или юридической школой. Основываясь на

философии Гегеля, государственная школа представляла исторический процесс как органический и прогрессивный, в котором народы обретают свое выражение в государстве. В рамках буржуазно-либеральной идеи развитие и свобода личности обеспечиваются народно-правовым государством. Кроме того, будучи западной, юридическая школа оценивала российскую государственность сквозь призму сопоставления с институтами и сословиями Европы.

Крупнейший представитель государственной школы С. М. Соловьев (1820–1879) выводил генезис самодержавия из геополитического положения России и процесса закрепощения. Россия была государством земледельческим, вынужденным вести борьбу с соседями. Ввиду нехватки денег служилым людям раздавались земли, а единственным средством обеспечить их рабочей силой стало прикрепление крестьян [1087, с. 20–22]. Со временем Россия стала отставать от европейских стран [1088, с. 40–47, 357]. В результате же Петровских реформ «подле Западной Европы...явилась Восточная...» [1089, с. 530–531]. Более того, в результате реформ Петра в развитии государства «поворота назад быть не могло» [1091, с. 604]. Говоря о предоставлении «кондиций» Анне Иоанновне, Соловьев указывает на социальную опору самодержавия — дворянство [1090, с. 213].

К традиционной для юридической школы схеме «семья — род — племя — народ — государство» В. О. Ключевский, ученик Соловьева, добавляет более разработанную, чем у своих предшественников, идею колонизации. В зависимости от колонизационного процесса он выделяет следующие периоды: 1) днепровский; 2) верхневолжский; 3) великорусский; 4) всероссийский [472, с. 53]. Самодержавие для Ключевского начинается с Ивана Грозного, для которого оно «не только установленный, но и исконный факт нашей истории» [473, с. 157]. Значительно подробнее, чем предшественники Ключевский раскрывает проблему формирования правящего класса и поместной системы при самодержавии, сопровождаемых сменой боярства дворянством [473, с. 170, 209].

Абсолютизм датируется у Ключевского 4-м периодом, с начала XVII в. до царствования Александра II, т.е. с 1613 до 1855 г. Это время названо Ключевским «нашей новой историей» и представляет собой «основу современной жизни» [474, с. 5]. Новая династия Романовых соответствует новому правительственному классу — дворянству, возвышающемуся на фоне утрачивающего силу боярства. Окончательно оформляется крепостное право, обособляются сословия. Появляется промышленность» [474, с. 7]. Характеризуя масштабные социальные изменения эпохи абсолютизма, Ключевский указывает, что с конца XVIII в. речь идет о «двойной перестройке» общества. С одной стороны, это ослабление привилегий дворянства, с другой — сближение между собой различных классов общества путем уравнивания их перед законом. Как считал Ключевский, достижения этой цели реализовались в эпоху реформ Александра II [476, с. 171].

В отличие от своих предшественников, Ключевский скептически оценивает и петровские преобразования, и просвещенный абсолютизм Екатерины II. Петр, указывал Ключевский, «надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку... Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра и доселе неразрешенная» [475, с. 203]. Сдержанно оценивая Екатерину II, Ключевский тем не менее подводит такой итог: «С Петра, едва смея считать себя людьми, и еще не считая себя европейцами, русские при Екатерине почувствовали себя не только людьми, но и чуть ли не первыми людьми в Европе» [476, с. 338–339].

Ученик В. О. Ключевского А. А. Кизеветтер (1866–1933) в широком временном диапазоне рассмотрел институты управления [454; 458], очертил общую панораму истории России XVIII и XIX вв. [455; 460]. Он охарактеризовал также деятельность Алексея Михайловича [456], Петра I [459], Екатерины II, Александра I и их окружения (книга «Исторические силуэты» вышла в 1931 г.) [457]. История России XIX в. интерпретировалась в либеральном духе такими исследователями, как А. А. Корнилов (1862–1925) [532–534], С. С. Татищев (1846–1906) [1117–1118] и А. Е. Пресняков (1870–1929). К дореволюционным работам Преснякова относится его исследование о Правительствующем сенате [393]. Политические же портреты Александра I [939] и Николая I [940], написанные в выраженном либеральном духе, были опубликованы уже после Октябрьской революции.

Лидер российских либералов П. Н. Милюков в «Очерках по истории русской культуры» также основывался на геополитическом детерминизме, указывая на самодовлеющий характер российского самодержавия [679, с. 66–77] и подчеркивая традиционализм византийской политической культуры [680, с. 6–9; 681, с. 40–48]. Реформа, утверждал Милюков, была неизбежна [681, с. 143–145]. Относясь к Петру весьма критически, Милюков заметил: «Думал ли Петр о том, что это было далеко не все, чему можно было научиться у Запада? Понимал ли он, что самому ценному, что было в содержании европейской культуры, вообще нельзя “научиться” так просто, а надо это нажить самим, воспитать в себе — совсем в ином смысле, чем он воспитывал своих современников?» [681, с. 157].

Наряду с приведенными либеральными трактовками необходимо указать на монархическую интерпретацию самодержавия С. Ф. Платоновым (1860–1933), Платонов утверждал, что самодержавие начинается с Ивана III [872, с. 168–169]. Московская власть, по мнению Платонова, была абсолютной и демократической, так как государь был безусловным вотчинником своего царства, а власть опиралась на сознание народа [872, с. 206–207]. Переход к абсолютизму как новому этапу самодержавия характеризуется как «дружное соправительство двух родственных

политических авторитетов, царя и собора». Оно продолжалось до того момента, пока «верховная власть не эмансипировалась от сословных влияний и пока вокруг нее не сложилась придворно-аристократическая бюрократия» [872, с. 381].

В проблемном поле изучения самодержавия в рамках государственной школы акцентировалось рассмотрение институтов управления и персоналий. Ярким примером этого является одна из наиболее известных работ В. О. Ключевского «Боярская дума Древней Руси», где раскрывается и ее трансформация при Петре I в связи с утверждением абсолютизма [470, с. 390–403]. Наиболее же популярным периодом исследования был XVIII в. — эпоха могущества императорской России и правления двух монархов, названных Великими — Петра I и Екатерины II. Немаловажным было и то, что данный период был хорошо обеспечен источниками, а трактовка истории XVIII в. меньше зависела от политической конъюнктуры, нежели анализ событий XIX в.

В изучении российской истории XVIII в. особое внимание привлекали государственные институты, фигуры Петра I и Екатерины II, а также попытка ограничения монархии в 1730 г., рассматриваемая как конституционная альтернатива. Ученик В. О. Ключевского М. М. Богословский (1867–1929) анализировал Петровские реформы [124; 126] и попытку ограничения самодержавия «верховниками» при Анне Иоанновне [125]. Аналогичный круг проблем изучался и П. Н. Милюковым [676; 678]. Политическая история России и персоналии XVIII в. нашли отражение в ряде работ профессора Дерптского университета А. Г. Брикнера (1834–1896). Это история Петра I [138], Екатерины II [136], Павла I [137], придворная жизнь при Петре II [139].

Значимость эпохи Екатерины II отразилась в работах М. К. Любавского (1860–1936) [610], А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) [573], а также биографии императрицы, написанной В. А. Бильбасовым (1838–1904) [111–112]. Представителем биографического направления был Н. К. Шильдер (1842–1902), автор жизнеописаний Павла I [1284], Александра I [1282] и Николая I [1283]. Являясь монархистом, Шильдер призывал к соблюдению моральных норм в политике, пренебрежение которыми влечет тяжелые последствия.

Развитие концепта самодержавия в рамках государственной школы, таким образом, характеризовалось рядом черт. Это признание уникальности российской монархии, сформированной на иной, нежели западноевропейская королевская власть, основе, оценка самодержавия как силы, стоящей над обществом и закрепостившей сословия во имя государственного интереса, определение дворянства как социальной основы российской монархии, признание петровской модернизации как необходимой и вынужденной, насаждаемой «сверху», которая, реформируя государство, принесла культурный и ментальный раскол в общество. Примечательно, что по мере расширения проблемного поля в изучении

самодержавия, с одной стороны, и набиравшей силу либеральной идеологии – с другой заметно уменьшался пиетет в отношении к российской монархии. Мощно звучащий у Соловьева, он минимизирован у Ключевского и особенно у Милюкова. Наконец, государственная школа, как ведущая, оказывала влияние и на историческую мысль иной идейной направленности [1–А, с. 151–164].

Отмеченное справедливо в отношении социал-демократической концепции российской монархии. Несмотря на то, что историки-марксисты неизменно отмежевывались от идей государственной школы, в «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханова налицо влияние ее установок, в первую очередь тезиса о «закрепощении всех сил страны», вызванном «неумолимой экономической необходимостью» [873, с. 207]. Плеханов обращает внимание на совершенно разную политическую культуру России и Европы: «На Земский собор съезжались “холопы” московского царя; на собраниях Генеральных штатов выступали “подданные” французского короля» [873, с. 213]. В итоге Плеханов делает вывод о сходстве российского государства с восточной деспотией [873, с. 12]. Совершая свою реформу, Петр, по мнению Плеханова, «обладал беспредельной властью восточного деспота. И он широко пользовался этой властью» [874, с. 91]. Просвещенный абсолютизм Екатерины II Плеханов оценивает весьма скептически. Он отмечает поверхностность философских увлечений императрицы, нужных ей лишь для укрепления власти. В вопросах же смягчения крепостного права «всегдашним правилом» Екатерины «было избегать ненужной для нее игры с огнем» [875, с. 124–125].

Социал-демократическая мысль сформулировала следующие установки в отношении самодержавия:

- история России является частью общеевропейской, в силу чего феодализм, абсолютизм, капитализм так же присущи России, как и Европе;
- самодержавие — пример политической отсталости, однако по сравнению с западноевропейскими монархиями оно более устойчиво, консервативно и имеет огромный потенциал приспособления к новым условиям;
- социальной базой российского абсолютизма являются в первую очередь дворяне-помещики, в интересах которых ведется политика самодержавия;
- монархия покупает лояльность буржуазии, поддерживая российский капитализм «сверху»;
- Россия осталась единственной европейской страной, сохранившей абсолютизм, поэтому самодержавие должно быть упразднено.

В И. Ленин (1870–1924), как лидер большевиков, неоднократно высказывался о российском самодержавии, употребляя термины «абсолютизм» и «самодержавие» как синонимы. В марксизме нивелировалась семантика этих терминов, чтобы продемонстрировать единую линию развития и революционной ломки абсолютистских институтов Европы и России. «Самодержавие

(абсолютизм, неограниченная монархия), — указывал Ленин, — есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги без всякого участия народа» [588, с. 251–252].

Русский абсолютизм, по Ленину, является диктатурой феодалов-крепостников, прошедшей в своем развитии пять этапов в направлении буржуазной монархии. Это 1 — самодержавие XVII в. с Боярской думой и боярской аристократией, 2 — самодержавие XVIII в. с бюрократией и отдельными периодами просвещенного абсолютизма; 3 — монархия первой половины XIX в. — крепостнический консервативный режим; 4 — монархия второй половины XIX в., проведшая буржуазные реформы. Наконец, после 1905 г. наступает новый, пятый этап в развитии российской монархии, указывающий на ее движение в буржуазном направлении [581, с. 303; 582, с. 346; 587, с. 165]. Ленин более подробно характеризовал четвертый и пятый этапы развития российского абсолютизма. «Не при Николае II... а при Александре II русский царизм стал превращаться в плутократическую монархию, *«начинал»* выражать классовые интересы буржуазии», — подчеркивал Ленин. — III Дума есть политически оформленный, общенациональный союз политических организаций помещиков и буржуазии [584, с. 411; 585, с. 121]. Третью Думу и столыпинскую аграрную политику Ленин называет «второй буржуазной реформой, проводимой крепостниками» [583, с. 178]. Ленин особенно указывал на то, что и после отмены крепостного права «остатки средневековых полукрепостнических учреждений» в России «бесконечно еще сильны» в России [589, с. 300–301].

Среди социал-демократов была популярна теория «торгового капитализма», созданная известным теоретиком марксизма А. А. Богдановым (1873–1928). Согласно ей, общество развивается от первичного натурального хозяйства к меновому (товарному), а от него — к социально организованному [122, с. 12–13]. Торговый капитализм — это стадия развития менового хозяйства, для которой характерны расширение рынка, углубление общественного разделения труда и увеличение роли денег. Следствием этого стал рост экономических связей, что повлекло за собой политическое объединение и создание централизованных монархий [122, с. 77–78]. Таким образом, абсолютная монархия — это государство эпохи торгового капитала. Первой задачей абсолютизма было объединение страны и подчинение феодалов в интересах развития торговли и промышленности, второй — подавление крестьянских восстаний, третьей — освобождение крестьян, так как крепостная зависимость была помехой развитию торгового капитала [122, с. 103–104].

После революции 1905–1907 гг. происходит оживление социал-демократической мысли. Так, в июле 1905 г. вышла статья популярного характера «Буржуазия и монархия». Ее автор — публицист, в будущем дипломат

В. В. Воровский (1871–1923) изложил свою точку зрения на союз монархии и крупной буржуазии в России начала XX в. По Воровскому, при переходе от сословно-представительной к абсолютной монархии сначала монархия берет буржуазию в союзники против мятежных крупных феодалов, затем, укрепив власть, пользуется ее средствами [191, с. 33]. Со своей стороны, более влиятельные слои торговой и промышленной буржуазии ищут в монархии поддержку против народа и более радикальной буржуазии, что и произошло в России. В результате самым революционным классом России стал пролетариат [191, с. 37–38].

Вышедшая в 1906 г. работа Н. А. Рожкова «Происхождение самодержавия в России» интересна ввиду своей методологической многослойности. Работа начинается обращением к тезисам Н. М. Коркунова и Г. Еллинека — юристам, представителям позитивистского направления, однако очевидно влияние на автора и теории «торгового капитала», а выводы о вотчинном начале княжеской власти и «закрепощении сословий» отсылают к государственной школе [А–26].

Импульсом в развитии русских земель Рожков считает развитие торговли [981, с. 13]. При этом обширные равнины, продолжительный снеговой покров, реки позволяли создавать в России рынки не в 10–15 верст в окружности, как в Европе, а сразу в 200–500. Россия пропустила период локальных рынков и сразу перешла к рынку, называемому Рожковым народным [981, с. 45–47]. Это привело к несоответствию юридической базы вотчинного землевладения новым условиям и тяжелому кризису последней трети XVI–40-х гг. XVII вв. [981, с. 48–49]. Выходом было приспособление хозяйства к новым условиям. Это стало задачей нового класса — средних и мелких дворян-землевладельцев и городских торговцев. Социальные отношения этого периода воплотились в самодержавии, а фоном для этого стали сословность и крепостное право [981, с. 57].

Для марксистов принципиально важным было доказать аналогичность российских государственных институтов европейским. В ином случае их противниками ставился под удар тезис о закономерности буржуазных революций в России. По этой причине вышедшая в 1907 г. книга «Феодализм в древней Руси» Н. П. Павлова-Сильванского (1869–1908), автора концепции «русского феодализма», стала поддержкой марксистской концепции, хотя сам Павлов-Сильванский марксистом не был. Не случайно при переиздании этой работы в 1924 г. Покровский написал: «Эту книгу необходимо иметь каждому историку России, особенно историку-марксисту» [830, с. 4].

По мнению Павлова-Сильванского, в России XVI–XIX вв. основным общественным институтом являлось сословное государство. В свою очередь, этот период распадается на эпоху московской сословной монархии и петербургского абсолютизма на основе того же сословного строя» [830, с. 157–158]. Российские процессы развития политических институтов были аналогичны

западноевропейским, несмотря на то, что имели специфику и развивались позже [830, с. 134].

В дискурсе классового подхода социал-демократов неожиданной стала работа, утверждавшая, что в России нет не только абсолютизма как надклассового государства, но и абсолютизма как государственного института. Вместо этого существует дворянская организация, а монархия, крепостное право, армия и бюрократия — только ее орудия. Речь идет о вышедшей в 1910 г. работе «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России» [777] историка и публициста, М. С. Ольминского (Александрова) (1863–1933).

Ответ М. С. Ольминскому дал В. В. Воровский в статье «О природе абсолютизма» [192], вышедшей в 1912 г. Указывая на постепенное увеличение публично-правового характера власти монарха и уменьшение таковой у вотчинников, все более погружающихся в развитие своих хозяйств [192, с. 194–196], Воровский делает вывод о том, что российский абсолютизм сформировался в условиях борьбы боярства и дворянства [192, с. 197–199], причем победила дворянская масса [192, с. 205]. По мнению Воровского, Ольминский упустил из виду борьбу внутри дворянского сословия, представив его как монолитную социальную группу и рассматривая извне [192, с. 203–204].

В 1910–1913 гг. вышло наиболее значимое произведение марксистской историографии — неоднократно переиздаваемая впоследствии «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского. Исходным пунктом превращения самодержавия в абсолютизм Покровский считал кризис крупного землевладения при расширении товарно-денежных отношений. Потребность в деньгах размывала натуральный характер вотчины и требовала большей гибкости в ведении хозяйства. Это было не под силу боярам-вотчинникам, в то время как средние и мелкие собственники имели лучшие условия для организации своих хозяйств [901, с. 173–174, 184]. Наступал момент масштабного передела земельных владений, наиболее ярко выразившийся в опричнине [901, с. 214].

Кризис крупных вотчин и подъем товарности среднего землевладения «должны были выдвинуть новые общественные классы... То было среднее землевладение, успешно сочетавшееся с условиями нового менового хозяйства, то была буржуазия» [901, с. 188]. Таким образом, для Покровского «буржуазия» — это не только посадские люди, но и дворянство, ведущее хозяйство, ориентированное на рынок [901, с. 305–311]. Россия второй половины XVII в. — это абсолютная монархия, где царь — первый купец в своем государстве, а внешняя политика — войны за рынки [902, с. 80, 90]. Являясь опорой абсолютизма, дворянство проходит в XVI–XVIII вв. путь от прогрессивного класса, экспроприировавшего боярство во имя развития торгового капитала, через службу «торговому» капиталу в петровскую эпоху до «нового феодализма» с освобождением от обязательной службы [903, с. 148].

В «Очерке истории русской культуры» М. Н. Покровского [898] трактовка самодержавия Покровским не претерпела изменений — последнее являлось государством эпохи торгового капитала. В созданных же Покровским политических портретах Павла I [899] и Александра I [888] обращено внимание на весьма важный аспект — роль личности и границы полномочий монарха.

Власть лица должна выражать интересы класса [899, с. 27], считает Покровский. Однако эта система динамична. Личностный фактор не очень опасен в вотчинной системе, где носитель власти сталкивается лишь с непосредственным окружением. По мере же развития капиталистического хозяйства властелин распространяет свое могущество на целые общественные группы.

При абсолютизме усиление центральной власти идет параллельно с ослаблением власти землевладельцев, претензии которых монархия может и выслушать, и проигнорировать. При столкновении интересов личности и класса «личные конфликты разрешаются личным же путем» [899, с. 27–28]. Убитый сын Екатерины II превысил границы личной власти и затронул интересы дворянства, от которого напрямую зависел [899, с. 34–35]. Для Александра I правление отца было «грозным предостережением», и, несмотря на либерализм, монархия должна была гарантировать права «первенствующего в империи сословия» [888, с. 37].

Таким образом, в трактовках историками-марксистами российской монархии определяющим был экономический детерминизм. При этом очевидно значительное влияние государственной школы на идеи Плеханова и Рожкова и минимальное — на концепцию Покровского. По-разному оценивалась самобытность самодержавия: Плеханов наделял его чертами восточной деспотии, Рожков приходил к выводам в духе государственной школы, Покровский проводил наиболее близкие параллели с европейскими государственными институтами.

В докладе А. С. Лаппо-Данилевского на Лондонском конгрессе в 1913 г. [572] была озвучена «нормативная» трактовка российской монархии, связанная с отмечаемым в то время 300-летием Дома Романовых. Первая же фраза Лаппо-Данилевского указывала на необходимость понятия «о том отношении, которое должно быть между государем и подданными», а не только «о принудительной власти, которую государство имеет над частными лицами» [572, с. 5]. Докладчик раскрыл вхождение России в европейский культурный контекст, что окончательно произошло при Петре I [572, с. 25–26], сделав вывод о том, что, несмотря на прерывистость и даже случайность, идея государства в России «все же была развитием и даже своего рода прогрессом» [572, с. 38].

Осмысление самодержавия находилось, таким образом, на пике востребованности в дореволюционном историческом дискурсе. Трактовки самодержавия, в зависимости от идейных установок авторов, включали широкий спектр оценок — от обожествления до низвержения. Господствующее положение занимала государственная или юридическая школа либеральной направленности.

При этом существовало разнообразие методологических подходов — от позитивистских до диалектико-материалистических при доминировании позитивизма государственной школы.

Государственная школа, будучи связанной с европейской философской традицией, включала Россию и ее институты в социокультурный ареал Европы, что отнюдь не исключало, но даже подчеркивало, самобытность российской монархии. В свою очередь, сильная роль государства и самодовлеющий характер самодержавия объяснялись с позиций географического детерминизма и обусловленного им закрепощения сословий. Соответственно, российское самодержавие, с позиций государственной школы, постепенно эволюционировало и прогрессировало, реформируясь и освобождая сословия.

Развитие концепта европейского абсолютизма, составляющими которого являлись западноевропейский абсолютизм и российское самодержавие, прошло, таким образом, в дореволюционный период важнейший этап становления в рамках позитивистской методологии, предусматривающей многофакторность и правовой подход. Вместе с тем, в это время выявились мотивационные, методологические, ценностные, предметные различия в интерпретации абсолютизма и самодержавия.

Осмысление российского самодержавия было имманентным, необходимым элементом идеологии Российской империи. Самодержавие, с одной стороны, символизировало сильную государственную власть, с другой — позиционировалось как важная составляющая цивилизационного своеобразия России. В связи с этим, идейные и методологические установки в трактовке российской монархии могли варьироваться. Проблематика же западноевропейского абсолютизма разрабатывалась с адаптацией европейского научного нарратива, вниманием к социальной составляющей абсолютной монархии, умеренно критической ее оценкой и восприятием западноевропейского абсолютизма как явления, некогда имевшего свое место и время.

Результатом сочетания трактовок западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия стал определенный консенсус в российской дореволюционной историографии. В одной стороны, Россия считалась частью Европы, и проводимая модернизация страны это подтверждала. С другой — было очевидно российское цивилизационное своеобразие, что в полной мере получило отражение в концепте российского самодержавия, отнюдь не тождественного европейскому абсолютизму. Таким образом, естественно было параллельное существование терминов «абсолютизм» и «самодержавие», а также ограничение сферы употребления термина «абсолютизм» областью всеобщей истории. Вместе с тем, по мере либерализации общественной мысли, нарастания кризиса самой российской монархии расширялась практика применения термина «абсолютизм» и в отношении российского самодержавия [1–А, с. 186–187].

ГЛАВА 3

СОСТОЯНИЕ КОНЦЕПТА АБСОЛЮТИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1917–1920-Е ГГ.)

3.1 Концепт западноевропейского абсолютизма в условиях трансформации исторической науки в 1917–1920-х гг.

Последствием Октябрьской революции стали коренные изменения российской историографии, занявшие около двух десятилетий и впоследствии весьма по-разному оцениваемые в советской и постсоветской историографии [801; 1083]. В стремлении «отречься от старого мира» в 1920-х гг. ломке и перестройке подверглось все — от государственных институтов до организации быта. Исторической науке отводилось в этом одно из центральных мест. Однако для достижения декларируемых большевиками целей была необходима качественно новая материальная и интеллектуальная база, для создания которой требовалось время. Это обстоятельство позволяет не только выделить первое советское десятилетие в отдельный переходный период, но, что не менее важно, также выявить неравномерный характер происходящих изменений.

Историческое знание призвано было создать новую картину мира, доказать правомерность и мессианскую роль марксизма. Так, полностью принявший власть большевиков один из основателей Коммунистической академии и разработчиков первой советской конституции М. А. Рейснер утверждал: «Лишь пролетарская наука, окончательно установленная К. Марксом, Ф. Энгельсом и Ф. Лассалем, сумела совершить полный переворот в науке об обществе и государстве и дать торжество поруганной истине» [972, с. 6]. Согласно «Примерным программам по обществоведению и культуроведению» история была упразднена. Обществоведение представляло собой синтез политэкономии, социологии и права, а история понималась как наука о смене обществ и формаций. Учебников, кроме «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского, не было [1336, с. 282–284].

Лениным, Луначарским, Покровским было заявлено, что университетская автономия — это буржуазная идея, что при диктатуре пролетариата никакой автономии быть не может [14, с. 215–216]. Историков-марксистов готовили Коммунистические академии, Институт красной профессуры и факультеты общественных наук (ФОНы), создаваемые вместо прежних историко-филологических [23–А].

Содержание учебных программ ФОН Московского университета 1920-х гг. показывает, что предлагаемые учебные курсы были разнообразны и подвергались отбору. Например, в распоряжении деканата от 5 февраля 1921 г. указано: «Семинарий проф. Савина по веку Людовика XIV возобновить, семинарий проф. Н. И. Радцига по абсолютной монархии исключить... семинарий проф. Пичеты «История Западно-Русского и великорусского дворянства» исключить, а семинарий того же профессора по истории экономических идей во II половине XVIII в. и в I половине XIX в. возобновить» [1229, л. 4].

Однако не все курсы были обязательны, не соблюдался хронологический принцип в преподавании. Вот, например, последовательность изложения курсов на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук Московского государственного университета (ФОН МГУ) в 1923/24 учебном году: «I курс: 1. Политическая экономия...5. История России XIX и XX в... 6. История Западной Европы в XIX и XX в... II курс: 2. История Интернационала. 4. Один из курсов по истории России XVII–XIX вв...5. Один из курсов по истории Запада... [1231, л. 29]. В качестве факультатива студентам II курса предлагалось прослушать методологию истории и историю Литовско-Русского государства. Наконец, на III курсе студентов ожидали история Греции и Рима, а в качестве факультативов — например, история Реформации и история Ближнего Востока [1231, л. 29 об., 30].

Набор студентов на факультеты общественных наук определялся задачей скорейшего создания новых кадров. Так, в протоколе заседания деканата ФОН МГУ от 4 июня 1921 г. зафиксировано следующее: слушали И. Д. Удальцова (зам. декана — Л. Л.), который сообщил, что при наборе на ФОН преимущество дается «командируемым через ЦК Партии РКП, профессиональным организациям и окончившим рабочие факультеты. Принимать по проверке коллоквиума. Если же есть достаточная подготовка — освобождать от коллоквиума...» [1229, л. 21]. Аналогичная установка об условиях приема была озвучена деканом ФОН Н. М. Лукиным в 1922/23 академическом году: «Руководиться следующими принципами: 1) ... в первую очередь зачисляются окончившие Рабфаки. 2) затем происходит зачисление по командировкам, согласно разверстке ЦК РКП, МК РКП, Губкомов компартии с визой ЦК, всех заинтересованных Наркоматов... 3) наконец, в виде исключения прием по индивидуальным заявкам» [1230, л. 14].

Задача обучения была сформулирована М. Н. Покровским: «С течением времени из Зиновьевского и Свердловского университетов выйдет та новая школа общественных наук, которая будет действительно марксистской не потому, что там преподавали марксизм, а потому, что там немислима будет никакая другая история, кроме марксистской, и никакое студенчество, кроме пролетарского» [889, с. 8]. Вся дореволюционная российская историография, с точки зрения Покровского — это «кривое зеркало» [889, с. 13], отражающее исторический

процесс в необходимом для буржуазии ракурсе, задача которого — «скрыть классовую борьбу» [889, с. 12].

После смерти В. И. Ленина развернулась борьба за лидерство в советской правящей элите. Партийные споры, по справедливому замечанию российской исследовательницы Т. И. Калистратовой, находили немедленный резонанс в идеологической сфере [414, с. 75], а с середины 1920-х гг. под флагом защиты ленинизма проходила догматизация марксистско-ленинской теории [414, с. 76]. Масштабные реорганизации, политические проработки, репрессии, «академическое дело» 1929–1931 гг. [135; 300] были логическим продолжением описанных выше процессов.

Идеологическая атмосфера 1920-х гг. обусловила характер международных связей советской исторической науки. В их развитии красной нитью проходила идея о марксизме как единственно верной методологии исторического знания, призванной прийти на смену переживающей кризис буржуазной историографии. Так, идеологическая конфронтация и непризнание СССР проявились в том, что присутствующие на V Международном конгрессе историков в Брюсселе 9–14 апреля 1923 г. Е. В. Тарле, В. В. Бартольд и Н. П. Оттокар признавались делегатами Российской академии наук, но не СССР [318, стб. 271].

С середины 1920-х гг. в условиях «полосы признаний» СССР советская наука обретала, с одной стороны, бóльшую известность, но одновременно нарастала и идейная напряженность. Ее апогеем стал скандал, связанный с выступлением во время работы VI Международного конгресса в Осло 14–18 августа 1928 г. Речь шла о выступлении русского профессора М. И. Ростовцева, находившегося в эмиграции в США. В интервью газете «Афтенпостен» 15 августа 1928 г. Ростовцев весьма однозначно высказался об агрессивности представителей марксистской исторической науки, в которой нет свободного исследования, а присутствует только желание «приноровить фактические условия к теологической догме» [685, с. 91–92]. На одном из пленарных заседаний конгресса выступил М. Н. Покровский с докладом «Происхождение русского абсолютизма с точки зрения исторического материализма» [318, стб. 271]. Изложение концепции российского самодержавия Покровским слушалось, как было отмечено позднее, «внимательно, но с каким-то напряжением, как будто слушатели ожидали, что вот-вот большевистский ученый скажет что-нибудь особо неожиданное» [685, с. 93].

В 1929 г. в исторической науке СССР наступил перелом, связанный со свёртыванием НЭПа и переходом к сталинскому плану построения социализма. Утверждение идеи «исторического фронта» привело к смене относительно мирного сосуществования с представителями дореволюционной историографии к их открытым гонениям и утверждению полного единомыслия [414, с. 122–126].

Степень методологической трансформации и изменение проблемного поля исторического знания были неравномерны и зависели от того, насколько

конкретная проблематика была связана с актуальными политическими задачами. Для медиевистов и историков раннего Нового времени приоритетными областями стали народные движения, общественная мысль, аграрная тематика и, разумеется, буржуазные революции. В свою очередь, изучение последних неизбежно притягивало внимание к государственному строю предреволюционной эпохи — западноевропейскому абсолютизму, в трактовке которого советские историки опирались на выдержки из произведений классиков марксизма.

Российский историк государства и права О. А. Омельченко отмечает, что Маркс, основывающий свое понимание государства на философии Гегеля, в созданных в 1943 г. «Крейцнахских тетрадах» «едва ли не впервые... употребил... и самый термин “абсолютная монархия”» [778]. В публикации К. Маркса «К критике гегелевской философии права» (1843 г.) Маркс противопоставляет гегелевской концепции государства, в частности, монархии как имманентно высшей и разумной идее, свою трактовку и подытоживает: «В монархии мы имеем народ государственного строя, в демократии — государственный строй народа» [652, с. 251–252].

К 1847 г. Маркс сформулировал свои исторические и экономические воззрения. Их выражением стало и понимание абсолютизма, изложенное в «Морализирующей критике и критицирующей морали», где, с одной стороны, К. Маркс опровергал «договорную» теорию монархии, с другой — не мог не обратиться к современным ему политико-философским концепциям [778].

«Современная историография показала, — писал Маркс, — что *абсолютная монархия* возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой. Таким образом, элементы, на которых покоится абсолютная монархия, ни в коем случае не являются ее продуктом; наоборот, они образуют, скорее, ее социальную предпосылку, историческое происхождение которой слишком хорошо известно, чтобы вновь здесь о нем напоминать» [654, с. 306]. Слова «современная историография показала» традиционно опускались в советских работах с целью отмежевать марксистское видение истории, понимаемое как единственно верное, от изначально классово ангажированной буржуазной исторической науки.

В материалах «Капитала» Маркс обращал внимание на обусловленность абсолютной монархии буржуазным развитием — она «сама есть продукт развития буржуазного богатства, поднявшегося на несовместимую с прежними феодальными отношениями ступень» [655, с. 410]. Социальной опорой абсолютной монархии, несмотря на «равновесие сил», является дворянство. «Подобно тому, как феодальные элементы общества видят в короле божьей милостью своего *политического главу*, так и король божьей милостью видит в феодальных

сословиях свою *социальную основу*, пресловутый «оплот короны», — указывает Маркс [653, с. 203].

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс охарактеризовал социальную опору абсолютной монархии: «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом, — указывал Энгельс. — Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство — органом дворянства для подавления крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга...» [1327, с. 171–172].

Абсолютизм, по Энгельсу — это порождение эпохи, когда «в деревне благородные господа хозяйничали еще всюду», но «кругом уже поднялись города» [1325, с. 406]. В этих условиях усиливающаяся королевская власть сыграла прогрессивную роль. Она была «представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации и противовес раздробленности на мятежные вассальные государства» [1325, с. 412].

Говоря о предпосылках абсолютизма, Энгельс подчеркивает еще одно обстоятельство, которое, однако, оставалось в тени советскими историками. Это роль римского права и сословия юристов, в которых «как короли, так и бюргеры нашли могущественную поддержку» [1325, с. 412]. Эти юристы, подчеркивает Энгельс, не только принадлежали к бюргерскому сословию. Само римское право «является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений» [1325, с. 412]. Эти слова Энгельса могли дать основание для утверждений о буржуазной основе абсолютизма, но советские историки считали абсолютизм дворянским государством и неизменно отвергали такие рассуждения.

Почему французский абсолютизм считался классическим? Энгельс указывал: «Франция есть страна, где историческая борьба классов больше, чем в других странах доходила каждый раз до решительного конца... Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единой сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и

основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна» [1326, с. 258–259].

Следует отметить, что трактовка западноевропейского абсолютизма в первое советское десятилетие демонстрирует не только разнообразие, но и парадоксальную на первый взгляд методологическую и ценностную преемственность с установками дореволюционных историков-либералов.

Изданная в 1920 г. работа обобщающего характера А. Г. Вульфуса (1880–1941) структурно и концептуально принадлежит дореволюционной традиции, в характеристике Нового времени господствует позитивистская многофакторность. Однако наиболее красноречива характеристика социальной основы абсолютизма. Написанная историком-немарксистом, она оказывается полностью созвучной с последующими оценками советских медиевистов: «Там, где она достигает полного успеха, абсолютная монархическая власть вступает в теснейшую связь с дворянством и становится на страже его сословных привилегий и преимуществ. Этим как бы компенсируется потеря дворянством прежней феодальной независимости. Буржуазия, которая в конце Средних веков была еще верною союзницей монархической власти, оттесняется на второй план, т.е. попадает в положение, совершенно не соответствующее ее растущему богатству и значению. Отсюда неизбежность сословной розни между дворянством и буржуазией, розни, которая очень сильно будет чувствоваться в XVIII в. во Франции и составит один из мощных двигателей Великой Французской Революции» [199, с. 21–22]. Неоднократно переиздаваемая «Новая история» Р. Ю. Виппера трактовала абсолютизм вполне традиционно — как неограниченную власть короля и назначаемых им чиновников, возможную вследствие бессилия штатов и разъединения сословий [170, с. 105–106].

Методологическое разнообразие демонстрировал сборник «Англия и Франция на исходе XVIII в. (Экономика и идеология)». Молодыми исследователями Я. М. Захером и А. П. Вигдорчик в марксистском духе была написана глава «Экономическое положение Франции накануне революции». Речь шла о противоречии производительных сил и производственных отношений во Франции, названной «типичным самодержавно-бюрократическим государством», где действовал принцип «нет земли без сеньора» [29, с. 69–75].

В работе, написанной в 1925 г., С. Д. Сказкин (1890–1973), в будущем один из лидеров советской медиевистики, отождествляет абсолютизм и Старый порядок во Франции [1073, с. 5]. По Сказкину, возникновение абсолютизма связано с условиями хозяйственной жизни и культурным подъемом. Абсолютизм не встретил особенного сопротивления ни со стороны феодальной знати, ни со стороны еще слишком слабой буржуазии, ни со стороны пассивного земледельческого населения. «Правительство и двор, — отмечал Сказкин, — скоро превратились в самодовлеющую величину, в своеобразную формацию, выполнявшую функции управления и вершившую дела,

сообразно со своими интересами, ложно отождествляемыми с интересами государства, с осуществлением идеи общего блага» [1073, с. 6].

Сопоставление точки зрения С. Д. Сказкина и классической для дореволюционной историографии трактовки Н. И. Кареева приводит к любопытным выводам. Так, Н. И. Кареев также отмечает: «В теории абсолютизм должен был осуществлять «общее благо», на практике после собственного своего интереса на первый план он выдвигал интересы привилегированных сословий, совокупность которых для него, в сущности, и составляла нацию» [429, с. 270–271].

В «Западноевропейской абсолютной монархии» Кареев предельно ясно характеризует социальную основу абсолютизма: «Нужно было угождать и тем, и другим, в то же время ведя свою собственную линию, причем часто симпатии правительства были на стороне дворянства, а расчет пользы диктовал необходимость содействовать осуществлению стремлений буржуазии. Пока власть более или менее искусно лавировала между двумя основными тенденциями тогдашнего общества, позиция абсолютизма была более или менее непоколебимою... В общем счете абсолютная монархия все-таки больше тяготела к дворянству и содействовала развитию купечества, откуда повсеместно «буржуазный» характер всех революций, направленных против абсолютизма» [429, с. 271–272].

Советская историография особенно настаивала на неприятии абсолютизма как «надклассового» государства. Однако в приведенных фрагментах «надклассовость» скорее присутствует у Сказкина, а Кареев по сути изложил концепцию «равновесия». Последняя же традиционно позиционировалась как достижение советской исторической науки, однако при обращении к источникам очевидно иное, а именно — существование концепции «равновесия», пусть и не получившей еще этого названия, в российской дореволюционной новистике.

Негативное отношение к абсолютизму, как системе произвола и контроля, исчерпавшей свой потенциал и приведшей к буржуазным революциям, логичное для либералов, также было унаследовано марксистами. Эту преемственность, не комментируемую советскими историками, отметил в работе «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа» [1265] российский франковед А. В. Чудинов. Она становится понятной из общего неприятия абсолютной монархии как системы и либералами, и марксистами.

Вместе с тем, делать окончательные выводы о преемственности было бы поспешно без оценки популярной в 1920-х гг. концепции «абсолютизм — государство эпохи торгового капитализма». В соответствии с ней, экономические связи порождали политические, крупные феодалы покоряли мелких, князья и короли начинали «собирать земли» [122, с. 77–87]. Центральной фигурой этого периода выступал купец. Это и был торговый капитализм [122, с. 96], время расцвета абсолютной монархии [122, с. 103].

Статья об абсолютизме М. Н. Покровского являлась официальным видением проблемы. Абсолютизм — это форма государственного устройства на основе торгового

капитализма. Для европейских стран она соответствует периоду первоначального накопления, по Марксу, XV–XVIII вв. [887, стб. 87]. Особый акцент делался на насильственном характере абсолютистского государства, которое, согласно Марксу, призвано «облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии» [887, стб. 87]. Абсолютизм — это надстройка периода «торгового капитализма» и по форме «чисто личная власть», обусловленная «колоссальной силой денег» [887, стб. 88]. Соответственно, государственные деятели периода абсолютизма — марионетки в руках торгового капитала [887, стб. 89–90]. Данная схема с максимально развитой социологической и классовой составляющей, выглядела концептуальной новацией.

В обобщающих работах 1920-х гг. по всеобщей истории идея «торгового капитализма» находилась на пике методологической конъюнктуры. Но даже в этой ситуации авторский дискурс отличался. Например, «Эпоха торгового капитала» С. Г. Лозинского (1874–1945), вышедшая в 1926 году, является преимущественно нарративной, без жестких социологических построений [601].

Совершенно иной представляется работа Н. Н. Розенталя (1892–1960) «Истории Европы в эпоху торгового капитализма». Розенталь утверждает, что «там, где процесс обуржуазивания феодалов наталкивается на ряд препятствий, там он обычно нуждается в абсолютной монархии, т.е. такой форме государственной власти, которая является наиболее концентрированной формой общественного насилия [993, с. 23]. В «Западноевропейском средневековье» Н. Н. Розенталь это поясняет, подчеркивая, что «необходимыми предпосылками для возникновения абсолютизма являлись деньги и войско» [991, с. 72]. Обстановка 1920-х гг., полная борьбы и социальных экспериментов, привела Н. Н. Розенталя к еще более радикальному выводу о том, что уничтожение политической власти феодалов и установление абсолютизма — это своего рода буржуазные революции [992, с. 23]. Таковыми, по Розенталю, являются приход к власти во Флоренции партии Медичи, установление абсолютизма в Испании и Португалии [992, с. 17, 23, 25–26], а также централизация Франции в XV в. [992, с. 61–62].

Обобщающая «История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма» В. Д. Преображенского не менее красноречива. Преображенский, как и его коллеги, утверждает, что торговый капитал был заинтересован в обширных рынках и торговых путях, обеспечить которые могла только сильная централизованная монархия во главе с королями как орудиями торгового капитала [938, с. 272].

Охарактеризованные выше работы выглядят своего рода методологическим рывком. Однако, принимая утверждение о том, абсолютизм — это государство, где власть принадлежит торговым капиталистам, уместно поставить вопрос, кто такие эти «торговые капиталисты»? Н. Н. Розенталь отвечает на этот вопрос так: «Наряду с купцом, посредническую функцию выполняет и *феодал-землевладелец* (*курсив мой — Л. Л.*); собирая с зависимого от него населения оброки и стремясь превратить их в

деньги... Многие крупные торговые капиталисты вышли из рядов *феодалной знати*. Вместе с разбогатевшими купцами и промышленниками «неблагородного» происхождения, они образовали новый общественный класс — буржуазию, который и утвердил свое господство на развалинах феодализма» [993, с. 3].

В. Д. Преображенский называет абсолютную монархию «национальной» и считает ее дворянско-купеческим государством [938, с. 275]. Далее он указывает на то, что абсолютизм — государство полуфеодалное и полукapиталистическое [938, с. 276–277]. Таким образом, налицо не только связь с историографической традицией, но простор для будущих дискуссий о социальной основе абсолютизма. Разумеется, государства эпохи торгового капитализма можно было делить на дворянско-купеческие (испанский, французский, Московский абсолютизм) [627, с. 198, 200, 217] и торговые (государства дома Медичи, Венецианская республика, Нидерландские соединенные штаты) [627, с. 233–235]. Однако это не давало однозначного ответа на вопрос о том, государством какого именно класса был абсолютизм. Размытость социальных рамок дворянства и буржуазии, отсутствие достаточных данных делали невозможным измерение степени феодального или буржуазного. В условиях же становления советской историографии, где при недостатке источников и политических спорах была важна четкость, эта ситуация ни к чему, кроме построения схем и дискуссий, привести не могла.

Таким образом, в итоге можно констатировать, во-первых, фактическое присутствие концепции «равновесия», однако, еще не сформулированной официально и не возведенной в ранг канона. Во-вторых, налицо рецепция советскими историками тезисов о характере абсолютистского государства, высказанных еще представителями «русской школы», причем даже такая радикальная попытка разрыва с дореволюционной традицией, как идея «торгового капитала», была относительна. Могло ли быть по-другому, если марксизм был органической частью той самой буржуазной «современной историографии», о которой говорил Маркс и от которой, тем не менее, советские историки считали своим долгом отмежеваться? [24–А]

Среди работ общего характера особое место занимают труды Н. А. Рожкова. Еще до Октябрьской революции вышла его книга, написанная в русле идеи «торгового капитала» — «От самовластия к народовластию. Очерки из истории Англии, Франции и Германии». В 1923 г. она была переиздана под несколько другим названием [980].

Наиболее же значительная работа Н. А. Рожкова, — переизданная в 1928 г. «Русская история в сравнительно-историческом освещении...» в 12 томах. Абсолютизм или, по Рожкову, королевское самодержавие — это форма государственного устройства, соответствующая торговому капитализму, и имевшая место в европейских странах в XV–XVIII вв. Период торгового капитализма, в свою очередь, состоит из двух этапов — дворянской революции (критический период) и Старого порядка

(органический период). Последний сменяется критическим периодом буржуазно-демократической революции и гибелью абсолютизма [991, с. 369–375].

Сущность дворянской революции — в переходе власти из рук старой феодальной аристократии, приспособленной к натуральному или рассчитанному на узкий рынок хозяйству, в руки нового землевладельческого дворянства, ориентированного на национальный и международный рынок. В экономической сфере дворянская революция означает победу торгового капитализма [991, с. 369]. В политической области дворянская революция «ознаменовывает образование монархического самодержавия (абсолютизма) и бюрократии» [991, с. 370]. В социальной сфере дворянская революция характеризуется «господством сословности и преобладанием землевладельческого дворянства и крупной торговой и ростовщической, отчасти также промышленной — буржуазии» [991, с. 370]. Таким образом, согласно Рожкову, социальной опорой абсолютизма являются дворянство и буржуазия, причем дворянству принадлежит первое место.

Проблематика западноевропейского абсолютизма в 1920-х гг. была отражена не только обширными нарративами, но отдельными сюжетами. Один из них, представленный в полярных интерпретациях — Английская революция.

«Лекции по истории Английской революции» А. Н. Савина были изданы в СССР дважды [1015, с. 3]. Первым было посмертное издание 1924 г., вторым — 1937 г., подготовленное его учеником — Е. А. Косминским (1886–1959). В «Лекциях...» очевидно влияние марксизма. Автор оперирует понятиями «классы», «классовые интересы», «социально-экономический уклад» и отмечает, что Маркс впервые охарактеризовал революцию как буржуазную [1014, с. 34]. Для характеристики английской монархии Савин применяет понятие «абсолютизм», а ее социальной основой считает дворян [1014, с. 82]. Однако «Лекции...» Савина — не марксистская работа. Даже внешне она начинается не с социально-экономического очерка, а с анализа идейно-политической борьбы в Англии, корни которой уходят в религиозную жизнь [1014, с. 66–68]. Савин предостерегает от модернизации взглядов вождей оппозиции и приписывания им республиканских ценностей в понимании XX в. [1014, с. 56]. Противники абсолютизма — «не противники монархии... Они только хотят поставить крепкие границы королевской прерогативе» [1014, с. 185].

Примером последовательного марксистского дискурса является работа историка-медиевиста А. Е. Кудрявцева (1880–1941) «Великая Английская революция». Революция выступает как грандиозный классовый конфликт эпохи торгового капитализма, феодальному миру короля и его окружения противостоит капиталистическая часть Англии [559, с. 39–40].

«Меркантилизм» Е. С. Лолы отмечен характерным для рассматриваемого периода обращением к формулировкам К. Маркса и идее «торгового капитала». Раскрывая роль последнего, автор утверждает, что «вызванная к жизни торговым капиталом, абсолютная монархия осуществляла его волю» [602, с. 7].

Эпоха абсолютизма нашла отражение также в «Веке Людовика XIV» А. Н. Савина. «Торжество абсолютизма» связывается Савиным «с падением аристократии и возвышением среднего и мелкого дворянства. Оно является главной социальной силой, на которую опирался новый политический порядок» [1012, с. 62].

Среди публикаций данного периода выделяется статья Н. Н. Розенталя «Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье». Лишенная дискурсивных штампов 1920-х годов, эта работа раскрывает борьбу во время регентства Анны Австрийской. С одной стороны, показано столкновение и взаимодействие социальных групп и компромиссный характер заключенных ими соглашений [993, с. 111, 113]. С другой — события изложены красочно, с характеристиками, пусть и краткими, персоналий, в частности, кардинала Мазарини. Кроме того, Розенталь демонстрирует сравнительно-исторический подход. Совет регентства при Анне Австрийской он уподобляет «верховникам» при Анне Иоанновне — как по составу, так и по результатам деятельности [993, с. 113].

К концу 1920-х гг. набирали силу новые методологические построения. Политика НЭПа была свернута, началась реализация сталинского плана построения социализма. Соответственно, и в исторической науке необходимо было построить единую и понятную для трудящихся картину развития человечества. Отныне единственным непререкаемым российским классиком марксизма становится В. И. Ленин, а среди здравствующих партийных руководителей — И. В. Сталин.

11 июля 1919 г., в условиях гражданской войны, В. И. Ленин прочел перед студентами Коммунистического университета имени Свердлова лекцию «О государстве». Это — изложение азов марксизма перед неподготовленной аудиторией. 18 января 1929 г. лекция «О государстве» была впервые напечатана в «Правде». Этого было достаточно, чтобы сделать ленинскую работу канонической.

По Ленину, «государство, как особый аппарат принуждения людей, возникло только там и тогда, где и когда появилось разделение общества на классы» [586, с. 69]. Роль государства Ленин сводил только к насилию: «Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» [586, с. 75]. Принципиально важным был императив Ленина: «И это деление общества на классы должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт. Развитие всех человеческих обществ в течение всех тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития» [586, с. 70].

Выход ленинской работы совпал во времени с разгорающейся дискуссией о социально-экономических формациях. В 1929 г. вышла книга советского историка-аграрника С. М. Дубровского (1900–1970) «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». Отвергнув тезисы об «азиатском» способе производства и торговом капитализме, Дубровский выдвинул идею о крепостничестве как особой формации, отличающейся от феодализма

централизацией государства. Политической надстройкой этого государства является диктатура крепостников в форме абсолютизма [299, с. 86, 93–95]. Концепция Дубровского стала объектом жестких дискуссий и была отвергнута [951].

Методологический рубеж в трактовке абсолютизма показали материалы прошедшего 2 июня 1930 г. семинара на I курсе секции Запада исторического отделения Института Красной профессуры [3]. Предметом обсуждения был доклад В. М. Мирошевского, в будущем специалиста по Латинской Америке, под названием «Социальная природа западноевропейского абсолютизма» [3, с. 48–52]. Начало тезисов полемично: «Большинство буржуазных исследователей абсолютизма стоят на той точке зрения, что абсолютизм представляет собой обособленную, самостоятельную, силу, стоящую над классами» [3, с. 48]. Автор указывает, что ««надклассовые» теории стоят в резком противоречии с «элементарнейшими положениями марксистского учения о государстве», согласно которому «политическая власть в собственном смысле этого слова есть организованная сила **одного класса** (выделено мной — Л. Л.), имеющая целью подчинение другого класса» [3, с. 48]. Для советского марксиста неприемлема идея о том, что абсолютизм может быть социальным арбитром различных классов. По Мирошевскому, эта концепция ведет к соглашательству, оппортунизму, теории «народного государства» и должна быть «самым решительным образом изгнана из революционно-марксистской науки» [3, с. 48]. Но что же делать, если и «матерые социал-предатели» К. Каутский и О. Бауэр, и беспощадно критикуемый Ф. Лассаль приводят в качестве аргумента работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где есть тезис о временном равновесии борющихся классов и в силу этого независимости абсолютной монархии? И здесь автор прописывает императивный для советских историков тезис: Энгельс говорил только о **видимости** надклассовости, он отнюдь не имел в виду фактическую независимость абсолютной монархии от определенного класса [3, с. 48].

Мирошевский категорически отбрасывает понимание абсолютизма как государства торгового капитала, который не создает особого способа производства. Абсолютная монархия опирается на феодалов-помещиков, ряды которых могли пополняться и торгово-ростовщической буржуазией. Чтобы подавлять эксплуатируемых крестьян, этот класс «помещиков позднефеодального типа» нуждался в абсолютной монархии [3, с. 49–50]. Эти выводы, отодвинувшие купечество и буржуазию на подчиненное место, определяют последующую трактовку абсолютизма советскими историками.

Доклад Мирошевского был прокомментирован и оценен Е. А. Косминским. Косминский отметил, что «как прелиминарная работа доклад выполнен... очень хорошо» [3, с. 43]. Положительная оценка была высказана и за то, что автор покончил «с целым рядом теорий», придающих абсолютизму внеклассовый или надклассовый характер [3, с. 43]. Однако Косминский заметил уязвимые места предложенной конструкции. Например, если торговый капитал не способен организовать собственное

политическое господство, то как расценивать политический строй Голландии, а также торговых республик Генуи и Венеции [3, с. 44–45]? Вопрос об английском абсолютизме, указал Косминский, более сложен, чем его изображает в докладе т. Мирошевский [3, с. 48].

Анализ развития концепта западноевропейского абсолютизма в первое советское десятилетие дает основание для ряда выводов. В первую очередь нужно сказать о методологической и организационной переходности данного периода и практике дискуссий, зачастую политизированных. Их задачей было создание универсальной схемы исторического процесса, идеально вписывающейся в новые идеологические координаты. В данной конструкции немаловажное место принадлежало и западноевропейскому абсолютизму. В его интерпретации, прежде всего, очевидна оценочная преемственность дореволюционных и советских историков. Для тех и других абсолютизм — «неизбежное зло», терпимое на этапе создания централизованного государства, а затем — негативная сила, исчерпавшая свой потенциал и явившаяся причиной буржуазных революций. Такое отношение было понятно — и либералы, и большевики абсолютизм не приветствовали.

Понятна и парадоксальная на первый взгляд методологическая преемственность. Декларативно советские историки дистанцировались от своих дореволюционных учителей. Марксизм, однако, являлся органической частью европейской историографической традиции, и даже такая радикальная попытка методологического разрыва с ней, как концепция «торгового капитала», была весьма относительна. Более того, будущая концепция «равновесия» была, по сути, сформулирована уже российскими либералами-новистами [24–А].

Советская историография, уверенная в абсолютной научности и мессианской роли марксизма, поставила перед собой задачу четко определить социальную основу абсолютизма. Однако изначальное указание классиков марксизма на наличие двух социальных сил — дворянства и буржуазии, и тем более на равновесие между ними предоставляло бесконечное поле для дискуссий. При этом в спорах советских историков были два принципиально недопустимых положения: во-первых, абсолютизм не может быть «надклассовым» или «двухклассным» и, во-вторых, государство может быть выразителем интересом только одного класса. С течением времени, в ходе теоретических споров, в конце 1920-х гг. абсолютизм стал трактоваться как феодальное государство, опирающееся на дворянство [1–А, с. 231–232; 13–А].

3.2 Проблема российского абсолютизма в идейно-политических дискуссиях советской исторической науки 1920-х гг.

До Октябрьской революции существовали различные трактовки российского абсолютизма, и в условиях методологического плюрализма каждая из них находила свою аудиторию. После событий 1917 г. социально-политическая обстановка в стране в корне изменилась. При диктатуре пролетариата приемлемой осталась только идеология победившего класса. Большевистским идеологам надлежало решить ряд задач:

- негативизировать наследие дореволюционной дворянской и буржуазной историографии как классово чуждое;
- селективно использовать содержание дореволюционной историографии;
- критиковать и позиционировать как идеологически враждебных историков, продолжавших находиться на немарксистских позициях;
- жестко указывать на политические и методологические ошибки коллег по партии.

В исследовании А. В. Сидорова «Марксистская историографическая мысль 20-х годов», одном из наиболее емких и взвешенных, показано создание идеологемы об абсолютной правоте марксизма и его мессианской роли. Это включало уничижительное отношение к домарксистской мысли [1057, с. 16–21], формирование идеологических постулатов и культа Ленина как методолога истории [1057, с. 27–29], создание шаблонов «марксистичности» и идеологических ярлыков [1057, с. 32–39], отождествление немарксистских и антимарксистских взглядов [1057, с. 41].

В этих условиях существовали краеугольные проблемы, важные для построения новой исторической картины. Среди них — исторические судьбы российского абсолютизма, специфика государственных и социальных институтов России, и, наконец, степень правомерности и характер российских революций. От трактовки этих проблем в нужном русле напрямую зависело обоснование Октябрьской революции и власти большевиков. Европейский абсолютизм был далек от граждан Советской России, и по этой причине была в целом воспринята его дореволюционная ценностная и содержательная трактовка.

Совершенно противоположной была ситуация в осмыслении российского самодержавия. Свергнутая российская монархия, как недавнее прошлое, ввиду новых идеологических установок, в принципе не могла положительно оцениваться. В крайнем случае, терпимое к ней отношение аргументировалось успехами централизации, реформирования или присоединения территорий. Неприемлемыми

стали идеи государственной школы о закреплении сословий и взаимодействии монархии и общества [11–А].

В «Русской истории» М. Н. Покровский четко расставляет акценты в понимании специфики исторического процесса России. Говоря о феодализме, а далее и не только о нем, он полемизирует с «националистической историографией», стремившейся доказать, что «в истории России все было “своеобразно”, оригинально и непохоже на историю других народов» [901, с. 28]. Такая позиция была не случайна. Во-первых, в свете идеи мировой революции национальные различия были только помехой. Во-вторых, из признания специфики политических институтов России возникал опасный для большевиков вопрос о правомерности российских революций.

О. П. Володьков, автор наиболее значимых ныне исследований о М. Н. Покровском [186–188] прав, утверждая, что теория торгового капитализма была наиболее вариативной и давала «оперативный простор» для конструирования новой исторической модели. Не вызывает сомнения и то, что для адаптации в новых условиях Покровскому приходилось жертвовать «сложностью, неоднозначностью, противоречивостью, нюансами». «Оставался каркас», становившийся «более крупным, ясным и универсальным [186, с. 78–79]. Однако вместе с «ясностью концептуального каркаса» возникли модернизация и упрощение истории.

Всеми указанными чертами был отмечен популярный очерк Покровского «Царизм и революция», опубликованный в 1918 г. Об этом говорят, например, утверждения о том, что «аннексия Иваном III Новгорода была типичным актом буржуазной политики» [391, с. 14] или о том, что в XVI в. наряду с русским империализмом появились польский и шведский [391, с. 15]. Восстание Пугачева, по мнению Покровского, — это и вовсе неудавшаяся буржуазная революция [391, с. 22–23]. Раскрывая причины устойчивости российской монархии, Покровский все же отходит от упрощения и демонстрирует связь «прусского пути» развития России со слабостью российской буржуазии, которая в дворянском правительстве видела не врага, а союзника [391, с. 25–26]. Соответственно, задача свержения монархии была поставлена не перед буржуазией, а перед пролетариатом [391, с. 27–28].

«Русская история в самом сжатом очерке», впервые вышедшая в 1920 г., стала образцом для нового поколения историков и утвержденным пособием для учащихся. Концепция Покровского, по мере выхода различных изданий, претерпевала некоторые трансформации. Самая масштабная ее корректировка была прописана Покровским в июле 1931 г., когда критиковалась идея «торгового капитала». Делая необходимую в то время оговорку, что для Ленина категория «торговый капитал» является ясной и понятной, Покровский далее поясняет: «К чему же ломиться в открытую дверь и так выпячивать торговый капитал, что местами — нечего греха таить — он у меня закрывал феодальную сущность помещичьего государства?» [904, с. 4].

В «Русской истории в самом сжатом очерке» публицистичность и стигматизация прошлого выражены в максимальной мере. Российская история предстает как череда

грабежей, работорговли, эксплуатации народа и издевательств над ним. Страной правят ничтожества, начиная от первых князей — «предводителей шаек работорговцев» [904, с. 22]. От Михаила Романова — «глуповатого шестнадцатилетнего юноши» [904, с. 55], до Николая II, «тупого, ограниченного, пьяного человека», при котором Россия узнала, что «на престоле может быть еще большее ничтожество, чем Александр III» [904, с. 150–151] — перед читателем выступает галерея носителей всевозможных пороков.

При создании статьи об абсолютизме в Большой Советской энциклопедии Покровский более сдержанно указывал, что абсолютизм — это форма государственного устройства, которая возникает на основе торгового капитализма [888, стб. 87]. При этом Покровский уравнивает понятия «абсолютизм», «неограниченная монархия», «самодержавие», а также «суверен» и «самодержец» [888, стб. 87–88].

Несколько ранее, в 1924 г., вышло второе издание очерка об абсолютизме Е. В. Тарле, озаглавленное «Падение абсолютизма в Западной Европе и России». Тарле придерживался марксистской социологии, но не разделял идею о торговом капитале. Он считал, что юридически российское самодержавие перестало быть таковым 17 октября 1905 г. [1116, с. 208]. Однако, несмотря на конституционную внешность, оно фактически являлось государством личного режима [1116, с. 209].

В 1922 г. разгорелась дискуссия между М. Н. Покровским и Л. Д. Троцким о природе российского самодержавия. По верному замечанию О. П. Володькова, Троцкому, выступающему за жесткий, форсированный вариант построения социализма, был необходим исторический прецедент, демонстрирующий применение государственного насилия [186, с. 123]. Формально же Л. Д. Троцкий пришел к выводам государственной школы о приоритете в России государства над экономикой.

Основываясь на экономическом детерминизме, Троцкий объяснял медленное развитие российской экономики неблагоприятными условиями климата и низкой плотностью населения [1146, с. 17]. Существование же России в окружении более развитых стран заставляло ее прилагать максимум усилий, чтобы выжить в конкурентной борьбе. Это привело к гипертрофированной роли государства [1146, с. 18–20]. В результате царская власть оказалась более независимой, нежели европейский абсолютизм, сформировавшийся на основе сословной монархии, и стала «промежуточной формой между европейским абсолютизмом и азиатским деспотизмом» [1146, с. 20–21].

Открывшееся столкновение трактовок абсолютизма «по Покровскому» и «по Троцкому» продемонстрировало его политическую ангажированность, схематизм, опору на цитаты при вторичности исторической аргументации [900; 1146]. Нужно отметить, что Покровский в 1922 г. столкнулся с очень сильным противником, и полемика могла идти как угодно долго, так как оба оперировали марксистскими цитатами и социальными категориями, вариативно их истолковывая. Наконец, Покровский в заключительной заметке подвел итог, смысл которого можно выразить так: если Троцкий уверяет, что его схема «привела не только к пониманию, но и

предвидению Октябрьской революции, это... его личное дело» [892, с. 150–151]. Однако в последнем абзаце Покровский пообещал, что «не зарекается» когда-либо, «объяснить интересующимся», откуда возникла «внеклассовая» схема Троцкого» [892, с. 151].

Такой случай представился в 1925 г. после смерти Ленина, когда Троцкий получал удары от конкурентов по партии. Будучи в фарватере событий, Покровский пишет разгромную статью «Троцкизм и особенности исторического развития России» [905]. Припомнив «как будто академический спор» трехлетней давности [905, с. 154], он демонстрирует связь концепции Троцкого, как одного из «орудий борьбы с ленинизмом» [905, с. 153], с идеями историков государственной школы, особенно Милюкова [905, с. 164].

Сам Покровский также не избежал критики. Ее объектом стал сборник «Марксизм и особенности исторического развития России» [893] с публикациями, направленными против Троцкого. В критических статьях было указано на то, что у Покровского «самодержавие на протяжении своего трехвекового существования одно и то же — «политическая организация торгового капитализма» [651; 1134]. Покровский жестко парировал, указывая, что речь идет не о неизменности, а о «закоченелости» политических форм российской монархии, о чем писал еще Ленин [896, с. 284].

Осенью 1922 г. прошла печально известная как «философский пароход» высылка интеллигенции. Ее жертвами стали, в частности, А. А. Кизеветтер [1228, л. 1], так и не вернувшийся в родину, и Н. А. Рожков, пробывший в тюрьме до января 1923 г. и в итоге высланный в Псков [185, с. 37]. Такими были условия переиздания в 1923 г. «Происхождения самодержавия в России». В предисловии к нему Рожков писал, что в издании существенных изменений нет, «прибавлены лишь некоторые отдельные замечания и сделаны некоторые новые ссылки» [982, с. 212].

Действительно, в методологическом плане работа не претерпела изменений. Новыми в издании 1923 г. были ссылки на «Русскую историю с древнейших времен до смутного времени» Покровского, что для Рожкова было самозащитой. Он обратился к работе Покровского дважды. В первом случае речь шла о В. Шуйском, которого, солидаризовавшись с Покровским, Рожков показал выразителем интересов богатых купцов и дворян [982, с. 401]. Во втором — о том, что во время Смуты и интервенции «польское дворянство в отрядах Сапеги, Лисовского, Рожанского направляло все усилия к истреблению дворянства русского» [982, с. 405]. Надо учесть, что в 1921 г. был заключен Рижский мир, и этот сюжет попадал на острие политической конъюнктуры.

Максимального развития концепция Рожкова достигла в двенадцатитомной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», второе издание которой вышло в 1928 г. уже после смерти автора. Рожков предложил системное видение всемирной истории, создав социологическую схему, основанную на чередовании «критических» и «органических» периодов развития и охватив не только разнообразие

цивилизаций, но разнообразие их структур — от экономики до типов личности [983, с. 21–22]. Концепция Рожкова о колонизации огромных территорий, устойчивости традиционных хозяйственных отношений и неразвитости феодальных институтов была сохранена [984, с. 286–287], равно как и тезис о том, что зарождение российского самодержавия было обусловлено формированием национального и международного рынка. Этот период рывка в экономике по аналогии с процессами в Европе [986, с. 44–151] Рожков называет дворянской революцией, задача которой — привести к власти дворянство, приспособить экономику к новым условиям и создать основы самодержавия и бюрократии [985, с. 271]. Критический период дворянской революции сменился органическим периодом — Старым порядком. В России это 1725–1855 гг., где последние пятьдесят лет — период его разложения [987, с. 5]. При Александре I произошел «надлом Старого порядка» [988, с. 40]. В правление Николая I власть стремилась произвести «только частичные технические поправки... в государственном строе, не меняя основных его принципов и устоев» [988, с. 193].

Отмена крепостного права, по мнению Рожкова, укрепила Старый порядок [991, с. 378]. Причину революции 1905–1907 гг. Рожков видит в полумерах реформы 1861 г. Рожков минимизирует итог первой русской революции [989, с. 127]. Он называет Манифест 17 Октября «октябрьской полупобедой» и считает, что Старый порядок устоял [989, с. 152]. С одной стороны — «нигде феодализм не был столь отсталым» [987, с. 270], с другой — Россия должна была развиваться и преодолевать отставание от передовых стран Запада [990, с. 394]. Подводя итог, Рожков подчеркивает сохранение и в условиях СССР идеи преодоления отсталости России от Запада: «На наших глазах и при нашем участии Россия снова делает гигантский прыжок вперед, стоящий огромных жертв, но обеспечивающий ей хозяйственную самостоятельность и грядущие успехи» [990, с. 394].

В 1929 г. журнал «Историк-марксист» опубликовал пространную рецензию на «Русскую историю...», автором которой был ученик М. Н. Покровского, впоследствии доктор исторических наук А. Л. Сидоров (1900–1966). Марксизм Рожкова был назван не революционным, а «легальным», отражающим позицию мелкобуржуазного идеолога капиталистического пути развития России [1058, с. 219–220]. Общая оценка работы Рожкова была негативной: «Историческая концепция Н. Рожкова... не является фундаментом марксистско-ленинской концепции русской истории» [1058, с. 220].

Наступивший 1929 год стал переломным. НЭП был свернут, начиналась эпоха форсированного строительства социализма и ужесточения в идеологической сфере. Символом наступивших перемен было «академическое дело» против ленинградских ученых, проходившее в 1929–1931 гг.

В 1931 г., за год до кончины М. Н. Покровского, была опубликована его статья «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России» [895]. Эта публикация была весьма показательной. Покровский, приводя большое количество развернутых цитат из Ленина, демонстрирует свою приверженность именно

ленинскому видению истории. В концепцию «торгового капитализма» внесены поправки, разграничены понятия «торговый капитал» и «торговый капитализм». Правильнее, по Покровскому, пользоваться термином «торговый капитализм». Капитализм есть система производства, капитал же ничего не производит [895, с. 287–288]. Соответственно, абсолютизм, или бюрократическая монархия — это видоизменение феодального государства под влиянием товарного хозяйства [895, с. 296]. Связь феодального государства с торговым капиталом началась еще с XVII в., определенном Лениным как «новый период» русской истории [895, с. 299]. Оставаясь по происхождению феодальным, самодержавие эволюционирует в буржуазную монархию [895, с. 299–303]. Построение Покровского было оптимальным, ему удалось совместить идею «торгового капитала» с ленинским пониманием самодержавия. Более того, Покровский создал трактовку абсолютизма, которая будет применяться и впоследствии, при этом «торговый капитал» будет заменен «предпосылками капитализма».

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. в интерпретации российского абсолютизма произошли радикальные изменения. Специфической чертой этого процесса была максимальная политизированность обсуждений российского самодержавия. В ценностном отношении российская монархия и ее представители негативизировались. В методологическом аспекте на смену многофакторности исторического процесса и правовому подходу пришла марксистская социологическая схема с экономическим детерминизмом в основе. Официально принятой стала теория «торгового капитала», в 1920-х гг. ставшая императивной.

С конца 1920-х гг. происходило корректирование концепции торгового капитализма для максимального ее сочетания с воззрениями В. И. Ленина, и М. Н. Покровскому удалось это оптимально реализовать. Интерпретация российского абсолютизма в его работах изменилась от «государства торгового капитала» к государству периода разложения феодализма торговым капиталом, в котором опорой самодержавия были дворяне-помещики. В соответствии с построением единой формационной схемы исторического развития были уравнены подходы к западноевропейскому и российскому абсолютизму.

Вместе с тем, степень методологической трансформации в обоих случаях отличалась. Наряду с радикальным разрывом с дореволюционной традицией в трактовке российского самодержавия, наблюдается значительная концептуальная и ценностная преемственность в интерпретации западноевропейского абсолютизма, вплоть до имплицитного сохранения концепции «равновесия», формулируемой еще в дореволюционной историографии [1–А, с. 204–257; 21–А].

ГЛАВА 4

ОФОРМЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «РАВНОВЕСИЯ» И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АБСОЛЮТИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 1930-Х-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-Х ГГ.

4.1 Социально-политические приоритеты исторической науки СССР 1930- х гг. и оформление концепции «равновесия» в изучении абсолютизма

В дискурсе советской исторической науки 1930-х гг. центральное место заняла идея «исторического фронта». Ярким подтверждением этому выступает статья ведущего советского историка-новиста Н. М. Лукина (1885–1940) «За большевистскую партийность в исторической науке». По мнению Лукина, успехи социализма вызывают у империалистического Запада стремление к подготовке интервенции против СССР. Главные враги революционного пролетариата — не только мировая буржуазия, но и социал-демократия, названная социал-фашистской и «взявшей на себя задачу лечить раны капитализма». Отсюда — необходимость «гигантского напряжения сил коммунистических партий, максимального идеологического вооружения их в деле разоблачения фашизма и социал-фашизма перед трудящимися массами» [603, с. 3].

Атмосферу эпохи не менее красноречиво передают тезисы «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период» фракции Совета Общества историков-марксистов Ленинградского отделения Комкадемии от 6 февраля 1931 г. «Со стороны буржуазной историографии с каждым днем перед нами вырастает все более сплоченный вражеский фронт, — утверждается в тезисах. — Все чаще и чаще нам нужно припоминать слова Ленина: беспристрастной социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе... История же, как наука «сугубо политическая», должна быть максимально политически заостренной и партийной в бóльшей степени, чем другие науки, она должна непримиримо бороться со всякими уклонами от ленинского понимания исторического процесса» [1024, л. 1–3, 5].

В четвертом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», изданном в 1966 г., содержится, возможно, максимально объективная в условиях тех лет характеристика историографии сталинской эпохи, данная одним из крупнейших исследователей феодальной России Л. В. Черепниным (1905–1977): «Научные дискуссии подменялись «проработками», разгромом целых групп историков и исторических учреждений, предъявлением политических обвинений... В

дальнейшем, в связи с нарушениями социалистической законности, многие честные советские историки сделались жертвой клеветы и необоснованных репрессий. Непомерно возвеличивалась роль Сталина в исторической науке... Складывалась нездоровая и вредная для научной работы обстановка» [801, с. 162].

После распада СССР произошла переоценка советской историографии, болезненная и сопровождавшаяся дискуссиями, и сформировался целый пласт соответствующих работ. Их можно классифицировать и охарактеризовать по нескольким признакам. Во-первых, это институциональная историография. Однако внимание авторов акцентировано на том, что в советских публикациях оставалось в тени — отношения внутри профессиональной корпорации, неформальных связях, механизмах коммуникации, борьбе за лидерство и т.д. Во-вторых, это мемориальная историография, но тональность повествования отнюдь не всегда выдержана в традиционном почтительно-академическом тоне. Наконец, в работах ярко выражен личностный авторский акцент, что дало основание называть работы этого направления «эго-историей» [930, с. 415].

Монографии, биографические очерки, интервью, мемуары уже привлекли внимание исследователей [469]. Целесообразно обратить внимание на те из работ, которые затрагивают рассматриваемый в диссертации сюжет. Речь идет об «образе исторической науки» [209; 222; 300; 1126], раскрытии условий развития советской медиевистики [233; 236; 248; 410; 575; 577; 1152], а также связанных с ними переоценками и «войне мемуаров» [232; 235; 683; 684; 1007].

Поиски классовых врагов в науке были важнейшими чертами 1930-х – начала 1950-х гг. Например, в проекте резолюции «О положении и задачах на фронте исторической науки» 1931 г. отмечалось: «Недостаточно разоблачены наши действительные «допшианцы» (сторонники концепции австрийского медиевиста А. Допша — Л. Л.) — (Косминский, Неусыхин, Грацианский), псевдомарксисты, прикрывающие марксистской фразеологией буржуазные концепции (Преображенский, Попов-Ленский, Сказкин), протаскивающие идеалистические концепции (Розенталь), двурушники (Захер) ученики Тарле» [1025, л. 4].

Идеологическую настроенность эпохи иллюстрирует также вступление в лекционный курс по истории средних веков Е. А. Косминского, читаемый студентам МГУ в 1935/36 учебном году. «Товарищи, — обращается Косминский к аудитории, — в этом году, как и в прошлом, мы будем стараться давать вам научную конкретную историю, т.е. историю на основе марксистско-ленинской методологии. Мы не должны забывать, что история, особенно в настоящее время, является фронтом ожесточенной борьбы, что здесь мы имеем перед собой не только борьбу за объективную науку, каковой может быть только история, опирающаяся на метод марксизма-ленинизма, но и борьбу чисто политическую» [542, с. 1–2]. Контакты советских и зарубежных историков прекратились. Последним

международным конгрессом, на котором присутствовали историки СССР, был VII конгресс в Варшаве 21–28 августа 1933 г. [318, стб. 272].

Вместе с переходом к строительству социализма по сталинской модели радикально изменилось отношение власти к преподаванию истории, которое должно было формировать гражданина первого в мире социалистического государства. Однако для реализации этой задачи социологические построения «школы Покровского», негативизирующие прошлое России, не были пригодны. Так, в Постановлении Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. констатировалось, что вместо преподавания истории «в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов... учащимся преподносят абстрактные определения социально-экономических формаций» [461, с. 18].

При Академии наук СССР аспирантура и докторантура были введены еще в 1929 г. — первый набор аспирантов в Ленинградском отделении Коммунистической академии составлял пять человек. Четыре аспиранта были из служащих, один — из рабочих, при этом четверо были членами ВКП(б) [1023, л. 25]. В 1934 г. аспирантура появилась при всех исторических факультетах университетов по всем разделам истории [152, с. 83]. В том же 1934 г. был возвращен термин «средние века». Однако теперь средневековье понималось как эпоха господства феодального способа производства [577, с. 4]. В феврале 1936 г. был создан Институт истории, первым директором которого стал академик Н. М. Лукин, и одной из главных задач советских ученых стала борьба с «фашистскими фальсификаторами истории» [1039, с. 87].

Замечания Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории вносили ряд указаний. Так, были разграничены понятия «самодержавный строй» и «строй феодальный» [461, с. 22], предписано отказаться от термина «Старый порядок», заменив его «абсолютистско-феодальным порядком» и освободить материал от обилия «эпох» [461, с. 27].

Авторами «Замечаний...» было указано на необходимость противопоставления Французской и Октябрьской революций. Обе революции, обрамлявшие Новое время, должны были представляться принципиально различными. Французская революция, «освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма», наложила на него новые цепи — капитализма и буржуазной демократии, — утверждалось в «Замечаниях...». — Октябрьская революция, напротив, освободила народ от всех форм эксплуатации» [461, с. 25–26]. Понятия «новейшая история», связанного с Октябрьской революцией, тогда еще не применялось. Период 1918–1934 гг. считался «третьей частью» Новой истории [461, с. 25–26]. Почему же Французская революция была заменена на Английскую в качестве события, открывающего Новую историю?

Четкого ответа на этот вопрос нет. Возможно, сыграло роль 300-летие Английской революции в сочетании с признанием ее значимости в историографии.

На собрании Отделения истории и философии АН СССР 28 октября 1940 г. этому был посвящен первый вопрос, доклад делал Е. А. Косминский [61, л. 3]. Говоря о начале Нового времени, Косминский предлагал выбрать «поворотный момент, имеющий всемирно-историческое значение» [61, л. 11]. Французская революция им быть не может, так как буржуазное общество в это время уже существовало. Именно Англия, утверждает Косминский, пережила буржуазную революцию в XVII в., и, как подчеркнул Косминский, «Маркс и Энгельс изучали именно на Англии, как типичнейшей капиталистической стране, законы становления и развития капитализма» [61, л. 11–12].

Точка зрения Е. А. Косминского оспаривалась, правда, безуспешно, О. Л. Вайнштейном в неопубликованной статье «К вопросу о «начале» новой истории (в порядке дискуссии)» и датированной 04. 01. 1941 г. [727, л. 2–14]. Вайнштейн отстаивает действовавшую периодизацию, в которой началом Новой истории является Французская революция. По Вайнштейну, капиталистические отношения могли сформироваться только в результате промышленной революции, а она началась лишь во второй половине XVIII в. [727, л. 5–6]. Французская революция принципиально отличается от предшествующих ей тем, что в ней не было религиозной окраски, а только политическая, и закончилась она полной победой над феодализмом [727, л. 7–8]. Итогом дискуссии стало указание в лекциях по истории средних веков А. Д. Удальцова и С. Д. Сказкина, вышедших в 1944 г.: «Последний период средневековой истории мы начинаем с XVI в. и кончаем кануном Английской революции» [1158, с. 6].

Мессианской идеей советской науки была проникнута вступительная статья первого номера «Вестника древней истории», начавшего выходить в 1937 г.: «Буржуазная история вовсе не заслуживает названия науки... Энгельс в связи с... сословно-классовым характером буржуазной историографии писал: “Всю историю надо начинать изучать сызнова”. Такое изучение необходимо не только потому, что история насыщена классово-фальшью и ложью, но и потому, что она не имела научного метода для объяснения прошлого. Этот метод был дан истории только Марксом в виде исторического материализма» [1037, с. 5–6].

В 1938 г. миллионным тиражом был издан идеологический канон для советских историков — «Краткий курс истории ВКП(б)». В главе IV указывалось: «Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический» [386, с. 119]. Слово «основных», очевидно, давало пространство для возможного теоретического маневра.

Знаковым событием, подводящим итог в области развития исторической науки, стал выход в 1939 г. первого тома «Истории СССР» с древнейших времен до конца XVIII в. Введение к этому фундаментальному изданию расставляло ряд значимых акцентов. Во-первых, речь шла об истории общества «на территории

нашей *социалистической родины* (курсив мой — Л. Л.), начиная с древнейших времен» [406, с. 5], т.е. знание истории связывалось с патриотическими чувствами. Во-вторых, со ссылкой на «Краткий курс» подчеркивалось, что история развития общества «есть, прежде всего, история развития производства» [406, с. 5]. Указывалось, что работы Ленина и Сталина «дают нам понимание важнейших исторических событий, раскрывают все содержание истории нашей страны» [406, с. 7]. Наконец, подчеркивалось, что каждый гражданин «должен знать героические страницы борьбы за ее независимость, борьбы рабочих и крестьян за свое право строить социалистическое общество» [406, с. 7–8].

Итогом 1930-х гг. стало установление принципов функционирования исторической науки, сохранившихся на протяжении всей советской эпохи. Всеобщая история и история России были сведены в единую формационную схему, была принята периодизация Новой истории, сохранившаяся до конца 1980-х гг. Каждая социально-экономическая формация, как совокупность экономического базиса и политической надстройки, имела соответствующую систему власти. Важнейшим элементом надстройки было государство, как аппарат насилия господствующего класса. В XVI–XVIII вв. господствующей формой государства была абсолютная монархия, а созданная ею социально-политическая система получила название феодально-абсолютистского строя [1–А, с. 258–277].

Проблема абсолютизма была одной из важнейших в изучении истории. Например, в программе семинария по истории стран Запада 1931/32 учебного года для аспирантов I курса Ленинградского отделения Коммунистической академии западноевропейскому абсолютизму уделялось такое же внимание, как позднефеодальному поместью и генезису капитализма [1023, л. 54, 54 об.].

В 1932 г. вышел очерк Е. А. Косминского «Феодализм в Западной Европе», где генезис абсолютизма выводился из развития производства и торговли. Вследствие последнего сплывалось феодальное государство. Однако, указывал автор, несмотря на борьбу с политической самостоятельностью отдельных сеньоров и опору на буржуазию, «монархия остается по своей классовой сущности феодальной, возглавляя лишь новый этап в развитии феодального способа производства» [154, с. 11].

Положения, сформулированные Е. А. Косминским, были развиты в статье профессора Ленинградского университета П. П. Щеголева (1903–1936) «Учение Маркса о первоначальном накоплении» (1934). Напомнив о недопустимости «надклассового» понимания государства [1314, с. 47], автор указал на то, что процесс первоначального накопления протекает в рамках феодального способа производства. Власть в это время принадлежит дворянству, помещикам-феодалам. Следовательно, абсолютизм — это одна из форм феодально-крепостнического государства, при которой господствующим классом остается дворянство, а

основным содержанием всей политики — оборона феодальной системы эксплуатации от крестьянских масс [1314, с. 48].

С середины 1930-х гг. интенсивно создавалась учебная литература для вузов, уделявшая проблеме абсолютизма неизменное внимание. Так, в лекциях 1938 г. Е. А. Косминского указывалось, что к концу XV в. две ведущие европейские страны — Англия и Франция — вступили в период «феодального абсолютизма» [543, с. 375–380], переход к которому во Франции был обусловлен проведением монархией военных и финансовых реформ с привлечением средств буржуазии [543, с. 375–377].

Важность изучения английского абсолютизма объяснялось формированием в Англии классического капитализма. Не случайно поэтому Косминский отмечал всемерное содействие первоначальному накоплению как особенную черту английской абсолютной монархии [540]. Не меньшее внимание уделялось причинам Английской революции. А. Е. Кудрявцев в статье «Кризис абсолютизма в Англии начала XVII века» указывал, что во время Якова I королевский абсолютизм уже «резко выявил свою феодальную сущность», но собрание сил революции прошло только начальную фазу, еще не охватив народных масс» [561, с. 321]. Англовед В. М. Лавровский (1891–1971) подчеркивал, что для капиталистического развития рамки феодально-абсолютистской монархии стали тесны, однако Стюарты пытались их сохранить [740, л. 9].

Проблема абсолютизма в других странах Европы освещалась в единичных публикациях общего плана. Так, С. Д. Сказкин называл Пруссию и Австрию военно-крепостническими державами [1062]. Ленинградский историк И. В. Арский (1913–1941) вслед за Марксом считал, что испанский абсолютизм, не имевший под собой достаточной экономической базы, скорее был проявлением азиатской формы правления [58]. Сюжет об испанском абсолютизме был отражен также в обобщающей работе А. Е. Кудрявцева «Испания в средние века» [560]. Установление монархических режимов в Италии, опорой которых была земельная и финансовая аристократия, было рассмотрено в пособии ученика Н. И. Кареева В. В. Бирюковича (1893–1954) [113].

Центральное место в изучении абсолютной монархии занимала Франция как страна классического абсолютизма и буржуазной революции. В 1936 г. вышло учебное пособие В. В. Бирюковича «Абсолютная монархия во Франции», в котором автор демонстрировал сложную структуру французского общества при абсолютизме. Бирюкович акцентировал внимание на «дворянстве мантии», рекрутировавшемся из одворянившейся буржуазии. Занимавшее место в королевской администрации и организующее свое хозяйство по-новому, оно было опорой абсолютизма [4, с. 1–5]. Будучи дворянским государством, абсолютная монархия способствовала торговле и промышленности, пользуясь поддержкой буржуазии, которая «еще далеко не доросла до задач буржуазной революции» [4,

с. 7]. Задачами абсолютизма были укрепление нового дворянства, содействие подъему буржуазии, привлечение на свою сторону старого дворянства, ликвидация политической самостоятельности крупных феодалов, и, наконец, объединение всех сил «на защиту феодально-самодержавного строя» [4, с. 9].

Е. А. Косминским абсолютная монархия расценивалась как отражающая интересы дворянства в целом. Абсолютизм пользовался и поддержкой буржуазии, так как содействовал развитию промышленности и торговли. В свою очередь, кредитование монархии обеспечивало ее союз с буржуазией [539, с. 39–41].

В предисловии к книге А. де Виньи «Сен-Мар» (1936) С. Д. Сказкин оценивал «феодально-абсолютистскую монархию» как «политическое новообразование», созданное вместо «феодального распыления» средневековья. Она «концентрировала волю класса феодалов и могущество одного из феодалов, который превратился в неограниченного монарха» [1069, с. 227].

Французский абсолютизм накануне 1789 г. характеризовался не только как упадочный и антинародный, но и как государство, у которого не было перспектив. Стенограмма лекции «Феодально-абсолютистский порядок во Франции накануне буржуазной революции XVIII века» франковеда А. И. Молока (1898–1977) указывала на противоречия между элементами капитализма и пережитками феодализма в феодально-абсолютистской Франции. При этом политика абсолютизма, олицетворявшего реакцию, создавала революционную ситуацию [700, с. 4; 701, с. 3]. В 1939 г. вышла первая часть «Новой истории», где о предреволюционной Франции говорилось: «Верхи потеряли всякое доверие и обанкротились. Они уже не могли управлять по-старому. Народ исчерпал все свое терпение и больше не хотел жить по-прежнему» [763, с. 63]. Франковед В. П. Волгин (1879–1962) рассматривал эту проблему глубже. Он считал просвещенный абсолютизм важным явлением внутренней политики Франции [182, с. 85–96], отражавшим ситуацию, при которой абсолютная монархия превращается в препятствие для дальнейшего развития государства [182, с. 87].

В «Очерках из истории Западной Европы XVI–XVII вв.» П. П. Щеголева (1938) абсолютизм интерпретировался как «особая форма диктатуры дворянства в условиях разложения феодальной формации и зарождения в ней капиталистических отношений» [1313, с. 10].

В 1939 г. вышел второй том двухтомной «Истории средних веков», охватывающий период XVI–XVIII вв. В первой главе, написанной С. Д. Сказкиным, эта эпоха характеризовалась «тремя основными фактами» — развитием капиталистического хозяйства, превращением сословия горожан в класс буржуазии и появлением новой политической формы феодального государства — феодально-абсолютистской монархии [401, с. 3]. С. Д. Сказкин подчеркивает, что о политическом господстве буржуазии речь не идет — оно осуществляется лишь в конституционном государстве XIX века. В эпоху же абсолютизма для буржуазии

была благоприятна политическая централизация. В силу этого буржуазия не только поддерживает абсолютную монархию, но и «принимает заметное участие в бюрократических учреждениях» [401, с. 11].

Таким образом, несмотря на методологическое нивелирование, очевидны индивидуальные оттенки в трактовках абсолютизма советскими историками.

В. В. Бирюкович в защищенной в 1939 г. докторской диссертации «Французский абсолютизм и финансисты в XVII в. (1622–1634 гг.)» [341, с. 278–279] различал в составе дворянства феодально-аристократическую оппозицию, старое дворянство («людей шпаги») и одворянившихся представителей буржуазии, служащих монархии («людей мантии») [117, с. 182–185]. «Люди мантии» были государственными чиновниками, занимавшими должности по праву частной собственности, и уже при Генрихе IV они заняли доминирующее положение в бюрократической системе [117, с. 182–183].

Борьба группировок дворянства и буржуазии, завершившаяся приходом к власти кардинала Ришелье, демонстрирует, по мнению Бирюковича, установление именно того социального баланса, который отвечал природе и целям абсолютной монархии. Это мобилизация общественного мнения на борьбу с феодальной аристократией, укрепление связи монархии с «людьми мантии», обеспечение поддержки городских верхов и предотвращение присоединения к грандам (феодальной аристократии) большинства старого дворянства [341, с. 279].

Во время защиты диссертации Бирюкович подверг серьезной критике существующую трактовку абсолютизма. Во-первых, он обратил внимание на то, что в этом вопросе «господствует голая схема, оторванная от анализа конкретных фактов» [341, с. 279]. Во-вторых, указал на схематизм и «искажение марксистско-ленинской методологии» в статье Щеголева, где абсолютизм отождествляется с диктатурой дворянства и защитой только его интересов. Эта упрощенная схема, по мнению Бирюковича, уже стала классической, так как представлена в только что вышедшем учебнике по истории средних веков [341, с. 279].

Такие высказывания диссертанта серьезно задевали его оппонентов — С. Д. Сказкина и Б. Ф. Поршнева. Глава XVI второго тома учебника по истории средних веков, содержащая упрощенное, по мнению Бирюковича, рассмотрение французского дворянства принадлежала С. Д. Сказкину [401, с. 302–303]. Демонстрация собственного мнения Бирюковичем раздражала и Поршнева, готовящего к защите докторскую диссертацию. Бирюкович занимался разработкой народных движений во Франции XVII в. [115] практически одновременно с Поршневым. Как утверждает О. И. Зезегова, именно Бирюкович первым обратился к этой проблеме, между тем как до конца 1960-х гг. первенство в этом отдавалось Б. Ф. Поршневу [342, с. 20; 349, с. 185–186]. Это накалило атмосферу дискуссии, причем Бирюкович призвал не «выдумывать абстрактные основания и мертвые

схемы», а заняться изучением источников и к ним применять «тот метод, которым основоположники марксизма пришли к своим выводам» [341, с. 279].

Б. Ф. Поршнев (1905–1972), один из крупнейших исследователей абсолютизма и народных движений XVII в., по-своему расставлял акценты в понимании абсолютизма. Если для С. Д. Сказкина «универсальным ключом» к сути абсолютизма была его социальная основа, то для Б. Ф. Поршнева — классовая борьба, о чем не раз писали С. В. и Т. Н. Кондратьевы [506–509; 512; 514–515].

К 1935 г. Поршнев, отмечает Т. Н. Кондратьева, выразил свое понимание Фронды, во-первых, как финала борьбы феодальных сеньоров за утраченную независимость, и, во-вторых, как пролога буржуазной революции и непосредственного отклика на события Английской революции [516, с. 158]. Значительно позже в заметке «Как я работал в СССР над книгой по истории Франции» Б. Ф. Поршнев рассказывал, какое впечатление произвел на него массив источников. Результатом стала уверенность в том, что «что Фронда не была беспринципной и поверхностной политической смутой, что она была настоящей бурей, всколыхнувшей все общество и умы Франции» [789, л. 1].

Во второй половине 1930-х г. концепция Поршнева в основном сформировалась, что нашло отражение в его рецензии на «Мемуары» герцога де Сен-Симона, вышедшие в 1936 г. Сен-Симон, подчеркнул Поршнев, олицетворяет высшую феодальную знать, оттесняемую от власти новым дворянством и буржуазией. В рецензии сформулирована и трактовка абсолютизма как централизованного государства, необходимого для того, «чтобы сдерживать клочковатые во Франции общественные противоречия, чтобы не допустить взрыва» [914, с. 236]. Эта же мысль повторяется и в статьях 1939–1940 гг. о крестьянских и плебейских восстаниях, постепенно превращавшихся в выступления против самого феодального строя и утративших религиозную окраску [917, с. 90; 919, с. 3–4].

Наибольшие сложности у советских медиевистов вызывало выяснение роли буржуазии как наиболее подвижного и двойственного элемента в системе «равновесия». В докторской диссертации Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции в XVII веке», защищенной 26 декабря 1940 г. [1275, с. 147] раскрытию социальной природы буржуазии уделено внимание во вводной части. Она была опубликована в виде статьи «Чем было «третье сословие» во Франции XVII века?» [929, с. 91–113]. Согласно классикам марксизма, Поршнев указывал, что двойственность буржуазии объяснялась переходностью периода, когда «капиталистический уклад уже существовал, а политическая буржуазная революция еще не совершилась» [929, с. 91].

В докторской диссертации и ее опубликованном в 1944 г. автореферате [918] Б. Ф. Поршнев развернуто изложил свою концепцию:

- абсолютная монархия есть централизованный орган классового господства дворян и защиты феодального строя от революционного движения народа;
- экономической политикой абсолютизм косвенно способствовал развитию капитализма;
- буржуазия еще не решалась поддержать народ и совершить буржуазную революцию, опасаясь народных масс и нуждаясь в покровительстве монархии;
- абсолютная монархия нуждалась в кадрах бюрократии, вышедших из буржуазии, и, оказывая ей поддержку, отвлекала от объединения с революционным народом [1275, с. 147];
- борьба народных масс против налогов — это борьба против абсолютизма и феодализма, так как налоги — это не что иное, как централизованная феодальная рента, взимаемая государством наряду с сеньориальной;
- XVII век, классический век абсолютизма во Франции, был классическим веком народных восстаний, в связи с чем в новом свете предстает Фронда — общий кризис феодально-абсолютистской системы;
- абсолютистская доктрина сложилась на почве опыта борьбы с народными восстаниями в связи с задачами их предотвращения и подавления [918, с. 37–38].

Поршневу стремился построить на основе своей концепции целую систему исторического знания и подчеркивал, что «детальное изучение народных восстаний выясняет анатомию всего французского общества XVII века» [918, с. 38]. Диссертация также была шагом к созданию книги о народных восстаниях XVII в. как прологе Фронды. За месяц до начала Великой Отечественной войны вышла статья Поршнева «Проблема Фронды». В пользу того, что Фронда была неудавшейся буржуазной революцией, Поршневу проводил аналогию между программой Парижского парламента 1648 г. и «постановлениями палаты Святого Людовика», и требованиями Долгого парламента в Англии [923, с. 99].

Защита кандидатских диссертаций во второй половине 1930-х гг. демонстрировала актуальность проблемы абсолютизма. В 1937 г. под руководством С. Д. Сказкина защитил диссертацию аспирант МГУ Г. Г. Жордания по теме «Экономическая политика кардинала Ришелье» [319]. В 1940 г. под руководством Н. П. Грацианского была защищена кандидатская диссертация Б. Б. Пыхтеева «Аграрная политика Генриха IV» [1105, с. 151], где утверждалось, что «развитию национального земледелия Генрих IV содействовал больше, чем любой из французских королей» [961, с. 57]. В конце 1930-х гг. защитили кандидатские диссертации два исследователя, оставившие весьма различно оцениваемое научное наследие. Речь идет о З. В. Мосиной и А. Д. Люблинской.

Две статьи З. В. Мосиной (1898–1953), посвященные абсолютизму Генриха IV [704; 708], отражают содержание ее кандидатской диссертации, защищенной 25 декабря 1939 г. [65, л. 43–89]. Абсолютная монархия, согласно Мосиной, является органом господства дворянства, однако абсолютизм не

исключает противоречий с его верхушкой. Абсолютизм пользуется в известных пределах поддержкой буржуазии [704, с. 36]. При этом абсолютизм «все больше превращался в реакционную силу» [708, с. 104] и предрекалась «неизбежность во Франции в дальнейшем революционного столкновения» [704, с. 62].

Содержание диссертации З. В. Мосиной первоначально встретило весьма критическое отношение. Сохранились отзывы на нее Б. Ф. Поршнева и Е. А. Косминского соответственно от 20 и 27 апреля 1939 г. Поршнева категоричен в своем мнении о том, что «работа не может явиться кандидатской диссертацией по самому своему типу (подчеркнуто Б. Ф. Поршневым — Л. Л.)... сочинение тов. Мосиной является по выбору и постановке темы научно-популярным... Источники привлекаются почти исключительно с иллюстративной целью. Стремление к обобщению... приводит: 1) к игнорированию эволюции, смены периодов в правлении Генриха IV; 2) к игнорированию борьбы противоречивых тенденций в этом правлении; 3) к упущению многих важнейших проблем, без которых характеристика абсолютизма Генриха IV неполна» [74, л. 2–3].

Е. А. Косминский был более дипломатичен и уклонился от разбора диссертации. Он указал, что работа З. В. Мосиной «ставит тему слишком широко и неопределенно и не вполне отвечает тем требованиям, которые предъявляются к кандидатской диссертации как исследованию по источникам». Косминский сослался на то, что не работал с источниками эпохи Генриха IV и порекомендовал обратиться к Сказкину, Поршневу или Бирюковичу [74, л. 5].

Обсуждение диссертации З. В. Мосиной «Идея абсолютизма в королевских посланиях и законодательных актах Генриха IV» [65, л. 43–91] выявило совершенно разный стиль научного мышления экспертов.

Первым выступил В. В. Бирюкович. По его мнению, тема слишком широка [65, л. 66], «исследование... ни по одной линии не доведено до конца» [65, л. 57]. Бирюковичем был задан ряд вопросов. Что подразумевается под «дворянской природой» абсолютизма? В чем выражалась дворянская политика Генриха IV, если при нем дворянство шпаги оказалось в критическом положении? Вправе ли мы приписывать ему такой эпитет — «дворянский король»? [65, л. 62].

Выступавший вторым Б. Ф. Поршнева не поддержал своего коллегу. Зачем усложнять вопрос, если и так все уже определено классиками марксизма? «У меня лично не вызывает сомнений термин «дворянская монархия», «дворянский король», — однозначно заявляет Поршнева [65, л. 68–69]. Поршнева согласен, что «какую бы сторону французского абсолютизма ни взять — она не нашла себе полного освещения в этой работе» [65, л. 75]. «Но, — указывает он, — должно быть очевидным, что в основном найти исходные позиции этого нового укрепления абсолютизма во Франции XVII века можно, только учтя ту историю классовую борьбу, которая наполняет историю Франции в конце XVI века» [65, л. 75–76].

Выступавший третьим С. Д. Сказкин был наиболее лоялен. Он указал на добросовестность З. В. Мосиной, разработавшей масштабную тему на основе марксистско-ленинской методологии [65, л. 83]. По итогам обсуждения З. В. Мосиной была присуждена степень кандидата исторических наук.

В 1940 г. в Ленинграде защитила кандидатскую диссертацию ученица В. В. Бирюковича, будущий выдающийся медиевист, палеограф и источниковед А. Д. Люблинская (1902–1980). Кандидатская диссертация А. Д. Люблинской «Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV. Договор в Сент-Мену и Генеральные штаты 1614 г.» тематически дополняла докторскую диссертацию В. В. Бирюковича. Как и Бирюкович, Люблинская стремилась выявить в политической истории начала XVII в. расстановку классовых сил и показать социально-классовую основу французского абсолютизма [613, с. 1].

По мнению Люблинской, правительство Марии Медичи в основном продолжало мероприятия покойного короля. Это была политика французского абсолютизма в период его роста, которая опиралась на людей мантии, поддерживающих союз с городским нобилитетом и буржуазией и располагавшая симпатиями народных масс, так как боролась с феодальной анархией [613, с. 2].

Смута начала XVII в. объяснялась стремлением грандов (феодальной аристократии) добиться политической власти. Однако, как пишет Люблинская, они не получили устойчивой социальной опоры. Во-первых, их претензии были удовлетворены условиями мира в Сент-Мену и обещанием созвать Генеральные штаты. Во-вторых, «люди мантии» и буржуазия не поддержали притязания аристократии, выступив в поддержку короля [613, с. 4]. Внося дополнения в существующую трактовку абсолютизма, диссертация стала основой для дальнейшего изучения Люблинской Франции первой половины XVII в.

Перед самым началом Великой Отечественной войны вышла фундаментальная коллективная работа о Французской революции под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле. Характеристика предреволюционной Франции, написанная доктором исторических наук Ф. В. Потемкиным (1895–1973), станет неизменной в советской историографии: «Абсолютистско-феодальный строй во Франции сохранился вплоть до 1789 г. Располагая неограниченной властью, освященной теорией так называемого «божественного права», король мог по своему усмотрению решать все дела административные и судебные, объявлять войну или заключать мир, издавать или отменять любые законы» [1190, с. 1].

На фоне достаточно результативного изучения западноевропейского абсолютизма контрастно выглядит почти полное отсутствие работ по истории российского самодержавия, что иллюстрирует неравномерность изменений в разных областях исторического знания. Сдержанные оценки западноевропейского абсолютизма перешли из дореволюционной историографии в советскую. Однако

совершенно иная ситуация сложилась в отношении российского самодержавия, символизировавшего ненавистный и поверженный «старый мир».

В 1932 г. вышла книга исследователя российского капитализма Н. Н. Ванага (1899–1937) «Краткий очерк истории народов СССР». Издание представляло самодержавие как диктатуру помещиков-крепостников, «исполнительный комитет» в деле порабощения помещиками крестьянских масс» [155, с. 32].

В 1933 и 1934 гг. были опубликованы две работы — статья «Петровские реформы» [1136] и книга «Очерки феодально-крепостной России» [1135] С. Г. Томсинского (1894–1938), изучавшего народные движения XVII–XVIII вв. Статья Томсинского начиналась тезисом: «Характер «петровских» реформ можно понять только в тесной связи с той классовой борьбой, которая им предшествовала» [1136, с. 53]. По мнению С. Г. Томсинского, российское правительство контролировало общественное мнение при помощи литературы, живописи, архитектуры, причем «господствующие классы использовали икону как орудие классовой борьбы» [1136, с. 53]. В «Очерках истории феодально-крепостной России» утверждается: «Классовая борьба, непрерывные крестьянские войны с конца XVI и в течение всего XVII в. заставили феодала-крепостника вооружиться с головы до ног. Это было невозможно без крайнего нажатия на крестьянские массы, напряжение достигло “высшего градуса” во время петровских реформ» [1135, с. 286]. Эти выводы вытекали из характеристики Сталиным петровской России как государства дворян и купцов [1102, с. 105] и тезиса Сталина о революции крепостных [1103, с. 239–240].

В связи с отмеченным, в новом свете предстает концепция Б. Ф. Поршнева о классовой борьбе как главном факторе развития абсолютизма. При сопоставлении работ С. Г. Томсинского и Б. Ф. Поршнева очевидно, что Поршнев не является ее первым выразителем и монопольным обладателем. Исследования биографии Поршнева, проведенные Т. Н. Кондратьевой, подтверждают это. Два своих первых доклада — о крестьянских восстаниях в Байонне и Бретани — Б. Ф. Поршнев прочел на заседании кафедры средних веков Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в 1935 г. [510, с. 81–82; 513, с. 187], т.е. позднее, чем вышли работы Томсинского.

На протяжении второй половины 1930-х гг. в основу разработки концепта российского абсолютизма были положены высказывания Ленина и Сталина. Проблема абсолютизма получила отражение практически лишь в учебной литературе. Исключением стала статья декана исторического факультета Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ) Г. Н. Анпилогова (1902–1987) «Сенат при Петре I», в которой создаваемое Петром государство характеризовалось как «военно-бюрократическая империя» [44, с. 49] и власть «помещиков-крепостников и торговцев» [44, с. 40, 43].

В лекции С. М. Дубровского, в соответствии с указаниями Ленина, Россия времен Екатерины II оценивается как дворянская монархия, где крепостное хозяйство и абсолютизм достигли наивысшего развития [298, с. 16]. Как «чиновничье-дворянскую монархию» определял российское самодержавие XVIII в. специалист в области феодальной России В. В. Мавродин (1908–1987) [628, с. 4]. Он характеризовал Россию времен Петра I, согласно замечанию Сталина, как государство дворян и купцов [628, с. 33]. Аналогичное понимание абсолютизма показано в лекции о Российской империи [767, с. 29–30] исследователя XVI–XVIII вв. Г. А. Новицкого (1896–1981). Для определения российского государства XVIII в. применялись такие эпитеты с негативной коннотацией, как «государство помещиков-крепостников и торговцев», «военно-бюрократическая империя», «дворянская монархия», «чиновничье-дворянская монархия» и другие.

Профессор К. В. Базилевич (1892–1950) указывал на сходство процессов образования централизованных государств и абсолютных монархий в Западной Европе и России. Опираясь на высказывания Маркса и Энгельса, он утверждал, что, во-первых, в основе создания централизованных государств лежат экономические причины и, во-вторых, национальные государства могли быть только в форме монархии, способной объединить страну [87, с. 3–4].

В 1939 г. был издан учебник по истории СССР для вузов [406]. Его раздел В «Феодально-абсолютистское государство» раскрывал исторические процессы, начиная с правления Ивана III, однако выявил ряд проблем. Было необходимо уяснить разницу между понятиями «самодержавие» и «абсолютизм» и определить нижнюю хронологическую границу российского самодержавия. В «Истории СССР» К. В. Базилевичем в качестве таковой указывался конец XV в. [406, с. 301], но это противоречило словам Ленина о «русском самодержавии XVII века с Боярской думой и боярской аристократией» [582, с. 346].

4 марта 1940 г. на заседании сектора истории СССР до XIX века произошла дискуссия между К. В. Базилевичем и С. В. Юшковым. Опираясь на высказывания Сталина и Энгельса, Базилевич утверждал, что уже со второй половины XV в. в российском государстве налицо процессы роста экономических связей и усиления централизации [732, л. 56]. «Вопрос идет о том, куда отнести зарождение новых форм государственного порядка: к эпохе феодальной раздробленности или к эпохе абсолютизма. Я думаю, — подытожил Базилевич, — что к эпохе абсолютизма. Мы имеем здесь процесс, который тянется дальше через Ивана IV и кончается эпохой победы пролетарской революции» [732, л. 58].

С данной трактовкой был категорически не согласен историк государства и права С. В. Юшков (1888–1952). Для того, чтобы возникла абсолютная монархия, считал он, необходима определенная социальная база. Надо, чтобы к власти пришло дворянство, феодалы добились закрепощения основной массы сельского

населения. О самодержавии можно говорить только после опричнины, когда было подорвано господство княжат, т.е. с правления Ивана Грозного [732, л. 166–167].

Таким образом, в интерпретации российского самодержавия ключевыми стали иные проблемы, нежели при осмыслении западноевропейского абсолютизма. Необходимо было внести ясность в терминологический ряд — сословно-представительная монархия, централизованное государство, самодержавие и абсолютизм, а также определить нижнюю границу последнего [1–А, с. 313–317].

Воплощением унификации подходов к западноевропейскому и российскому абсолютизму и стремления четко расставить акценты в их понимании стало обсуждение проблем абсолютизма в марте–апреле 1940 г.

На заседании 16 марта 1940 г. рассматривался западноевропейский абсолютизм, трактовка которого была изложена С. Д. Сказкиным в докладе «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме». В 1941 г. доклад был опубликован одноименной статьей [1068, с. 3–25]. Основываясь на тезисах классиков марксизма, Сказкин утверждал, что абсолютная монархия возникает в переходные эпохи. В это время «старые сословия разлагаются», а «средневековое сословие горожан складывается в класс буржуазии». Ни одна из этих спорящих сторон не достигла еще перевеса. По причине такого равновесия сил классов дворянства и буржуазии государственная власть получает известную самостоятельность по отношению к ним как кажущаяся посредница [1068, с. 12–13]. При этом «сущностью всякой феодальной монархии, в том числе и феодально-абсолютистской, является диктатура класса феодалов» [1068, с. 9].

Особое внимание уделил Сказкин буржуазии при абсолютизме, продемонстрировав умение оперировать цитатами и назвав это пробой «восстановить мысль Энгельса полностью» [1068, с. 17]. Как совместить тезис Энгельса об антагонизме дворян и крепостных с тезисом о том, что при абсолютизме основные борющиеся классы — это дворянство и буржуазия? Оказывается, буржуазия является носителем нового прогрессивного способа производства. Однако эту свою роль буржуазия не осознает. Осознание приходит только во время буржуазной революции. Буржуазия, по Сказкину, действует сначала бессознательно, а затем сознательно [1068, с. 17].

Первое обсуждение доклада С. Д. Сказкина было, судя по стенограмме, достаточно спокойным [66, л. 2–35]. Сначала взял слово Б. Ф. Поршнев, еще раз подчеркнувший важность признания абсолютизма именно дворянским государством. Иное его понимание в свете учения о формациях просто «приведет к самой невероятной путанице» [66, л. 2 об.]. При этом абсолютизм «соответствует, так сказать, максимальной напряженности классовой борьбы, какую только вообще могло знать феодальное общество» [66, л. 9]. Специальное внимание Поршнев уделил буржуазии. Учитывая, что в ней сочетается феодальное и капиталистическое, он предлагает различать буржуазию старую, т.е. феодальную,

и новую. Соответственно, существуют два абсолютизма: один — в союзе с буржуазией, другой — в разрыве с ней [66, л. 17об., 18, 18 об.].

З. В. Мосина высказала два резонных замечания. Во-первых, нельзя рассматривать упрощенно все дворянство как сплошную опору королевской власти и исключать из социальной опоры абсолютизма буржуазию как класс, которому последний дает перспективу развития [66, л. 24, 24 об.]. Во-вторых, при анализе социальной основы французского абсолютизма необходимо различать «дворянство шпаги» и «дворянство мантии» [66, л. 29–30 об.].

С. Д. Сказкин счел за лучшее отложить дискуссию [66, л. 35].

На единство подходов к западноевропейскому и российскому абсолютизму указывали названия обсуждаемых на заседаниях Ученого совета выступлений. Доклад «Ленин и Сталин о русском самодержавии», прочитанный 20 марта ученым секретарем Института истории А. Л. Сидоровым, был «симметричным» докладу С. Д. Сказкина «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме».

Отметив, что в недавно изданной «Истории СССР» временем образования самодержавной монархии указывается XV век и считая это неверным, А. Л. Сидоров выдвинул основанную на указаниях Ленина периодизацию абсолютизма: «1) феодальная монархия с Боярской думой — XVII век; 2) полный расцвет самодержавия — XVIII век; 3) эволюция самодержавия от дворянско-помещичьей монархии к монархии буржуазной, начинающаяся с крестьянской реформы Александра II» [773, с. 65]. Эту периодизацию уточнил член-корреспондент АН СССР, профессор С. В. Бахрушин (1882–1950). Он указал на то, что начало абсолютной монархии следует отнести к середине XVII в., когда Соборное Уложение 1649 г. точно установило прерогативы царской власти. Эпоха же Ивана III и Ивана IV подготовили создание абсолютистского государства [773, с. 66].

Апогей споров советских медиевистов пришелся на третий день обсуждения проблем абсолютизма — 10 апреля 1940 г. Максимальный накал полемики присутствовал в выступлениях Б. Ф. Поршнева и В. В. Бирюковича. Именно Поршнева критикует в начале заседания германист А. Д. Эпштейн. Эпштейн не согласен с мнением Поршнева об изначальной приверженности дворян монархии. На каких данных, спрашивает он, «покоится эта сословно-антропологическая теория»? «Я позволю себе смело сказать, — отвечает Эпштейн на свой вопрос, — что эта теория представляет собой концентрацию «Трех мушкетеров», просто и слишком доверчиво воспринятую т. Поршневым» [66, л. 39 об.]. Эпштейн не согласен с идеей двойственной природы буржуазии при абсолютизме. Все проще, утверждает Эпштейн — в одном случае она имела основания поддерживать абсолютизм, а когда последний «ограбил» ее — заняла враждебную позицию [66, л. 40]. Наконец, Эпштейн посягает на основу концепции Поршнева — классовую борьбу: «Самые грозные движения гигантской силы и колоссального напряжения

превозмогались феодальной монархией, и при том в момент наибольшей слабости» [66, л. 43].

Воззрения Поршнева на буржуазию критиковал Бирюкович. «Б. Ф. совершенно упустил из виду, — разъясняет он, — что... мы должны различать позицию буржуазии в период первоначального накопления, в период ранних буржуазных революций, от позиции той же буржуазии в позднейший период, когда развития капитализма поднялось на гораздо более высокую ступень» [66, л. 49]. Бирюкович отверг теоретизирования Поршнева и Сказкина и назвал их метод порочным, так как «оба докладчика подошли к разрешению стоявших перед ними вопросов... выдвигая те или иные положения вне времени и пространства» [66, л. 44–45]. Бирюкович указал на упрощенный подход Сказкина, утверждавшего, что вся власть при абсолютизме находится у дворян. Он отмечает, что «феодалы и буржуа имеют общую почву для взаимного сближения», что существуют «второстепенные винты политического механизма», которые могут самими феодалами передаваться в распоряжение буржуазии» [66, л. 45–46].

Заключительное слово С. Д. Сказкина указывало на исследовательские приоритеты советской историографии 1930-х гг.: «Мы недостаточно хорошо знаем, в подлинном смысле, логику марксистского мышления по таким принципиальным вопросам, каким является вопрос о государстве... Поэтому, в своем докладе я считал необходимым, с самого же начала в рассмотрении такого важного вопроса, как вопрос об абсолютной монархии, выяснить теоретические позиции тех историков, — а мы Маркса и Энгельса считаем историками, — которые говорят чрезвычайно много об абсолютной монархии, и постараться проникнуть во всю глубину тех высказываний, которые они нам по этому вопросу оставили. Надо как следует их продумать и проанализировать. Только таким образом мы можем поступить» [66, л. 85–87 об.].

Подводящий итог дискуссии А. Д. Удальцов, отметил «некоторую неудовлетворенность» от обсуждения и указал на ее причины: трудность в теоретических обобщениях и слабость в овладении марксизмом-ленинизмом [66, л. 96, 96 об.]. На достоинствах доклада С. Д. Сказкина Удальцов остановился специально: «Доклад т. Сказкина представляет собою, я бы сказал, блестящее изложение взглядов Маркса и Энгельса. Здесь были приведены едва ли не все цитаты, которые характеризуют абсолютную монархию, и они в докладе связаны в красивой, достаточно разработанной форме» [67, л. 96 об.]. После такого официального признания написанное С. Д. Сказкиным и затем опубликованное об абсолютизме становилось каноническим.

Таким образом, пройденный в 1930-х гг. этап определил контуры концепта абсолютизма до второй половины 1980-х гг. в русле социологического подхода, выраженного концепцией «равновесия». Ее основа существовала еще в работах О. Тьерри, затем идея лавирования монархии между дворянством и буржуазией

высказывалась российскими либералами-новистами. Наконец, будучи результатом коллективного творчества советских медиевистов, концепция «равновесия» была сформулирована с опорой на высказывания классиков марксизма С. Д. Сказкиным и обрела каноническую форму, сохранившуюся до конца 1980-х гг. Суть концепции «равновесия» состояла в возможности абсолютной монархии противопоставлять друг другу дворянство и буржуазию. При этом абсолютная монархия являлась дворянским государством. Однако, будучи орудием классового господства дворянства, монархия усиливалась за счет средств буржуазии. В трактовке как российского, так и западноевропейского абсолютизма, самодовлеющее значение приобрел фактор классовой борьбы как условия генезиса абсолютизма. Ввиду цитирования высказываний Ленина и особенно Сталина, он обрел статус концептуального императива.

Интерпретации западноевропейского и российского абсолютизма, будучи методологически тождественными, отличались наполнением проблемного поля. В разработке западноевропейского абсолютизма сохранилось в целом сдержанное к нему отношение, унаследованное от российской либеральной историографии, был сделан акцент на выявлении его социальной основы и создан ряд работ. Напротив, в изучении негативно воспринимаемой российской монархии наполнение проблемного поля было минимальным. Между тем, в интерпретации российского абсолютизма, называемого также самодержавием, более рельефно выступал правовой подход, несомненно, в известной мере унаследованный от дореволюционной историографии и правоведения. При этом заметное место отводилось идеологии самодержавия, уменьшению роли Земских соборов, усилению царской власти, Соборному уложению 1649 г., прерогативам и внешним проявлениям царской власти. Отдельную проблему для исследователей российской истории представляло выявление соотношения понятий «абсолютизм», «самодержавие», «сословно-представительная монархия», «централизованное государство», а также уточнение нижней хронологической границы российского абсолютизма [1–А, с. 325–326].

4.2 Развитие социологической модели абсолютизма в 1940-х– первой половине 1950-х гг.

19 июня 1941 г. на заседании группы истории СССР Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (ЛОИИ АН СССР) первым вопросом обсуждалось Постановление Президиума Академии от 20 мая того же

года. Речь шла о создании работ, связанных с актуальными вопросами советской исторической науки, в частности о подготовке обсуждения «вопроса о характере государственного строя Русского государства в XVII в. свете высказываний В. И. Ленина» [1019, л. 124].

Однако все изменила Великая Отечественная война. О ее начале сохранился ряд свидетельств, окрашенных как авторским восприятием, так и временем их опубликования. Например, будущий академик Н. М. Дружинин (1886–1986) писал в «Воспоминаниях и мыслях историка», впервые изданных в 1967 г.: «Работая над своей монографией, 22 июня 1941 г. я услышал передаваемую по радио речь Молотова о внезапном нападении фашистских войск на наши границы. Начался памятный военный период 1941–1945 гг. ... Мы были охвачены взрывом самого горячего патриотизма, с напряженным вниманием ловили вести с фронта, стремились подчинить все свои мысли и действия главной задаче С. Д. Сказкиным защите Родины» [295, с. 62].

Е. В. Гутнова в книге «Пережитое», написанной в годы перестройки, вспоминала это же событие так: «В двенадцать часов ровно репродуктор зашипел, и из него вырвался какой-то неуверенный голос Молотова... Его выступление повергло нас всех в ужас. Из него было ясно, что немцы не только нанесли воздушные удары по нескольким крупным городам, но и начали наступление по всему фронту, прорвавшись на нашу территорию, в общем, без особых проблем и быстро двигаясь по ней» [248, с. 192].

Вся страна переходила на режим военного времени. Так, в отчете за первое полугодие 1943 г. ЛОИИ отмечалось, что научные силы института «были разбросаны по следующим городам: Москва, Ташкент, Казань, Саратов, Елабуга, Алма-Ата» [1020, л. 2]. В связи с эвакуацией возник ряд проблемы. В объяснительной записке к Отчету о работе ЛОИИ за 1944 г. об этом сказано так: «Чрезвычайно неблагоприятны были и те бытовые условия, в которых приходилось жить в 1944 г. работникам Ленинградского отделения... Выбитые стекла в квартирах... отсутствие топлива, плохое состояние городского транспорта и т.д. ... Самое помещение Ленинградского отделения также находилось в состоянии, непригодном для развертывания в нем работы. Большинство окон были без стекол, фанерные щиты на месте стекол делали помещения темными, отсутствие топлива — холодными. Перенесенная большинством сотрудников ленинградского отделения блокада вызвала тяжелые заболевания дистрофией и цингой, от которых в 1944 г. никто из сотрудников оправиться еще не мог» [1021, л. 4–5].

Задачи исторической науки подчинялись идеологическим целям военного времени [1040]. Ведущими темами стали разоблачение историографии Германии, роль России в международных отношениях, история войн и освободительных движений, деятельность выдающихся полководцев и т.д. Проблематика абсолютизма не находилась на острие идеологической востребованности, но

входила в число приоритетных. Е. А. Косминский, подытоживая изучение истории средних веков за 25 лет, отмечал: «Из вопросов политических наибольшее внимание советских медиевистов привлекали вопросы социальной характеристики абсолютизма в его французской классической форме» [541, с. 212]. Данный сюжет частично был затронут в статьях З. В. Мосиной и Б. Ф. Поршнева [709; 915]. В отчете кафедры истории средних веков МГУ за 1942–1943 гг. отмечено, что на заседаниях 2 февраля и 9 марта были сделаны два соответствующих доклада. В феврале выступил Б. Ф. Поршнева с докладом «Некоторые вопросы истории Тридцатилетней войны», в марте — А. Д. Люблинская с докладом «Франция после смерти Генриха IV» [64, л. 1]. О. Л. Вайнштейн разрабатывал историю Тридцатилетней войны, где особое место занимала проблема «Россия в Тридцатилетней войне» [1021, л. 3].

Рассмотрение абсолютизма неизменно занимало одно из важнейших мест в учебной литературе. В лекциях Б. Ф. Поршнева 1941/42 гг. Франция XVII в. характеризуется как «самый блестящий век», но также и как «белое пятно» по сравнению с XVI и XVIII вв. в плане изучения классовой борьбы [790, л. 17, 18 об.]. «Французское государство XVII в., основанное на принципе абсолютного (неограниченного) самодержавия короля, по своей классовой природе было диктатурой дворянства», — указывает Поршнева [788, л. 25]. В лекции 1941 г. С. Д. Сказкина об Английской революции ее предпосылки определялись традиционно: «Английской буржуазной революции предстояло... уничтожить феодальные отношения в городе и деревне, свергнуть абсолютизм и расчистить путь для свободного капиталистического развития» [1064, с. 3]. В лекциях С. Д. Сказкина и А. Д. Удальцова, сюжет об абсолютизме, трактуемой в русле концепции «равновесия», был представлен материалом об Испании, Франции и Англии [1158]. Курс лекций 1944 г. стал образцом для последующих изданий — 1946 [1161], 1948 [1160] и 1952 [1159] гг.

Специалистов по российской истории реалии войны поставили на самые передовые рубежи «исторического фронта». Особое внимание в патриотическом нарративе уделялось личности Петра I, который, наряду с Иваном Грозным, входил в число почитаемых на официальном уровне монархов. Сталину импонировали как деятельность Ивана Грозного, боровшегося с боярами и укрепившего самодержавие, так и реформаторство Петра I, основавшего Российскую империю.

В «Историческом журнале» за 1941 г., во время наступления советских войск под Москвой, вышла статья «О так называемом “завещании” Петра Великого». Петр якобы призвал своих преемников не слагать оружия, пока Россия не завладеет миром. Эта фальсификация была использована германской пропагандой для убеждения в том, что лишь Германия спасет мир [1334, с. 128]. Автор статьи, Н. Яковлев (очевидно, Н. Н. Яковлев (1898–1970), директор Государственной библиотеки СССР им. Ленина — Л. Л.) обрушивает на читателя всю силу

пропагандиста. Фашистская «изолгавшаяся кровавая банда» стремится поправить свои дела использованием фальшивок. Но «не помогла эта фальшивка» ни Наполеону Бонапарту, ни кайзеру Вильгельму II, не поможет и «жалкой пародии на Наполеона, Адольфу Гитлеру, армия которого, так и не повидав Москвы, гибнет в снегах СССР» [1334, с. 133].

Эпоха Петра I получила отражение и в книге «"Регулярное" государство Петра Первого и его идеология» доктора исторических наук Б. И. Сыромятникова (1874–1947). Сыромятников разделяет концепцию «равновесия», однако интерпретирует ее по-своему. Он ведет речь не о дворянском, а о дуалистическом государстве Петра I [1112, с. 74] (тем более, что Сталин характеризовал петровскую Россию как государство дворян и купцов — Л. Л.).

Концепция Сыромятникова может быть представлена следующим образом:

- империя Петра I — вариант абсолютной монархии, сменившей феодальную раздробленность и сословно-представительную монархию [1112, с. 93];

- абсолютизм отражает разложение феодального государства и служит переходной стадией к буржуазному государству [1112, с. 93–94];

- социальной основой этого государства было «равновесие сил» между дворянством и городским классом [1112, с. 106, 122, 151];

- отличие между московским самодержавием и петровским абсолютизмом было в том, что московские государи смотрели на себя как на наследников московского удела, а Петр, покончив с вотчинными традициями, дал новое теоретическое обоснование понятию «государство» [1112, с.106];

- Петр I создал «регулярное», т.е. полицейское абсолютистское государство «просвещенного деспотизма» западного образца, откуда взял и его идеологию [1112, с. 151];

- «регулярное» государство Петра, идущее по буржуазному пути, прогрессивно, политика Петра содержала ряд антидворянских мер — обязательную службу, закон 1714 г.; после смерти Петра началась «дворянская реакция», разрешившаяся победой дворянства при Екатерине II [1112, с. 123–124].

Концепция Сыромятникова была отвергнута. Во-первых, для советских историков был категорически неприемлем тезис о дуалистическом характере абсолютизма. Во-вторых, при утвердившейся трактовке последнего как дворянского государства вызывали неприятие выводы Сыромятникова об антидворянской направленности петровской политики, что напоминало выкладки «школы Покровского». Наконец, акцент в генезисе абсолютизма на рецепции западноевропейской идеологии, а не на социально-экономических предпосылках и классовой борьбе, был недопустим в рамках марксистской методологии.

Оценивая «"Регулярное" государство...», нельзя не согласиться с мнением В. В. Тихонова о том, что эта книга была результатом известного ослабления идеологического контроля государства в годы войны [1127, с. 37]. Однако

возобладал не только контроль, но и конвенциональность в научном сообществе. Отдельным фактором, очевидно, был и личностный. Так, В. И. Лебедев и С. В. Юшков в свое время подверглись особенной критике со стороны Сыромятникова. Теперь же их общая рецензия, лишенная даже нейтральной вводной части, представляла собой жесткий разбор книги [574].

К концу войны стало очевидным стремление идеологов взять под контроль ситуацию в интеллектуальной сфере. Это демонстрирует совещание историков в ЦК ВКП(б) в мае-июле 1944 г. Открывший его секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков видел суть проблемы в том, что «у ряда наших историков нет ясности по некоторым принципиальным вопросам отечественной истории, а по ряду вопросов имеются существенные разногласия» [299, с. 443]. Среди вопросов, предложенных к рассмотрению на совещании, значительное место отводилось трактовке различных аспектов российского самодержавия [299, с. 444–445]. Итоги совещания были следующими: с одной стороны, надлежало воздерживаться от возвеличивания дореволюционной России, с другой — не очернять ее историческое прошлое [299, с. 473].

Именно такую коннотацию имела лекция Н. М. Дружинина «Самодержавие как форма развития государства», прочитанная 23 ноября 1944 г.: «Самодержавие как прогрессивный (здесь и далее подчеркнуто Н. М. Дружининым — Л. Л.) фактор в период борьбы с феодальной раздробленностью... по Энгельсу, «представительница порядка в беспорядке» ... Прогрессивная политика Ивана III, Ивана Грозного, Петра I... (Сталин о Петре I)... Социальная опора — класс землевладельцев, ведущий класс феодального общества» [75, л. 1; 47–А].

Окончание Великой Отечественной войны и восстановление страны, однако, не сопровождалось смягчением общественно-политического климата. Наоборот, произошло усиление контроля государства, что выразилось в целой серии идеологических и политических кампаний. Началась эпоха «холодной войны». Культ личности Сталина достиг апогея. Победа расценивалась как подтверждение правоты и силы социалистического строя, в связи с чем советское общество провозглашалось наивысшим достижением мировой истории.

Советская историческая наука послевоенного десятилетия оказалась в эпицентре этих процессов, что нашло отражение в ряде современных исследований, которые условно можно отнести к двум категориям. В первой из них доминирует проблема «образа исторической науки», ее социальных характеристик, идеалов, концептов, отношений с властью [477; 527–529]. В исследованиях второй категории внимание авторов обращено в большей степени на развитие конкретных областей и проблем [299; 575; 577].

Так, в книге В. В. Тихонова раскрыто влияние идеологических кампаний конца 1940-х гг. на историческое сообщество. Для характеристики послевоенных лет Тихонов приводит выступление С. Д. Сказкина на открытом заседании в

Институте истории 1 ноября 1946 г. Сказкин призвал историков, включая специалистов по древним периодам, понимать, что их исследования «должны связываться с важнейшими политическими вопросами», «ибо *наша политика есть одновременно и наука, а наука — это и есть политика* (курсив мой — Л. Л.)» [1126, с. 112].

15 марта 1948 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР С. Д. Сказкин выступил с докладом «О патриотическом долге советского ученого». Сказкин противопоставил враждебному миру капитализма советскую действительность и подчеркнул: «Любой советский человек, уже тем одним фактом, что он живет в лоне социалистического общества, уничтожившую эксплуатацию человека человеком, поставлен в условия, которые делают его бесконечно лучше, чем любой член буржуазного общества» [69, л. 12–13]. Патриотический долг советского историка, объявляет Сказкин, состоит в том, чтобы продвигать дальше марксистско-ленинскую методологию истории, как «единственно научную теорию исторического знания» [69, л. 12–13].

Следующей ступенью в нарастании идеологического прессинга стала борьба в 1948 г. с «буржуазным объективизмом» [952], охарактеризованным В. В. Тихоновым «как беспристрастный и безыдейный взгляд на мир», противопоставлявшийся партийности [1126, с. 131]. 15–18 октября 1948 г. проходило заседание Ученого совета Института истории АН СССР. Большие претензии имелись к сектору истории СССР до XIX в. [1126, с. 156]. Особенной критике подвергался сборник статей «Петр Великий» [843] и его редактор А. И. Андреев, обвиняемый в недооценке самобытности России и преклонении перед Англией [70, л. 19–20].

Выступивший на заседании М. М. Смирин указал на «неправильное отношение к старой русской медиевистике». Она, конечно, «сыграла большую прогрессивную роль... Однако необходимо ведь помнить о том, что при всех своих заслугах старая русская медиевистика оставалась буржуазной наукой, не марксистской, и, следовательно, враждебной марксистской науке, и поэтому говорить здесь о какой-то прямой связи, о продолжении линии дореволюционной медиевистики — это глубокая ошибка, потому что цели, задачи и направление советской медиевистики — совершенно другие», — указывал Смирин [70, л. 41–42].

Выступление секретаря парторганизации Института истории Н. А. Сидоровой было идеологическим императивом. «Главная опасность, которая у нас имеется... заключается в проникновении буржуазной идеологии в наши ряды, в ряды советских историков... Это и низкопоклонничество перед западной наукой, и преклонение перед традициями, идущими от буржуазной науки» [70, л. 60–61]. Н. А. Сидорова подвергла резкой критике своих коллег — Е. А. Косминского,

А. Д. Удальцова, С. Д. Сказкина, указав, что «наши ученые должны отвечать на народную заботу соответствующим образом» [70, л. 68–69].

Наивысшего размаха идеологические акции достигли в 1949 г., будучи дополненными борьбой против космополитизма, называемого в советской печати также «буржуазным» и «безродным». Космополитизм, понимаемый весьма широко, вбирал в себя низкопоклонство перед Западом, недостаточную критику буржуазной исторической мысли и любые отклонения от официального канона.

Эти установки отразились на работе советских историков, испытавших целую серию проработок [5; 1109; 1026]. Наибольшему порицанию подверглись «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна [1000] и «Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней» О. Л. Вайнштейна [151]. В резолюции Ученого совета ЛОИИ о работе Н. Л. Рубинштейна сказано: «Написанная с космополитических позиций, книга Рубинштейна изображает развитие русской историографии как результат влияния идей и течений, возникших на Западе и перенесенных в Россию» [1022, л. 31 об.].

В выступлении А. Д. Удальцова на заседании 24 марта 1949 г. было указано, что «Историография средних веков» О. Л. Вайнштейна «страдает всеми пороками буржуазного космополитизма, протаскиванием теории развития русской историографии в результате лишь постоянных толчков со стороны западноевропейских теорий» [71, л. 13]. На следующий день заседания, 25 марта, Е. А. Косминский дополнил слова Удальцова: «Все еще основной печатной работой... является курс историографии Вайнштейна, о котором здесь упоминалось как о книге совершенно порочной, книге, проникнутой космополитизмом, книге, которая не только не соответствует запросам данного момента, но даже является вредной» [72, л. 131]. Косминский не обошел вниманием и изданный в 1939 г. учебник по истории средних веков, в котором отмечалось «прежде всего, полное отсутствие какой бы то ни было борьбы с реакционной наукой Запада» [72, л. 131–132]. Весьма нелестно была оценена книга О. Л. Вайнштейна о Тридцатилетней войне [153], в которой «профессор Вайнштейн переоценивает иностранные источники и игнорирует русские» [1022, л. 32]. Нужно учесть, что главным обличителем Вайнштейна был Поршневу, также изучавший Тридцатилетнюю войну, всячески при этом преувеличивая вклад Москвы в события XVII в. [575, с. 106–107].

Особое место в идеологических проработках занимает объединенное заседание сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков МГУ 23 марта 1949 г. [1107]. Стенограмма этого события, напечатанная в «Одиссее», уже стала отдельным источниковедческим сюжетом [225; 325], однако нужно отметить, что опубликованный ее экземпляр оказался не единственным. Еще один экземпляр стенограммы был обнаружен автором в декабре 2017 г. в архиве Института Российской истории РАН [737]. Среди ряда

вопросов, затрагиваемых на заседании, целесообразно указать на имеющиеся отношение к проблематике данной работы.

З. В. Мосина подвергла разгромной критике журнал «Вопросы истории» и посчитала «очень большой ошибкой» [1107, с. 300] опубликование в нем статьи А. Д. Люблинской «Ришелье в исторической литературе XIX–XX вв.» [620]. Эта работа, лишенная идеологических штампов, является образцом историографического анализа и единичным примером рассмотрения в этом ракурсе представителя правящей элиты французской абсолютной монархии.

Одеако в конце 1940-гг. публикация Люблинской квалифицировались как буржуазный объективизм и преклонение перед Западом. На заседании 23 марта 1949 г. А. Д. Люблинская не присутствовала. «Эта статья, безусловно, того же самого космополитического характера, какой имеют многие работы ленинградских медиевистов, — категорически указывала Мосина. — Я не знаю, все ли французские националистически настроенные историки так преклоняются перед Ришелье, как перед ним преклоняется наш советский историк Люблинская... Люблинская в этой статье не намерена отойти от французской буржуазной историографии, посмотреть на нее глазами советского историка... Наконец, самое возмутительное — это структурная часть этой статьи, в которой Люблинская буквально в одном абзаце касается вопроса советской историографии, причем это настолько уничижительно звучит, что лучше бы ей не касаться этого вопроса» [1107, с. 300]. В находящемся в архиве ИРИ РАН экземпляре стенограммы последнее выражение несколько смягчено: «Наконец, самое *слабое место* ее статьи — это та часть, в которой Люблинская буквально в одном абзаце касается советской историографии, причем делает это *настолько мимоходом*, что лучше было бы ей совсем не касаться этого вопроса» (курсив мой — Л. Л.) [737, л. 100–101]. Действительно, анализ публикаций советских историков о Ришелье был у Люблинской минимальным. Но могло ли быть иначе, если и В. В. Бирюкович, и Б. Ф. Поршнев позиционировали Ришелье лишь как фоновую фигуру в соответствующих событиях? [114–115, 117; 915, 920; 22–А].

В 1948 г. в страноведческом издании «Франция и ее владения» был опубликован очерк об абсолютизме [1188, с. 108–126] В. В. Бирюковича и О. Л. Вайнштейна, в целом отражавший концепцию В. В. Бирюковича.

В послевоенные годы вышло две статьи З. В. Мосиной о французском абсолютизме. Мосина рассматривала Францию первой половины XVI в. — это поле оказалось незанятым ее коллегами. Эпоха Франциска I оценивалась Мосиной как период интенсивного формирования абсолютной монархии [707]. Итальянские войны, введущиеся при Франциске I, кроме того, можно было сопоставить с Великой Отечественной войной, придав сюжету дополнительную актуальность. В этом ракурсе примечателен объемный, в 81 машинописную страницу, текст «Внутренняя политика Франциска I (1515–1547г.)», находящийся в архиве ИРИ

РАН [739]. Текст не датирован и не опубликован. Однако содержание позволяет отнести его к рубежу 1940-х–1950-х гг. Статьи З. В. Мосиной, особенно последняя, «Из истории борьбы французского народа за национальное государство (Вторжение испано-германских войск во Францию в 1536 г.)» 1953 г. [706] отсылают к содержанию материала архива ИРИ РАН.

Текст из архива ИРИ РАН демонстрирует слабое обеспечение источниками. Сама Мосина это признавала [739, л. 2], обращаясь в основном к ордонам Франциска I, мемуарам дю Белле и книге французского историка Р. Дусе (1885–1956) «Исследование правления Франциска I в его отношениях с Парижским парламентом» [1348]. Между тем, автору надлежало ответить на вопросы глобального уровня. Какие именно внешнеполитические планы и мероприятия короля пользовались поддержкой народных масс, а какие не пользовались? Затухала или обострялась внутривластная борьба во Франции под влиянием внешнеполитических конфликтов? Наконец, укреплялся или ослабевал французский абсолютизм во время этой борьбы? [739, л. 1]. З. В. Мосина желала показать, с одной стороны, патриотизм французов, с другой — антагонизм народа и монархии, противопоставив ограниченность поддержки народом короля Франции и всенародную борьбу во время Великой Отечественной войны. В этой области идеологический пафос автора порой принимал курьезные формы.

Так, распоряжение короля в условиях военного времени заключить в тюрьмы «всех воров, жуликов, бездомных, развратников, бродяг, убийц, скандалистов, людей, привыкших творить зло» оценивается Мосиной так: «Очень легко себе представить, с каким усердием местные власти принялись исполнять этот приказ короля, стараясь избавиться от всех беспокойных, необеспеченных, деклассированных элементов, всегда склонных в ту пору к беспорядкам и восстаниям» [739, л. 72]. Очевидно, эти люди представлялись Мосиной потенциальными «борцами с абсолютизмом». В итоге Мосина категорически утверждает, что «точка зрения о монолитности французского тыла и возможности для французского короля опереться на широкие народные массы должна быть отброшена» [739, л. 80].

Таким образом, в первые послевоенные годы масштабных работ в области западноевропейского абсолютизма, особенно книг, не появлялось. Между тем, в это время над собственной темой интенсивно работал Б. Ф. Поршнев. В 1946 г. вышла его публикация «Народные восстания во Франции при Кольбере» [921], а в 1948 г. была издана фундаментальная монография «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)» [920].

В предисловии Поршнев объединил установки марксизма и собственное социологическое конструирование: «Историкам-марксистам ясно, что буржуазная революция, как некая потенция, таится в недрах феодального общества с того момента, когда в нем зародились капиталистические отношения» [920, с. 3].

Соответственно, классовая борьба, выступающая в форме народных восстаний первой половины XVII в. и, по мнению Поршнева, замалчиваемая французской буржуазной историографией, является центром, к которому сходятся все характеристики французского общества [920, с. 312–316].

Абсолютизм — это дворянское государство. Однако Поршнева не отрицает того, что дворяне могли руководить крестьянскими восстаниями. Он объясняет это недовольством налогами в пользу короля и ущемлением сеньориальной ренты, а также остатками феодального партикуляризма [920, с. 581–582]. Буржуазия в XVII в. не могла поддержать народные восстания и «отважиться на буржуазно-демократическую революцию... хотя и испытывала непрерывные позывы к этому» [920, с. 309]. Это объяснялось включенностью буржуазии в абсолютистское государство через бюрократию и финансы [920, с. 619].

Фронта — это неудавшаяся буржуазная революция ввиду отсутствия у французской буржуазии союзника «справа» — дворянства, как это было в Нидерландах и Англии [920, с. 637–638]. Поршнева утверждал, что «в теле французской буржуазии XVII в. боролись две души — феодальная и капиталистическая, — и первая обычно осиливала все позывы второй ввязаться в народный натиск против феодально-абсолютистского порядка» [920, с. 571].

Книга Поршнева была встречена положительными рецензиями. З. В. Мосина отмечала, что далеко идущие выводы автора, если и не всегда бесспорны, тем не менее «проливают новый свет на многие сложнейшие вопросы истории и теории абсолютизма» [705, с. 131–132]. Весьма лестной для автора «Народных восстаний...» стала рецензия А. З. Манфреда [642]. «Разумеется, что в руках советского историка было неизмеримо меньше материала, чем у французских авторов... Тем знаменательнее результат, которого добился Б. Поршнева», — с гордостью указывал Манфред [642, с. 83]. Однако первенство в похвалах нужно отдать историографу Б. Г. Веберу (1902–1984), вообще не высказавшему конкретных замечаний [162].

Издание книги и получение Сталинской премии послужили для Поршнева стимулом стать лидером советских медиевистов, и на протяжении 1948–1950 гг. он публикует четыре статьи. Их названия были показательны: «Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях» [924], «История средних веков и указание тов. Сталина об “основной черте” феодального общества» [916], «Сущность феодального государства» [926], «Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации» [927].

Это была серьезная заявка со стороны Поршнева. Кондратьевы отметили в связи с этим любопытный факт: Поршнева показал варианты двух статей Косминскому, который, ознакомившись, предложил обсудить их на заседании сектора. Однако Поршнева делать этого не стал [508, с. 183]. Он понимал, что начнется ненужная ему дискуссия и помнил, что еще в апреле 1947 г. его доклад

«Крестьянские движения накануне Фронды по неопубликованным донесениям интендантов» вызвал ряд вопросов [736, л. 14, 14 об, 15].

После выхода «Народных восстаний...» разгорелся конфликт Б. Ф. Поршнева с А. Д. Люблинской. Она во многом помогла Поршневу с подбором, копированием и расшифровкой источников для его работы, но, прочитав книгу, сочла ее из-за некорректного перевода источников «недобросовестной» и не содержащей «ни одной правильной страницы». Люблинская приводила такой пример. Об одном персонаже в документе было сказано: «*ayant tranché de la tête*» («ему отрубили голову»), а Поршневу перевел это как «он очертя голову бросился в народное движение» [505; 508, с. 146; 511, с. 178–179]. Люблинскую поддержал Вайнштейн. Он указывал, что тезис Поршнева о Фронде как неудавшейся буржуазной революции порожден неправильной аналогией с мнением Энгельса о немецкой Реформации как первой буржуазной революции [575, с. 122].

Публикации Б. Ф. Поршнева универсализировали его концепцию, в основу которой были положены слова И. В. Сталина, служащие эпиграфом к одной из статей: «Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя» [916, с. 521]. Сугубо теоретически Поршневу делал вывод о постоянном возрастании крестьянской борьбы, которая в начале средневековья была чуть ли не «близкой к нулю», «сравнительно с той гигантской напряженностью, какой это антифеодальное сопротивление достигает к концу средневековья» [927, с. 205]. Силой, которая сдерживала крестьянские выступления, было в первую очередь государство [925, с. 420–421]. При этом крестьянство эпохи буржуазных революций, утверждал Поршневу, имело две души — эксплуатируемого труженика и мелкого буржуа. Исторический опыт, указывал Поршневу, свидетельствует, что «крестьянская масса все же гораздо легче находила общий язык с городской неимущей беднотой (плебейством), чем с городской буржуазией» [924, с. 486–487].

В советской историографии не могло быть научных размышлений доктора исторических наук, лауреата Сталинской премии, опубликованных просто так и никого ни к чему не обязывающих. Подтверждением этому служил сформулированный Поршневым вывод о том, что *«пришло время медиевистам, следуя руководящему сталинскому указанию, сосредоточить внимание именно на крестьянской борьбе и показать, что именно она-то и была основной силой, принуждавшей развиваться в течение многих веков феодальное общество, государство и мировоззрение (курсив мой — Л. Л.)»* [916, с. 525].

С этим не просто выводом, а императивом советским медиевистам необходимо было либо соглашаться, либо его оспаривать — разные точки зрения по одной проблеме в советской исторической науке не приветствовались. Однако признать верными построения Поршнева значило не просто нарушить

устоявшийся теоретический консенсус, но и ликвидировать пусть небольшое, но разнообразие проблемного поля и возможность методологического маневра.

Т. Н. и С. В. Кондратьевы обращают внимание на то, насколько осторожно и не сразу было принято решение обсудить статьи Поршнева в Институте истории и как тщательно велась подготовка [508, с. 192–195]. Это же отмечают Лебедева и Якубский: «Поршнев в период антикосмополитской кампании чувствовал себя как рыба в воде. Он принадлежал не к гонимым, а к гонителям... Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин и другие московские ученые... не зря соблюдали осторожность и прежде, чем выступить против его теоретических новаций, довольно долго готовили почву в Отделе науки ЦК ВКП(б)» [575, с. 122].

Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева, проходившее в секторе средних веков в январе 1951 г. на четырех заседаниях, продемонстрировало серьезность ситуации — выступило 22 человека, причем каждое заседание собирало от 100 до 200 присутствующих [710, с. 138].

В доказательстве научной и идейной несостоятельности Б. Ф. Поршнева применялись три взаимодополняющих приема. Первый из них — демонстрация методологической порочности поршневской концепции с точки зрения классиков марксизма. Например, Ю. М. Сапрыкин указывал, что в основе ошибок Поршнева «лежит совершенно неверное стремление объявить борьбу классов главной силой исторического процесса, в то время как в действительности такой главной силой является способ производства» [774, с. 201]. Следующим был прием уличения Поршнева в некомпетентности как медиевиста. Так, Е. А. Косминский считал, что Поршнев «искусственно упростил классовую борьбу в феодальном обществе, по существу сведя ее к борьбе крепостного крестьянства против феодалов, преуменьшив рост города в феодальном обществе и исказив роль буржуазии» [774, с. 202]. Третьим приемом дискредитации концепции Поршнева выступало отождествление ее с чуждыми и опасными для советского ученого теориями. Н. А. Сидорова нашла в идеях Поршнева «антиисторизм» и «рецидив “покровщины”» [774, с. 205], В. В. Бирюкович — идеи Дюринга, а С. Д. Сказкин — влияние учения Н. Я. Марра о языках [774, с. 139, 141]. Ответом Поршнева своим оппонентам была «резкая “антикритика”». Он принял лишь немногие из замечаний и не ответил ни на одно из предъявленных ему обвинений, касающихся вольного обращения с историческими фактами [774, с. 142].

По итогам дискуссии резолюции принято не было, началась подготовка еще одного обсуждения. Появились две публикации — Е. А. Косминского и историка феодального государства и права П. Н. Галанзы (1893–1982), автора соответствующих работ по истории Германии и Франции [206–207]. Косминский желал сгладить конфликт, и его мнение о статьях Поршнева — образец дипломатичности: «Б. Ф. Поршнев ... хотел показать решающую роль классовой борьбы угнетенных народных масс в прогрессивном развитии человечества... Но,

несмотря на то, что его работа содержат немало острых мыслей и интересных наблюдений, мы должны признать его попытку неудавшейся» [544, с. 254]. Целью П. Н. Галанзы было заклеить Поршнева, концепция которого «построена на гнилой теоретической основе» [205, с. 167], у которого «невообразимая путаница» [205, с. 170–171], «антиисторичность методологических установок» [205, с. 164] и вообще, «спрашивается, для чего понадобилось огород городить» [205, с. 168]. В построениях Поршнева Галанза усмотрел «рецидив Дюринга и Фейербаха» [205, с. 164–165] и проявления космополитизма [205, с. 173].

Партийное и академическое руководство желало добиться покаяния Поршнева, но он не сдавался. Конфликт, образно описанный Кондратьевыми, углублялся [508, с. 209–236]. На открытом партийном собрании Института истории 25–26 апреля 1951 г. не менее половины времени заняло обсуждение статей Б. Ф. Поршнева, который объявил, что готовит к изданию книгу «Роль борьбы народных масс в истории феодального периода». Дискуссия завершилась принятием резолюции, в которой статьи Б. Ф. Поршнева были признаны ошибочными и «порочными» [508, с. 215–224].

Конфронтация нарастала, последовал еще один разбор статей Поршнева на закрытом партсобрании 19 сентября 1951 г. [508, с. 233]. Очевидно, это событие предварялось обсуждением работ Поршнева. Сохранился отчет, датированный 7 сентября, где описан, в частности, присущий Поршневу стиль полемики: «На обвинения в ошибках, если можно так выразиться, качественного порядка, Б. Ф. отвечает признанием ошибок количественного порядка и обещанием “все это сделать подробнее, на этом остановиться больше”. По существу выдвинутых обвинений в искажении роли и места классовой борьбы Б. Ф. ничего не отвечает, уклоняется от ответа по главному предмету спора...» [742, л. 9, 9 об.].

Представляя свою будущую книгу «более истматовской», где «более обильно использованы Ленин и Сталин» [508, с. 216], Поршнева не лукавил. Сохранилась рукопись одной из ее глав — «О роли крестьянских восстаний в истории средних веков и буржуазных революциях» [743]. Цитату Сталина о конфликте производительных сил и производственных отношений Поршнева здесь развил, указав, что «прогрессивное движение человечества» замедлялось силой государства и общественных идей» [743, л. 8]: «С возникновением абсолютизма первенствующее место среди сил подавления переходит к государству и остается за ним до конца феодальной эпохи» [743, л. 57–58].

Летом 1951 г. Поршнева закончил книгу, которую направил непосредственно И. В. Сталину. Кондратьевы отмечают, что данных, указывающих на то, что с ней ознакомился Сталин, нет. Однако через Отдел науки ЦК книга была отправлена на рецензирование. Три рецензента из четырех — С. Д. Сказкин, В. В. Бирюкович и Л. В. Черепнин — были противниками Поршнева. Итогом был возврат рукописи

книги в декабре 1951 г. с заключением о том, что книга содержит ряд неправильных положений и нуждается в значительной переработке [508, с. 234].

То, насколько конфликт ухудшил микроклимат в среде медиевистов, показывают два отзыва С. Д. Сказкина на работы Б. Ф. Поршнева. Первый отзыв был частично опубликован в материалах январского обсуждения 1951 г. [774]. В неопубликованном же тексте лучше видны оттенки отношения Сказкина к своему коллеге. Так, обращаясь к Поршневу, он говорит: «Скажу относительно вашей книги («Народных восстаний перед Фрондой» — Л. Л.). Согласен я или нет? С некоторыми положениями не согласен, но книжка неплохая» [76, л. 2].

В отзыве же на рукопись подкорректированной книги Поршнева тон Сказкина изменился: «Второй вариант его (Поршнева — Л. Л.) работы в известном смысле хуже первого. Он остался абсолютно при своих прежних принципиальных методологических ошибках, но обставил их кучей всевозможных оговорок, и в результате исчезла даже та ясность, которая, пусть с неправильных методологических позиций, все же имела место в его первых статьях» [77, л. 11]. Написанные Сказкиным в состоянии раздражения слова о Поршневе «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб прошибет» [77, л. 11], безусловно, красноречивы, однако предел неприязни звучал так: «Профессор Поршнев ... достаточно известен своей моральной неразборчивостью в средствах, и если против него долгое время никто не выступал, и он успел напечатать четыре статьи, то это объясняется, к сожалению, страхом многих товарищей, опасующихся, что за всяким против него выступлением последует месть!...» [77, л. 26–27].

Попытки Поршнева разместить в «Вопросах истории» свой ответ на публикацию Косминского в «Известиях Академии наук СССР» [508, с. 234] завершились появлением в «Вопросах истории» статьи Бирюковича «О некоторых вопросах развития феодального общества» [116].

Бирюкович обвинил своего коллегу в ревизии с народнических позиций положений марксизма: «Изображая крестьянскую борьбу против феодализма как движение, направленное против эксплуатации вообще и на утверждение личной трудовой собственности, Б. Ф. Поршнев тем самым ставит под вопрос историческую необходимость гегемонии пролетариата в отношении крестьянства в социалистической революции» [116, с. 37]. Оставить без ответа такой демарш Бирюковича Поршневу не мог. Он направляет в редакцию журнала «Большевик» (с конца 1952 г. «Коммунист» — Л. Л.) письмо «Против горе-марксистов в крестьянском вопросе» на 52 листах [793], где предъявляет политические обвинения Бирюковичу, который «фактически оспаривает... правильность той политики по отношению к крестьянству, которая проводится компартиями всего мира» [793, л. 1]. Если считать борьбу крестьянства только борьбой за буржуазную сторону крестьянского хозяйства, то историк, по мнению Поршнева, должен признать наиболее передовым слоем крестьян кулачество. А ставка «на

кулачество... приводит к контрреволюции, как показывает опыт титовской Югославии», — предостерегает Поршнева [793, л. 42].

Однако редакционная статья второго номера журнала «Коммунист» за 1953 г. расставляла новые акценты. «Учение марксизма-ленинизма всесильно, потому что оно верно», — таково было указание главного партийного журнала страны [320]. Вершиной учения стала работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР, устраняющая «ошибочные, неправильные, немарксистские взгляды, проявления буржуазной идеологии» [320, с. 5], среди которых называлась и концепция Б. Ф. Поршнева [320, с. 10]. После этого Поршнева уяснил ситуацию и опубликовал в «Вопросах истории» покаянное письмо [867]. Оно включает и развенчивание концепции «Народных восстаний перед Фрондой», и признание «крайне упрощенным» вывода о Фронде как о неудавшейся буржуазной революции [867, с. 141]. В заключении Поршнева объявляет о работе над теоретической книгой о феодальной эпохе, которую он обещает написать, «следуя во всем по мере сил указаниям и мыслям нашего великого учителя И. В. Сталина» [867, с. 142]. Однако смерть Сталина в марте 1953 радикально изменила политическую ситуацию в стране...

Учебная литература для высшей школы трактовала абсолютизм согласно концепции «равновесия». В изданной в 1949 г. «Истории средних веков» В. Ф. Семенова отмечалось: «Главной политической формой позднего средневековья был абсолютизм, опирающийся на дворянство, заинтересованное в усилении центральной власти против растущей народной оппозиции, и находившийся также в союзе с буржуазией, еще недостаточно окрепшей для того, чтобы захватить власть непосредственно в свои руки» [1048, с. 6–7]. В программе по Новой истории МГУ за 1954 г. система абсолютизма характеризуется как «феодально-абсолютистский строй» [764, с. 5, 8], а сам абсолютизм — как государство переходного периода от феодализма к капитализму [764, с. 5]. Проблема абсолютизма была представлена в лекциях С. Д. Сказкина [1065], Ф. М. Потемкина и А. И. Молока [933; 934].

Идеологическая конфронтация послевоенных лет отражалась и в учебной литературе по истории. В мае 1949 г. В. В. Бирюкович указывал, что «в учебнике средних веков нет и следа, я бы сказал, боевого, партийного духа. Мне кажется, товарищи, что задачи авторов нового учебника и будет состоять в том, чтобы их произведение было бы обвинительным актом против феодальной эксплуатации, феодального государства, памятуя о том, что мы сейчас боремся за уничтожение не только капиталистической эксплуатации, но и всякой эксплуатации» [738, л. 3].

Такая направленность прочитывалась во втором томе «Истории средних веков», вышедшем в 1954 г., где утверждалось, что главной целью абсолютизма было подавление классовой борьбы крестьянства [398, с. 35]. Однако наиболее жесткая классовая риторика присуща изданному в 1951 г. первому тому пособия

по новой истории под редакцией Бирюковича, Поршнева и Сказкина. «Сильное централизованное государство было орудием феодалов-дворян для охраны феодальных порядков, для обуздания и подавления трудящихся масс деревни и города, боровшихся против феодального гнета», — эта фраза первой главы служила лейтмотивом всей книги [762, с. 5].

Проблема абсолютизма была представлена и в обобщающих работах: «Французская буржуазная революция конца XVIII века» А. З. Манфреда [644], «Английская буржуазная революция XVII в.» под редакцией Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого [26] и «Германия в XVIII в.» В. Н. Перцева [840].

Проблемное поле западноевропейского абсолютизма росло, расширялся круг рассматриваемых стран. Так, вышли публикации В. В. Штокмар (1914–1984), ведущей исследовательницы эпохи Тюдоров. В статье «Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор» Штокмар обращает внимание на специфику абсолютизма в Англии, раньше других стран начавшей процесс первоначального накопления [1304, с. 223]. Социальная база английского абсолютизма характеризовалась возрастанием роли нового дворянства и буржуазии. Особенными были условия развития страны — отсутствие постоянной армии, непрерывное существование парламента и важная роль местной администрации [1304, с. 224]. Особое внимание В. В. Штокмар уделяла процессу первоначального накопления и связанному с этим законодательству по отношению к жертвам огораживаний и обезземеливания [1306].

Кандидатская диссертация А. Д. Роловой «Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527–1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи» [996] — пример преломления концепции «равновесия» через призму материала об Италии. Ролова указывает, что итальянский абсолютизм — это абсолютизм в форме сеньории, или княжеский, появление которого объясняется ранним развитием капиталистических отношений [996, л. 9].

Предпочитаемым для изучения был все же французский абсолютизм, в рассмотрении которого выделились новые аспекты — налоги [884], экономическая политика [885–886], провинциальные интенданты [675], идеология [415], социально-политические аспекты религиозных войн [599–600].

Докторская диссертация А. Д. Люблинской, посвященная развитию французского абсолютизма в первой четверти XVII в., стала знаковым событием. Обсуждение доклада Люблинской по теме диссертации в ЛОИИ в январе 1951 г. вызвало интерес аудитории. Специалист по средневековой Италии В. И. Рутенбург (1911–1988) предлагал рассматривать первоначальное накопление во Франции, сопоставляя его не только с Англией, но и с Германией, Испанией, Голландией [729, л. 5]. Примечательной была оценка академика Е. В. Тарле: «Доклад А. Д. (Александры Дмитриевны — Л. Л.) не входит ни в какое сравнение с той пустой болтовней, которая писалась на эту тему во времена Покровского.

После указания т. Сталина историческая наука в силах давать серьезные работы, к числу которых относится работа А. Д. Люблинской» [729, л. 5].

Оценивая политическую смуту после смерти Генриха IV, Люблинская указывает, что правительство было поддержано чиновничеством и буржуазией, заинтересованными в укреплении абсолютизма. Такая позиция находила поддержку и в народе, которому междоусобицы несли разорение и тяготы [621, л. 576].

Французское общество отличалось сложной, с гибридными формами, структурой. Ни дворянство, ни буржуазия еще не были политически консолидированы [621, л. 209]. Люблинская выделяет феодальную аристократию, родовое дворянство, новое дворянство. Знать, связанная отношениями патроната с родовым дворянством, мечтала о «короле без централизации» и была «последовательно реакционной» [621, л. 232]. Родовое дворянство «не желало дальнейшего развития буржуазных отношений и укрепления абсолютизма», и в этом его интересы совпадали с устремлениями знати [621, л. 218]. Однако, подчеркивает автор, обращаясь к мнению одного из современников описываемых событий, «если бы дворянство не обновлялось третьим сословием, так давно бы сгинуло» [621, л. 234]. Происходил постоянный процесс пополнения дворянства из буржуазии. Это новое дворянство, вышедшее из буржуазии, приспособившееся к условиям первоначального накопления, и стало опорой французского абсолютизма [621, л. 218, 1024].

Сложной социальной группой было чиновничество. С одной стороны, чиновники — это выходцы из буржуазии, купившие должности, и Люблинская считает, что первоначально чиновничество было буржуазным. Однако, с течением времени, ввиду сближения с дворянством, оно образовало особую группу внутри дворянского класса — «дворянство мантии», «стоявшее на страже основ феодально-абсолютистской монархии и сокрушенное вместе с ней» [621, л. 266–267]. Что же касается буржуазии, то в рассматриваемый период она «и не мечтала еще о политической власти» [621, л. 1022]. Таким образом, А. Д. Люблинская предложила динамичную модель «равновесия», в которой дворянство постоянно пополнялось выходцами из буржуазии, а сама буржуазия укреплялась по имманентному свойству позднефеодальной эпохи.

По сравнению с началом дифференцированной разработки проблем западноевропейского абсолютизма, изучение российской абсолютной монархии находилась в стадии затянувшейся паузы и теоретических споров. В «Очерках истории исторической науки СССР» об этом сказано так: «Недостаточная изученность политического строя, равно как и внутренней политики господствующего класса в период позднего феодализма особенно сказывалась на разработке проблем российского абсолютизма» [802, с. 221].

В 1946 г. вышла статья С. А. Покровского «К вопросу о классовой природе абсолютизма». Цитируя классиков марксизма и особенно Сталина, Покровский считает, что русский абсолютизм, в той мере, в какой он содействует нарождающейся буржуазии, объективно проявляет антифеодалные тенденции [906, с. 296]. В связи с этим политика Петра I не только прогрессивна, но и оценивается как просвещенный абсолютизм [906, с. 297]. Мнение С. А. Покровского встретило возражение А. М. Давидовича, исследователя российского самодержавия эпохи империализма. В развернутой полемической статье [253] Давидович негативно оценивает точку зрения Покровского как немарксистскую, исходящую из «двухклассовости» самодержавия и преувеличения в нем буржуазной направленности [253, с. 104–105].

Одновременно с описанными событиями развернулась дискуссия о характере государственного строя России в Институте истории АН СССР. Поводом к обсуждению 4 апреля 1946 г. послужил доклад С. В. Юшкова «Основные моменты истории русского государства до середины XIX века». Констатируя большие разногласия между историками СССР и историками государства и права в понимании развития форм российской государственности, Юшков предлагает исходить из высказываний классиков марксизма. В Европе сменяли друг друга раннефеодальная, сословно-представительная монархия и абсолютная монархия [733, л. 40–40 об.]. Как серьезный недостаток, Юшков отметил, что большинство историков СССР отвергают существование сословно-представительной монархии в России, называя ее феодальной. Однако такой подход, с точки зрения Юшкова, неправилен, так как феодальной была и раннефеодальная, и абсолютная монархия [733, л. 41 об.–42]. Отождествляя понятия «абсолютизм» и «самодержавие», Юшков относит возникновение абсолютизма в России ко второй половине XVII в., связывая это с падением роли Земских соборов. В свою очередь, правление Петра I положило начало полицейскому государству в России [733, л. 42–42 об.]. Ситуацию несколько сглаживало то обстоятельство, что большинство присутствующих сходились на этой точке зрения [734, л. 77].

Монархию, предшествующую абсолютизму в России, советские историки называли и централизованной, и феодальной, и сословно-представительной. С. В. Юшков указывал на некорректность такого подхода и целесообразность определения монархии XVI–XVII вв. как сословно-представительной, в чем находил поддержку у части коллег. Например, доктор исторических наук, исследователь российского города XVII в. П. П. Смирнов (1882–1947) выразился четко: «Я приветствую термин “сословно-представительная монархия”, который кажется мне правильным» [735, л. 119 об.]. В. И. Пичета (1878–1947), ставший в 1946 г. академиком, также поддержал тезис о сословно-представительной монархии. После Смуты, разъяснил он, государство с новой царской властью должно было опираться на земский собор [734, л. 83–84]. Однако

П. К. Алефиренко, занимающаяся борьбой крестьян в XVIII в., наоборот, усмотрела в понятии сословно-представительной монархии идеологически вредный славянофильский тезис «единения царя с народом» и идеализацию монархии [734, л. 127–127 об.]. Она указала, что «феодальная монархия или самодержавие этого времени — это именно монархия, русское централизованное государство на базе складывающегося всероссийского рынка» [734, л. 127 об.].

Негативной была реакция коллег на доклад С. В. Юшкова о просвещенном абсолютизме. Обсуждение, развернувшееся 21 ноября 1946 г., продемонстрировало, что в советской историографии делать акцент на применении просветительских идей монархами, пусть и в созревших для этого условиях, неприемлемо. Непримируемая полемика разгорелась между С. В. Юшковым и доктором исторических наук М. В. Нечкиной (1901–1985). Обвинив Юшкова в «узко идеалистических соображениях», Нечкина сделала вывод о том, что смысла вести дискуссию нет, ибо вопрос не поставлен» [734, л. 180–181].

Проблема российского абсолютизма была представлена лишь в учебной литературе. При этом в пособиях по истории СССР игнорировалось существование в России сословно-представительной монархии, между тем как пособия по истории государства и права подробно ее характеризовали.

В учебном пособии 1946 г. по истории СССР К. В. Базилевич указывал, что политический строй Русского государства в XVII в. был «дальнейшим развитием системы централизованного государственного управления, которая начала складываться с конца XV в.». [86, с. 443]. Г. А. Новицкий, в русле сталинских указаний, отмечал, что главное внимание социальной политики Петра I «было направлено на укрепление классовых позиций дворян и купцов» [86, с. 574]. Авторы учебника по истории СССР 1948 г. термин «сословно-представительная монархия» проигнорировали не только применительно к России, но и к европейским монархиям, характеризуемым как «централизованные государства» [1125, с. 106–107]. Этот учебник, кроме того, критиковали затем как «немарксистский» — авторы чрезмерно уделили внимание государству и недостаточно — экономике и социальным процессам [744, л. 132–134].

В учебной литературе по истории государства и права С. В. Юшков, напротив, указывал на наличие сословно-представительной монархии в России как промежуточной формы «между раннефеодальной и абсолютной монархией» [1332, с. 25–29; 1333]. Сословно-представительная монархия берет свое начало от созыва первого Земского собора в 1530 г. Наивысшего расцвета она достигает при Михаиле Романове, превратившись во второй половине XVII в. в абсолютную [1332, с. 283–285]. В декабре 1947 г. С. В. Юшков убеждал коллег, что до наступления абсолютизма «какой-то промежуток в истории государства должен быть» [68, л. 47]. «Сама власть монарха, в данном случае царя, перестраивается. Боярская дума усиливается, изменяется ее влияние, дальше создается

бюрократическая система приказов, на местах изменяется система управления [68, л. 48], — объяснял Юшков. — «Товарищи, давайте как-то считаться все же с данными каких-то других наук! — призывал Юшков. — Когда говорят «феодальная монархия», мы, юристы, улыбаемся. Почему? Да очень просто почему! Что такое феодальное? Это указание на социальные отношения... оно настолько не определяет сущности, что это понятие феодальной монархии... надо из учебника убрать совершенно» [68, л. 48–49]. Однако, несмотря на обоснованность замечаний Юшкова, его мнение не было учтено, и термин «сословно-представительная монархия» в рассмотрении политических институтов России раннего Нового времени принят не был.

Таким образом, несмотря на единообразие в интерпретациях западноевропейского и российского абсолютизма, в трактовке российской монархии все же сильнее проявлялись элементы правового подхода. Так, формирование абсолютизма в значительной мере связывалось с эволюцией управления, Соборным Уложением 1649 г., а окончательное утверждение — с «регулярным» государством Петра I. Проблематика российского абсолютизма еще не обрела дифференцированной разработки и освещалась преимущественно в учебной литературе для высшей школы, в то время как проблемное поле западноевропейского абсолютизма увеличивалось — расширилась география изучаемых стран, появились диссертации по частным проблемам французского и английского абсолютизма [1–А, с. 389–396].

Проведенный анализ интерпретации абсолютизма в советской историографии 1930-х – первой половины 1950-х гг. позволяет сделать ряд выводов. В этот период контуры концепта абсолютизма обрели четкость и законченность в рамках методологического канона, просуществовавшего до конца 1980-х гг. Трактовки как западноевропейского, так и российского абсолютизма были унифицированы и сведены в единую социологическую схему, выраженную в концепции «равновесия». Обоснованием концепции служили выдержки из произведений Маркса и Энгельса, а также высказывания Ленина и Сталина, считавшиеся непререкаемыми указаниями для советских историков. И западноевропейский, и российский абсолютизм считались, в рамках формационной модели, явлениями аналогичными, несмотря на специфику отдельных стран. Более того, на основе факта падения западноевропейского абсолютизма в буржуазных революциях делался вывод и о безусловной закономерности российских революций.

Период установления методологического канона демонстрирует, однако, не только методологическую унификацию, но и различия в оценочном и предметном аспектах трактовок западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия. В первом случае наблюдается преемственность со сдержанными

оценками дореволюционной историографии, расширение проблемного поля, теоретический характер споров и создание социологических построений, имеющих целью выявить классовую основу западноевропейского абсолютизма. Во втором — очевидны негативизация самодержавия в рамках классового подхода и минимизация проблемного поля.

Оценка абсолютизма как исторического явления обуславливалась жестким классовым подходом историографии сталинской эпохи. Несмотря на прогрессивную роль в централизации страны и создание условий для развития капитализма, абсолютная монархия — это феодальное эксплуататорское государство и орудие классового угнетения. Следовательно, ввиду неразрешимых классовых противоречий и конфликта производительных сил и производственных отношений в рамках формационной теории абсолютизм обрекался на гибель в результате буржуазных революций [1–А, с. 325–326, 396–397].

РЕПОЗИТОРИЙ БГУИМ

ГЛАВА 5

НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В РАЗВИТИИ КОНЦЕПТА АБСОЛЮТИЗМА И ЧАСТИЧНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ КРИЗИСА ЕГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х ГГ.)

5.1 Изучение советскими историками государственных институтов Нового времени в период «оттепели»

В период «оттепели» на протяжении середины 1950 – середины 1960-х гг. частичная демократизация в СССР затронула и историческую науку. Наступление в ней нового этапа доказывало и возобновление участия советских историков в зарубежных научных мероприятиях, начиная с Римского конгресса 1955 г. [152, с. 242] Российская исследовательница Л. А. Сидорова обоснованно считает важнейшими тенденциями этого времени отказ от сталинского прочтения истории, переосмысление марксистского наследия и стремление советских историков к истине [1059, с. 3–4]. О пересмотре марксизма речь не шла, все инновации находились в очерченных идеологических границах. Однако тогда даже эти, весьма умеренные установки имели немалое значение [1059, с. 3–4].

Доктор исторических наук В. П. Смирнов (1929–2020) так описывал это время: «Эти события, начавшиеся после смерти Сталина... общеизвестны, но, пожалуй, лишь тот, кому довелось их пережить, может до конца понять, насколько они поражали воображение и чувства современников. Разумеется, на историческом факультете МГУ, как и по всей стране, горячо обсуждались эти ошеломляющие события, буквально взрывавшие прежние представления об СССР, коммунистической партии и советской власти; переворачивающие то, чему раньше учили и во что многие верили» [1080, с. 10–11].

В ЛГУ была схожая атмосфера. Как вспоминали Г. Е. Лебедева и В. А. Якубский, члены кафедры истории средних веков по-разному выражали свои чувства, закрытый доклад Н. С. Хрущева потряс всех. Даже А. Д. Люблинская, избегавшая всяких разговоров о политике, «изменила своему обыкновению. Весной 1956 г. она чуть ли не каждый день рассказывала на кафедре о наблюдаемых сдвигах. Однажды радостно объявила, что спецхран доживает свои последние дни. Присутствующие выразили сомнение, и, к сожалению, оказались правы» [577, с. 108–109].

В середине 1960-х гг. О. Л. Вайнштейн работал над «Историей советской медиэвистики». Варианты ее глав сохранились в фонде 15 Западноевропейской

секции архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Сопоставление трех редакций авторской рукописи и содержания изданного текста демонстрирует то, как работа задумывалась, и то, что получилось в итоге.

Первоначально глава V части II была названа «Развитие советской историографии в условиях “культ личности” (начало 30-х – середина 50-х гг.)» и имела два эпиграфа. Это цитата из Программы КПСС 1961 г. «Культ личности ведет к принижению роли партии, сковывает развитие идейной жизни партии и творческую активность» и выдержка из доклада М. А. Сулова на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в 1962 г.: «Особенно тяжелый вред нанес культ личности исторической науке» [726, л. 1]. В следующем варианте эпиграфы были сняты, глава стала называться «Развитие советской историографии в годы строительства социализма, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства (30 – середина 50-х гг.)» [725, л. 1]. Наконец, в самой «Истории советской медиэвистики» часть вторая была озаглавлена лапидарно — «30-е годы – середина 50-х годов» [152, с. 81].

В профессиональном кругу историков восприятие итогов XX съезда могло быть весьма неоднозначным. Примером этого выступают материалы заседания Ученого совета Института истории от 9 мая 1963 г., где с докладом об изучении феодализма выступил Л. В. Черепнин. Он указал, в частности, на то, что политическая история XVI–XVIII вв. является «очень мало тронутым участком советской исторической науки», что «серьезных монографий по проблемам формирования сословно-представительной и абсолютной монархий, пожалуй, давно не появлялось» [73, л. 24]. Черепнин привел неоспоримый идеологический довод: «Говоря о важности изучения проблематики сословно-представительной и абсолютной монархии в России, надо помнить, что этой проблематикой весьма интересуются за рубежом, где пользуется популярностью версия о коренном якобы отличии политического строя московского деспотизма от парламентарного режима западноевропейских средневековых государств. А отсюда делаются далеко идущие выводы фальсификаторского характера о так называемом “советском деспотизме” и современной западной демократии» [73, л. 24–25].

В 1955 г. Л. В. Черепнин принимал участие в X Международном конгрессе историков в Риме с докладом о развитии феодализма в России [267] и был свидетелем полемики между советскими и западноевропейскими историками по проблеме абсолютизма. Черепнин входил в состав советской делегации и на XI конгрессе историков в Стокгольме (21–28 августа 1960 г.), который стал «ареной идеологической борьбы» [776, с. 4]. В СССР негативно воспринимались не только концепции советологии, но и евразийские идеи. Последние содержали тезисы о непринадлежности России к Западу, особом православном характере российской ментальности и ставили под вопрос закономерность российских революций.

На заседании Ученого совета Института истории в 1963 г. обсуждение доклада Л. В. Черепнина в свете новой идеологической ситуации вызвало резкую реакцию доктора исторических наук С. М. Дубровского. Дубровский возмущался тем, что «проявилось абстрагирование от конкретных фактов... абстрагирование от марксистско-ленинских установок в целом ряде вопросов, причем некоторые историки перешли на критику в этом направлении, а некоторые упорствуют. Какая-нибудь ссылка на то, что надо подходить по-марксистски и т.д. вызывает припадки истерии» [73, л. 62]. «То, что правильно, надо поддержать, а от того, что неправильно надо отказаться, — категорично заключал Дубровский. — Надо уничтожить обломки старых представлений, ошибочных теорий, чтобы никакого «сосуществования» не только с буржуазно-империалистической литературой не было, но и с буржуазно-помещичьей литературой, которая в международном масштабе и сейчас распространяется у нас» [73, л. 64]. Дубровский имел в виду весьма красноречивый факт: «Соловьев расходуется в 50 тысячах экземпляров. Он является ценным из-за обилия фактического материала... но когда работы нашего брата в количестве 1,5–2 тысяч не расходятся, то из этого приходится делать грустные выводы» [73, л. 64].

Доктор исторических наук, специалист по древнерусской архитектуре Н. Н. Воронин (1904–1976) пояснил это так: «Соловьева читают и покупают потому, что он, помимо того, что был крупнейшим ученым, был еще большим художником. Его история живет, там даются люди, которые разговаривают, умирают, страдают, борются. А вот «Очерки по истории СССР» с золотым тиснением на корешке у меня стоят и почти не сходят с полки» [73, л. 72].

Официальное мнение о том, что историю творят народные массы, а великие люди — только выразители общественно-политических потребностей, приводило к тому, что персоналии характеризовались несколькими строками. Тем более не принято было привлекать внимание к главам эксплуататорских классов — российским монархам, за исключением Ивана Грозного и Петра I. Дискурс советской историографии выражался, например, в таком названии раздела учебника по истории СССР для вузов: «Усиление феодально-крепостнического гнета. Начало складывания всероссийского рынка. Зарождение буржуазных отношений. Развитие абсолютизма» [402, с. 309]. Тем не менее значимость Петра I подчеркивалась специальным параграфом — «Личность Петра» [402, с. 309].

В 1955 г. вышла книга Б. Б. Кафенгауза «Россия при Петре Первом», где указывалось, что преобразования имели прогрессивный характер, но вместе с тем «служили процветанию эксплуататорских классов» [451, с. 175]. Во введении к «Очеркам истории СССР» Кафенгауз включил оценку деятельности Петра I: «Народ творит историю, и значение великих людей заключается в правильном учете тех условий, которые они застали, в правильном понимании, как изменить эти условия. Человек исключительных способностей, сильной воли и неиссякаемой

энергии, Петр был великим русским государственным деятелем, выдающимся полководцем, дипломатом и законодателем. Он оставался, однако, представителем господствующего класса» [807, с. 18]. В заключительной части данного тома «Очерков» Н. И. Павленко (1916–2016), ученик Б. Б. Кафенгауза, будущий крупнейший исследователь петровской эпохи и XVIII в., подводя итоги петровских преобразований, справедливо обращает внимание на то, что прогрессивные нововведения достались народу дорогой ценой [807, с. 773].

«Очерки истории СССР» из девяти книг, вышедшие в 1953–1958 гг., были примером «больших нарративов» эпохи «оттепели». Полувековой юбилей советской историографии предполагал издание подводящих итог фундаментальных работ. Кроме «Очерков», в это время вышел ряд важнейших изданий. Это «Всемирная история» в 10 томах, выпущенная в 1956–1965 гг. (с тремя дополнительными томами 1977–1983 гг.); «История СССР с древнейших времен до наших дней» в 12 томах и двух сериях (1963–1980 г.).

На X конгрессе историков в Риме Л. В. Черепнин выступил с докладом, посвященным российскому абсолютизму. Зарождение абсолютной монархии, по мнению докладчика, связано с формированием всероссийского рынка, обострением классовой борьбы и завершением централизации. Соответственно, к концу XVII в. произошел переход от сословно-представительной монархии к абсолютной. Сопоставляя западноевропейский абсолютизм с российским, Черепнин указал, что в Европе, при активной буржуазии, еще не утратили своего господства феодалы; в России же буржуазия была слабой и господствовали феодально-крепостнические отношения. Абсолютизм в России — это дворянская монархия, которая, проводя политику, способствующую развитию торговли и промышленности, содействует и интересам буржуазии [1239, с. 30]. Таким образом, трактовка Черепнина в русле идеи «равновесия» коррелировалась с выводами о специфике российского социального устройства.

В «Очерках истории СССР» доктор исторических наук А. А. Новосельский (1891–1967) определил XVII в. как эпоху «характерных изменений», суть которых составляет «развитие самодержавия (абсолютизма, неограниченной монархии) как формы правления, при которой царь осуществляет права верховной власти всецело и нераздельно без всякого участия народа» [808, с. 22]. Россия после Петра I характеризовалась в «Очерках» как государство, где дворянство, как правящий феодальный класс, воздействуя на представителей верховной власти, возводимых им на престол, добивался для себя льгот и привилегий [806, с. 11]. Во второй половине XVIII в. «продолжала господствовать феодально-крепостническая формация», и новые процессы внутри феодально-крепостнического строя были еще недостаточны для его крушения» [805, с. 5].

Во «Всемирной истории» один их крупнейших специалистов по XVI в. А. А. Зимин (1920–1980) отметил: в России конца XV–XVI вв. было создано

централизованное государство [193, с. 456, 468–469]. Великокняжеская власть усиливалась, становясь при Иване Грозном самодержавием [193, с. 471–477, 493]. Россия второй половины XVII в. представлена академиком М. Н. Тихомировым (1893–1965) как складывающаяся феодально-абсолютистская монархия [194, с. 164]. Центральное место в рассмотрении России первой половины XVIII в. принадлежит реформам Петра I, с которыми связывается окончательное установление в России абсолютной монархии [194, с. 359]. Б. Б. Кафенгауз и Н. И. Павленко емко ее охарактеризовали: «Абсолютная монархия осуществляла господство дворянства при наличии складывающегося класса буржуазии. Абсолютизм пользовался поддержкой купечества и мануфактуристов, умножавших свои богатства благодаря получаемым льготам, поощрению торговли и промышленности. Утверждение абсолютизма сопровождалось усилением централизации и бюрократизации государственного аппарата и созданием регулярной армии и флота» [194, с. 373].

Как вынужденные оценивались реформы XIX в., особенно 1860-х гг., призванные приспособить политический строй России к капитализму [195, с. 500]. Однако, несмотря на половинчатость, они все же были прогрессивны, Россия превращалась в буржуазную монархию [195, с. 502]. Манифест 17 октября оценивался весьма сдержанно — «народные массы, возглавленные пролетариатом, сумели завоевать, хотя и на время, политические свободы» [196, с. 344].

Завершая анализ многотомных работ эпохи «оттепели», необходимо обратить внимание на «Историю СССР с древнейших времен до наших дней». Это издание, являясь примером советской историографической традиции, выделяется образным языком, отражением истории повседневности, а также выразительными характеристиками персоналий. Вот, например, сюжет о Павле I: «“Сыном Минервы” называли его екатерининские вельможи, надеявшиеся, что он пойдет по стопам “просвещенной матери”. “Коронованным Гамлетом” именовали Павла сторонники его отца — Петра III, считавшие, что пришло время сыну отомстить и покончить с правлением “баб и их фаворитов”, однако Павел не стал ни тем, ни другим. Он вырос вдали от государственных дел, отстраненный от екатерининского двора, озлобленный недоверием матери и высокомерным отношением ее вельмож» [404, с. 56].

В создании целостной картины развития российского абсолютизма значительная роль принадлежит трудам Н. П. Ерошкина (1920–1988). В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. вышли две его работы учебного характера по истории государственных учреждений дореволюционной России [309; 311].

В соответствии с ленинскими установками, Ерошкин так определяет этапы развития российского абсолютизма. Сначала это самодержавие XVII в. с Боярской думой и боярской аристократией [309, с. 47], затем это просвещенный абсолютизм XVIII в. [309, с. 124]. Кризис самодержавия наступает в первой половине XIX в.

[309, с. 181]. «Первый шаг» самодержавия к буржуазной монархии делается в 1861–1904 гг. [309, с. 248], «второй шаг» — в 1905–1914 гг. [309, с. 326]; наконец, завершает развитие самодержавия общий кризис и падение [309, с. 369].

Анализ публикаций показывает неравномерность проблемного поля абсолютизма. Так, если политические процессы XVI в., связываемые с самодержавием, находили свое отражение в книгах А. А. Зимина [345; 346], И. И. Полосина [907], И. И. Смирнова [1081], Р. Г. Скрынникова [1078], то история государства XVII в., по сути, осталась вне специального рассмотрения.

В какой-то мере пробел восполнялся статьями. Например, в 1960 г. вышел сборник «Вопросы генезиса капитализма в России», где Б. Б. Кафенгауз обращает внимание на то, что этапы российского абсолютизма выявлены недостаточно четко [450, с. 12]. В. В. Мавродин считал Россию XVII в. централизованным государством с самодержавной властью, а утверждение абсолютизма относил к Петровской эпохе [630, с. 80–83]. Н. И. Павленко показывал трансформацию статуса и социальные возможности двух господствующих классов при абсолютизме — дворянства [816] и буржуазии [817].

В 1960-х гг. выходили работы, посвященные практике российского абсолютизма XVIII в. Его финансовую политику проанализировал один из крупнейших исследователей XVIII в. С. М. Троицкий (1930–1976) [1144]. Мероприятия просвещенного абсолютизма Екатерины II получили отражение в работах М. Т. Белявского (1913–1989) [99] и М. П. Павловой-Сильванской [832–833]. Классовой борьбе и общественно-политической мысли в послепетровской России были посвящены лекции В. В. Мавродина [629].

Наиболее значимой и расставлявшей ряд акцентов работой 1960-х гг. стал сборник «Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)», позднее названный А. А. Зиминим одним из немногих «удачных» среди такого формата публикаций [347, с. 100]. В предисловии отмечалось, что «проблема возникновения и развития абсолютизма в России изучена еще недостаточно» [2, с. 13]. В хронологическом аспекте оформление абсолютизма относилось к XVII в. [2, с. 13–14]. Наконец, предисловие завершалось немаловажным по тем временам замечанием, что среди авторов «не было разногласий по основным вопросам изучаемой темы» [2, с. 17].

А. А. Зимин обращает внимание на предпосылки возникновения абсолютизма, имевшие место еще в XVI в. [344]. Роль Земских соборов, как важнейших партнеров самодержавия, сначала поддерживающих монархию, а затем свернутых ею, анализирует Л. В. Черепнин [1235]. Ряд государственных институтов абсолютизма были отражены в статьях Н. Ф. Демидовой (1920–2015) (бюрократия) [257], М. П. Павловой-Сильванской (местное управление) [833], Н. Б. Голиковой (политический сыск) [219], С. М. Троицкого (налоги и бюджет) [1145], Н. И. Павленко (идеология) [813], Н. А. Баклановой (культура) [88].

Особое место занимает статья академика Н. М. Дружинина о просвещенном абсолютизме в России [296], содержательная и почти лишенная идеологических клише. Просвещенный абсолютизм рассматривается в европейском контексте, как международная система, целью которой было «укрепить устои абсолютной монархии устранением наиболее отживших институтов прошлого и тем самым предотвратить революционное крушение старого режима» [296, с. 430–431]. Мероприятия Екатерины оценены Дружининым взвешенно — он отмечает, что наибольший успех они имели в области экономики, оказавшись прогрессивнее меркантилизма Фридриха II. Наименьшее же значение «имели потуги Екатерины поставить и разрешить крестьянский вопрос» [296, с. 459].

В период «оттепели» монархия первой половины XIX в. оценивалась в работах докторов исторических наук А. В. Фадеева (1908–1965) [1164] и Н. С. Киняпиной (1920–2003) [463]. Монархия этого периода трактовалась как дворянское государство, в котором назревал кризис крепостничества [1164, с. 39]. Правящая элита видела решение проблем в бюрократизации и укреплении самодержавия, поддерживая старые феодальные формы хозяйства [1164, с. 39–40]. Абсолютизм содействовал развитию предпринимательства, однако правительство руководствовалось в первую очередь интересами помещиков [463, с. 65].

Значительное внимание акцентировалось на пореформенной России и первой российской революции. Прежде всего, это работы доктора исторических наук П. А. Зайончковского (1904–1983) — монографии «Отмена крепостного права в России» [322], «Кризис самодержавия на рубеже 1870-х–1880-х гг.» [321] и «Российское самодержавие в конце XIX ст.» [324]. При этом концепция «Отмены крепостного права в России» стала канонической, определившей трактовку реформы 1861 г. на десятилетия вперед и указывая на вынужденность и половинчатость крестьянской реформы [322, с. 346–347].

Для описания монархии начала XX в. советские историки применяли ряд характеристик с негативной коннотацией. Это «самодержавие», «царизм», «военно-феодальный империализм», «реакция», «крепостники-помещики», «черная Дума», «столыпинщина», «министр-вешатель», «придворная камарилья» и другие. Большевики, напротив, «были единственной партией, которая была вооружена правильным пониманием революции 1905 г., как подлинно народной и пролога социалистической революции» [688, с. 179; 809, с. 71; 1244].

В. С. Дякин (1930–1994) характеризует социальную опору монархии начала XX в. так: «Защищая прежде всего власть и доходы помещиков, самодержавие должно было оберегать и интересы буржуазного развития страны» [303, с. 18]. Революция 1905 г. привела к существованию Государственной думы, однако монархия не только сохраняла ряд возможностей обхода законодательных прав Думы, но и обеспечивала себе в Думе послушное большинство [303, с. 24–25].

А. Я. Аврех (1915–1988) определял третьиестюньскую систему, в соответствии с ленинскими оценками, как бонапартизм [9, с. 17]. Это — политика социального лавирования между помещиками и буржуазией с «конституционным прикрытием» в виде Думы [10, с. 50–51]. В развернутом виде концепция Авреха была изложена в двух его монографиях — «Столыпин и Третья Дума» и «Царизм и третьиестюньская система» [8; 12]. Здесь нашли отражение идеи, с которыми Аврех начнет в 1968 г. дискуссию об абсолютизме. В частности, Аврех указывал на активную роль самодержавия, берущего на себя решение задач буржуазной революции, и слабость русской буржуазии [8, с. 4–8].

Атмосфера «оттепели», работа с источниками постепенно наполняли социологическую схему абсолютизма фактами. Вместе с тем, возникали трудноразрешимые проблемы. Речь шла о переходе от феодализма к капитализму и критериях этого процесса. В свою очередь, в рамках концепции «равновесия» возникал вопрос о социальной базе российского абсолютизма. В июне 1965 г. в Москве проходила Всесоюзная дискуссия, посвященная переходу России от феодализма к капитализму. Как показали выступления ее участников, уже тогда было высказано мнение об отсутствии «равновесия» между интересами дворянства и купечества в XVII–XVIII вв. [838, с. 151]. Проблема заключалась в различной датировке советскими историками генезиса капитализма в России. С одной стороны, на этот счет имелись указания Ленина о «новом периоде», наступившем в XVII в., с другой — данные источников указывали на более поздний срок, а в итоге это противоречие ставило под вопрос предпосылки российских революций. Одни из историков относили начало российского капитализма к XVI в. (С. Г. Струмилин, Д. П. Маковский) [146, с. 71], другие — к XVII в. (И. А. Булыгин, Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, С. М. Троицкий), третьи — к середине XVIII в. (И. Ф. Гиндин, Л. В. Данилова, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, А. П. Новосельцев, Н. И. Павленко, М. К. Рожкова, П. Г. Рындзюнский) [146, с. 65]. С позиции соответствия методологическому канону, предпочтительно было считать, что российский капитализм уже существовал в XVII веке [146, с. 71–81]. Сторонники же идеи более позднего возникновения российского капитализма (Н. И. Павленко) указывали, что товарное производство еще не есть капитализм [826, с. 91]. Даже наличие мануфактур требует уточнения, так как действительно капиталистическая мануфактура основана на применении наемного труда. Последнее же в России приобрело необратимые масштабы только к 1760-м гг. [826, с. 97–100].

Споры вокруг едва уловимых граней между «зарождением» и «появлением» предпосылок капитализма, а также о том, что имели в виду классики марксизма в том или ином случае, были показательны. Они демонстрировали, с одной стороны, достаточно широкие возможности интерпретации классиков марксизма, с

другой — необходимость оставаться в канонических рамках при обнаружившемся расхождении схемы и данных источников.

В 1966 г. Н. А. Чистозвоновым была представлена его концепция абсолютизма. Это произошло 8 апреля на объединенном заседании секции «Генезис капитализма» и сектора средних веков и 11–13 мая на научной сессии в Институте истории академии наук СССР [749]. Чистозвонов, ни в коей мере не подвергая ревизии классиков марксизма, высказался о том, что марксистские положения не должны «превращаться в универсальный ключ, с помощью которого можно раскрыть генезис такого сложного и запутанного явления, как абсолютизм» [749, л. 11]. Считая главным критерием генезиса абсолютизма развитость буржуазных элементов, Чистозвонов указывал на государства, где развивался собственно абсолютизм (Англия, Франция), и государства с абсолютистскими формами правления (Испания, Австрия, Пруссия, Россия), где происходила рецепция абсолютистских порядков [749, л. 140–143]. Наконец, непосредственно о российском абсолютизме и концепции «равновесия» тогда же однозначно высказался Н. И. Павленко: «Короче говоря, эта схема, на мой взгляд, к истории России совершенно неприложима» [750, л. 44–45].

8–10 апреля 1968 г. в Москве прошла конференция советских и итальянских историков, на которой обсуждалась проблема абсолютизма. То, что серьезная проблема существует и необходимо ее решать, но решать в рамках советской методологии, показал доклад Л. В. Черепнина [1237], бывший наряду с докладом итальянского историка-марксиста К. Виванти [166] основным на конференции.

Так, Черепнин обращается к выдержкам из Маркса и Энгельса о периодах равновесия сил дворянства и буржуазии, однако эта каноническая преамбула сопровождается оговорками. «Совершенно очевидно, — отмечает Черепнин, — что Энгельс не рассматривает здесь абсолютизм *специально и всесторонне* (курсив Л. В. Черепнина — Л. Л.). Он берет здесь абсолютизм в уже сложившемся виде» [1237, с. 13]. Далее следует важное замечание Черепнина: *«Конечно, «равновесие» нельзя понимать как равенство на чашах весов или даже математическое равенство. Это, очевидно, соотношение сил господствующего феодального класса и формирующегося класса буржуазии, оказывающее воздействие на правительство, — соотношение, которое в зависимости от конкретных условий может быть неодинаковым в разных странах и в различные периоды, отчего и абсолютные монархии развиваются по-разному* (курсив мой — Л. Л.)» [1237, с. 13].

Это был удачный методологический маневр и максимум в масштабах социологической модели. Вывод Черепнина открывал новые возможности для историков в пределах концепции «равновесия». Однако, если речь шла о «соотношении сил», что делать с «равновесием»? «Как оценить соотношение старого и нового, феодального и буржуазного?» [1237, с. 32] — формулировал

Черепнин краеугольную проблему. Показательно, что и статья Авреха, открывающая дискуссию об абсолютизме, начиналась почти такой же фразой: «Абсолютизм — тема не только важная, но и коварная... Гвоздем проблемы является соотношение феодального и буржуазного в природе и политике абсолютной монархии» [7, с. 82]. Перед советскими историками встал сложный вопрос выявления и оценки того, что понималось под словами «феодальное» и «буржуазное».

С точки зрения Л. В. Черепнина, с XVI в. можно вести речь о предпосылках абсолютизма, установившегося в России к XVIII в. [289, с. 17]. Черепнин признает, что в начале XVII в. не было ни буржуазии и буржуазных отношений [289, с. 26], ни равновесия дворянства и буржуазии в смысле равенства их сил [289, с. 48]. Однако Черепнин не желает выводить Россию из европейской схемы формирования капитализма. Он ведет речь о кануне «завязи» капиталистических отношений «в недрах феодального строя» [289, с. 48].

На конференции проявили себя и будущие активные участники дискуссии об абсолютизме. Первым выступил Н. И. Павленко, критикуя видение проблемы Л. В. Черепниным и делая вывод, что, ввиду необходимости ряда оговорок, «концепция равновесия существует сама по себе, а факты сами по себе» [289, с. 182]. П. В. Волобуев, рассматривая абсолютизм как общеисторическое явление, высказал, по его словам, «еретическую» мысль о том, что «наличие так называемого равновесия... дворянства и буржуазии... не является общеисторической чертой абсолютизма» [289, с. 194].

А. Я. Аврех, дискуссионная статья которого уже готовилась к выходу, также критически оценил выступление Л. В. Черепнина. Аврех видел корень проблемы в желании советских историков представить российский капитализм более ранним, говоря о «зачатках» и «перспективе» капиталистических отношений. Такая постановка вопроса не могла не вызвать ироничного замечания А. Я. Авреха: «Итак, перед нами совершенно иной подход к исторической реальности, — саркастически замечает он, — если ее нет, она будет, а раз так, то, значит, она есть» [289, с. 220]. «Не аргументирован и следующий тезис — о равновесии, — указывает далее Аврех. — В том-то и дело, что равновесие — это не просто соотношение, а определенное количественное соотношение, и если его нет, то слова о равновесии — звук пустой» [289, с. 222]. Завершая выступление, Аврех указал, что в России абсолютизм появился задолго до капитализма и сам был предпосылкой последнего ввиду необходимости выжить в соседстве с развитыми странами [289, с. 222]. «И не надо, — подытоживал Аврех, — искать капитализм или его «элементы», «зародыши» и т.д. там, где их не было» [289, с. 222–223]. Выступивший затем И. Ф. Гиндин обострил ситуацию, заявив о существовании двух направлений в советской историографии. Одно из них, господствующее, основывается на признании почти одновременного развития западноевропейского

и российского капитализма и отсутствии принципиальной разницы между ними. Другое, или новое направление, отстаивает идею гораздо более позднего развития российского капитализма, бывшего значительно слабее западноевропейского [289, с. 224–226].

Таким образом, содержание последовавшей вскоре дискуссии выявилось до ее официального начала [269]. То, что предметом дискуссии стал российский абсолютизм, было естественно. Это — отечественная проблематика, обеспеченная источниками. В отношении же западноевропейского абсолютизма господствовала традиционная точка зрения. Более того, С. Д. Сказкин отверг даже мнение К. Виванти о социальном консенсусе между буржуазией и дворянством при абсолютизме [166, с. 69]. А. Д. Люблинская, напротив, поддержала А. Я. Авреха. Исторический материал, отметила она, показывает, что явления, называемые «предпосылками», опережают развитие капитализма как такового, и что еще до появления первых мануфактур и первоначального накопления государственная власть уже готова воспринять эти явления, и Россия как раз представляет пример того, как власть «забегает вперед» экономики [289, с. 175].

Подводя итог, необходимо отметить, что «оттепель», несмотря на ее регулируемый характер, привела советских историков к теоретическим поискам и привлечению материалов источников, что совпало с изданием многотомных обобщающих работ и появлением новых сюжетов в проблематике абсолютизма. Расширившееся проблемное поле стало включать изучение различных аспектов его внутренней политики, идеологии, системы управления. Трактровка российской абсолютной монархии на основе концепции «равновесия» была вписана в европейский контекст, термины «абсолютизм» и «самодержавие» применялись как синонимы, однако складывание именно абсолютизма датировалось второй половиной XVII в. При этом очевидно большее, нежели в трактовке западноевропейского абсолютизма, применение правового подхода. Российский абсолютизм, или самодержавие, оценивался как закономерная, но в целом антинародная сила, причем степень негативизации возрастала по мере приближения к рассмотрению событий финала российской монархии.

Несмотря на сложившийся известный консенсус в научном сообществе, в середине 1960-х гг. становилось очевидно, что проблематика абсолютизма значительно сложнее, чем представлялось ранее. Это неизбежно приводило к переосмыслению устоявшихся представлений об абсолютизме, с первую очередь российском. При этом в рамках социологической модели на первый план выступали две проблемы, уже неоднократно становившиеся дискуссионными, начиная с 1920-х гг.: место буржуазии в социальной системе абсолютизма и специфика генезиса российского капитализма в условиях абсолютной монархии [1–А, с. 425–432; 25–А].

5.2 Западноевропейский абсолютизм в советской исторической науке середины 1950-х – 1960-х гг.

Статья «Сорок лет советской медиевистики», опубликованная в 1957 г., не только подводила соответствующие итоги, но и передавала идеологический заряд первых послесталинских лет: «Решения XX съезда партии, наметившего перспективы для дальнейшего подъема науки и культуры, решительно осудившего догматизм, начетничество и вредные последствия культа личности в исторической науке, открыли перед советскими медиевистами, как и перед всеми историками, еще более широкие возможности творческой работы, свободных дискуссий, новых исследований» [547, с. 205].

Советские историки, очевидцы предыдущих десятилетий, несомненно, работали в режиме внутренней цензуры. Однако они не могли не признавать значимости марксизма и как научной парадигмы, и как государственной идеологии. Политическую и психологическую раздвоенность этой эпохи точно и образно выразил византинист А. П. Каждан (1922–1997): «Сталинизм не был просто грубой одеждой, сброшенной на наше нежное тело, мы срослись с ним и не могли его сбросить одним небрежным движением» [410, с. 44].

Советская историография указывала, что зарождение капиталистических отношений и еще большее обострение классовой борьбы «потребовали дальнейшей централизации государственной власти, феодальная монархия с сословным представительством уступила место абсолютной монархии, явившейся той формой феодального государства, которая нужна была господствующему классу на последнем этапе существования феодального строя» [741, л. 48, 49]. Эта интерпретация в рамках идеи «равновесия» была представлена и в учебной литературе для высшей школы [396–397; 1047; 1067].

В указанном ракурсе раскрывается проблематика западноевропейского абсолютизма в многотомном обобщающем труде эпохи «оттепели» — «Всемирной истории». «Возвышение феодально-абсолютистской Франции» [193, с. 207] — так названа глава четвертого тома, написанная В. В. Бирюковичем и А. Д. Люблинской. Первоочередное внимание авторов сконцентрировано на зарождении капитализма и формировании буржуазии, однако обращает на себя внимание акцент на военном факторе в укреплении абсолютизма [193, с. 212]. Глава о Франции XVII в. в пятом томе написана Б. Ф. Поршневым. «Французское государство XVII в., построенное на принципе абсолютной власти короля, по своей классовой природе было диктатурой дворянства, — считал он. — Главным назначением абсолютистского государства была защита феодального строя, феодального экономического базиса от всех антифеодальных сил» [194, с. 116].

В Отделе рукописей РГБ сохранились документы, из которых очевидно желание Поршнева создать панорамную картину развития европейского абсолютизма. Для этого сопоставляются условия развития государств, выявляется степень «революционности» различных факторов, в том числе деятельности монархов. Фронда характеризуется Поршневым как революция, произошедшая «не вовремя» [792, л. 8–9]. Рассматривая российскую монархию в годы правления патриарха Филарета, Поршнева обращает внимание на схожесть институциональных процессов и делает вывод о том, что есть «основание сравнить русскую монархию при Филарете с английским, французским или испанским абсолютизмом первой половины XVII века» [791, л. 1–3].

В 1964 г. концепция Поршнева воплотилась в книге «Феодализм и народные массы», где место абсолютизма определено так: «Чем более, с развитием феодального общества, расшатывался его экономический базис, тем острее и глубже становилась борьба составлявших его классов, тем соответственно более сильная надстройка требовалась для сохранения и защиты этого базиса. Поэтому для позднефеодальной эпохи характерно очень сильное, мощное государство (самодержавие, абсолютизм)» [926, с. 321].

С. Д. Сказкин также расценивал государство как «аппарат для систематического применения насилия и подчинения людей насилию» [1070, с. 9]. Однако оптимальным представляется характеристика абсолютизма, данная Сказкиным в первом томе «Краткой всемирной истории». Абсолютная монархия выступает и «как арбитр между старым господствующим классом феодалов и буржуазией, и как защитник обоих классов от революционного движения народных масс» [553, с. 239]. Особое внимание С. Д. Сказкин уделил итальянскому абсолютизму, который, по его мнению, был предшественником того типа самодержавия, который классики марксизма называли бонапартизмом. Это — лавирование правителей не столько между дворянством и буржуазией, сколько натравливание на последнюю городского плебса [1071, с. 17]. В 1961 г. в Советской исторической энциклопедии была опубликована совместная статья академиков С. Д. Сказкина и Н. И. Конрада об абсолютизме в Западной Европе и Азии, где было представлено существовавшее видение абсолютизма, а в прилагаемый библиографический список были внесены работы зарубежных, в том числе современных, историков [1061, стб. 45–48].

Во второй половине 1950-х гг. стал меняться характер международных научных контактов. 4–11 сентября 1955 г., после более чем полутора десятилетий изоляции, советские ученые приняли участие в X Международном конгрессе историков в Риме. Отдельным изданием был опубликован доклад Е. А. Косминского «Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке» [545], где общение советских и зарубежных

историков было отмечено «как отрадное и многообещающее явление» [545, с. 10]. К сожалению, высказанное Косминским во многом осталось пожеланием.

Во время работы Конгресса, на секции новой истории, прозвучал обширный доклад об абсолютной монархии. Его авторами были профессор Страсбургского университета Р. Мунье (1907–1993) и член-корреспондент Баварской академии наук, работающий в области государства и права Ф. Гартунг (1883–1967) [1352].

Основным докладчиком был Мунье. Р. Мунье, как и его старший коллега, исследователь Старого порядка Ж. Пажес (1867–1939), считал, что французский абсолютизм не был феодальным государством. Нужда в деньгах, отмечал Пажес, заставляет монархию продавать должности, и их охотно приобретает буржуазия, создавая опору монархии. Теперь «грядущее монархии Старого порядка было обеспечено» [1365, р. 14–16], но и юрисдикция продана буржуазии [1365, р. 17]. Точка зрения Ж. Пажеса о социальном характере абсолютизма была развита Р. Мунье [1362–1363], но была неприемлема для советских историков [913, с. 144, 146–147], считавших абсолютизм феодальным государством.

Дискуссии на Конгрессе 1955 г. продемонстрировали радикальные расхождения между западными и советскими историками, что было отражено в статье исследователя Английской революции А. С. Самойло [1018]. По мнению Мунье и Гартунга, термин «абсолютизм» уместен постольку, поскольку противопоставляет централизованную монархию феодальной раздробленности. На деле же абсолютный монарх был ограничен нормами религии и права. Такая постановка вопроса названа Самойло «формально-юридической», основанной на туманных, мистических категориях [1018, с. 127]. Особенную неприязнь, по понятным причинам, вызвал тезис о России и Турции как странах с деспотическими режимами [1018, с. 127]. Неприемлемой для советской медиевистики была и предложенная Мунье периодизация абсолютизма по критерию изменений в органах управления. Она названа поверхностной, искусственной и научно бесплодной [1018, с. 128]. Говоря о смене абсолютизма парламентарной монархией, Мунье, к негодованию А. С. Самойло, о революциях даже не упоминает [1018, с. 128]. Абсолютная монархия, указывает Мунье, не была угнетающей, она стремилась удержать равновесие между дворянством и буржуазией в интересах всего государства. Да и применение слова «феодальный» в отношении XVI–XVII и XVIII в. весьма сомнительно, так как это общество ничем не похоже на действительно феодальное общество VIII–XIII вв. Советскому историку такие размышления были чужды в принципе [1018, с. 132–133].

Обмен мнениями между советскими и европейскими историками показал, что конструктивный диалог вряд ли возможен. В свою очередь, в СССР из произошедшего были сделаны политические выводы. Во-первых, Россия рассматривается на Западе как деспотия, противопоставляемая Западу [1018, с. 127]. Во-вторых, «в новейшей буржуазной историографии все более выступает

тенденция отождествить абсолютную монархию с современным конституционным государством, иначе говоря, обосновать историческую законность перехода правительств ряда современных капиталистических стран к абсолютистским, диктаторским методам» [1018, с. 135].

Несколько позднее дискуссия об абсолютизме на X конгрессе нашла отражение в статье А. Д. Люблинской «Новейшая буржуазная концепция абсолютной монархии», где был подведен итог научных споров: «На наш взгляд, самые насущные для изучения абсолютизма темы развития социально-экономических отношений мало освещены, а многие совсем не затронуты. Если следовать предложенной авторами проблематике, то надо углубиться главным образом в изучение доктрины и практики абсолютизма... Это и нужно, и полезно, но не этим путем мы придем к более ясному представлению о закономерностях развития государственного строя стран Европы в XVI–XVIII вв.» [616, с. 403].

Полемика между Р. Мунье и советскими историками имела масштабное продолжение. Книга Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой» вышла в 1954 г. на немецком языке, а затем, в 1963 г. — на французском. По мнению современника событий, профессора Сорбонны Ива-Мари Берсе, «аномалии и деформации» в концепции Поршнева было лишь частью проблем. В целом Мунье брался за критику книги Поршнева как адвокат французской историографии, которую Поршнева обвинил в неумении рассмотреть предпосылки Революции задолго до ее начала [106, с. 28–29].

Обширная статья Мунье «Исследования народных восстаний во Франции перед Фрондой» — это разбор концепции Поршнева, после чего от нее осталось лишь «много частичных истин» [1364, р. 90]. Опираясь на документы, Мунье утверждает, что выступления крестьян и городской бедноты часто были инспирированы дворянами и магистратами. Все они имели общего противника — королевскую власть, взимавшую с них налоги. Соответственно, «классовый фронт» Поршнева «просто исчезает» [1364, р. 106]. Совершенно не согласен Р. Мунье с мнением Б. Ф. Поршневым об оффисье, аноблировавшихся буржуа, как представителях дворянства. Оффисье XVII в. были присущи нравы и законы, явно отличающие их от дворян, и трактовка Поршнева — жестко заключает Мунье, — это незнание характера и качеств оффисье [1364, р. 109–110].

Неприемлемыми для Мунье были определение абсолютизма как феодального государства и орудия господства дворянства над эксплуатируемыми массами, а также оценка Франции XVII в. как феодального общества. Франция раннего Нового времени, по Мунье — это общество наступления промышленного капитализма [1364, р. 86, 107]. Что же касается абсолютной монархии, то она, по мнению Мунье, боролась не против эксплуатируемых классов, а против универсалистских претензий Габсбургов, а внутри государства — за государственный интерес [1364, р. 110].

В 1963 г., во время выхода книги Поршнева на французском языке, Мунье писал: «Когда в 1961 г., в Москве, на симпозиуме советских и французских историков я сказал г-ну Борису Поршневу, что неполнота документальной базы делает многие его тезисы шаткими, г-н Поршнев прилюдно дал мне такой ответ: “Даже если бы я изучил все до единого французские документы, это никак не повлияло бы на мои выводы”. Г-н Поршнев демонстрирует пафос, который движет и некоторыми другими советскими историками: для них цель любого исторического исследования заключается не столько в том, чтобы найти нечто новое, сколько в том, чтобы переписать историю, приспособив ее к схеме, соответствующей марксистско-ленинскому подходу» [379, с. 84–85].

Книга Б. Ф. Поршнева, изданная в 1963 г. [1366], захватила французскую аудиторию, с одной стороны, «железной логикой и простотой концепции» Поршнева, а с другой — сокрушительной критикой ее положений Р. Мунье и разделила читателей на «поршневистов» и «антипоршневистов» [1151, с. 157]. На данном фоне контрастно выглядела весьма сдержанная, краткая рецензия молодого тогда исследователя Ива-Мари Берсе [1341]. Указав на то, что книга Поршнева не случайно вызывает большой интерес как по сюжету, так и по марксистскому подходу [1341, р. 354], рецензент все же обратил внимание на небрежность автора в терминологии и персоналиях, отсутствие внимания к некоторым социальным группам среди восставших [1341, р. 354–357]. Представление Поршнева о Франции как о феодальном государстве, а также крестьянах, которые, выступая против налогов, борются против феодального общества, также не вызвало у рецензента поддержки [1341, р. 356].

Французский перевод книги Поршнева, разумеется, не мог оставить равнодушным и Р. Мунье. Вышедшая в 1965 г. рецензия была предельно краткой и жесткой, оценка книги звучала так: «Г-н Борис Поршнев захотел насильно загнать исторические факты в рамки схемы, которая оказалась взорванной этими фактами. Схема фальшива. Необходимо другое объяснение, которое исходит из самих фактов» [1361, р. 171]. Как раз в описываемое время Р. Мунье опубликовал работу, диаметрально противоположную по предмету и методологии не только «Народным восстаниям» Поршнева, но и трудам историков школы «Анналов». Речь идет об «Убийстве Генриха IV (14 мая 1610)» — книге, первой из работ Мунье, переведенной на русский язык [711].

Полемика Поршнева и Мунье вышла на новый уровень во время работы XII Международного конгресса историков в Вене 29 августа – 5 сентября 1965 г. [231, с. 3]. В подсекции новой и новейшей истории обсуждалась тема «Экономические и социальные основы абсолютизма XVI–XVIII вв.». Генеральным докладчиком выступил венгерский историк Э. Мольнар, придерживающийся марксистских позиций. Абсолютизм расценивался им как понятие, применимое ко всем европейским странам, включая Англию, Турцию и Россию. Мольнар дал

определение абсолютизма как «политического режима, при котором государственная власть существенно и действенно осуществляется монархом на всей территории страны при содействии военно-бюрократических органов» [1233, с. 16]. Все формы европейского абсолютизма служат интересам класса дворянства, роль буржуазии определяется степенью экономического развития в конкретных странах [1233, с. 16]. Однако, как отметила позднее А. Д. Люблинская, не со всеми положениями Мольнара можно было согласиться. В частности, неубедительным, по ее мнению, был примененный Мольнаром метод изучения распределения государственных доходов для выявления классовой основы абсолютизма [619, с. 267–268].

В развернувшейся на конгрессе полемике вновь сошлись Мунье и Поршневу. Б. Ф. Поршневу, поддержавший Э. Мольнара, однако, поставил вопрос шире, подчеркнув, что Мунье не раз «допускал необоснованные обвинения в адрес марксистско-ленинской исторической науки по поводу ее понимания классовой борьбы как движущей силы истории» [231, с. 16–17]. В свою очередь, разногласия между советскими и зарубежными историками по проблемам абсолютизма нашли отражение в статье А. Д. Люблинской, опубликованной в 1967 г. [617].

Тем не менее расценивать диалог советских и западных историков лишь как конфронтационный было бы неверно. В СССР среди историков Запада различали «чужих» и «своих». Примером этому служит выход в 1957 г. в Москве работы историков-марксистов Ж. и К. Виллар «Формирование французской нации» [167]. В ноябре 1957 года, в рамках научного сотрудничества Франции и СССР, состоялась научная командировка Б. Ф. Поршневу в г. Клермон-Ферран.

На 6 ноября 1957 г. было запланировано торжественное заседание в Клермонском университете, но Поршневу в отчете о командировке обращает внимание, что произнести благодарственное слово, посвященное изучению в СССР истории Франции, он смог только на последовавшем затем официальном завтраке [794, л. 1–2]. Это изменение, отмечает Поршневу, «было произведено в последний момент ректором университета, профессором Луи, по-видимому, с целью избежать выступления советского ученого на широкой публике. Он же незадолго до моего приезда готовил для передачи репортерам материалы о том, что якобы власти СССР воспрепятствовали моему приезду... Эта скрытая борьба окончилась полной неудачей... На последовавшем вечером того же числа приеме ректор уже демонстративно позировал со мной для фотокорреспондентов» [794, л. 2]. На другой день после церемонии, отмечает далее Поршневу, по просьбе декана гуманитарного факультета университета Клермон-Феррана, им была прочитана лекция «Некоторые проблемы истории Франции» [795, л. 5, 7].

Историки школы «Анналов», с уважением относящиеся к марксизму, хорошо принимались в СССР. Это относится, например, к Р. Мандру (1921–1984), ученику Л. Февра и основоположнику «истории ментальностей». Мандру оказал содействие

выходу книги Поршнева в 1963 г. Несмотря на заявление о нежелании включаться в полемику [1360, р. 756], Мандру все же опубликовал вслед за Мунье статью в «Анналах», посвященную книге Поршнева, смягчив жесткую критику Мунье. Особенно это касалось «феодалного общества» во Франции и дворянской природы оффисье у Поршнева [1360, р. 761–765].

В свою очередь, Б. Ф. Поршнева в советской научной периодике указывал, что «книга французского прогрессивного историка Робера Мандру “Введение в новую историю Франции (1500–1640). Опыт исторической психологии” (1961) представляет заслуживающую внимания попытку набросать картину повседневного быта, чувств, помыслов, воззрений разных слоев французского общества и прежде всего трудящихся масс. К сожалению, у нас работ по исторической психологии нет совсем» [922, с. 42].

В предисловии к первому изданию «Введения в новую историю Франции», посвященному Л. Февру, Мандру представляет новое исследовательское направление так: «Эта книга — отправная точка в области исторической психологии, методы и модели которой будут еще созданы» [1357, р. XI]. Для Мандру французская монархия — это вершина социального здания над подчиненными ей общностями прихода и семьи. Это — верховная власть, освященная авторитетом католической церкви. Укреплению монархии служили, по мнению Мандру, пробуждение национального сознания и деятельность легистов, а кульминацией этой консолидации власти стала монархия [641, с. 158]. П. Губер (1915–2012), коллега Р. Мандру по школе «Анналов» рассматривает французскую монархию как культурный и антропологический феномен [1351].

Актуальные в западноевропейской историографии количественные методы, структурный анализ, внимание к материальным аспектам повседневности и ментальности не могли не вызвать интереса у советских историков. Расширение контактов с зарубежными коллегами, способствовало генерированию соответствующих идей, в частности, А. Я. Гуревичем в области медиевистики.

Однако на практике это вызывало вопросы и настороженность. В январе 1970 г. на заседании группы феодализма в Ленинградском институте истории обсуждался доклад А. Д. Люблинской «Некоторые проблемы истории крестьянского хозяйства», которое рассматривалось, в том числе, с географических и агрономических позиций. Такая постановка вопроса вызвала настороженное отношение. Например, О. Л. Вайнштейн отметил: «Доклад А. Д. (Александрны Дмитриевны — Л. Л.) не по истории... Нам для исследования надо учитывать, что все это засилье неисторических вещей есть буржуазная защита от марксизма. Социальные отношения вытесняются злаками и огородами... Эти задачи являются для нас, советских специалистов по истории Франции, не первостепенными. Для нас первостепенна социальная борьба [728, л. 1 об.]».

При благоприятном развертывании структурализма и исторической антропологии могло бы иметь место, говоря словами главы российских медиевистов П. Ю. Уварова, «качественное обновление, мутация в рамках советской медиевистики» [1151, с. 108]. Но этого не случилось. Корпоративные интересы и конвенциональность вкупе с усилиями идеологов от исторической науки перевели разработки в рамках новой парадигмы в безопасное для советской историографии русло [1151, с. 99–108].

Тем не менее новые установки реализовывались в историографической практике, в частности, во внимании к историческим источникам. 28 сентября 1956 г. на заседании сектора истории средних веков возглавляющая его Н. А. Сидорова отметила, что публикация источников по истории Франции не находится еще на должной высоте. Необходимо не только публиковать новые, но и исправлять и дополнять уже опубликованные [748, л. 2]. Эту работу надлежало проводить с документами коллекции П. П. Дубровского, хранящейся в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Планировалось обработать и опубликовать около 8 тысяч документов, отражающих следующие темы: Франция конца XV в., Франция середины XVI в., Религиозные войны, Генрих IV, малолетство Людовика XIII, Ришелье, Фронда и др. [748, л. 4]

Поставленные задачи реализовала А. Д. Люблинская. Первые публикации документов из коллекции П. П. Дубровского, подготовленные под ее редакцией, появились в «Средних веках» в 1958 г. [284–285]. 11 писем, датированных 1559–1560 гг. [284] положили начало серии, продолженной в 1959 г. [286–287] и включившей 77 документов, освещавших начало религиозных войн во Франции [285–288]. В начале 1960-х гг. под руководством Люблинской вышло два сборника документов по истории Франции середины XVI в. [282–283], в 1966 и 1980 гг. — два издания по истории Франции первой половины XVII в. [178–179].

Центральное место в исследованиях западноевропейского абсолютизма занимала Франция. Первенство в данной области необходимо признать за А. Д. Люблинской, опубликовавшей в это время две масштабные работы, объединенные общей тематикой — «Франция в начале XVII века (1610–1620)» [622] и «Французский абсолютизм в первой трети XVII века» [624].

Рассматривая французский абсолютизм, А. Д. Люблинская демонстрирует системное видение и компаративный подход. Франция избежала в своем развитии длительных периодов регресса или застоя и стабильно удерживалась среди великих европейских государств. Французский капитализм формировался поступательно и равномерно, однако встать вровень с Нидерландами или Англией Франции не удалось. С одной стороны, во Франции не было быстрого процесса экспроприации крестьянства, с другой — буржуазия предпочитала вкладывать средства в государственный долг, откупа и покупку должностей [618, с. 72–78].

По мнению А. Д. Люблинской, французский абсолютизм прошел два этапа. С XVI до второй половины XVII в. он усиливался параллельно с капиталистическим укладом (восходящая фаза), а с конца XVII – начала XVIII в. вступил в фазу упадка и нарастания противоречий между растущим капитализмом и загнивающим феодализмом (нисходящая фаза) [618, с. 73].

Природу французского абсолютизма Люблинская выводила из специфики первоначального накопления и указывала на особую сложность французского общества. Предметом внимания Люблинской была одворянившаяся буржуазия — чиновники, которых с XVII в. стали называть «дворянством мантии» [618, с. 78]. Эта новая прослойка чиновников-землевладельцев относилась А. Д. Люблинской к дворянству. Названное А. Д. Люблинской новым, оно непрерывно увеличивало свое влияние и поддерживало абсолютную монархию [622, с. 60–61].

Выводы А. Д. Люблинской вносили уточнение в каноническую трактовку абсолютизма как дворянского государства, анализируя политические требования третьего сословия в 1614 году и сопоставляя их с практикой абсолютизма, Люблинская указывает, что именно требования третьего сословия, а не дворянства обуславливали деятельность абсолютной монархии в течение почти всего XVII в. [622, с. 156]. Правительство «было крайне заинтересовано в увеличении богатства торгово-промышленной буржуазии, ибо это было теснейшим образом связано с ростом государственных доходов» [624, с. 342]. Важным было и мнение Люблинской о необходимости преодоления упрощенного представления об угасании роли сословно-представительных институтов. Достаточно, по ее мнению, сопоставить в этом отношении специфику Франции с особенностями Англии и других стран, где представительные институты сохранились в той или иной форме [624, с. 299–300]. Сюжеты о французском абсолютизме, в том числе его каноническая характеристика как регрессивного и исторически обреченного накануне революции, были представлены также в обобщающих работах по истории Франции [618, с. 120–133; 978, с. 8–98].

Наряду с французским абсолютизмом, наиболее популярным для рассмотрения был английский. Его формирование в конце XV в. стало предметом исследований С. А. Сливко, где доказывалось, что все характерные признаки абсолютизма были в Англии уже в начале XVI века [1079]. Это усиление власти монарха, централизация страны, укрепление финансовой самостоятельности короны, подчинение парламента [1079, с. 22–23].

Английский абсолютизм эпохи Тюдоров исследовался В. В. Штокмар [1308; 1311], результатом чего стала докторская диссертация «Социальная и экономическая политика английской абсолютной монархии второй половины XVI века» [1310]. В. В. Штокмар демонстрирует комплекс мер внутренней и внешней политики монархии, обеспечивающих интересы нового дворянства и буржуазии. Английский абсолютизм назывался «архидеспотическим и

архикротовым государством» [1310, с. 3], но указывалось, что власть удерживалась от мер, способных вызвать обнищание крестьянства [1310, с. 8–12].

В исследовании Английской революции и абсолютизма Стюартов значимое место занимали работы доктора исторических наук М. А. Барга (1915–1991). В книге «Кромвель и его время» Бург подчеркнул, что в Англии абсолютизм никогда не достиг того могущества, которым отличалась монархия во Франции. Английский король жил со своих владений, что не позволяло ему располагать большими средствами и постоянной армией. В случае необходимости в деньгах монарх вынужден был обращаться к парламенту [92, с. 63–64]. По мнению М. А. Барга и В. М. Лавровского, конфликт короны и общества — это кризис феодальной монархии при нарастании противоречий между новыми общественными классами и старым общественно-политическим строем [570, с. 53]. В кандидатской диссертации Е. Д. Воробьевой [190] внимание сконцентрировано на формировании революционной ситуации в Англии, когда в парламенте складывается буржуазно-дворянская оппозиция абсолютизму.

Изучение регионального абсолютизма в германских землях включалось в работы общего характера по истории Германии [211, с. 70–76; 798, с. 124–125]. Особое место занимает «История Германии от позднего средневековья до 1848 г.» германиста А. Д. Эпштейна, где раскрывается специфика сословного строя и политических институтов Бранденбурга-Пруссии, оцениваемых «как военно-крепостническая монархия» [1328, с. 241].

Сюжеты о региональном итальянском абсолютизме и испанской абсолютной монархии демонстрировали постепенное расширение проблемного поля. Они представлены в очерках истории Италии М. А. Гуковским [803, с. 82–102] и А. Д. Роловой [803, с. 153–191]. В «Истории Италии» А. Д. Роловой принадлежат две главы об Италии XVI–XVIII вв. [994; 998]. При этом Ролова указывает на те же явления, что и Люблинская — одворянивание буржуазии, вкладывание ее средств в земельные владения, замки, и приобретение привилегий [998, с. 486–488]. Экономические условия развития испанского абсолютизма [595–596] рассматривались в работах Э. Э. Литавриной (1928–2002) — одного из ведущих российских специалистов по истории Испании и Латинской Америки.

Скандинавский регион был представлен началом разработки М. А. Коганом сюжета о просвещенном абсолютизме в Дании и реформах Струензе [487].

Анализ развития концепта абсолютизма во время «оттепели», демонстрируя своеобразие и насыщенность этого периода, приводит к ряду выводов. Частичная либерализация дала возможность советским историкам по-новому интерпретировать классиков марксизма и приходиться к нестандартным выводам, акцентируя значимость источников. Оба фактора были явно выражены в разработке российского абсолютизма, где уже к середине 1960-х гг. назрели проблемы, вызвавшие дискуссию 1968–1972 гг.

В изучении же западноевропейского абсолютизма очевиден большой традиционализм и прочность концепции «равновесия». Авторитет классиков марксизма, основывавшихся на западноевропейском материале, был непререкаем. Кроме того, советские медиевисты, изучающие абсолютные монархии Запада, располагали минимумом источников, а выводы европейских ученых, по известным причинам, встречали настороженное отношение в СССР. Идеологическая конфронтация Востока и Запада переносилась на историческую науку. В трактовке западноевропейского абсолютизма это выразилось в противостоянии Б. Ф. Поршнева и Р. Мунье, а в оценке российского — в неприятии евразийских теорий.

Проблематика западноевропейского абсолютизма, как и российского самодержавия, была в полной мере представлена в «больших нарративах» эпохи «оттепели», в первую очередь во «Всемирной истории». В советской медиевистике абсолютизм традиционно оценивался как эксплуататорское дворянское государство, существование которого было закономерно и оправданно только в свете задач централизации и создания условий для процессов первоначального накопления. Лидирующее положение в проблемном поле занимало изучение французского и английского абсолютизма при начавшемся расширении круга изучаемых стран (германские земли, Италия, Испания, скандинавские страны) [1–А, с. 471–473].

5.3 Дискуссия об абсолютизме 1968–1972 гг. и интерпретация российского абсолютизма в 1970-х–начале 1980-х гг.

Дискуссия об абсолютизме 1968–1972 гг. была знаковым явлением и должна оцениваться в двух аспектах. В первом — через восприятие современниками и участниками, например, Р. Ш. Ганелиным, коллегой А. Я. Авреха [209; 210, с. 172–176], или историком права Ю. П. Титовым [1120–1121]. Во втором — раскрытием места дискуссии в общем развитии концепта абсолютизма с учетом сопутствующих условий развития исторической науки.

В 1983 г. Ю. П. Титов констатировал: «Материалы дискуссии свидетельствуют о том, что по многим важнейшим проблемам абсолютизма нет единой точки зрения у советских ученых» [1121, с. 5]. С этим мнением позднее был согласен Д. Ф. Попов, оценивающий дискуссию так: «В целом в результате дискуссии 1968–1972 гг. так и не было достигнуто удовлетворительного определения абсолютной монархии и самодержавия [911, с. 300–301]. В 1996 г.

Ю. А. Сорокин в статье «О понятии «абсолютизм» сделал такой вывод: «Дискуссия 1968–1972 гг. зашла в тупик» [1095]. В монографии «Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.» Сорокин подвел черту, отмечая, что «после 1972 г. изучение теоретических аспектов проблем абсолютизма молчаливо было признано бесперспективным» [1098, с. 29]. По мнению А. Л. Янова, советского и американского историка, дискуссия ни к чему не привела, продемонстрировав «ворох парадоксов, полную теоретическую беспомощность и дефиниционный хаос» [1335, с. 219]. Суждение, высказанное в 1993 г. А. Н. Медушевским, было более взвешенно: «Дискуссия об абсолютизме показала, что вопросы складывания предпосылок, утверждения и развития абсолютизма в России вызывают различные трактовки в историографии и нуждаются в дальнейшем изучении» [672, с. 24]. В подобном контексте особую ценность приобретает мнение В. Ю. Захарова, высказанное в 2008 г.: в целом дискуссия оказалась достаточно плодотворной [327]. С таким суждением нельзя не согласиться, однако место и роль дискуссии были масштабнее.

Ко времени дискуссии об абсолютизме советские историки уже четверть века руководствовались в его понимании концепцией «равновесия», что сочеталось с конвенциональностью внутри научного сообщества. Со своей стороны, дискуссия созревала давно и по факту началась раньше выхода известной статьи А. Я. Авреха в журнале «История СССР» [7]. Исследуя политику российской монархии начала XX в., Аврех пришел к выводу о несостоятельности российской буржуазии, не сумевшей выразить задачи буржуазного развития, и данную проблему должны были решать передовые представители дворянства. Желая прояснить этот вопрос, Аврех обратился к специальной литературе. Однако выяснилось, что буржуазия, которую Аврех считал исторически непригодной, выглядит в ней совсем по-другому — как заявившая о себе уже с XVII в. экономическая и политическая сила [966, с. 78]. Необходимо было разрешить это противоречие, и в результате Аврех предложил собственную трактовку российского абсолютизма:

– в России не было «равновесия» между дворянством и буржуазией, последней просто не существовало как социальной силы для серьезного противовеса дворянству, которое, наоборот, укреплялось [7, с. 88];

– и капитализм, и абсолютизм возникают с формированием торговых, общенациональных связей. Ввиду относительной самостоятельности государства, абсолютизм способен обеспечивать развитие капитализма [7, с. 90, 98];

– абсолютизм — это феодальная монархия, способная эволюционировать и превращаться в буржуазную монархию [7, с. 89];

– российский абсолютизм сделал буржуазию политически зависимой и послушной мерами покровительственной политики, ввиду чего достиг крайних пределов, сочетаясь с «прусским путем» развития капитализма [7, с. 102–104].

В рамках марксизма Аврех выдвигал идею об активной роли государства и впоследствии отмечал: «В конечном итоге главный смысл моего выступления по вопросу о русском абсолютизме сводится к неприятию вульгарного, упрощенного марксизма» [11, с. 75]. Однако концепция Авреха нарушала установившуюся конвенциональность и отрицала идею «равновесия». Говоря о самостоятельности государства, Аврех отодвигал роль экономического базиса с доминирующей позиции. В трактовке Авреха не акцентировалась классовая борьба. Более того, крестьянство, ввиду его царистских иллюзий, расценивалось Аврехом как одна из социальных опор абсолютизма [7, с. 101]. Утверждение же о том, что «абсолютизм идет на буржуазные преобразования в силу собственной природы» [7, с. 95] вообще было нонсенсом в советских представлениях об абсолютизме.

Предложенная А. Я. Аврехом интерпретация вызвала критику. Сторонники идеи «равновесия» — А. М. Давидович и С. А. Покровский [252], С. М. Троицкий [1141], М. Я. Волков [183], А. А. Преображенский [935] выдвигали две стратегии аргументации и критики Авреха.

Первая — ссылка на непререкаемый авторитет классиков марксизма. Так, Давидович и Покровский указывают: «Знаменитое ленинское определение абсолютизма как формы государства, являющееся классическим по своей точности, глубине и всесторонности, А. Я. Аврех считает недостаточным» [252, с. 58]. Вторая — конструирование нарративных построений для создания картины буржуазных отношений в России XVII – начала XVIII в., что присуще М. Я. Волкову [183] и А. А. Преображенскому [935]. Например, торговля, купечество, посадские люди, работающие по найму, трактуются Волковым как буржуазные явления [183, с. 93–94], а идеи вождей церковного раскола о «праведном суде божьем» — как религиозное обоснование «различных форм сопротивления власти феодально-крепостнического государства» [183, с. 96].

Однако приводимые факты порождали вопросы. Является ли торговля показателем именно буржуазных отношений? Где требования купечества, которые можно было бы считать буржуазными? Совершенно не случайно Н. И. Павленко, призывая обращаться к фактам, утверждал, что известен лишь единственный случай, «когда в 1662 г. гости, торговые люди... сетовали на то, что «ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин» [815, с. 63].

Сопоставление подхода к фактам в 1968–1972 г. и оценки роли фактов в 1940 г. при обсуждении проблем абсолютизма демонстрирует разительные изменения. В 1940 г., выступая против В. В. Бирюковича, призывавшего «броситься совершенно в открытое море фактов», С. Д. Сказкин утверждал: «Потому что когда мы оперируем действительными фактами... мы тем самым исходим из определенных принципиальных понятий... Нам обязательно при

рассмотрении исторических фактов нужно осмыслить, как эти вопросы рассматривались Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным» [67, л. 86].

Н. И. Павленко правомерно указывал на трудность изучения социально-экономических процессов, на то, что «качественные грани между отдельными явлениями подчас неуловимы, а ограниченная источниковая база исследований не всегда дает основания для изучения явлений, скрытых от глаз исследователя» [966, с. 82]. Павленко считал, что утверждение абсолютизма — это победа дворянства, противостоящего крупным светским и духовным феодалам. Особенность российского абсолютизма состояла как раз в том, что он возник на базе противоборства сил внутри одного класса-сословия, т.е. без противовеса буржуазии. Этим объясняется долговечность крепостничества и абсолютной монархии. Н. И. Павленко солидаризовался с А. Я. Аврехом, А. Н. Чистозвоновым, М. П. Павловой-Сильванской, подчеркивавшими наличие в России особого типа абсолютизма, складывавшегося на иной, чем, например, во Франции, социально-экономической основе [815].

И. А. Федосов, поддержавший А. Я. Авреха в признании буржуазных тенденций абсолютизма, продемонстрировал это на примере просвещенного абсолютизма в России [1182, с. 34–35]. Федосов изменил смысл понятия «равновесие». По его мнению, «равновесие» — это не равенство сил двух классов, а такой уровень социально-экономического развития, при котором существует политическая альтернатива для государственной власти, которая получает возможность противопоставлять одни социальные слои другим [1182, с. 50].

Исследователь феодальной России А. Н. Сахаров (1930–2019) критически рассмотрел аргументацию и противников, и сторонников «равновесия». России, считал Сахаров, в целом присущи те же законы перехода к абсолютизму, что и другим странам. «Равновесие» же и связанная с ним независимость власти — это, согласно Энгельсу, момент исключительный. Почему же следует рассматривать исключение как правило и отказывать России XVII–XVIII вв. в закономерном переходе к абсолютизму?» [1032, с. 111–112, 115–116].

Л. В. Черепнин придерживался своей взвешенной позиции [1232]. Относительная самостоятельность государства, разумеется, бесспорна, но историк должен в каждом конкретном случае выяснять степень этой самостоятельности и не автономизировать чрезмерно надстроечные явления. Классовая борьба велась, конечно, людьми против конкретных людей. Крестьяне не понимали основ феодальной системы, но их стихийный протест был направлен все же против нее самой. Говоря об итоговом выступлении А. Я. Авреха, Л. В. Черепнин отметил, что не понимает указанной Аврехом «внутренней природы» российского абсолютизма, позволявшей ему эволюционировать в сторону буржуазной монархии, это «величина искомая, но пока не найденная» [1232, с. 217].

Альтернативная интерпретация российского абсолютизма имела еще один аспект. Марксизм включал историю России в общеевропейский контекст. Акцентирование же внимания на специфике России могло вывести на евразийство и другие, явно не приветствуемые в СССР концепции.

Мнение А. Я. Авреха об отсутствии в России «равновесия» между буржуазией и дворянством нашло поддержку, хоть и в разной степени, у Н. И. Павленко, А. Л. Шапиро [1273], М. П. Павловой-Сильванской [831], А. Н. Чистозвонова [1259], вызвавших на себя критику сторонников «равновесия».

М. П. Павлова-Сильванская более других развила тезис о неприменимости к России западноевропейских моделей формирования абсолютизма, опираясь на сравнительно-исторические выводы классиков марксизма [831, с. 78–81]. Россия, по ее мнению — это вариант азиатской деспотии, складывающейся на основе натурального хозяйства, общинной организации деревни, закрепощения крестьян и перехода к внешней экспансии. Процессы же укрепления самодержавия представляют собой явления, противоположные разложению феодальной формации, на базе которых складывается европейский абсолютизм [831, с. 82].

Сравнительно-исторический подход предложил А. Н. Чистозвонов. Считая генезис капитализма критерием формирования абсолютной монархии, обращая внимание на разнообразие форм надстройки, соотношения социальных сил и внешнеполитический фактор, Чистозвонов указывал на абсолютизм в собственном смысле слова (англо-французский вариант) и абсолютистские формы правления (австро-пруско-русский вариант). Испанский вариант расценивался как модификация второго типа либо как промежуточный. Для государств первой группы «равновесие» приемлемо, в государствах второй модели происходила рецепция абсолютистских порядков [1259, с. 58–62]. Чистозвонов указал, что крестьянские восстания не могут считаться синтезирующим моментом в возникновении абсолютизма — никакая интенсивность классовой борьбы не приведет к абсолютизму при отсутствии капиталистического развития [1259, с. 61].

По Чистозвонову, абсолютизм «есть политическая надстройка позднего феодализма... когда феодальная формация начинает разлагаться под влиянием буржуазных отношений. Власть монарха в этих условиях становится более или менее неограниченной (абсолютной) и приобретает известную самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов или обоим борющимся классам (феодалам и буржуазии в широком смысле слова) в целом. Абсолютный монарх опирается на постоянную армию, подвластный ему лично управленческий аппарат (бюрократию), систему постоянных налогов и подчиняет своей политике церковь» [1259, с. 62].

С А. Н. Чистозвоновым был согласен и Л. В. Черепнин, отметивший, что сравнительно-исторический метод — это творческий метод [1234, с. 209]. Однако Черепнин подверг сомнению рецепцию абсолютистских форм правления указав:

«Я не могу понять, как можно заимствовать тип государства, которое является продуктом социально-экономического развития...» [1234, с. 210].

Во время дискуссии точка зрения Чистозвонова встретила еще более критическое отношение. Против нее выступили А. М. Давидович и С. А. Покровский [252, с. 62], а также С. М. Троицкий, выдвинувший против Авреха и особенно Чистозвонова обвинение в следовании концепции Милюкова [1141, с. 137–139], что было небезопасно для советского историка. Естественно, такой выпад Чистозвонов не мог оставить без внимания [1258].

Результаты дискуссии обсуждались на Совещании по вопросам исторической науки 21–22 марта 1973 г., по итогам которого вышла статья в журнале «Новая и новейшая история» [747]. Наряду с традиционным указанием на необходимость борьбы с «буржуазной идеологией, ревизионизмом, национализмом, различными видами оппортунизма и догматизмом» [747, с. 3], в ней было обращено внимание на ошибки советских историков, которые не поняли «неисчерпаемых творческих потенций марксизма-ленинизма» [747, с. 7]. Далее, с явным намеком на Авреха, указывалось: «Отдельные авторы ошибочно рассматривали все крестьянство как опору российского самодержавия» [747, с. 8]. Как вспоминал Р. Ш. Ганелин, тезис Авреха о крестьянстве как опоре царизма до 1905 г. был перетолкован в утверждение о том, что царизм выражал интересы крестьянства. Ученый совет Института истории СССР АН СССР отменил в 1974 г. решение о рекомендации к печати монографии А. Я. Авреха «Царизм и IV Дума». Книга вышла с опозданием [210, с. 109] (в 1981 г. — Л. Л.).

В первую очередь дискуссия выявила узость социологической модели абсолютизма. Поиски альтернатив, однако, ограничивались методологическими установками, «слабые места» которых признавались рядом участников дискуссии. Можно ли было в такой ситуации требовать единой точки зрения? Более того, сам факт уже не первой дискуссии, учитывая споры 1922, 1940, 1946 гг. был показателен. Уже в который раз делались попытки в пределах методологического монизма прийти к общему мнению вокруг категорий, почти не поддающихся формализации. Нужно отметить в этой связи, что дискуссии об абсолютизме маркировали именно советский период — ни дореволюционные, ни современные историки, используя множество подходов, подобных споров не вели.

При более масштабном осмыслении дискуссии, очевидно, что она вышла за пределы своей темы и подняла более глубокий пласт проблем. Это соотношение факта и теории, количественных и качественных методов. Применительно к российскому абсолютизму встали вопросы уже идеологического плана. Каковы особенности российской монархии и российского капитализма? Насколько закономерной была Октябрьская революция? Эти вопросы указывали границы дискуссии, которые, по понятным причинам, не могли быть нарушены.

Однако было бы неверно видеть проблему результативности дискуссии лишь в специфике советской историографии. В послевоенные десятилетия в Европе и США наблюдался подъем социальной истории. Она была альтернативой событийному историописанию и развилась на волне научно-технической революции, новых теорий и моделей, приемов и методов верификации [976, с. 9–15]. Между советскими и западными историками существовали идейные расхождения, но, с другой стороны, советская историография не только не отвергала, но, наоборот, конструировала социологические модели.

Однако к началу 1970-х гг. подходы социальной истории достигли предела. П. Ю. Уваров так определил их уязвимые места. Это «погоня за «объективным» при пренебрежении к «субъективному», т.е. к тому, как общество мыслило себя само; игнорирование творческой способности исторических лиц; реификация категорий... недооценка сложности процесса исторического познания» [1155, с. 40]. «Те, кто больше всех считали и высчитывали, осознали, что исторической объективности нет, и что историк сам конструирует свои факты» [1155, с. 40], — эти слова, написанные в 1971 г. представителем школы «Анналов» Ф. Фюре, подвели черту под очередной попыткой создать универсальную методологию.

Советский историк, даже если и задумывался о чем-либо подобном, никогда не смог бы это опубликовать — процитированное выше было воплощением упадка буржуазной науки. Тем не менее кризис социологического подхода был и в советской историографии, и дискуссия об абсолютизме — этому подтверждение. Таким образом, дискуссия 1968–1972 гг. должна рассматриваться шире, как системное явление в европейской историографии. С этой точки зрения требовать от ее участников выработки единой позиции было и вовсе утопично.

В данном контексте дискуссия 1968–1972 гг. предстает в новом качестве, существенно меняющем ее оценку. Несмотря на кризис социологической модели абсолютизма, она в ходе дискуссии была откорректирована и получила ресурс дальнейшего развития. Расценивать дискуссию 1968–1972 гг. как неэффективную совершенно неправомерно — наоборот, в ее ходе был достигнут максимум возможного в имевшихся условиях. Сам факт признания того, что идея «равновесия» неприменима к России, был в известной мере прорывом, а понимание «равновесия» как просто некоего баланса сил дало простор для научного поиска. Нельзя переоценить и предложенных во время дискуссии сравнительно-исторического подхода, новых вариантов определения абсолютизма. Было обращено внимание на необходимость изучения политических институтов и учета личных качеств носителей власти.

Дискуссия 1968–1972 гг. началась в проблемном поле российского абсолютизма, и ее итоги проявлялись, прежде всего, в изучении российской монархии. Разнообразие мнений существовало о нижней хронологической границе абсолютизма, диапазон которой простирался от правлений Ивана Грозного до

Петра Великого. При этом нужно отметить безусловно положительный момент — признание монархии XVI–XVII вв. как сословно-представительной. Более того, в ней усматривались черты абсолютизма. Так, источниковед и методолог С. О. Шмидт (1922–2013) относил начало российского абсолютизма к правлению Ивана Грозного: «Не застигает ли нас глаза традиционное представление о смене сословно-представительной монархии абсолютизмом? Ведь земские соборы не были по существу помехой развитию царской власти и не ограничивали ее» [1299, с. 311]. Исследователь государственных институтов XVI в. Н. Е. Носов (1924–1985) разделял мнение Л. В. Черепнина о том, что сословно-представительная монархия и абсолютизм являются двумя формами централизованного государства, отражая две тенденции — к повышению роли сословий и к укреплению самодержавия. Происходящие в России XVI в. процессы переходят в абсолютизм в середине XVII в. [770]. Исследователи феодальной России А. М. Сахаров (1923–1978) [1028] и А. Г. Маньков (1913–2006) [645] также считали усиление дворянства и верхушки посада, снижение роли земских соборов и Боярской думы, создание Соборного уложения чертами абсолютизма, проявившимися к XVII в. [645, с. 170].

Точка зрения Л. В. Черепнина, изложенная в ряде его работ, стала оптимальной, вобрав в себя разрешение ряда вопросов. Абсолютизм, по мнению Черепнина, — «это политическая надстройка феодализма на позднем этапе его развития, последняя форма диктатуры дворянства, когда уже начинается процесс формирования буржуазии, запросы которой вынужден учитывать монарх. Абсолютизм характеризуется государственной централизацией, наличием бюрократии, регулярной армии, укреплением государственного бюджета, подчинением церкви государству» [1240, с. 219]. Предпосылки абсолютизма складываются при Иване Грозном. Это — период сословно-представительной монархии. Во второй половине XVII в. Земские соборы созываются все реже, усиливается царская власть [1236, с. 345]. При Петре I происходит оформление абсолютизма [1240, с. 219]. Перечисленные процессы проходили по аналогии с подобными явлениями в Западной и Центральной Европе [1238, с. 48–53].

В начале 1970-х гг. была защищена докторская диссертация С. М. Троицкого «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии)» [1142] и вышла одноименная монография [1143]. Особое внимание автора акцентируется на Табели о рангах и адаптации европейских принципов службы дворянства. Последнее, в частности, стало предметом отдельной статьи [1140]. Троицкий считал, что закрепленный в Табели принцип личной выслуги стал мощным механизмом вертикальной социальной мобильности для разночинцев, что делало бюрократию послушным орудием монархии [1143, с. 28–29]. Формирование государственного аппарата и бюрократии в Петровскую эпоху стало предметом источниковедческих исследований А. Н. Медушевского [660].

Период 1970-х–первой половины 1980-х гг. отмечен выходом целого ряда работ, посвященных отдельным периодам российского абсолютизма. Интонация их идеологической составляющей могла варьироваться, однако это были качественные нарративы, основанные на значительной источниковой базе.

Эпоха Петра I в историографии 1970-х гг. отмечена изданием работ Н. И. Павленко. В 1973 г. вышло его исследование, посвященное социально-политическим взглядам Петра I [824], а в 1975 г., в серии «Жизнь замечательных людей», что беспрецедентно в отношении персоналий монархов, — книга «Петр Первый» [822], переизданная затем шесть раз (последнее издание — в 2010 г.).

Политические институты абсолютной монархии стали изучаться не только в плане их структуры и функционирования, (Н. Ф. Демидова) [258], но и правового наполнения (О. А. Омельченко) [780; 782–783]. Важным стал тезис Омельченко о том, что неограниченное правление не исключало, но, напротив, предполагало форму организации верховной власти, не совпадающей с личностью монарха [783, с. 86], власть должна была обосновывать себя и свои действия [780, с. 25–26]. В то время как советская историография оценивала абсолютную монархию как неограниченную власть, а просвещенный абсолютизм в основном как социальную демагогию [101], Омельченко выдвигал идею правовых границ абсолютизма: таковыми были политические устои, обусловленные внутренней логикой самой феодальной государственности [780, с. 29–30].

Политическая практика российской монархии XIX в. представлена в советской историографии 1970–1980-х гг. целым рядом работ, трактующих российское самодержавие в русле характеристик Ленина. Соответственно, в первой половине XIX в. оно было «исключительно крепостническим» [581, с. 303]; «19 февраля 61-го года было первым шагом по пути превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию... эпоха 1908–1910 гг. показывает... второй и более серьезный шаг по тому же пути» [583, с. 178].

Выводы докторской диссертации [313] и монографии [312] Н. П. Ерошкина о государственных учреждениях дореформенной России, сводились к тому, что внутренняя политика самодержавия была нацелена на то, чтобы «отсрочить гибель крепостничества» [312, с. 225]. Бюрократический централизм представлял собой последнюю, но безуспешную форму организации крепостнической монархии [312, с. 87], что показал кризис 1850-х гг. [312, с. 225–226].

В 1983 г. был переиздан учебник Н. П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России» [310]. Созданная на основе ленинской трактовки, эволюция российской монархии выглядела следующим образом: 1. До середины XVII в. в России существовала сословно-представительная монархия, причем Земские соборы способствовали укреплению самодержавной власти [310, с. 50–51]. 2. Черты абсолютизма проявились в России с середины XVII века [310, с. 71], о чем свидетельствует прекращение созыва Земских соборов и принятие

Соборного Уложения» 1649 г. [310, с. 59]. 3. При Петре I самодержавная монархия приобрела характер абсолютной, власть принадлежала всецело и нераздельно царю [310, с. 71]. 4. Расцвет «просвещенного абсолютизма», трактуемого как псевдолиберальная политика, соответствовал времени Екатерины II [310, с. 98, 114–115]. 5. Первая половина XIX в. — период кризиса феодальной монархии [310, с. 138]. 6. Вторая половина XIX в. и буржуазные реформы — «шаг по пути к буржуазной монархии» [310, с. 193–196]. 7. В 1906–1914 гг. осуществился «второй шаг» по пути к буржуазной монархии, связанный с учреждением законодательной Государственной Думы [310, с. 252–253]. 8. Первая мировая война и кризис в стране вызвали Февральскую революцию, в ходе которой самодержавие было свергнуто [310, с. 289, 308]. На ленинских тезисах основывалась и трактовка российского абсолютизма в учебной литературе [403; 405].

Если в работах Н. П. Ерошкина была главной правительственная система самодержавия, то в исследованиях П. А. Зайончковского — люди, приводящие эту систему в действие, в центре которой находятся монархи и высшее чиновничество. В 1978 г. вышла его монография «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» [323]. На основе изучения состава чиновничества конца XVIII – начала XX в. автором делается ряд выводов. Так, среди высшей бюрократии и верхов губернской администрации преобладали помещики, что приводило к противодействию отмене крепостного права, а в пореформенное время — к консервации феодальных пережитков [323, с. 224]. От 25 до 53% низшего и среднего чиновничества в середине XIX происходило из разночинцев. Однако это не означало «демократизации» чиновной среды. Наоборот, эти чиновники были наиболее верноподданными [323, с. 223].

Период буржуазных реформ 1860-х–1870-х гг. рассматривался также учениками П. А. Зайончковского — Л. Г. Захаровой (1933–2017) и И. В. Оржеховским (1933–2002). Указывая на связь отмены крепостного права с судьбой самодержавия, Л. Г. Захарова приходит к выводу, что реформа 1861 г. была компромиссной [336, с. 233]. Основной тезис работы И. В. Оржеховского «Из истории внутренней политики самодержавия в 60-х–70-х гг. XIX в.» — половинчатость и противоречивость реформ Александра II [786, с. 3]. В докторской диссертации И. В. Оржеховского [785] указывалось, что по мере усиления борьбы с революционным движением монархия пыталась «урезать и обкорнать» уступки, вырванные на волне революционного натиска [785, с. 41].

Российская монархия указанного периода нашла отражение в обобщающей статье П. Г. Рындзюнского [1008]. По мнению автора, буржуазные реформы 1860-х гг. не изменили политическую систему России [1008, с. 37], а готовность монархии идти навстречу требованиям буржуазии расширяла ее социальную базу и давала возможность лавирования [1008, с. 40]. Советские историки никогда не применяли в названиях работ словосочетаний «александровская эпоха»,

«николаевская эпоха» и подобных им — за исключением Петра I, ни один из российских царей не считался этого достойным. Например, монография В. Г. Чернухи (1930–2014), характеризующая эпоху Александра II названа «Внутренняя и внешняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.» [1250].

Отрицательное отношение к Николаю II переоценкам не подлежало, однако степень негативизации могла отличаться. Например, в статье Л. Г. Захаровой «Кризис самодержавия накануне революции 1905 г.» последний российский царь, его окружение и мероприятия характеризуются весьма критически, но без излишней идеологической патетики [334, с. 119–122]. Иной была тональность работы Н. П. Ерошкина «Самодержавие накануне краха» [315]. Это — книга для учителей, рассказывающая «о навсегда ушедшей старой, дореволюционной России с ничтожным и жестоким «хозяином земли русской» и «самодержцем всея Руси» Николаем II, чуждой и враждебной народу «паутиной» — дворянской бюрократией, всесилием полицейского произвола и бесправным «парламентом», где смелым голосам немногих избранных народа противостоял злобный хор помещичьих и буржуазных представителей» [315, с. 4].

Трактовка самодержавия конца XIX – начала XX в. была предметом особого внимания, так как выводила на предпосылки российских революций. Данным проблемам были посвящены две монографии Ю. Б. Соловьева (1929–1995) [1092–1093]. Автор пришел к выводу о том, что монархия и дворянство стремились вернуть дореформенные порядки, пусть и без восстановления самого крепостного права [1093, с. 3–4]. Победу в революции 1905–1907 г., одержали либералы, заставив самодержавие «прийти в соответствие с эпохой» [1093, с. 7–8].

Авторы коллективной монографии «Кризис самодержавия в России, 1895–1917» указывают, что последнее имело перед собой опыт других европейских монархий, заставлявший проявлять гибкость. Российская монархия опиралась на дворянство, затронуть привилегии которого было небезопасно, и силу бюрократии. Наконец, сама возможность ограничения прерогатив самодержавия воспринималась как неприемлемая в принципе [554, с. 6–7].

Одной из сложных проблем были изменения в характере монархии после Манифеста 17 октября. Так, авторы коллективной монографии Н. И. Васильева, Г. Б. Гальперин и А. И. Королев [159] считали, что Манифест ограничил царскую власть, однако это ограничение было формальным [159, с. 88].

В монографии А. М. Давидовича [254] анализируются Основные государственные законы в редакции от 23 апреля 1906 г. и отмечается отсутствие в ней определения императора как неограниченного монарха [254, с. 273–274]. Можно ли считать Основные законы 1906 г. конституцией? Давидович отвечает на этот вопрос положительно [254, с. 274]. Государственная дума и Государственный

совет были парламентскими учреждениями, однако права российского парламента были предельно ограничены [254, с. 276–277].

Эта же проблема анализировалась Е. Д. Черменским [1245]. Акцентируя внимание на дискуссионности данного вопроса, автор дает на него следующий ответ: «В России после 1905 г. все же была конституция, но узкоцензурная, более или менее призрачная, более или менее фиктивная» [1245, с. 30–31].

Рассмотрение того, как интерпретировался в советской историографии 1970-х – первой половины 1980-х гг. российский абсолютизм, позволяет сделать ряд выводов. Самодержавие оценивалось в рамках социологического подхода, выступая как результат развития производительных сил страны и происходящих в ней социальных процессов. Важным стало возвращение термина «сословно-представительная монархия» для обозначения этапа, предшествующего российскому абсолютизму. В основу периодизации и характеристики российской монархии была положена трактовка В. И. Ленина. Согласно ей, самодержавие развивалось в сторону буржуазной монархии, однако этот процесс был медленным, реформы половинчатыми, буржуазия слабой и зависимой от власти. В результате самодержавие должно было быть свергнуто пролетариатом в ходе революции.

Дискуссия 1968–1972 гг., последняя в ряду своих аналогов, была весьма показательна. Она еще раз выявила проблематичность однозначных решений в определении социальной основы абсолютизма и роли буржуазии при абсолютизме. Тем не менее дискуссия достигла максимума результатов в сложившейся ситуации. Понятие «равновесия» в отношении российской монархии было скорректировано. Вследствие этого нижняя хронологическая граница российского абсолютизма стала более подвижной. Постепенно утверждался неприемлемый ранее тезис о том, что российский капитализм был весьма специфичен — зародился позже, был намного слабее западноевропейского и развивался под опекой абсолютной монархии, оказывающей сильнейшее влияние на общество.

Качественно и количественно изменялось проблемное поле в изучении абсолютизма. Внимание историков стали привлекать государственные институты и их функционирование, идеологические аспекты абсолютной монархии, а также персоналии монархов и их окружения. При этом были высказаны ранее игнорируемые советской историографией идеи о том, что, во-первых, даже абсолютная монархия предполагает свое законное обоснование и прочную правовую традицию, и, во-вторых, самодержавие после Манифеста 17 октября все же перестало, пусть и формально, быть абсолютизмом [1–А, с. 492–512; 15–А; 17–А; 25–А].

5.4 Западноевропейский абсолютизм в советской историографии периода «развитого социализма»

Для характеристики развития советской исторической науки 1970-х – начала 1980-х гг. уместно применить слова «устойчивость» и «конвенциональность». Впоследствии А. Я. Гуревич так характеризовал это время: «Общие теории, общее понимание исторического процесса не нами выработывались, они нам были спущены с небес, сверху, идеологами и присяжными философами, а мы разрабатывали конкретные темы, которые предназначались для иллюстрации конкретных проявлений общих исторических закономерностей, продиктованных марксизмом-ленинизмом...» [233, с. 98].

Примером идеологического дискурса выступает, например, статья И. Д. Ковальченко и А. М. Сахарова «XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии» [483]. Советский историк должен был помнить следующее: «Руководящая и направляющая роль в развитии советской исторической науки принадлежит Коммунистической партии Советского Союза... При этом партия уделяет неослабное внимание борьбе с буржуазной и ревизионистской методологией и идеологией, за чистоту марксистско-ленинской теории, являющейся твердой основой для научного, историко-материалистического познания прошлого, для служения настоящему и коммунистическому будущему человечества» [483, с. 5].

Так, при обсуждении 24 мая 1972 г. на совместном заседании кафедры истории средних веков МГУ и сектора истории средних веков РАН пособия по российской дореволюционной медиевистике Е. В. Гутновой [247] доктор исторических наук, византист З. В. Удальцова (1918–1987) подчеркнула: «В учебном пособии четко и убедительно прослеживается развитие в медиевистике рассматриваемого периода двух противоположных исторических мировоззрений — марксистского и буржуазного... марксистское направление в историографии все время развивалось прогрессивно, все более укрепляло свои позиции, тогда как буржуазное историческое мировоззрение все более запутывалось в острых внутренних противоречиях, шло к своему кризису, начавшемуся на рубеже XIX и XX веков» [79, л. 24–25].

Несмотря на идеологические предписания, последствия «оттепели» и приход нового поколения историков стали важнейшими факторами развития советской историографии 1970-х – начала 1980-х гг. Не представлялось возможным изолироваться и от зарубежной науки, тем более в русле политики разрядки 1970-х гг. Отношение советских историков к западной историографии высказал в начале 1970-х гг. Л. В. Черепнин: «Среди работ историков-немарксистов можно назвать добросовестные, содержащие полезные наблюдения и выводы. Но есть и

труды, искажающие исторический процесс, антинаучные, методологически несостоятельные, политически неприемлемые. Ведь проблема абсолютизма — это такая проблема, постановка которой поднимает целый ряд больших социальных и политических вопросов: классовой борьбы, революции. А решение этих вопросов так или иначе подводит к пониманию современности» [78, л. 2].

В исследовании западноевропейского абсолютизма был очевиден бóльший методологический традиционализм, нежели в изучении самодержавия, концепция «равновесия» не претерпевала изменений. Так, в уже упомянутом обсуждении пособия Е. А. Гутновой профессор Ю. М. Сапрыкин отметил: «Следует больше остановиться на проблеме абсолютной монархии в трудах Маркса и Энгельса, ибо, во всяком случае, для Западной Европы они установили очень точно социальные условия возникновения абсолютной монархии» [79, л. 28].

В 1972 г. был издан сборник «Европа в средние века: экономика, политика, культура», посвященный 80-летию академика С. Д. Сказкина [305]. В статье Е. В. Гутновой и А. Н. Чистозвонова [242] указывалось, что Сказкин «является создателем той концепции западноевропейского абсолютизма, от которой до сих пор отправляется большинство советских медиевистов в своих конкретных исследованиях» [242, с. 10]. В 1973 г. в «Избранных трудах по истории» С. Д. Сказкина была опубликована его статья с изложением концепции абсолютизма [1071], ранее вышедшая в 1957 г. [1070]. Концепция С. Д. Сказкина доминировала и в учебной литературе для высшей школы [399–400; 1046].

В первом томе трехтомной «Истории Франции» [407] достаточно образный нарратив об эпохе абсолютизма был создан тремя авторами — С. Д. Сказкиным, Б. Ф. Поршневым и франковедом Л. С. Гордоном (1901–1973) [223; 1072; 1074].

Складывание абсолютизма С. Д. Сказкин связывает не только с формированием соответствующей социальной базы, но и с масштабным процессом создания национальных государств. Сам очерк Сказкина о Франции XVI в. начинается красноречивой фразой, выразившей настроение эпохи и прозвучавшей на Генеральных Штатах в Туре в 1484 г.: «Королевская власть есть достоинство, а не наследственное достояние» [1074, с. 151]. В условиях официального дискурса советские историки могли создавать тексты, качество которых и сегодня высоко. Вот, например, характеристика Генриха IV: «За свою недолгую жизнь Генрих Наваррский сам многое испытал: он знал и поражения, и победы, падения и взлеты; нелегкий жизненный опыт его многому научил: изворотливости, гибкости, умению маневрировать. Умный, дальновидный, настойчивый в достижении цели, он отдавал себе отчет в трудности стоящих перед ним задач... Генрих IV, не был, конечно, «добрым королем», «королем народа», каким его нередко изображала позднее апологетическая литература. Но он понимал, как шаток королевский трон, и искал средства его укрепления» [223, с. 235].

Трактовка абсолютизма С. Д. Сказкиным не была единственной. Особая точка зрения на абсолютизм была у Б. Ф. Поршнева, однако в 1970-х гг. она представляла интерес скорее для историографа. Альтернативой обеим трактовкам была концепция А. Д. Люблинской, выраженная в ряде ее работ. Как научная проблема, абсолютизм для Люблинской выступает не просто сложным феноменом, допускающим равноценные по убедительности и обоснованности, но противоречивые по выводам трактовки [614, с. 56]. Это — государственная форма переходного периода, в пределах которой развивается и взаимодействует ряд социальных групп. Традиционно французский абсолютизм воспринимался как некий образец, через призму которого рассматривались другие модификации абсолютной монархии. Однако такой подход, на взгляд Люблинской, не оправдан — французский абсолютизм на самом деле представляет собой один из «национальных вариантов» абсолютизма [614, с. 55–56].

Формирование абсолютизма во Франции А. Д. Люблинская относит к концу XV – первой половине XVII в. Это было время зарождения капиталистического уклада и появления буржуазии. Параллельно шло оскудение и ослабление родовитого дворянства. Ведущей силой в этих процессах, считает Люблинская, была буржуазия: «происходившие перемены прямо либо косвенно (порой даже очень отдаленно) имели ее своим началом или причиной изменений. Все это тоже либо прямо, либо косвенно, способствовало росту абсолютизма» [614, с. 58]. Слова «либо прямо, либо косвенно», «порой даже очень отдаленно» были показательны — Люблинская не могла отвергнуть понятие «равновесие».

Так, в статье о классовой природе французского абсолютизма Люблинская утверждает: *«Если и можно — но с большой осторожностью! — говорить для той поры (рубеж XV–XVI вв.) о «равновесии классов», то лишь в том плане, что элементы будущего класса буржуазии уже самим фактом своего существования уравновешивали старое, оскудевшее рыцарство, (здесь и далее курсив мой — Л. Л.)»* [614, с. 61]. Это имело тот же смысл, что и «ростки», «предпосылки» и «зачатки» при поисках буржуазии и капитализма в России. А. Д. Люблинской была выбрана та же аргументация, что и Л. В. Черепным. Однако ценность концепции Люблинской — в создании динамической модели социальных процессов при абсолютизме, чего ранее никто из ее коллег не предпринимал.

Во Франции не было непреодолимой границы между сословиями, и процесс аноблирования был для людей известного уровня достатка традиционным средством повышения статуса [614, с. 66–67]. Таких дворян Люблинская называет новыми, и на протяжении XVI – первой половины XVII в. в результате пополнения ими изменялся в целом дворянский класс. Важным фактором консолидации дворянства были браки, при которых объединялись громкое, но оскудевшее имя с деньгами и стремлением к родовитости [623, с. 238–240]. Родовитое же дворянство

оставалось при своем, поддерживая оскудевшие владения, усыновляя бастардов для пополнения поредевших рядов и участвуя в войнах [623, с. 235].

Таким образом, если рассматривать «равновесие» между старым дворянством и буржуазией, то его быть просто не могло [623, с. 236]. За счет чего же оно появилось? Источником «равновесия» между дворянством и буржуазией был как раз приток в дворянский класс нового дворянства, которое по роду занятий и интересов было опорой абсолютизма [614, с. 70]. Равновесие двух классов — обновленного дворянства и буржуазии — установилось во Франции после Фронды и подготовило расцвет абсолютизма [623, с. 243].

Концепция абсолютизма, предложенная А. Д. Люблинской, представляла собой максимум в существовавших методологических рамках. Демонстрируя социальные процессы в динамике, она могла стать ведущей. Почему этого не произошло? Очевидно, сказались простота и универсальность концепции С. Д. Сказкина как главы советских медиевистов.

На протяжении рассматриваемого периода проблематика французского абсолютизма находила отражение в ряде обобщающих и конкретизирующих работ. К первым относилось учебное пособие К. И. Батыра [95], созданное на основе канонического понимания французской монархии. Вторая группа работ была представлена докторской диссертацией [1324] и монографией [1323] Р. Ю. Энгельгардта, посвященным эпохе расцвета абсолютизма и написанных в русле идеи «равновесия» и классового подхода [1322–1324]. Функционирование государственных институтов абсолютной монархии получило отражение в работах К. И. Батыра [94] и В. В. Кучмы [569]. Социальная борьба во Франции была рассмотрена в докторской диссертации А. А. Лозинского о гражданских войнах [598] и статье А. Д. Люблинской о крестьянских восстаниях [615].

Советские историки не могли игнорировать научную мысль Запада, особенно историков-марксистов. Например, в СССР была известна работа англо-американского историка и социолога П. Андерсона «Родословная абсолютистского государства», вышедшая в 1974 г. Андерсон определяет абсолютизм как феодальное государство, бывшее «новым политическим щитом, отбивающим удары, направленные против благородного сословия» [30, с. 18]. Очевидно, что марксизм советских историков не был тождественен марксизму историков на Западе. Так, Андерсон начинает с критики выводов Маркса и Энгельса, сделанных на основе идеи «равновесия». Он утверждает, что они подводят к мысли о буржуазном характере абсолютистского государства [30, с. 16]. Но, отмечает Андерсон, это не так. Феодалы, бывшие собственниками земли в доиндустриальном обществе, таковыми и остались [30, с. 17–18].

Ближайшими партнерами советских историков выступали французские, и тому был ряд причин. Это и мощная интеллектуальная традиция, и роль Франции как ближайшего партнера СССР в период разрядки, и популярность марксизма

среди ряда французских историков, в частности, школы «Анналов» Тем не менее французская и советская историография развивались в различном концептуальном поле.

Исследователь ментальности, представитель школы «Анналов» П. Губер не предлагает дефиниции абсолютизма. Старый порядок, считает Губер, имеющий «все же юридический климат», тяжело реконструировать и прочувствовать [1349, р. 9]. Он «появился с опозданием и родился, умирая [1349, р. 10], и «ясен лишь в противопоставлении тому, что за ним последовало» [1350, р. 24].

Для Р. Мандру эпоха абсолютизма — феномен, раскрывающийся через структуры повседневности, ментальность и имеющий правовую основу [1359, р. 39]. Мандру солидарен со своими коллегами М. Блоком и Э. Лабруссом в том, что не взлет буржуазии, а сеньориальные порядки, унаследованные от Средних веков, разрушили социальный фундамент абсолютизма [1358, р. 76].

Исследователь французских элит XVIII в. Г. Шоссинан-Ногаре считает, что в основе слабости Старого порядка лежал конфликт между аристократическими элитами. Это было противостояние между аристократией королевской, богатство и власть которой возрастали благодаря монархии, и аристократией феодальной, возможности которой были ограничены. Оно разрешилось при Людовике XIV в пользу королевской аристократии. В результате старая аристократия, сплотившись, стала искать союзника и нашла его в лице третьего сословия [1347, р. 18–19].

Одним из непримиримых оппонентов советских историков был Р. Мунье. В свою очередь, в 1974 г. Ю. Е. Ивонин подверг жесткому разбору статью Мунье о социальных основах абсолютизма. Объектом критики являлось выведение ее генезиса из юридических предпосылок, а также предлагаемая Мунье концепция «верности» как интегрирующей сословия силы [369].

Однако если в трактовках абсолютизма борьба с идеологически чуждыми мнениями представляла скорее научный интерес, то ревизия традиционных оценок Французской революции была для советских историков идеологической проблемой. Фундаментальной работой «критического» или «ревизионистского» направления стало «Постижение Французской революции» [1192] Ф. Фюре (1927–1997). Вышедшая в 1978 г. под названием «Penser la Révolution française», эта книга содержала целый ряд неприемлемых в СССР положений.

Так, по Фюре, французское государство XVIII в. отнюдь не было реакционным. Наоборот, был прогресс, о чем свидетельствует рост населения на протяжении столетия от 20 до 27 миллионов [1192, с. 119]. Монархия во Франции понималась современниками как результат «общественного договора» между королем и нацией, и в виду нараставших социальных противоречий речь шла о возвращении нации исконных прав [1192, с. 42–44]. Предпосылки революции, считал Фюре, заключались в конфликте элит. Недовольство старой знати, которую «более всего раздражало даже не низкое происхождение, а деньги... сделка с

государством», могло быть, по мнению Фюре, проявлением конфронтации внутри дворянства Старого порядка [1192, с. 115–116].

Накануне революции во Франции уже было мало «феодалного», и нужно вести речь об «обуржуазивании» сеньории, а не об аристократической реакции [1192, с. 101–103]. Фюре категорически против рассмотрения событий под углом «революция – контрреволюция» [1192, с. 97]. Если добавить к этому его суждения о том, что феномен сталинизма берет свое начало в якобинской традиции [1192, с. 21], что у Маркса нет систематической интерпретации Французской революции [1192, с. 22], и что марксистская трактовка, прерывающая революцию 1794 годом, крайне упрощена и телеологична [1192, с. 95–96], то нетрудно представить реакцию советских историков и идеологов.

В такой ситуации было естественно появление статьи одного из крупнейших специалистов по истории Французской революции А. В. Адо (1928–1995) с характерным названием «Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в.» [19]. Однако «ревизионистам» необходимо было противопоставлять собственную аргументацию, и Адо достаточно гибко это делает. Он признает, что знания о французской деревне значительно обновились [19, с. 54–55], однако это отнюдь не дает «оснований» для воинственно-критических атак историков “ревизионистской” тенденции» [19, с. 55]. В начале 1980-х гг. такая позиция, очевидно, была единственно приемлемой.

Такова, например, направленность работ московской исследовательницы Л. А. Пименовой о французском дворянстве. Действительно, отмечает Пименова, в свете новейших данных французское дворянство второй половины XVIII в. не выглядит только получателем феодальной ренты, часть его втягивалась в капиталистические отношения. Вместе с тем, выводы о дворянстве как важнейшей «матрице капитализма» являются односторонними и не учитывают всей сложности фактов [849, с. 56]. Раскрывая позицию дворянства накануне революции, Л. А. Пименова указывает, что либеральная фразеология дворянства была направлена в конечном счете на сохранение его традиционных привилегий [859, с. 66]. В кандидатской диссертации Л. А. Пименовой, посвященной позиции французского дворянства накануне революции, утверждалось, что результаты исследования «решительно расходятся с выводами современных буржуазных историков» [860, с. 23].

Кризис «верхов» предреволюционной Франции, рассмотренный Е. И. Лебедевой, привел автора к достаточно взвешенным выводам [578]. План реформ Ш.-А. де Калонна оценивался как имеющий смысл и объективно буржуазный. Однако аристократия встретила идеи реформ враждебно, буржуазии было их недостаточно, и в результате их провал был предрешен [579, с. 19].

Каноническая же трактовка предреволюционной Франции излагалась А. З. Манфредом: «Вершиной феодально-абсолютистского строя являлась

монархия, королевская власть. Король по-прежнему обладал неограниченной, самодержавной властью...» [643, с. 21]. Огромные траты двора, бедствия народа, неурожай и голод, неспособность правительства — вот канун 1789 г. [643, с. 58–59]. Так же оценивается преддверие революции В. Г. Ревуненковым [969, с. 7, 72].

Ситуацию начала 1980-х гг. в изучении Французской революции московский франковед А. В. Чудинов, один из крупнейших исследователей и историографов революции 1789 г., охарактеризовал в статье с красноречивым названием «Накануне “смены веков”» [1267], указывая на отсутствие как новых идей, так и источников, ввиду «ограниченного по ряду причин» доступа в архивы Франции [1267, с. 116–118].

В 1970-х гг. стало популярно системное рассмотрение типов феодализма, генезиса капитализма, форм абсолютизма, специфики буржуазных революций. Примером системного подхода является книга Б. Ф. Поршнева «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.» [928]. Советские историки отрицали известную в то время на Западе идею «кризиса XVII века» как результата действия множества факторов, — от климатических до военных, объясняя социально-политические коллизии XVII в. конфликтом производительных сил и производственных отношений.

«Поистине, 40-е гг. XVII в. были годами испытания на прочность трех западноевропейских абсолютных монархий, — указывал Б. Ф. Поршнев и пояснял: — Английская — не выдержала состязания и пылала, охваченная пожаром революции, испанская — едва не рассыпалась уже в 1640 г... и Французская монархия балансировала над пропастью...» [928, с. 65]. Фронда, по мнению Поршнева, не переросла в буржуазную революцию по той причине, что перспектива установления республики в Англии заставило французское правительство заключить мир и напугало французскую буржуазию [928, с. 69].

Внимание к Английской революции было тем более важно, что и в ее изучении оформилось «ревизионистское» направление [499, с. 8–15]. Ревизионисты, как отмечает российский историограф В. Н. Ерохин, ставили под сомнение существование сплоченной парламентской оппозиции, утверждали, что в предреволюционный период сохранялся престиж монархии как наиболее авторитетного политического института, а гражданскую войну и революцию оценивали как результат стечения обстоятельств и неспособности монарха и правящей элиты к мирному разрешению конфликта [308, с. 90]. Революция рассматривалась как конфликт элит, ставился под сомнение ее буржуазный характер. Центр исследований переносился на ментальность, политический дискурс, локальную историю. Так, в «Происхождении гражданской войны в Англии» [1367] один из лидеров «ревизионистов» К. Рассел (1937–2004) указал, что монархия столкнулась с недовольством провинциального дворянства. Реализуя

распоряжения правительства на местах, оно рассчитывало на благодарность короля. Однако средства у короны иссякли [1367, р. 14–16].

Трактовки английского абсолютизма советскими историками не изменились, однако проблематика расширилась. Так, В. В. Штокмар опубликовала статьи о политике Тюдоров и Стюартов в отношении пуритан [1303; 1307; 1309]. Знаковой работой В. В. Штокмар является «История Англии в средние века» [1305]. Факторами установления абсолютизма при Тюдорах автор считает потребность имущих классов в сильной власти, необходимость дальнейшей централизации страны, обеспечение внешней экспансии. Все это отвечало интересам английской буржуазии и нового дворянства [1305, с. 154].

В кандидатской диссертации Ю. Е. Ивонина о реформации Генриха VIII [368] автор указал, что Реформация укрепляла власть короля и объективно способствовала буржуазному развитию [368, с. 16], но стремление короны сдерживать рост протестантизма, одновременно проводя секуляризацию и стараясь сохранить связь с папством, было утопично [368, с. 4]. Реформация Генриха VIII, отмечает Ивонин в одной из работ, была умеренной и незавершенной и отражала желание короны создать равновесие социальных сил в стране [364, с. 88–89]. Ряд статей Ю. Е. Ивонина раскрывали связь внутренней и внешней политики европейских монархий. Это Реформация в Германии и политика Англии и Франции [363], восшествие на престол Марии Тюдор и габсбургская дипломатия [357], внутренняя политика Англии и мир в Като-Камбрези [355].

Рост проблемного поля английского абсолютизма выявился в рассмотрении его аграрных мероприятий [692], торговой политики [941], идеологического обоснования реформации [1026], кризиса к концу правления Елизаветы I [282]. Наконец, в 1984 г. вышел отдельный сборник «Англия в эпоху абсолютизма» [28].

Особенности итальянского абсолютизма получили отражение в публикациях А. Д. Роловой [994–995; 997] и В. И. Рутенбурга [1002–1005]. В 1974 г. А. Д. Роловой была защищена докторская диссертация, посвященная развитию Флоренции во второй половине XVI – начале XVII в. Экономическая политика тосканских герцогов, по мнению автора, по сути не отличалась от аналогичных мероприятий абсолютизма, но ее специфика диктовалась огромной торговой ролью Флоренции. Герцоги не только содействовали купцам, предпринимателям и финансистам, но и сами активно участвовали в торгово-финансовой деятельности, что обеспечивало доходы государства [998]. Герцоги практиковали социальное лавирование, оказывали материальную поддержку населению в виде празднеств, благотворительности и т. д. [995, с. 174–195].

Классический абсолютизм, отмечал В. И. Рутенбург, складывался на основе централизованных государств. Итальянский же образовывается на базе сеньорий, выросших их городских коммун [1003; 1005, с. 225–226]. Переход от сеньории к регионально-абсолютистскому правлению в форме герцогств, маркизатов и т. п.

уже с XVI в., сопровождался централизаторской деятельностью правителей [1002, с. 123]. Классическим итальянским абсолютизмом был тосканский [1005, с. 228].

Политика просвещенного абсолютизма в Испании проанализирована в кандидатской диссертации О. В. Волосюк [189]. По мнению автора, реформы времен Карла III (1759–1788) объективно имели прогрессивный характер, но не затрагивала феодальной системы в целом [189, с. 10].

Сюжеты об абсолютизме содержатся в работах историков-скандинавистов А. С. Кана (Швеция) [423; 424] и М. А. Когана (Дания) [488–489]. Более подробный материал, описывающий развитие шведского абсолютизма, изложен в «Истории Швеции» [423]. Специфика шведской монархии была в рассредоточении власти между королем, риксродом (королевским советом) и риксдагом (собранием сословий). Это была так называемая смешанная монархия («*monarchia mixta*») [423, с. 196]. Соответственно, шведский вариант абсолютизма был отмечен соперничеством сословий, аристократии и монархии [423, с. 206–234].

Таким образом, в изучении западноевропейского абсолютизма к середине 1980-х гг. произошли изменения. Расширилось проблемное поле, абсолютизм стал рассматриваться в историко-сравнительном ракурсе, о чем свидетельствует, например, обсуждение доклада А. Н. Чистозвонова «Некоторые проблемы генезиса и типизации западноевропейского абсолютизма» в мае 1981 г. [80, л. 42–43]. В ноябре 1983 г. при обсуждении сборника «Методологические проблемы генезиса капитализма» Е. В. Гутнова обратила внимание на необходимость публикации материала об абсолютизме, приводя как аргумент комплексность его рассмотрения и значительный историографический анализ [81, л. 37–38].

В 1985 г. вышла публикация «Абсолютизм в странах Западной Европы и России (опыт сравнительного изучения)» [1295]. Эта был доклад, прочитанный Е. В. Гутновой на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте [249]. Эту работу можно назвать рубежной. Наряду с цитированием классиков марксизма и классовым подходом [249, с. 43–47], в ней заметны, при достаточно толерантном отношении к западной историографии, новые идеи. В частности, о применении сравнительного подхода, а также признании того, что монарх при абсолютизме не был полностью свободен в своих решениях [249, с. 44], что в известной мере свидетельствовало о тенденции постепенного преодоления границ советского историографического канона.

Подводя итог, нужно отметить, что развитие концепта западноевропейского абсолютизма в 1970-х – первой половине 1980-гг. характеризуется экстенсивностью в рамках концепции «равновесия». Дискуссия 1968–1972 гг., разумеется, дала ей ресурс развития. Однако в трактовках западноевропейской абсолютной монархии позиции идеи «равновесия» были практически непоколебимы. Во-первых, авторитет классиков марксизма основывался на

западноевропейском материале, во-вторых — свободно пользоваться зарубежными архивами советские исследователи не могли. Вместе с тем, характеризовать это время как период «застоя» вряд ли правомерно, так как советские медиевисты приступили к типологическому исследованию абсолютизма, а к середине 1980-х гг. стали озвучиваться тезисы о том, что существует разница между абсолютной властью монарха в теории и на практике. Несмотря на идеологические расхождения, советская историография не могла игнорировать и исследования западноевропейской исторической науки, что приводило как к селективным заимствованиям в методах, так и к частичному, в рамках советского канона, признанию отдельных выводов западных историков.

Советская историография эпохи «развитого социализма», таким образом, внесла в разработку проблем абсолютизма новые черты. Будучи временем методологической стабильности, этот период отмечен расширением проблемного поля и применением сравнительно-исторического подхода. Интерпретация абсолютизма основывалась на социологической модели, генезис абсолютизма связывался с формированием капиталистического уклада. Советские историки, однако, не могли игнорировать правовую и идеологическую составляющие абсолютной монархии, что особенно заметно было в рассмотрении российского абсолютизма. Речь шла о падении роли земских соборов и значения Боярской думы, содержании Соборного уложения 1649 г., изменениях во внешних проявлениях царской власти, идеологии самодержавия, принципах «регулярного государства». Тем не менее, указанные проблемы неизменно выступали как вторичные от социально-экономических процессов.

Отношение советских историков к абсолютизму было построено в соответствии с традиционными установками восприятия его как «необходимого зла», превратившегося затем в реакционную антинародную силу. Данный вывод предусматривал «предъявление счета» абсолютной монархии в рассмотрении предпосылок буржуазных революции и был особенно акцентирован применительно к российскому абсолютизму, специфика которого диктовала особенно радикальные революционные преобразования [1–А, с. 538–540; 21–А; 25–А].

ГЛАВА 6

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ СОВЕТСКИМИ ИСТОРИКАМИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х – 1991 ГГ.)

6.1 Социально-политические изменения второй половины 1980-х гг. и изучение российской монархии советскими историками

В апреле 1985 г. руководство СССР во главе с М. С. Горбачевым взяло курс на ускорение социально-экономического развития страны. В начале 1986 г. XXVII съезд КПСС провозгласил задачу «совершенствования социализма». В январе 1987 г. была поставлена цель перестройки во всех сферах жизни СССР. Идеи «нового мышления», политика демократизации и гласности, смягчение цензуры радикально изменили атмосферу в стране. Советская историография вошла в этап ликвидации «белых пятен» и переосмысления всего, достигнутого с 1917 г. Нужно отметить, что изменения второй половины 1980-х гг. были значительно глубже, чем в период «оттепели» и подготовили радикальную трансформацию исторической науки, в полную меру развернувшуюся после 1991 г.

Взрыв интереса к истории (прежде всего российской и советской) был реакцией общества, десятилетиями жившего в условиях официальной исторической науки, проблемное поле которой было заполнено преимущественно социально-экономической тематикой и рассмотрением классово-борьбы.

В сложившейся ситуации руководство КПСС предложило новые ориентиры для историков. Доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» [220], прочитанный 2 ноября 1987 г. и посвященный 70-летию Октябрьской революции, подчеркивал: «История у нас одна, она необратима. И какие бы эмоции она ни вызвала — это наша история, она дорога нам» [220, с. 3].

8 января 1988 г. состоялся «круглый стол», посвященный исторической науке в условиях перестройки. Было очевидно, что какой-либо определенной концепции исторического знания, призванной заменить прежние установки, нет. Академик М. П. Ким выразился об этом в категориях еще довоенного дискурса: «К сожалению, историки не могут еще сказать, что ими продумана и осуществляется концепция перестройки на историческом фронте» [385, с. 7].

Нужно отметить, что во второй половине XX в. сделать это вряд ли было возможно в принципе. Историографией Запада был уже пройден этап поиска универсальной методологии. Советские же историки оперировали совершенно

другими категориями, стараясь вновь найти всеобъемлющий подход для реконструкции полной и объективной картины прошлого. Кроме того, для создания новой парадигмы исторического знания требовался огромный альтернативный интеллектуальный ресурс, но имелся ли он в СССР?

Многими отмечалось падение престижа работ профессиональных историков. А. А. Искендеров указал, что среди части населения представления о многих вопросах истории складываются под влиянием версий и идей «носителями которых являются создатели некоторых литературно-художественных произведений, кинофильмов, а также авторы статей и материалов» [385, с. 4].

Каким виделся выход из сложившейся ситуации? «Первое, — указывал А. А. Искендеров — это проблема человека, или человеческого фактора в истории», требующая внимания [385, с. 5]. Ю. А. Поляков считал, что необходимо привыкнуть к наличию разных взглядов и подходов [385, с. 11].

Таким образом, «круглый стол» начала 1988 г. показал, что у советских историков нет альтернативной историографической парадигмы. Однако выявилось стремление актуализировать и корректировать существующие установки. Были указаны направления работы, которые разнообразили бы проблемное поле, смягчали классовый подход, вносили новые идеи.

Указанные изменения имели прямое отношение к концепту абсолютизма. В 1988 г. вышла статья А. Н. Медушевского и И. В. Сабенниковой «Новое в исследованиях по истории России XVII – середины XIX в.». Констатируя, что современная историческая наука при рассмотрении абсолютизма исходит, прежде всего, из его социальной природы, авторы указывали на главную трудность данного подхода — сложность определения соответствующих «устойчивых социальных образований» [664, с. 35].

Симптомом, свидетельствующим об изменении отношения к проблеме абсолютизма, стала защита в 1989 г. в ЛГУ кандидатской диссертации венгерской исследовательницей М. Агоштон «Русский абсолютизм XVII – первой половины XVIII века в советской исторической науке» [18]. Определяющими чертами советской историографии абсолютизма Агоштон назвала большое внимание к социально-экономической области, классовой борьбе и процессам централизации. Однако при этом практически не исследовался социально-психологический аспект абсолютизма, роль монархов и т.д. [18, л. 159].

Новым в изучении государственных институтов дореволюционной России стало появление работ, рассматривающих их зарубежную рефлексию. Журнал «История СССР» в 1988 г. опубликовал статью А. Н. Медушевского «Российское государство XVII–XVIII веков в освещении современной немарксистской историографии (Обзор литературы)» [670].

Статья начиналась констатацией того, что в изучении проблем российской государственности эпохи абсолютизма на Западе «важнейшее место принадлежит

государственно-правовому подходу к истории, разрабатывавшемуся еще государственной школой в русской историографии» [670, с. 195]. Наряду с установками государственной школы, в немарксистской русистике делается акцент на изучении социальной стратификации, социологии власти, структуре и динамике социальных и государственных институтов истории элит [670, с. 197].

Утверждение абсолютизма, отмечает Медушевский, большинство западных историков относят к эпохе петровских реформ. Особое внимание уделяется концепции М. Раева (1923–2008), взгляды которого «наиболее представительны для современной немарксистской историографии» [670, с. 199]. По Раеву, власть в России не только была «дирижером» во всех сферах общества, но и «атомизировала» население, не позволив сложиться развитым сословным структурам [670, с. 170]. Изложенные в статье Медушевского тезисы были расширены в научно-аналитическом обзоре 1989 г., где рассматривалась не только англоязычная, но и французская и германская историография [659].

В СССР начали выходить книги зарубежных авторов. Применительно к российскому абсолютизму это две работы — «Реформы Петра Великого» Х. Баггера (1985) [85] и «История России XVIII в.» С. О. Кристенсена (1989) [555]. Оба автора — датские историки-русисты, в свое время учившиеся в СССР [85, с. 193; 555, с. 229]. Оба ученых представляли идейно близкие для руководства СССР общественные силы: Баггер состоял в левом крыле социал-демократической партии Дании [85, с. 193], Кристенсен — в Комитете по безопасности и разоружению [555, с. 230]. Обе книги издательства «Прогресс» были снабжены статьями специалиста в области феодальной России В. И. Буганова (1928–1996). Оба исследования посвящены историографии (у Кристенсена добавлен анализ источников) и композиционно одинаковы. Выводы обоих авторов отмечены корректностью по отношению к российской и советской историографии.

Материал раскрывался не по хронологическому принципу и не по выделению идейных направлений. Речь шла о постановке ключевых проблем, а в них — отдельных аспектов, трактовки которых сжато излагалась. Например, Х. Баггер формулирует такой вопрос: чем были Петровские реформы по отношению к предшествующей эпохе? Читателю предлагались следующие ответы: Петровские реформы — это революция [85, с. 27], эволюция [85, с. 29], акселерация [85, с. 30], причем по каждому варианту приводились аргументы.

Изданием совершенно другого рода была работа одного из крупнейших американских историков-русистов М. Раева «Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи» [963], вышедшая на русском языке в 1990 г. Работа Раева, в основу которой была положена трактовка Российской империи как полицейского, «регулярного» государства, демонстрировала читателю то, что некогда клеймилось советскими историками как «фальсификации» и «кризис» буржуазной историографии. Российское государство

оценивалось Раевым как деспотическое и литургическое, в нем были слиты воедино церковная и светская власть. Сословия, будучи закрепощенными сверху донизу, несли государственную службу, а власть была неизмеримо дальше от общества, чем в Европе. Акцент автора на рассмотрении политической культуры, ментальности общества, полное отрицание классового подхода взрывали существовавшие в СССР историографические традиции, тем более что это исходило не от публициста или писателя, а от профессионального историка.

С другой стороны, можно было обращаться и к более близким в идейном плане для советского читателя работам, например, книге доктора исторических наук Д. Н. Альшица (1919–2012) «Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного». Так, во введении автор подчеркивал, что объективная, научно обоснованная оценка российского самодержавия «приобретает в условиях современной идеологической борьбы важное значение» [23, с. 3].

То, что в конце 1980-х гг. произошли необратимые процессы в историографии и настроениях граждан, было очевидно из редакционного предисловия к циклу статей А. Н. Медушевского в «Вестнике высшей школы», призванных заполнить образовавшийся методологический вакуум. Оно носило знаковое название: «Что придет на смену старому?» [1261] и образно характеризовало состояние общества: «Удивительные открытия совершаются в обстановке общественного самоочищения: в регионах, еще недавно “успешно” завершивших переход к “развитому социализму”, вдруг обнаруживаются слегка замаскированные структуры феодального общества, едва ли не средневековое обожествление живых и мертвых вождей. В других случаях толпы бывших “атеистов” собираются под зеленым знаменем ислама и нерукотворными ликами Христа... Общественная мысль и практика, например, в России, обращаются не только к традициям социал-демократии, происходит возрождение всего спектра национальных политических течений: от последователей М. А. Бакунина до сторонников династии Романовых. И если от этих малочисленных групп можно пока еще отмахнуться, то неистребимая любовь к Сталину... подводит к мысли о живучести в толще народного сознания, казалось бы, давно изжитых стереотипов, о рецидивах монархической психологии» [1261, с. 54].

А. Н. Медушевский указывал на такие ведущие факторы развития России, как особое геополитическое положение и большая роль государства в социальных отношениях [671, с. 56], что отсылало к выводам государственной школы. Статьи А. Н. Медушевского, как и подготовленный им научно-аналитический обзор [657] демонстрировали новое понимание государственного реформаторства. Прежде всего, это концепция «догоняющего развития», или модернизации, в рамках которой реформаторство является средством совершенствования системы управления и гарантией сохранения суверенитета [667, с. 80–81].

Медушевский сопоставляет реформы на Западе и Востоке. В странах «к востоку от Эльбы» государство является единственной и достаточно монолитной силой. Борьба различных социальных тенденций идет здесь не по горизонтали, а по вертикали, путем волнообразного изменения политики государства, от консервативного к радикальному курсу и наоборот. В наибольшей степени это проявилось в реформах просвещенного абсолютизма в России, Австрии, Пруссии, Дании [668, с. 66–67]. Реформаторство «сверху» приводило, в том числе, к конфликту элит. Двойственная природа бюрократии (наличие в ней «просвещенной» части и консерваторов) порождает в две тенденции — реформы и контрреформы. Чем глубже попытки реформ, тем очевиднее возможность контрреформ. Провал преобразований в России стал итогом консерватизма дворянства, политического строя и правящей элиты [666, с. 71–73]. Цикл статей Медушевского показывал, что в условиях разрушения марксистской парадигмы на смену ей приходили переосмысливаемые установки государственной школы в сочетании с теориями социальной стратификации и конфликта элит.

Учебная литература для высшей школы, однако, была более консервативна. В учебнике по истории СССР с древнейших времен до 1861 г. содержалась каноническая трактовка абсолютизма [814, с. 225], однако авторы указали на дискуссионность тезиса о применимости концепции «равновесия» к России [814, с. 195]. С другой стороны, в учебном пособии О. А. Омельченко политика просвещенного абсолютизма трактовалась в ракурсе превращения закона в основной и бесспорно преобладающий источник права [779, с. 4].

Проблемное поле российского абсолютизма заполнялось как вполне традиционными сюжетами — отношением монархии с правящей элитой (О. В. Кошелева) [549] и дворянством (А. Б. Каменский) [422], историей служилой бюрократии (Н. Ф. Демидова) [261–262], так и сравнительно новыми.

Реформирование в период перестройки сделало актуальной проблему российских реформ «сверху», отраженную как в сборниках работ [977], так и в отдельных публикациях. Например, статьи С. О. Шмидта разрушали стереотипы о незначительности эпохи, предшествующей правлению Екатерины II [1296; 1298].

Новое отношение к государственному реформаторству прочитывается в публикациях, раскрывающих реформы в России XIX в. Кризис абсолютизма и крепостного права отнюдь не отрицался, однако исчез жесткий обличительный тон. В частности, такой дискурс был присущ монографии одного из крупнейших исследователей России первой половины XIX в. С. В. Мироненко [690]. Л. Г. Захарова в статье о реформах 60-х гг. XIX в., уподобляет их политике перестройки, а канун реформ называет оттепелью [334].

Тем не менее, чем ближе были рассматриваемые события к 1917 г., тем более по-марксистски жесткими становились оценки. Например, монография В. С. Дякина начиналась ленинской цитатой: «Третьеиюньская система была

последней попыткой спасения черносотенной монархии царя, попыткой обновить ее союзом с верхами буржуазии, и эта попытка потерпела крах» [302, с. 3].

Книга А. Я. Авреха «Царизм накануне свержения» [13] построена на ленинской концепции развития российского самодержавия в сторону буржуазной монархии. Однако самодержавие рассматривается не как монолит, а как сложная система, противоречия которой «могли принять весьма острые формы и тем самым стать одним из важных механизмов его разрушения и гибели» [13, с. 10]. Авреху удалось создать сложный образ последнего российского императора, однако констатировалось, что для трона Николай, по выражению одного из его современников, был непригоден [13, с. 21].

Совершенно другим был дискурс работ, посвященных событиям и персоналиям XVIII в. Там звучало уважение к империи и абсолютизм переставал называться крепостническим самодержавием. В книге В. И. Буганова «Петр Великий и его время» оценка Петра как воспитанника феодальной верхушки, смягчалась мнением о том, что Петр и его аппарат выполняли общенациональные задачи, что не может не вызвать уважения [142, с. 185–186].

Уважением к Петровским реформам проникнута и статья доктора исторических наук Е. В. Анисимова «Петр I: рождение империи» [41], но Петр не идеализировался. В книге «Время петровских реформ» Анисимов указал: «Петровские реформы — это еще и апофеоз этатизма, не оставляющего практически и до сих пор места для иных (негосударственных) форм общественного существования. Время петровских реформ — это время основания тоталитарного государства, яркой проповеди и внедрения в массовое сознание культа сильной личности-вождя, «отца нации», «учителя народов» [35, с. 11]. В 1990 вышла фундаментальная книга «Петр Великий» Н. И. Павленко [818].

Во второй половине 80-х гг. появились знаковые работы, демонстрирующие изменение в концепте абсолютизма ценностной и сюжетной составляющей. Первая из них — «Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра» Е. В. Анисимова [42]. Книга отсылала читателя к царице, не слишком уважаемой советской историографией, и ставила целью «взглянуть на период правления Елизаветы... с учетом бесценного для нас труда поколений историков» [42, с. 5]. Работа начиналась не с социально-экономического очерка, а с характеристики политической ситуации накануне 1741 г., текст не имел ссылок на классиков марксизма. В центре внимания автора находилась Елизавета Петровна, ее окружение, характер, внешность. Как могла в СССР в 1986 г. выйти такая книга? В предисловии Анисимов рассказал, что в свое время ему объяснили: имя Елизаветы Петровны не может стоять на обложке советской книги по истории, эта тема неприлична для советского историка. И только с большими трудностями, благодаря авторитету, воле и доброте Н. И. Павленко книгу удалось «пробить» под названием «Россия в середине XVIII века» [42, с. 7–8].

Показательной работой является кандидатская диссертация омского исследователя абсолютизма Ю. А. Сорокина «Российский император Павел I». Автор использует в качестве методологической основы не применяемые ранее работы Плеханова [1098, с. 12] и указывает, что изучение общественных отношений феодальной России будет односторонним вне изучения личностей государственных деятелей [1098, с. 12].

В конце 1980-х гг. методологические изменения приобрели необратимый характер. Об этом свидетельствует публикация в «Вопросах истории» портретов монархов династии Романовых, что было невозможно в прежние годы. Очерки о Екатерине II [416], Павле I [1096], Александре I [1167] и Петре III [716] имели ряд черт, развитых впоследствии. Из дискурса исчезли эпитеты «царизм», «феодально-абсолютистский строй», «крепостническое самодержавие», тон был взвешенным. Однако суждение о том, что считавшиеся ранее «плохими» цари теперь стали «хорошими», будет неверным. Речь шла отнюдь не о замалчивании негативных характеристик, а о переосмыслении и снятии стереотипов.

На разрушении исторических мифов построены очерки, посвященные Петру III и Павлу I. Пусть Петр III — «тупой солдафон», «холуй Фридриха II», «ненавистник всего русского», «хронический алкоголик», «ограниченный самодур», «неспособный муж» [716, с. 43]. Однако, придя к власти, Екатерина II стала проводить его программу во внешней и внутренней политике [716, с. 56]. Историк-славист А. С. Мыльников считал, что к трагическому финалу Петра III привели недалекость, неумение создать себе социальную опору, нежелание считаться с объективными условиями и полное невнимание к тому, что в XX в. назовут пиаром [716, с. 54–57]. Практически то же самое стало причиной гибели его сына Павла, которого считали сумасшедшим. Его мероприятия, однако, имели логику. Проблема заключалась лишь в том, что Павел и окружавшие его дворяне по-разному понимали государственную пользу [1097].

В начале 1990-х гг. вышли две работы, символизирующие разницу оценок последнего российского императора. Одним из авторов является доктор исторических наук К. Ф. Шаццло (1924–1998), написавший предисловие к «Дневникам императора Николая II» [1279]. Шаццло подтверждает мнение советской историографии о Николае II и подводит итог: «Путь его в дом купца Ипатьева, где он был расстрелян в 1918 г., им добровольно не выбирался, но он стал неизбежным следствием его бесславного царствования» [1279, с. 5].

Второй автор, Н. А. Боханов (1944–2019), станет историком-монархистом. Вот его мнение о падении империи, высказанное в декабре 1991 г.: «Крушение тысячелетней монархии в 1917 г. в России означало нечто несравненно большее, чем переход от одной формы организации государства и общества к другой. Произошел действительный распад связи времен... Понадобились многие десятилетия немыслимых лишений и жертв, чтобы возникло понимание той

горькой истины, что тогда, в тот трагический период канунов и крушений, победителей не было» [132, с. 98].

Рассмотренное выше позволяет говорить об особой специфичности периода развития концепта абсолютизма во второй половине 1980-х г. Идеологические реалии перестройки не могли радикально изменить советскую историографию, однако было очевидно, что методологические и предметные трансформации имели качественно иной, более глубокий характер, нежели провозглашенное в период «оттепели» новое прочтение марксизма. Причина заключалась в существенных изменениях самого общества, смене поколений профессиональных историков, проникновении, пусть в и опосредованном виде, идей зарубежной историографии. Во второй половине 1980-х гг. советское партийное и научное руководство выбрали, вероятно, оптимальное решение, заключающееся в пересмотре оценок советской историографии и разработке новых проблем при формальном сохранении марксистской парадигмы.

Можно утверждать, что в отношении проблем российской абсолютной монархии историки достаточно успешно решали задачи, о которых шла речь на «круглом столе» в начале 1988 г. Постепенно российское смодержавие и его представители перестали оцениваться исключительно с позиций классового подхода. Ввиду общественной востребованности сюжетов о реформах и модернизации стало по-новому осмысливаться реформаторство «сверху». Изменялся дискурс и внешнее оформление работ, исчезали ссылки на классиков марксизма, эпитеты «царизм», «крепостническое самодержавие», «феодално-крепостнический строй» и т.д.

При формальном сохранении марксистской парадигмы постепенно набирали силу новые в условиях СССР методологические установки. В первую очередь это актуализация идей государственной школы о специфике развития России и ее государственных институтов. В советской историографии стали приобретать более широкую известность идеи западноевропейской и американской славистики, имеющие ряд концептуальных параллелей с государственной школой. Вместе с тем, было очевидно, что новые методологические идеи и восприимчивость к установкам западной историографии постепенно набирают все большую силу, тем более что это встретило интерес и поддержку в научном сообществе [1–А, с. 563–570; 17–А; 37–А].

6.2 Западноевропейский абсолютизм в дискурсе российской советской историографии 1985–1991 гг.

Развернувшаяся в период перестройки трансформация исторической науки затронула и медиевистику, однако данная область изначально была менее идеологизирована. Период перестройки начался для советских медиевистов с переосмысления периодизации. Суть проблемы заключалась в поиске ответа на вопрос: оставить существующую верхнюю границу средневековья на начале Английской революции или сместить ее к рубежу XV–XVI вв.?

М. А. Барг считал, что XVII в. уникален и может маркировать новый период. Это — время расцвета мануфактурного производства и двух победоносных буржуазных революций [93, с. 68, 73]. Исследователь французского абсолютизма В. Н. Малов (1938–2019), напротив, считал более обоснованным смещение периодизации с XVII на XVI в. С одной стороны, XVI столетие было охарактеризовано К. Марксом как начало капиталистической эры [634, с. 83]. С другой — именно в XVI в. прошли Реформация, Крестьянская война и Нидерландская революция. В. Н. Малов поддержал мнение В. И. Рутенбурга о том, что эти события имели рубежное значение для западноевропейской истории [1004]. Точку зрения о начале нового времени в XVI в. разделял и Ю. Е. Ивонин. Во-первых, Реформация — это первая буржуазная революция, с точки зрения Энгельса [365, с. 70–71]. Во-вторых, несмотря на то, что XVI в. еще господствует феодальная формация, уже возникает мировой рынок, характерный для капиталистического производства [365, с. 75].

Первые годы перестройки были отмечены расширением проблемного поля. Так, вышел ряд публикаций об испанском абсолютизме. Было рассмотрено его становление [264], экспроприация крестьянства и роль в этом монархии [263] (Н. П. Денисенко), состав и специфика испанских кортесов, доступ к должностям испанских дворян и горожан [164] (В. А. Ведюшкин), отношения между испанской монархией и духовно-рыцарскими орденами [158] (О. И. Варьяш).

Проблема абсолютизма в германских землях была развита в работах Ю. Е. Иволина, например, возможность установления княжеского абсолютизма в Саксонии XVI в. [366] ввиду усиления княжеской власти по причине отсутствия давления извне. Однако универсалистская модель империи была слишком широка для национального единства Германии, а княжеский абсолютизм — слишком узок [366, с. 84–85]. Германский абсолютизм, по Ивонину, выполняет двоякую функцию — сохранение феодальных институтов и стимулирование экономических и социальных сил, присущих капитализму [354, с. 65].

Наиболее развернутым было изучение французской абсолютной монархии и ее институтов. В 1989 г. в МГУ была защищена кандидатская диссертация С. К. Цатуровой, посвященная Парижскому парламенту [1212] — фундаментальному политическому институту и основному оппоненту королевской власти [1212, с. 1]. Идеологические и правовые аспекты абсолютной монархии разрабатывались И. Я. Эльфонд (1950–2021) [1317].

Особое место среди работ середины 1980-х гг. занимает монография Л. А. Пименовой о дворянстве накануне Французской революции [848], где автор не только переосмысливает установки советской историографии, но и актуализирует суждения российских историков начала XX в. о предреволюционной Франции.

Л. А. Пименовой создается качественно новая для советской историографии версия отношений дворянства и монархии. Так, в советском дискурсе отсутствовала мысль о том, что на исходе Старого порядка недовольство абсолютизмом стало общим для всего дворянского сословия. Советская историография не оперировала категорией «социальная фрустрация», в состоянии которой, по мнению автора, оказались целые группы дворянского класса, переставшие видеть в монархии защитника своих интересов. В равной степени, советскими исследователями не акцентировалось внимание на разнородности дворянской оппозиции [848, с. 64]. Наконец, Л. А. Пименовой фактически был вновь введен в оборот термин «Старый порядок» [848, с. 27].

По сравнению с переосмыслением Французской революции, исследование Английской революции выглядело более скромно. Однако и здесь наблюдалось смещение приоритетов в сторону изучения политико-правовых ее предпосылок, о чем свидетельствуют работы С. В. Кондратьева [501; 503] и А. В. Чудинова [1263]. Книгой, вносящей новации в советскую методологическую основу, стала «Английская революция в портретах ее деятелей» М. А. Барга [91].

В 1989 г. вышла статья директора Института всеобщей истории А. О. Чубарьяна «Опыт мировой истории и идеология обновления» [1262]. Перечисляя востребованные направления, А. О. Чубарьян отметил, что «интересно бы изучить роль бюрократии, стратегию удержания власти», уделить внимание роли личности в истории и «жизни обычного человека, которого стало не видно за трудящимися и народными массами» [1262, с. 12]. Показательной явилась также статья Е. В. Гутновой «Государство в структуре и эволюции феодального общества», где назывались перспективные вопросы изучения западноевропейской абсолютной монархии: соотношение центральной власти и местного управления, новое осмысление социальной политики, многообразие путей централизации, государство, культура, церковь, личностный фактор [243, с. 252–260].

Двухсотлетие Французской революции послужило дополнительным импульсом к тому, чтобы изменения конца 1980-х гг. стали необратимыми.

Например, само за себя говорило название сборника научных публикаций «От Старого порядка (а не феодально-абсолютистского строя — Л. Л.) к революции» [797]. Не случайно Л. А. Пименова ставила вопрос: что же было феодальным во Франции XVIII века? Экономика была многоукладной, государство и общество представляли собой переплетение разнородных элементов [855, с. 94–95]. А. В. Чудинов указывал на некорректность применения понятия «феодально-абсолютистский строй» в трактовке предреволюционной Франции [1266, с. 70–71]. Примечательно, что пересмотр традиционных установок в изучении Французской революции доводился до преподавательской аудитории [120]. Изучение французской монархии накануне 1789 г. сопровождалось переосмыслением работ, созданных по этой теме в дореволюционной России. Речь шла, прежде всего, о научном наследии П. Н. Ардашева, концепция которого возвращалась в историческую науку [590; 7–А; 34–А].

Актуализация термина «Старый порядок» выдвинула на первый план изучение французского абсолютизма в предреволюционную эпоху и выявление его «запаса прочности». Речь шла о позиции дворянства [848; 854; 857], парламентов [104–105], политической борьбе и «кризисе верхов» [103; 580]. При этом создавались работы и на основе марксистской парадигмы [96], однако в целом в научных публикациях применялись новые подходы, а в текстах исчезали ссылки на классиков марксизма и критика западной историографии.

Указанные изменения были присущи концептуально новым работам франковедов Ленинграда и Москвы — Н. Е. Копосова и Е. М. Кожокина.

Рассматривая высшую бюрократию в системе Старого порядка, Н. Е. Копосов связывал ее со способностью абсолютизма к самореформированию, выводя отсюда предпосылки революции. Копосов считал, что абсолютизм не мог самореформироваться — его организация власти была построена не вокруг политической партии, а вокруг бюрократического лобби, на основе родственных и деловых связей [522, с. 51]. На основе изучения политических карьер XVII в. автор пришел к выводу, что, несмотря на социальное происхождение и родственные связи, политические карьеры все же определялись в первую очередь «умственными способностями, деловыми навыками, честолюбием и готовностью исправно вершить волю министров» [523, с. 16–17].

Созданная на основе просопографического метода, книга Копосова о высшей бюрократии во Франции [521] привела автора к ряду выводов. Анализ состава королевского совета в период 1661–1715 гг. [521, с. 4] показал огромное разнообразие социальных групп. В это время развились новые формы богатства, связанные с денежным хозяйством, и власти, воплощенной в государственном аппарате. Экономическая граница между сеньорами и несеньорами и юридическая — между дворянами и недворянами не исчезла, однако обе границы не совпадали. Робены — это, конечно, сеньоры. Но сеньоры — это и

провинциальные буржуа, и финансисты, и придворная знать [521, с. 224]. Отмеченное приводило к выводу о том, что вопрос «чиновничество — это дворянство или буржуазия?» по сути своей лишен смысла [521, с. 225]. В общем же абсолютизм Бурбонов носил до своего конца черты «незавершенности», возможно, из-за незаконченности вычленения высшей бюрократии, его опоры, из среды магистратов верховных судов [521, с. 226–227]. В статье Копосова о провинциальных интендантах формулируется тезис о границах власти короля, что «вносит существенные коррективы в привычную картину французского абсолютизма, который, при ближайшем рассмотрении, даже в пору своего наивысшего расцвета предстает не слишком “абсолютным”» [524, с. 160].

Публикация Копосова «Абсолютная монархия во Франции» [520] может претендовать на роль «концептуального прорыва» в рассмотрении абсолютизма. Справедливо утверждая, что неправомерно переносить государственно-правовые представления XIX – начала XX в. на реалии XVI–XVIII вв., автор разрушал тезис о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее институциональных и доктринальных ограничений [520, с. 42–44].

Понимание абсолютизма как феодального государства, утверждает Копосов, является упрощением — и общество, и государство Старого порядка относились к переходному от феодального к капиталистическому типу. Автор не упоминает концепцию «равновесия», а указывает, что абсолютизм был этапом почти тысячелетнего роста государства, который, в качестве гипотезы, уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности [520, с. 55].

«Абсолютная монархия во Франции» вызвала как отклик заметку Ю. Е. Ивонина под названием «Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме?». Автор был солидарен с Н. Е. Копосовым в том, что в области изучения абсолютизма существует множество нерешенных вопросов [362, с. 177]. Однако, по мнению Ивонина, Копосов несколько прямолинеен в своих выводах. Ю. Е. Ивонин приглашал Н. Е. Копосова к дискуссии, в ходе которой могло бы быть выработано «более емкое, цельное, всестороннее, объективное и научно обоснованное представление об абсолютной монархии во Франции» [362, с. 178].

Е. М. Кожокин рассматривал французский абсолютизм как дворянское государство эпохи позднего феодализма в рамках правового подхода и теории конфликта элит. Говоря о сосредоточении власти в руках короля, Кожокин отмечал, что монарх при этом был обязан уважать основные законы королевства [491, с. 56]. Характеристика Кожокиным французского абсолютизма выражалась лексикой, немислимой в советской историографии: «Королевская власть, эманацией которой... являлось государство, в сознании людей покоилось на трех основах: религиозной, феодальной и римско-правовой... Мистика присутствовала в самом официальном титуле государя — «король Франции», под словом

«Франция» подразумевалась не политическая или географическая реальность, а некая духовная сверхреальность» [490, с. 4].

Значимым симптомом изменений научных установок и предметного поля стало появление работ, посвященных государственным деятелям абсолютной монархии. В 1990 г. вышла политическая биография кардинала Ришелье, созданная московским исследователем внешней политики Франции П. П. Черкасовым [1241] — первая в СССР книга, посвященная едва ли не самому популярному правителю Франции эпохи абсолютизма.

Итогом исследований и переосмысления французской абсолютной монархии стали докторская диссертация [633] и монография [635] В. Н. Малова о Ж.-Б. Кольбере. С одной стороны, автор основывает свою трактовку французского абсолютизма на марксистской методологии, с другой — написание биографии Жана-Батиста Кольбера, как представителя правящей элиты абсолютистской монархии, было бы весьма проблематичным в «доперестроечных» условиях.

При анализе деятельности Кольбера автор исходит из «понимания социальной природы классического абсолютизма как исторически сложившейся системы динамического равновесия сил между поднимающейся буржуазией и приходящим в упадок классом феодалов» [633, с. 2–3].

В. Н. Малов предложил периодизацию абсолютизма, в котором выделяются три этапа: 1) судебная монархия (XV – середина XVI в.); 2) судебно-административная монархия (середина XVI в. – 1630-е гг.); 3) административно-судебная монархия (1630-е гг. – 1789 г.). Периодизация демонстрировала постепенный перенос центра тяжести управления с судебно-коллегиальной на административно-бюрократическую систему. Однако данный процесс не был завершен — судебный аппарат, не переставая обслуживать определенные интересы короны, постоянно оказывается в оппозиции к политике административного нажима [633, с. 15–16].

Малов указывает на особый статус французских должностных лиц и предлагает для их обозначения специальный термин — «оффисье»: «Это были не чиновники, а собственники должностей... Оффисье во многих отношениях были антиподами чиновников. Помимо гарантированного обладания должностями, отметим такие отличия, как коллегиальная солидарность вместо индивидуальной ответственности, забота об охране законности вместо беспрекословного подчинения воле патрона, отсутствие регламентированного выслугой лет повышения по службе (для восхождения по судебно-административной лестнице надо было купить более высокую должность), отсутствие канцелярско-бюрократической дисциплины» [635, с. 11–12].

Основным противоречием внутренней политики абсолютизма, указывает В. Н. Малов, был конфликт между охраной им как дворянским государством освященных обычаем социальных привилегий, традиционной системы

ценностей — и объективной необходимостью расшатывать то и другое в интересах модернизации общества. Деятельность Ж.-Б. Кольбера в целом представляла прогрессивную сторону этого основного противоречия [633, с. 32].

Отмечая открытость советской медиевистики западным представлениям об абсолютизме, нужно отметить быстрое сближение их позиций. В 1990 г. вышел англоязычный сборник, объединивший историков разных стран «Абсолютизм в Европе XVII века» [1338]. Идея о том, что между представлениями о монархической власти и ее реальной практикой существовала целая пропасть, является одной из центральных в книге. Этот тезис доказывают сюжеты о невозможности реального контроля монархов над разнообразными территориями с особыми правовыми системами, о «бессмертности» средневековых институтов и корпораций и т.д. [1338, р. 2–3]. Авторы книги воздерживаются от точных дефиниций абсолютизма. Так, Дж. Миллер констатирует, что термин «абсолютизм» применяется некритично и даже уничижительно. В частности, в Англии под абсолютизмом подразумевали, прежде всего, деспотическое правление континентальных монархов [1338 р. 1–2]. Централизация страны и милитаризация политики давали основания для характеристики данного государства как «фискально-военного» [1338, р. 5–6].

Британский историк немецкого происхождения Г. Кёнигсбергер (1918–2014) в книге «Европа раннего Нового времени, (1500–1789)» связывает генезис абсолютизма с появлением в XV в. так называемых «новых монархий», в которых «центр силы» был смещен от высшей аристократии к королю. Причинами этого явления Кёнигсбергер считает, с одной стороны, разложение старинных феодальных отношений между сюзеренами и вассалами, с другой — распространение кредитно-денежных структур, позволивших монархам значительно укрепить свою власть [453, с. 44–45].

Таким образом, в осмыслении концепта западноевропейского абсолютизма советскими историками во второй половине 1980-х гг. очевидны черты методологического перехода. С одной стороны, формально сохранялась концепция «равновесия», которую возможно было в разной степени модифицировать. С другой — советские историки восприняли теоретические инновации западноевропейской историографии. При этом новые концептуальные установки могли использоваться как самостоятельно, так и в сочетании с элементами марксистской методологии. Дискурсивная трансформация концепта западноевропейского абсолютизма демонстрировала существенные изменения — от лексики работ до исчезновения в них ссылок на классиков марксизма [1–А, с. 570–591; 18–А; 36–А; 37–А; 39–А].

Подводя итог развитию концепта абсолютизма во второй половине 1980-х — 1991 гг., можно заметить два этапа данного процесса. В 1985–1988 гг. началось

проникновение новых идей, причем они дополняли марксистскую парадигму. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. концептуальные трансформации приобрели необратимый характер применительно и к западноевропейскому абсолютизму, и к российскому самодержавию. В обоих случаях произошло восприятие идей и подходов зарубежной историографии (теории конфликта элит, использование просопографического метода, метода социальной стратификации и других) и пересмотр установок советской историографии.

В проблемном поле западноевропейского, в первую очередь французского абсолютизма появились новые сюжеты — политические институты, бюрократия, дворянство, предреволюционное состояние монархии, персоналии. В изучении российского самодержавия было акцентировано цивилизационное своеобразие России как условие существования российского абсолютизма, обращено особое внимание на реформы «сверху» и начался выход политических портретов монархов династии Романовых и их окружения отдельными публикациями.

Абсолютная монархия, как западноевропейская, так и российская, переставала восприниматься как «неизбежное зло» и предпосылка буржуазных революций. Исчезали такие ее эпитеты, как «феодально-крепостнический строй», «крепостническое самодержавие», «феодально-абсолютистский строй», «царизм» и подобные им.

Отмеченные выше процессы начали более интенсивно развиваться в проблемном поле российского абсолютизма, однако к концу рассматриваемого периода глубина методологических изменений в изучении российской и всеобщей истории нивелировалась. В трактовках западноевропейского абсолютизма это проявилось в пересмотре представлений о границах власти монарха, состоянии монархии в предреволюционной Франции, актуализации термина «Старый порядок» и других аспектах рассмотрения абсолютной монархии.

В целом период середины 1980-х–1991 г. демонстрирует, при формальном сохранении марксистской парадигмы и концепции «равновесия», различную меру сочетания подходов советской и западной историографии в научном осмыслении феномена абсолютизма. Более того, изменения периода перестройки, ввиду активного восприятия их большинством советских историков и при отсутствии сильного идеологического давления, не только подготовили трансформации, развернувшиеся после 1991 г., но и обусловили их быстрый характер [1–А, с. 590–591; 37–А; 39–А].

ГЛАВА 7

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА АБСОЛЮТИЗМА В УСЛОВИЯХ ПОНЯТИЙНОГО КРИЗИСА И ПОЛИВАРИАНТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

7.1 Изучение проблем государства в контексте системной трансформации русской постсоветской историографии

Развернувшиеся после 1991 г. изменения в русской историографии принципиально отличались от имевших место в предшествующие десятилетия. Произошел распад Советского Союза и упразднение его идеологии, что повлекло радикальные изменения в исторической науке. В свою очередь, получившие развитие со второй половины 1980-х гг. теоретические инновации и принятие их научным сообществом стали причиной поразительной быстроты, с которой произошла смена ориентиров в историографии.

Условия функционирования исторической науки изменились. В связи с экономическим кризисом снизились государственные расходы на нее, упал престиж научной работы, из-за нехватки средств происходили кадровые сокращения и затруднялся выход публикаций. Негативное влияние на научную деятельность оказывала ее коммерциализация, в то время как нишу исторической литературы захватывали писатели и публицисты. Формационная модель официально не отменялась, но из нее исчезали такие понятия, как «классовая борьба», «производительные силы», «производственные отношения», заменяемые на «социальную борьбу», «экономическое развитие», «социальную структуру». При этом формационный подход дополнялся цивилизационным, давая концептуальный и сюжетный простор и смягчая методологическую ломку.

С другой стороны, несмотря на сложности с финансированием, у историков появилась возможность свободного выезда за рубеж. Расширился международный обмен и области научных и учебных стажировок. Российская историография вошла в мировое пространство исторической науки, осваивая его терминологию, методологию и приемы исследования. Реалии информационного общества вызвали резкое увеличение научного материала, возросла скорость и объем распространения информации. Однако качество научной продукции было весьма неоднородным. Руководитель Центра интеграции академической и вузовской науки и Центра истории исторических знаний ИВИ РАН М. С. Бобкова отмечала: «Я могу сказать, что диву даёшься мелкотемью, на котором защищаются степени...

У меня лично вызывают недоумение ставшие теперь уже нормой ранние защиты юных докторов наук... Трудно поверить, что человек через 2–3 года после защиты кандидатской диссертации может выступить как зачинатель нового *направления*, новой *тенденции* в науке (а именно так следовало бы оценивать докторские работы» [1203, с. 472–473].

Некогда единая советская историческая наука распалась. В России и республиках бывшего СССР развернулись поиски национальной идентичности, начавшиеся еще во второй половине 1980-х гг. Становление национальных исторических школ, в которых выделялись радикальные, умеренные и консервативные течения, зачастую сопровождалось жесткой общественно-политической полемикой.

Под влиянием подходов культурной антропологии качественно изменилась историографическая парадигма. Развитие исторической науки предстало в неразрывной связи с социокультурным контекстом, системой отношений и коммуникацией в научном сообществе, условиями работы историка, его личностью и образом жизни, появился термин «образ исторической науки», что отразилось в монографиях А. М. Дубровского [297], С. В. и Т. Н. Кондратьевых [508], В. П. Корзун [529], Л. П. Репиной [976], П. Ю. Уварова [1151], И. Р. Чикаловой [1255], А. В. Чудинова [1264] и других исследователей, а также придало новое качество мемуарам и биографиям.

На смену революционным ценностям советской эпохи пришли традиционалистские устремления постсоветского общества. В поисках национальной и социальной идентичности стало популярным составлять родословные, возрождать традиции дворянства, офицерства, казачества и т.д.

Монархия, как социокультурный феномен, персонифицированная власть, воплощение дореволюционного прошлого привлекла к себе самое пристальное внимание. На волне ценностной ломки, идейного размежевания, поиска идентичности история самодержавия притягивала к себе огромную аудиторию. Монархия как форма правления [1052], монархизм и неомонархизм [239; 497], сакрализация власти в общественном сознании [340; 828; 1011], специфика российского самодержавия [83] становились объектами научного осмысления [35–А, 38–А].

В 1998 г. был опубликован сборник научных статей, посвященный знаменательной в новых условиях дате — 450-летию учреждения царства в России (1547–1997) [999]. В 2001 г. вышла коллективная монография «Европейские монархии в прошлом и настоящем. XVIII–XX века», подготовленная по итогам одноименной конференции, прошедшей в 1998 г. [306].

Центральное место в исследованиях заняла государственная власть как самоценный феномен. Отсюда — радикальное изменение проблемного поля ее изучения. Это социальный состав правящей элиты, психология власти, ее

технологии, средства презентации, символика, механизм принятия решений, личность монарха, роль двора и многое другое, что в равной степени интересовало как исследователей российского, так и западноевропейского абсолютизма. В изучении западноевропейской государственности было признано перспективным рассмотрение государственно-политической истории в рамках структурного анализа. В последнем выделялись три аспекта: 1 — государственная и политическая история в контексте такой структуры, как формация или феодальная система; 2 — самостоятельные структуры в политической истории; 3 — государственные и политические структуры в соотношении с микроструктурами семьи, общины, корпорации [1195, с. 6].

В 1992 г. в рамках Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени была создана группа «Власть и общество» под руководством доктора исторических наук, профессора Н. А. Хачатурян (1931–2020) [1194, с. 7]. Этот научный коллектив на базе кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ состоял из ученых Санкт-Петербургского, Московского, Саратовского, Ставропольского университетов, а также научных сотрудников РАН и музеев Москвы и Санкт-Петербурга [1199, с. 11]. Центром внимания ученых стал человек, а общество оценивалось не только в категориях социальной борьбы, но и сотрудничества и широких связей государства с различными социальными группами [1194, с. 8–9].

На протяжении первых постсоветских лет оформились такие направления исследований, как психоистория, гендерная история, история повседневности, история элит, микроистория, интеллектуальная история, получили развитие антропологический и лингвистический повороты. Возник вопрос сочетаемости «надындивидуального» и уникального, повлекший за собой понятийную и терминологическую ревизию и историческую деконструкцию. Все это означало приход в российскую историографию идей постмодерна [110]. История распалась «на кусочки». Казалось бы, позднее рассуждал Н. Е. Копосов, коль скоро вселенная неисчерпаема, более мелкий объект познания не менее сложен, чем крупный. Но на практике это оказалось не так — «микроисторику редко удается сконструировать объект познания, сопоставимый как по важности, так и по сложности с объектом макроистории... в профессиональном смысле распад истории обернулся застоєм — пусть даже “лингвистический поворот” приучил историков лучше читать тексты» [525, с. 5–6].

Происходящие в исторической науке процессы, разумеется, уже не контролировались идеологами и академическим руководством в той мере, как это было в СССР. Однако официальная реакция и поиск решений должны были последовать. 24 ноября 1992 г. состоялось заседание президиума Российской академии наук. Обсуждался вопрос «О состоянии и перспективах фундаментальных исследований в области общественных наук» [758]. С докладом

выступил академик-секретарь Отделения истории РАН, один из крупнейших советских методологов и источниковедов И. Д. Ковальченко (1923–1995). Докладчик констатировал кризисное состояние российской историографии. Его причиной было названо продолжительное развитие исторической науки под сильнейшим идеологическим и политическим прессом. Вместе с тем, Ковальченко не считал кризис целиком негативным процессом. Научный потенциал у российских ученых есть, утверждал он [758, с. 51].

В первом номере «Новой и новейшей истории» за 1995 г. была опубликована статья И. Д. Ковальченко «Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах» [484]. Автор предложил руководствоваться следующими принципами. Во-первых, следует «напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания... Во-вторых, следует учитывать, что любая научная теория, т.е. теория, основанная на анализе и обобщении исторической действительности... содержит то или иное рациональное зерно и тем самым вносит научный вклад в развитие общественно-научной мысли... В-третьих, любая философско-историческая теория позволяет выработать ту или иную концепцию исторического развития, которая всегда исторически в большей или меньшей степени ограничена... Наконец, в-четвертых, любой социологической теории... присущи определенные ошибки и просчеты» [484, с. 4–5]. Необходим «синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно проявляется в отношении к марксизму) и замена их другими (чаще всего субъективно-идеалистическими)» [484, с. 5]. В Отделении истории РАН это было принято как руководство к действию: «И. Д. Ковальченко исходит из признания исторической науки мультипарадигматической дисциплиной» [62, л. 1], и «надо исходить из того... что любой методологический принцип и конкретный метод для чего-нибудь да хорош» [63, л. 2].

Сложившаяся ситуация стала результатом того, о чем А. Я. Гуревич писал еще в 1991 г.: «Немало трудов было затрачено на огульное поношение “реакционной буржуазной историографии периода общего кризиса капитализма”» [234, с. 22], но что знает о современной зарубежной историографии не только интересующийся историей интеллигент, но и профессиональный историк? В исторической науке России, справедливо указывал Гуревич, образовался огромный и трудновосполнимый пробел в методологии и гносеологии исторического исследования [234, с. 22].

Наблюдавшаяся в конце 1980-х гг. ситуация относительного комфорта, когда можно было, отталкиваясь от марксистской методологии, включать в нее любые, нужные автору, подходы, закончилась. Марксистский стержень исторической науки разрушился при распаде СССР, и исчезла точка опоры для гуманитарного

знания. Так, доктор философских наук, профессор В. Г. Федотова во время «круглого стола» в 1995 г. указывала на важность для историков поиска «твердой почвы» под ногами. Однако в качестве таковых не рассматривались многочисленные и скороспелые, с точки зрения докладчика, концепции [1184].

В 1990-х гг. на фоне политизации общества выявились различные идейные течения в исторической науке. Консерваторами называли тех, кто в той или иной мере придерживался марксистских установок. Радикалы в политике, публицистике и науке, указывал А. Н. Сахаров, расчистили завалы сталинизма. После этого «шестидесятники»... верные своим либерально-коммунистическим воззрениям... властно вступили на научный подиум, безапелляционно оттесняя оттуда как консерваторов-сталинистов, так и сторонников радикально-антикоммунистических воззрений» [1034, с. 4–5]. В вышедшей в 2012 г. статье, посвященной российскому историческому сообществу, доктор философских наук А. Н. Медушевский указывает на существование в нем национально-патриотического и либерально-демократического направлений [663, с. 205].

Проследившая развитие российской историографии последних десятилетий, можно указать на два ее периода. Первый продолжался с начала 1990-х до начала 2000-х гг. Для него характерно разнообразие подходов, дробление тематики, уход от теоретических проблем, дискуссионность. С 2000-х гг., при отсутствии единой методологии и огромном сюжетном разнообразии, стал проявляться интерес к поиску системности исторического знания, что выразилось в издании шеститомной «Всемирной истории» на протяжении 2011–2018 гг. Ведущей интенцией издания стала взаимосвязь исторического процесса, при этом авторы в полной мере отдали должное «антропологическому повороту». С другой стороны, содержание таких понятий, как «феодализм», «абсолютизм», «революция» рассредоточено, и дефиниции предложено формулировать читателю.

Междисциплинарность и плюрализм делают весьма уместной характеристику современной историографии, данную выдающимся методологом Б. Г. Могильницким (1929–2014): «Вступая в новое столетие, окинем мысленным взором современное состояние исторической науки. Оно представляется бурным потоком, дробящимся на многочисленные русла, подчас далеко уходящие от своего фарватера; и чем пристальнее мы вглядываемся в этот поток, тем хаотичнее и непредсказуемее кажется его движение... Важно, однако, не упустить за ними глубинную тенденцию... В самом общем виде ее можно определить как прогрессирующее утверждение «новой истории», фокусирующейся вокруг человека, живущего в определенном социальном континууме» [696, с. 522].

Таким образом, после распада Советского Союза и утраты позиций марксистской парадигмы исторического познания в российской историографии начался период масштабной перестройки, ревизии и поиска путей выхода из создавшегося методологического кризиса. В 1990-х гг. в условиях переходного

периода происходила методологическая трансформация российской историографии, рецепция установок зарубежной науки и их совмещения с российской научной традицией. Нужно отметить, что, несмотря на присутствие идей постмодерна, «конца истории» не произошло. Методологическую ломку смягчил цивилизационный подход, предоставивший возможность широкой интерпретации, увеличения проблемного поля и применения новых методов. В 2000-х гг. установилось положение известной концептуальной и предметной стабильности при господстве плюралистической методологии и практически неограниченном предметном поле. Все указанные обстоятельства самым непосредственным образом повлияли на развитие концепта абсолютизма, значительно изменив его методологическую, предметную, мотивационную и ценностную составляющие. Кроме того, проблематика абсолютизма вышла далеко за пределы столичных вузов и научных коллективов и стала разрабатываться в целом ряде региональных научных центров России.

В рассматриваемый период в постсоветском обществе изменилась ценностная ориентация — на смену классовому подходу и революционным ценностям пришел традиционализм, приоритет общечеловеческих ценностей и индивидуальности. Соответственно, в историографии произошла ценностная переориентация в отношении абсолютизма как предмета изучения. Как западноевропейский абсолютизм, так и российское самодержавие стали самоценными явлениями для изучения в неисчерпаемом проблемном поле исследования власти как исторического и социокультурного феномена. Для этой цели реализовались как традиционные подходы институциональной истории, так и многочисленные подходы культурной антропологии — истории повседневности, психоистории, гендерной истории, микроистории, потестарной имагологии и других [1–А, с. 592–606].

7.2 Абсолютные монархии Запада в работах современных российских историков

Ввиду специфики исследовательского поля, медиевистика была менее идеологизированной, чем другие области исторической науки. С своей стороны, она быстрее воспринимала концепции и методы западной историографии. Соответственно, и споры российских медиевистов носили в большей степени методологический, нежели идеологический характер. Происходило переосмысление социальных функций исторической науки, адекватности

исторической интерпретации, применения терминов, соотносимости исследовательских парадигм и других аспектов исторического знания [270].

Одной из давних проблем медиевистики было выявление верхней границы Средневековья. Споры о том, какие процессы являлись рубежными для определения наступающей эпохи уже как Нового времени, не раз возникали в советской историографии. В 1992 г. было проведено два «круглых стола», где обсуждались верхние границы Средневековья и целесообразность применения термина «раннее Новое время». Эти мероприятия прошли 4 сентября в Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени и 28 сентября в Институте всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН) [1203, с. 113]. «Собственно говоря, — позднее отмечал П. Ю. Уваров, — "дискуссиями" их назвать трудно, потому что аргументов "за" было в избытке, а аргументов "против" не приводилось. Однако при желании их можно было бы найти немало» [1153, с. 109]. По большому же счету, суть проблемы периодизации и терминологии Уваров выразил следующей максимой: «Все термины, используемые для общеупотребительной периодизации, небезупречны, уязвимы для критики и случайны по своему происхождению» [1153, с. 109].

Рассмотрение концепта абсолютизма после 1991 г. целесообразно начать с «большого нарратива» 1990-х гг. — «Истории Европы», где проблематика абсолютизма рассматривается в третьем [387], четвертом [388] пятом [389] томах.

Характеристика абсолютизма, представленная в третьем томе, указывает на влияние советской традиции: «В советской историографии утвердилась точка зрения, согласно которой переход от сословно-представительных монархий к монархиям абсолютистского типа связывается с выходом на историческую арену новых социальных сил в лице формирующейся буржуазии, создающей определенный противовес феодальному дворянству» [387, с. 160.] Нижней границей абсолютизма указан рубеж XV–XVI вв., при этом отмечается выделение периода «раннего абсолютизма» XVI – первой половины XVII в. Затем раскрываются специфические особенности абсолютизма в странах и регионах, следуя в целом созданному в советский период нарративу [387, с. 161–162].

В четвертом томе глава о европейском абсолютизме написана В. Н. Маловым. На первое место в генезисе абсолютизма Малов выдвигает военный фактор — многочисленные войны способствовали стремлению монархов все меньше испрашивать средства на военные расходы у сословий, что в конечном итоге усиливало монархическую власть. В определении социальной сути абсолютизма очевидна модификация идеи «равновесия»: «В широком социальном плане рост буржуазии, еще нуждавшейся в опеке со стороны национальной монархии, составлял важнейший, хоть и не единственный, фактор складывания и развития абсолютизма. Но и функция монархии как охранительницы феодализма повсюду оставалась действенной, тем более что монархия имела дело с буржуа,

которые в массе своей даже не противопоставляли себя старому строю, но, напротив, сами мечтали вклиниться в феодальную систему и приобщиться к феодальным привилегиям» [388, с. 138–139].

В пятом томе «Истории Европы» влияние советских методологических установок оказалось минимальным. В активное употребление вошел термин «Старый порядок», признаками которого «являлись абсолютизм, сословные привилегии и разнообразные “пережитки” средневековья в виде сеньориальных прав и цехового строя городского ремесла и торговли, сохранившиеся на фоне новых форм общественной жизни, свойственных раннему капитализму» [389, с. 15]. Предпосылки Французской революции связывались с провалом попыток реформ из-за противодействия придворной знати и дворянской оппозиции. Дворянская же реакция противодействовала «возвышению буржуазии и освобождению крестьянского хозяйства от пут сеньориального строя» [389, с. 59].

Последнее выглядело несколько упрощенно ввиду переосмысления Французской революции, которое оформилось как «новая русская школа». А. В. Чудинов, один из основателей этого направления, указывал, что «это направление появилось во Всемирной паутине на рубеже нынешнего и прошлого веков. Во всяком случае, автор опубликованной в «Книжном обозрении» весной 2001 г. рецензии на первый номер возобновленного «Французского ежегодника» использовал словосочетание «новая русская школа», ссылаясь именно на «интернетских эрудитов» [1268, с. 523–524].

В 1998 г. вышла публикация А. В. Чудинова «Прощание с эпохой», где был перечислен целый ряд тезисов советской историографии, не выдержавших проверки фактами. Среди таковых — определение социально-политической системы предреволюционной Франции как «феодально-абсолютистского строя» и утверждение о неограниченной власти французского короля [1269, с. 157–158]. В статье «Смена вех: 200-летие Революции и российская историография» [1270] Чудиновым был подведен итог постсоветского десятилетия в осмыслении Французской революции, а впоследствии — созданы работы, демонстрирующие новое видение революции, в частности, дореволюционной монархии [1271–1272].

Тезис, о том, что теоретически абсолютная власть монарха не была таковой на практике, уже не был новинкой и вошел в учебную литературу [964, с. 82–83]. Абсолютизм, кроме того, оценивался в русле идеи модерного государства, как этап эволюции государственных структур от традиционных, сословно-корпоративных к современным, государственно-гражданским [964, с. 80].

Таким образом, в 1990-х гг. концепт западноевропейского абсолютизма представлял собой многоуровневую конструкцию. В различном соотношении она включала установки дореволюционной новистики, элементы марксистской теории, цивилизационный подход, историю элит, теорию модерного государства, и, наконец, культурную антропологию с неисчерпаемым проблемным полем [40–А].

В 1992 г. вышел сборник «Власть и политическая культура в средневековой Европе». Статья Н. А. Хачатурян, имевшая вводный характер, раскрывала динамику соотношения авторитарного и коллективного принципов управления. В XIV–XV вв. появились идеи о различии между личностью короля и королевским достоинством, и «если корона как результат общей воли не могла быть ничем ограничена», то «король как пользователь ее должен был подчиняться закону» [1193, с. 20]. Абсолютизм рассматривался как перевес авторитарной тенденции, постепенно свернувшей сословно-представительские ассамблеи [1193, с. 22].

В мае 1992 г. была проведена конференция, посвященная 90-летию со дня рождения А. Д. Люблинской. Значительная часть представленных на конференцию материалов была посвящена истории европейского дворянства. Это доклады о дворянстве Франции (Ю. П. Малинин), Северной Италии (Е. В. Бернадская), Испании (В. Л. Ведюшкин), Португалии (А. П. Черных), Германии (Т. Н. Таценко), Англии (М. В. Винокурова) [730, л. 17].

25 мая 1993 г. по инициативе группы «Власть и общество» состоялся круглый стол «Харизма королевской власти: миф и реальность». «Проблема монархии и монарха фокусирует на себе все нити политической и социальной жизни средневекового общества», — эта фраза из доклада Н.А. Хачатурян [1197, с. 144] стала лейтмотивом обсуждения, в котором были представлены, в частности, сакральность [237; 279], психология [425], идеология власти [1318].

Наибольшее внимание исследователей в 1990-х гг. привлекала тройка стран — Англия, Франция и Германия. Английская правовая мысль, политические элиты, система управления в предреволюционную эпоху получили рассмотрение в работах С. В. Кондратьева (Тюмень) [500; 502; 504]. Отношения монархии Стюартов и купечества были отражены в публикациях Г. Н. Питулько (Санкт-Петербург) [868–869], монархия и двор первых Тюдоров рассматривались И. В. Казаковым (Самара) [412–413]. Презентация власти в елизаветинской Англии средствами печати и организацией королевских визитов анализировалась М. К. Поповой (Воронеж) [912] и О. В. Дмитриевой (Москва) [277]. А. Ю. Серегина (Москва) разрабатывала проблемы общественной мысли и статуса католиков в елизаветинской Англии [1053]. Новым направлением стало изучение английской аристократии и двора петербургскими историками С. Е. Федоровым [1169; 1172], В. С. Ковиным [485–486] и Е. И. Эциной [1329].

Традиционным сюжетом исследований были политико-правовые доктрины и идеология абсолютизма. Так, идеи Ж. Бодена о суверенитете и границах монархической власти были охарактеризованы И. Я. Эльфонд (Саратов) [1319], политические идеи Сюлли — Т. Н. Токаревой (Москва) [1128]. Л. А. Пименова (Москва) проанализировала идеологические основы французской монархии и их трансформацию в конце Старого порядка [850].

Расширение проблемного поля французского абсолютизма демонстрируют работы С. Л. Плешковой (1936–2007) (Москва) о церковной политике монархии и статусе галликанской церкви, подчиненной королю. Автор указывает, что право вмешиваться в дела духовенства и обеспечивать финансовые интересы за счет галликанской церкви оставляли монархию равнодушной к реформационным идеям [881–882]. В контексте истории религиозных войн написаны статья Плешковой о Варфоломеевской ночи [879], книга о Екатерине Медичи [877] и исторический портрет Генриха IV [876].

Санкт-петербургский исследователь Франции XVI–XVII вв. В. В. Шишкин рассматривал различные аспекты функционирования двора последних Валуа и первых Бурбонов [1288; 1292].

Время расцвета французского абсолютизма нашло отражение в публикациях В. Н. Малова о прерогативах и месте в системе абсолютизма сословных представительств и парламентов [638], а также написанном в блестящем литературном стиле очерке о Людовике XIV, не только дополняющем известные факты, но и развеивающем ряд стереотипов [636].

Исторические портреты французских монархов, создаваемые историками во второй половине 1990-х г., подчинялись принципу: король неотделим от своей деятельности и контекста эпохи. Этим характеристикам в полной мере соответствуют созданные С. Ф. Блуменау (Брянск) и Л. А. Пименовой портреты Людовика XV [119] и Людовика XVI [852], а также образы Екатерины II и Людовика XVI, сопоставленные П. П. Черкасовым [1242–1243].

В разработке проблем германского регионального абсолютизма ведущие позиции принадлежали Ю. Е. Ивонину (Смоленск). Ивонин отмечал, что княжеский абсолютизм традиционно оценивался как препятствие к объединению страны и тормозящая сила ее развития [367]. Однако, ввиду новых идей в германской историографии, происходит смещение акцентов «в пользу рассмотрения княжеского абсолютизма не как какого-то зла или случайного элемента германской истории, а как закономерного момента в истории развития германской государственности» [367, с. 144–145].

Практика формирования «регионального государственного суверенитета» анализировалась в публикациях А. Ю. Прокопьева (Санкт-Петербург). В частности, речь идет об архиепископстве Магдебург [949] и Саксонском курфюршестве [948]. В первом случае автор делает вывод о том, что накануне и в ходе Реформации традиционные, персональные вассально-ленные отношения были живучи и связывали «чины, княжескую власть и имперский престол в единое целое» [949, с. 21–22]. Однако реалии Тридцатилетней войны и конфессионализации приводили к иным коллизиям в реальной политике, что А. Ю. Прокопьев продемонстрировал на примере деятельности саксонского курфюрста Иоганна Георга I [948, с. 96].

К началу 2000-х гг. практически исчез разрыв между российскими и западноевропейскими учеными в понимании абсолютизма. В 2003 г. вышел перевод книги британского историка Н. Хеншелла (1944–2015) «Миф абсолютизма», изданной на английском языке в 1992 г. Хеншелл указывает, что термин «абсолютизм» стал применяться во время политической борьбы в Испании 1820-х гг. Тогда «абсолютизмом» называли консервативный режим, отвергающий парламент и конституцию. Однако этот стереотип прижился и был спроецирован на *ancien régime* [1200, с. 236–237]. То, что впоследствии стало называться «абсолютизмом», на самом деле было такой формой монархии, в которой одновременно присутствовали власть, абсолютная в сфере осуществления королевских прерогатив и власть, ограниченная соблюдением прав подданных [1200, с. 144–145; 147]. «Абсолютный» же и «конституционный» — это, по мнению Хеншелла, термины XIX в., не создававшие ничего, кроме путаницы [1200, с. 167]. Аргументируя необходимость отмены термина «абсолютизм», но не предлагая аналогов, Хеншелл исходил из того, что с «абсолютизмом» связываются следующие некорректные утверждения. Во-первых, «абсолютизм» деспотичен. При нем ущемляются права и привилегии подданных. Во-вторых, «абсолютизм» автократичен. Государи отодвигают на второй план сословные представительства и корпоративные организации. В-третьих, «абсолютизм» бюрократичен — абсолютные правители отделяют себя от общества. В-четвертых, «абсолютизм» не связан с Англией [1200, с. 8].

Оценивая значение книги Хеншелла, нужно отметить, что высказанные им четыре аргумента в пользу отмены термина «абсолютизм» по сути верны, и на протяжении последних десятилетий российские ученые внесли в описание абсолютизма соответствующие коррективы. Тем не менее, и в этом отличие, в первую очередь, от британских трактовок абсолютизма, сам термин «абсолютизм» сохраняет устойчивость в российской историографии, так же, как и во французской. К началу 2000-х гг. книга Хеншелла утратила свою «революционность»: российские историки не только существенно трансформировали концепт абсолютизма, но и словосочетание «феодально-абсолютистский строй» исчезло из употребления.

В 2002 г. вышла на русском языке работа немецкого и британского социолога Н. Элиаса (1897–1990) «Придворное общество» [1315], популярная в России ввиду антропологического подхода и предложенной в ней модели двора как аналога иерархического абсолютистского общества.

Мысли, высказанные в книге Р. Шартье [1276], представителя четвертого поколения «Анналов», разделялись российскими историками. Антропологический подход, акцентирование внимания на том, что общие ракурсы часто искажают реальную картину — вот аргументы в пользу высокой оценки книги Шартье «Культурные истоки Французской революции» [121, с. 155–161].

Особое место в практике власти занимает ее «артикуляция» — конструирование и доведение до общества ее смыслов через коллективные представления, традиции, символику, церемонии, что демонстрируют работы известных французских исследователей Р. Десимона и Ф. Козандей [266; 492]. Ф. Козандей, кроме того, уделяет значительное место изучению иерархии статусов и положения женщины в монархии Старого порядка [1343–1344; 1346].

Нужно ли отказываться от концепта абсолютизма? Не стоит ли переосмыслить и попытаться понять политическую систему, логика которой скрыта произошедшей революцией? В этом — проблематика исследования Ф. Козандей и Р. Десимона «Абсолютизм во Франции. История и историография» [1345]. В беседе об этой книге с Р. Шартье авторы подчеркивали, что необходимо различать абсолютизм как идею и абсолютизм как практику. Абсолютизм — это монархия, связанная узами закона, и в силу этого отличная от деспотизма. Важнейшими чертами абсолютизма были, во-первых, укрепление власти и административного аппарата, и, во-вторых, сотрудничество и консультация с сословиями. Таким образом, при абсолютизме власть не была ни абсолютной, ни конституционной [1368]. Эта особенность французской монархии может выражаться формулой «мощь государства, контроль общества», вынесенной в заглавие книги французского исследователя Л. Бели [1340].

Историками Запада проблема соотношения «силы монархии» и «контроля общества», тем не менее, решается по-разному. Ее суть выразил американский историк У. Бэк (1941–2017). То, что король обладал абсолютной властью, т.е. не контролируемой никаким конституционным органом, споров почти не вызывало. Однако власть монарха ограничивалась религией, совестью и фундаментальными законами. Как это воплощалось на практике? Король сотрудничал или управлял?

Традиционно, еще от А. де Токвиля, как отмечает У. Бэк, признавалась авторитарность королевской власти, подчинившей сословия. Однако «поколение назад» сформировалась новая парадигма. Она перешла от восприятия монарха централизующего и модернизирующего к монарху, сотрудничающему и поддерживающему традиционное общество. Эта установка была характерна для британской историографии, причем Н. Хеншелл довел ее до максимума. Французские же исследователи придерживались традиционных оценок [1339, р. 195]. Сам Бэк разделял идею сотрудничества, положительно отзываясь о книге Ф. Козандей и Р. Десимона, очевидно, учитывающих эту трактовку [1339, р. 196].

Точка зрения о социальном сотрудничестве в политике монархии, однако, стала оцениваться как ревизионистская, существующая лишь потому, что историки «перестали искать доказательства противоположного». Это мнение принадлежит американскому историку Дж. Херту, исследование которого демонстрирует преобладание авторитарной тенденции в практике монархии [1353]. Собственно, этот факт и побудил У. Бэка создать полемический обзор историографии,

иллюстрирующий оба подхода. Среди множества примеров Бэк указывает на уравновешенную трактовку П. Кэмпбелла, предложившего рассматривать сложившуюся к середине XVIII в. политическую систему как переплетенную с обществом, желающую над ним подняться и вынужденную идти на компромисс [1339, р. 211]. Сам Кэмпбелл назвал эту систему «государством барокко». Жесткие структуры этого государства, созданные под стиль правления Людовика XIV, так и не смогли трансформироваться до 1780-х гг. [1342, р. 7–8].

Баланс социального сотрудничества и авторитаризма в политике абсолютной монархии постоянно переосмысливается, что показывают работы французской исследовательницы Старого порядка А. Жуанна. Например, во «Франции XVI века» [1354] Жуанна указывает, что «наихристианнейшие короли» обладали величием и «почти жреческим» статусом [1354, р. 39]. Монархия XVI в., постоянно усиливающаяся, характеризуется автором как «смешанная» [1354, р. 246]. Однако при этом «еще нельзя говорить ни об абсолютной монархии, ни об абсолютизме... ни даже о прото-абсолютизме... монархия продолжала быть консультативной» [1354, р. 139]. Королевскую же власть XVII в., природа которой описана в «Абсолютном государе», А. Жуанна характеризует по-другому. Вера в сакральность монарха после религиозных войн сделала его единственным источником права. Доведенная до апогея при Людовике XIV, власть монарха перерождалась в деспотию, и начался ее упадок в глазах подданных. С одной стороны, монархия сотрудничала с обществом, с другой — божественная природа власти давала ей неограниченные права [1355]. Как было отмечено в одном из отзывов на «Абсолютного государя», А. Жуанна представляет смешанное направление, включающее в себя как ревизионистское, так и традиционное понимание французского абсолютизма [1356].

В российской историографии роль французского монарха понимается аналогично. Несмотря на коррективы в понятии «абсолютизм», король представлен активной политической силой, и, наряду с сотрудничеством с сословиями, ведет процесс укрепления власти и вмешательство в дела общества во имя «государственного интереса». Именно такой представлена королевская власть эпохи абсолютизма в «Истории Франции» (2005) [57].

Процесс укрепления королевской власти раскрывается и авторами «Всемирной истории» [197]. В XVI–XVII вв. применялся концепт «составная монархия» (либо как характеристика сословно-представительной монархии, либо как синоним имперской власти). Однако в политической практике монархии было налицо усиление единоличной власти [197, с. 55–56]. Особое внимание уделялось рационализму и эмпиризму практики абсолютной монархии, а также взаимному влиянию абсолютистских государств [198, с. 139].

В 2000-х гг. наступил период известной устойчивости, методологического плюрализма и неограниченных возможностей в выборе сюжетов. П. Ю. Уваров, с

долей иронии, охарактеризовал это так: «Интеллектуальное поле стало напоминать монгольскую степь, где, как известно, сколько шоферов, столько и дорог... Никто не воюет и не спорит друг с другом, а все занимаются тем, что интересно. Интересен высунутый язык дьявола на портале готического собора — изучают его, интересен гендерный аспект агиографии — пожалуйста, интересен ритуал въезда сеньора в город или проскинезис базилиевса — чудесно. Бытовать в такой науке так же приятно, как пить фруктовый кефир. А вот свершить революцию трудно, потому что ломать нечего» [1152, с. 206].

В методологическом плане на первое место вышла культурно-антропологическая парадигма, абсолютизм понимается как закономерный этап развития государства, практика которого имела свои сильные и слабые стороны. Новый уровень изучения европейской государственности выразился в проведении Всероссийской конференции «Нобилитет в истории старой Европы» в январе 2007 г. [761], издании первой в российской медиевистике обобщающей работы «Властные институты и должности в Европе в Средние века и ранее Новое время» (2011) [174], а также материалов международной конференции 2013 г. «Представительные институты в России в контексте европейской истории XV–середина XVII в.» [934].

Открывшиеся перспективы вызвали взрыв проблемного поля и рост публикаций. Королевский двор Средневековья и раннего Нового времени стал едва ли не самой популярной областью изучения. Эта проблематика находила отражение в научной периодике [466–468] и формировании ее специальных выпусков [1191], работе конференций и «круглых столов» [858; 861], становилась предметом диссертационных исследований [147; 413; 478; 845; 1287].

В огромном проблемном поле рассмотрения королевского двора особое место принадлежит серии коллективных монографий, созданных в результате работы научной группы «Власть и общество». Первой из них была книга «Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда» (2001) [255], содержание которой демонстрирует такие разделы: «Двор как властный институт», «Политический театр власти: этикет, церемониал и символика двора и т.д. Вторым коллективным изданием стал «Королевский двор в политической культуре средневековой Европы» [536], структура которого дополнилась разделом «Двор и развитие властной пропаганды». «Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти» — таково было название следующей книги [1043], посвященной сакральной природе королевской власти [1196]. Фундаментальными по постановке проблем стали две последующие коллективные монографии «Власть, общество, индивид в средневековой Европе» (2008) [177] и «Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время» (2011) [380].

Во введении к изданию 2008 г. Н. А. Хачатурян характеризовала абсолютизм, не применяя этого термина и используя словосочетание «*État moderne*». Это — этап

развития от раннесредневековых монархий и монархий с королем-сюзереном во главе, к государствам Нового времени. Содержанием данного процесса стало обретение государством и властью публично-правового характера и превращение монарха в суверена» [1198, с. 6].

Изучение королевского двора занимало одно из ведущих мест в работах российских исследователей средневековья и раннего Нового времени. Наибольшее количество публикаций в указанной области представили ученые из Москвы и Санкт-Петербурга. О. В. Дмитриева раскрыла взаимодействие короны, парламента и бюрократии при Елизавете, а также роль придворного церемониала [275–276; 278] и создание имиджа власти [272–273; 275–276; 278]. Санкт-Петербургский университет, где сложилась научная школа под руководством С. Е. Федорова, был представлен целой группой историков. С. Е. Федоров обратил внимание на специфику отношений английской короны и шотландской правящей элиты [1170]. А. А. Паламарчук раскрыла представления о монархии в английской исторической мысли начала XVII в. [835–836]. И. А. Краснов охарактеризовал английскую придворную культуру при Елизавете I [552]. В. А. Ковалев показал репрезентацию власти средствами театра при Якове I [479].

Французский абсолютизм также занимал центральное место в проблемном поле. Более того, в изданном в 2008 г. сборнике научных статей «Искусство власти» [382] практике французской монархии отведен особый раздел [1189]. Разнообразные стороны функционирования двора, роль Парижского парламента, модели управления, специфика французского чиновничества, идеология власти продемонстрированы в публикациях В. Р. Новоселова [768–769], Л. А. Пименовой [851; 856], С. Л. Плешковой [878], М. А. Сидоренко [1055–1056], С. К. Цатуровой [1205; 1207–1208; 1209; 1211; 1213], В. В. Шишкина [1285; 1289–1290], И. Я. Эльфонд [1316; 1320–1321].

История, структура, функционирование и политическая роль французского двора получили отражение в ряде монографий. В 2004 г. вышла книга В. В. Шишкина «Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках» [1286]. Французский двор, отмечает автор, обычно ассоциируется с церемониальным великолепием времен Людовика XIV и роскошью середины XVIII в. Двор же предшествующей эпохи, когда была заложена основа его будущего блеска, «пребывает в тени» [1286, с. 8]. Между тем, в последней четверти XVI – первой трети XVII в., практически распавшийся во время религиозных войн, двор был воссоздан и развит, что послужило основой его функционирования при «короле-Солнце» [1286, с. 256]. В монографии В. В. Шишкина «Французский королевский двор в XVI веке» [1291], прослеживается трансформация двора на протяжении столетия: от блеска при Франциске I до воссоздания при Генрихе IV. В книге новосибирского историка М. А. Сидоренко продемонстрировано воплощение идеологии Старого порядка и

презентация двора Людовика XIV средствами придворного театра, в частности, балета [1054].

История английского королевского двора представлена коллективной монографией «Королевский двор в Англии XV–XVII веков» [535] и отдельной работой С. Е. Федорова «Королевская семья в церемониальном пространстве раннестюартовской монархии» [1171]. С. Е. Федоров представил двор Якова I как социокультурный феномен, в центре которого находилась семья монарха. Двор, как идеологический, символический, политический центр выступал также важнейшим механизмом формирования придворной, а шире — правящей элиты.

Наиболее масштабное изучение английской аристократии проводилось С. Е. Федоровым, применявшим культурно-антропологический и структурный подходы, а также просопографический метод [1173–1175; 1176–1178; 1180]. С. Е. Федоров пришел к выводу о том, что еще в первой половине XVI в. в Англии началось складывание этакратической модели общества, в которой отношения между группами выстраивались в зависимости от положения во властных структурах [1175, с. 220]. Отношения монархии (династии) к титулованной знати, а также выстраивание взаимодействия с ней, рассчитанное на перспективу, Федоров называет династическим строительством [1175, с. 220]. Федоров предлагает исходить в рассмотрении предреволюционной Англии не из традиционных понятий «старого» и «нового» дворянства, а из трактовки знати (дворянства) как додинастической и династической [1175, с. 221–222]. Мероприятия Стюартов, изменявшие конфигурацию различных групп знати, могут быть рассмотрены как одна из предпосылок Великого мятежа, как называет Федоров Английскую революцию [1175, с. 222–225].

В данном контексте уместно привести мнение об английском абсолютизме В. Н. Малова. Государственный строй эпохи Тюдоров было бы точнее считать сословно-представительной монархией с сильной центральной властью. Впрочем, «надо учесть тот дополнительный “абсолютистский” импульс», что придала английской монархии секуляризация. «Когда этот импульс иссяк, — замечает В. Н. Малов, — монархия Карла I погибла при первой попытке стать “настоящим” абсолютизмом континентального образца» [637, с. 25].

История европейских элит нашла отражение и в работах А. Ю. Прокопьева. В статье 2007 г. об имперском дворянстве Прокопьевым задаются терминологические, культурные, историографические рамки концепта «аристократия Священной Римской империи» [943]. В фокусе исследовательского интереса — Саксония, дрезденский двор и правящая элита [944–947; 950]. Книга «Германия в эпоху религиозного раскола» [942] представляет собой изложение германской истории в парадигме конфессионализации, т.е. утверждения новых основ германской государственности на основе религиозного компромисса, выработанного в результате Реформации и Тридцатилетней войны [942, с. 468].

В изучении абсолютизма рассмотрение его просвещенного варианта присутствует во всех обобщающих работах. Специальная же разработка просвещенного абсолютизма — его типологии [51], социальной основы [50], доктрины [52], итогов [46] принадлежит В. С. Антипову (Псков).

На протяжении 2000-х гг. получило широкое развитие написание политических портретов монархов и государственных деятелей эпохи абсолютизма. Среди наиболее значимых книг правомерно считать «Елизавету Тюдор» О. В. Дмитриевой [274], где раскрыт процесс укрепления «новой», или «персональной монархии» сквозь призму деятельности королевы [274, с. 6].

Российские историки реконструировали образы Карла V и Франциска I [1110], Марии Тюдор [1099] и Карла I Стюарта [1084], Густава II Адольфа [1036], Ж. Неккера [118] и Г.М. де Ховельяноса [1109] и других. Ведущее место в написании политических портретов принадлежало Ю. Е. и Л. И. Ивониным (Смоленск) [356; 360; 375], работающим в данной области и в научно-популярном жанре. Галерея европейских правителей, созданная Ю. Е. Ивониным, существенно дополнила представления о ряде персоналий. Это Франциск I Валуа [373], Карл V Габсбург [361], Генрих VIII Тюдор [358], Филипп II Габсбург [372], Густав II Адольф [359], Фридрих Вильгельм [102], Фридрих II и Иосиф II [374]. Портретам монархов и государственных деятелей была отведена первая часть второго тома в работе Ю. Е. Ивонина [370] о Священной Римской империи. В данном ракурсе Ю. Е. Ивонин уделит внимание сословным институтам в системе регионального абсолютизма, а также функционированию двора и бюрократии [371].

В проблемном поле абсолютизма разрабатывались и традиционными области — идеологические составляющие абсолютизма [607–608; 687; 881; 1017; 1111; 1330], социальная и экономическая политика [568; 693; 1204], политическая и институциональная история, где центральное место занимала Франция.

Специальный выпуск «Французского ежегодника» стал срезом состояния концепта абсолютизма и демонстрировал приоритет правового подхода, отраженный в статье В. Н. Малова [639]. Малов указывал на эволюционность складывания французской монархии, отсутствие форсирования и стимулов к этому извне, что обусловило «естественный, эволюционный ход развития» [639, с. 87]. С другой стороны, запрограммированность французской монархии на замедленные темпы, когда требовалась другая программа действий, в конце концов сделали неизбежной Французскую революцию [639, с. 87].

«Исконность, рудиментарность» соединения управленческих и судебных функций верховной власти приводила к противоречию практики монархии и правовой традиции [639, с. 92, 96]. Малов выделяет три этапа развития французской монархии — судебный [639, с. 88], судебно-административный [639, с. 101], и административно-судебный [639, с. 106], когда парламенты и судейские чиновники перешли к устойчивой оппозиции к монархии. Более того, В. Н. Малов предлагает

называть судейских не «чиновниками», а «оффисье» [639, с. 100]. С этим не была согласна С. К. Цатурова, утверждая, что «чиновники были служителями короля, действовавшими в рамках четко очерченных полномочий и “пока так было угодно” государю» [1207, с. 147].

Переосмысление границ власти монарха происходило не только под влиянием европейской науки, но и в связи с новым прочтением дореволюционной новистики. Так, А. В. Чудинов, анализируя присущую советской историографии трактовку абсолютизма как всепоглощающего режима, отмечает, что такое его понимание было заложена еще Н. И. Кареевым, проводившим аналогии между французским абсолютизмом и российским самодержавием [1265, 160–166].

«Люди, жившие в XVIII веке, не знали термина “абсолютная монархия”, — указывает Л. А. Пименова. — Они говорили о монархии с “абсолютной властью” короля» [847, с. 195]. Л. А. Пименова раскрывала противостояние королевской власти и парламентов после того, как в 1774 г. Людовик XVI восстановил отмененные ранее прерогативы парламентов — «сам по доброй воле и по недомыслию создал себе на погибель опасного врага» [847, с. 196].

Статья С. К. Цатуровой о генезисе новоевропейского государства, вышедшая в 2016 г. носит в известной мере методологический характер [1206]. Рассматривая изменение европейской государственности в рамках концепции *l'État moderne*, автор обращает внимание на необходимость избавления от ряда стереотипов. В частности, традиция связывать становление *l'État moderne* с «победой над феодализмом и церковью», указывает автор, была заложена еще в эпоху Возрождения и продолжена в век Просвещения, когда абсолютная власть отождествлялась с деспотизмом монарха [1206, с. 6]. Цатурова подчеркивает, что подобные установки затемняют суть вопроса. Этимологически слово «*État*» восходит к термину *status* (от глагола *stare* — держаться твердо, длиться), выражающего преемственность власти и непреходящий характер государства. С 1200 г. термин «*status*» начинает обозначать власть государя в ее публичных функциях. Таким образом, король воспринимался как глава политического тела, обладающий публичной властью и действующий в интересах всего сообщества людей, живущих на конкретной территории и признающих его власть [1206, с. 7].

Французский абсолютизм, как этап государственного развития и социокультурный феномен, был отражен в двух работах, символизирующих научный вклад, приемы и возможности историков разных поколений. Первая из книг — «Парламентская Фронта» В. Н. Малова, представителя старшего поколения, ученика А. Д. Люблинской. Это — классический нарратив, политическая и институциональная история в ее хронологической последовательности. Трактовка В. Н. Маловым французского абсолютизма, основанная на правовом подходе и балансе сил государственных институтов, фактически заменила идею «равновесия», модифицированную в его докторской

диссертации [637]. Вторая работа о последних десятилетиях Старого порядка принадлежит Л. А. Пименовой, ученице А. В. Адо. Это — сборник статей, созданный на протяжении примерно двадцати лет и тематически систематизированный [853]. В отличие от хронологически выстроенного повествования Малова, книга Пименовой представляет собой мозаику сюжетов. Король, его окружение, придворные фракции, политический церемониал, казусы и скандалы, политические доктрины, религиозная жизнь — каждый из рассказов вплетен в общую композицию. Книга Л. А. Пименовой — это в первую очередь образец культурно-антропологического написания истории и удачная альтернатива классическому нарративу.

Таким образом, в развитии концепта западноевропейского абсолютизма период 1990-х гг., связанный с кризисом и поисками, сменился относительной стабильностью 2000-х гг. Российские историки ликвидировали концептуальный разрыв с европейскими коллегами, контакты с которыми приобрели регулярный характер. Проблематика абсолютизма стала разрабатываться не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в региональных университетах.

Концепт абсолютизма в российской историографии выстраивается, во-первых, в понимании абсолютизма как этапа развития европейской государственности в рамках *l'État moderne*, во-вторых, в русле правового подхода и понимания королевской власти в первую очередь как доминирующего, а не сотрудничающего с сословиями института. Кроме того, в осмыслении западноевропейского, и особенно французского абсолютизма были актуализированы установки российской дореволюционной новистики. Итоги терминологической и понятийной ревизии, однако, показывают, что в содержание понятия «абсолютизм» внесены коррективы, и, несмотря на широкое применение термина «Старый порядок», говорить об упразднении термина «абсолютизм» пока преждевременно.

Проблемное поле в изучении западноевропейского абсолютизма обусловлено как включением рассмотрения абсолютизма в фундаментальную для российских историков проблему власти, так и широким распространением в названной области культурно-антропологической парадигмы. Указанное реализуется в исследованиях идеологии и практики власти, функционирования двора, деятельности властных элит, персоналий монархов, и других аспектов абсолютизма, что предусматривает подходы потестарной имагологии, психоистории, истории повседневности, микроистории и т.д.

Радикально изменились ценностные установки в изучении абсолютизма — он начал рассматриваться как закономерный период развития новоевропейской государственности, либо, в пределах концепции *l'État moderne*, как этап формирования современного государства в рамках Нового времени [1–А, с. 606–645; 40–А; 41–А].

7.3 Российский абсолютизм как государственный и социокультурный феномен в постсоветской российской историографии

После 1991 г. осмысление российского абсолютизма (шире — самодержавия) приобрело в российской историографии особое содержание, качественно иное, нежели в дореволюционной и советской исторической науке. Значимость концепта российского абсолютизма в современной российской историографии неоспорима — он выступает как важный компонент осмысления исторических судеб России. Эпоха абсолютизма — это время приобретения Россией статуса великой державы, модернизации ее государственных и социальных институтов. Вместе с тем, данный период отмечен противоречивостью и неравномерностью модернизационных и социальных процессов, что привело к российским революциям и крушению монархии.

На смену революционным ценностям в 1990-х гг. пришли традиционалистские, абсолютная монархия стала рассматриваться как достойная уважения часть российской истории. В методологическом плане возобладали переосмысленные установки государственной школы. Стержневой проблемой исторической науки стало изучение власти — как общественного феномена, ментальной конструкции, системы общественных и государственных институтов. Кардинальная линия исследований может быть выражена формулой «власть — государство — общество», где очевидны два направления. Первое из них может быть названо «власть — управление — институты». Суть второго выражается логическим рядом «власть — общество — личность». В исследовательской практике оба направления частично перекрываются.

Изменившееся за три десятилетия проблемное поле изучения российского абсолютизма уникально. Во-первых, оно иерархизировано по масштабу — от концептуальных построений общеисторического плана до частных аспектов конкретных вопросов. Во-вторых, его наполнение количественно беспрецедентно и объясняет невозможность подробного рассмотрения всего его содержания иначе как в самостоятельной работе. Сегменты проблемного поля российского абсолютизма могут быть оценены и в ракурсе новизны. Так, изучение политических институтов и политической истории традиционно, и в данной области доминирует правовой подход. Рассмотрение же власти как феномена общественного сознания предполагает культурно-антропологический подход в сочетании с методиками вспомогательных исторических дисциплин.

Идейные установки российских исследователей также представляют отдельную область анализа. По сути, на рубеже XX–XXI вв. возобновился спор либералов и консерваторов. В частности, эту ситуацию характеризовал

А. Н. Медушевский [661]. В его понимании, консерватизм выразился в актуализации идей особого пути России, ее особых ценностей как православной цивилизации, которые не могут интерпретироваться рационально, а также о чужеродности западных институтов на российской почве [661, с. 7–8].

Различное видение российского исторического пути представлено и в учебной литературе для высшей школы. Например, во введении к учебнику по истории России под редакцией И. Я. Фроянова отмечены такие ценности русского народа, как демократизм, коллективизм, общинность и делается вывод «об их несовместимости с ценностями капиталистического общества» [394]. Напротив, в учебнике В. В. Моисеева утверждается, что Россия «относится к Европе, к западной цивилизации... Деятельность Петра I, Екатерины Великой, многих руководителей России по превращению нашей страны в мощную европейскую державу не оставляет сомнения в истинности этого утверждения» [699, с. 7–8].

Абсолютизм в учебной литературе рассматривается преимущественно в рамках правового подхода. Например, в «Основах курса истории России» 2001 г. указывается, что абсолютизм — это форма правления, при которой верховная власть в государстве полностью и безраздельно принадлежит монарху. Власть достигает наивысшей степени централизации. Абсолютный монарх правит, опираясь на чиновничье-бюрократический аппарат, армию и полицию, ему подчиняется церковь как идеологическая сила [787, с. 158].

В учебнике 1996 г. под редакцией Н. И. Павленко известный историк еще раз высказал свое мнение, неизменное со времен дискуссии 1968–1972 гг. Государственный строй России эволюционировал во второй половине XVII в. к абсолютизму, или неограниченной и бесконтрольной власти монарха, и закончился оформлением абсолютизма при Петре I. Но ни о каком «равновесии», т.е. упадке феодальных сословий и подъеме буржуазии, не приходится вести речь — в России буржуазия в современном понимании отсутствовала [395, с. 194–196].

В трактовке понятия «самодержавие» делался акцент на неограниченном личном характере власти монарха. В учебнике под редакцией А. Н. Сахарова объясняется, что это не только неограниченная власть, но и создание такой системы, при которой самодержец может осуществлять эту власть» [1033, с. 274]. К сожалению, в учебной литературе соотношение понятий «самодержавие» и «абсолютизм» специально не оговаривается, однако эта немаловажная проблема привлекает внимание историков и правоведов [290; 327; 350; 715].

Представляется, что соотношение понятий «самодержавие» и «абсолютизм» удачно выразил Ю. А. Сорокин. В политической практике России XVIII в., указал он, использовалось понятие «самодержавие», а не «абсолютизм» Тем не менее русское самодержавие в эпоху Петра трансформируется в абсолютную монархию, демонстрируя общеевропейскую эволюцию государственности. Абсолютизм может пониматься не только как период в развитии самодержавия, но и как форма,

которую может принимать самодержавие, приспособляясь к многофакторному кризису на исходе XVII в. [1097, с. 95–96].

Характер государственной власти при абсолютизме оценивается по-разному. Например, в учебном пособии Б. Н. Земцова, А. В. Шубина и И. Н. Данилевского российский абсолютизм определяется как восточная деспотия. Указывается, что эмоционально этот термин принять трудно, но он вполне приемлем на беспристрастном научном уровне для характеристики правления Петра I [343]. Напротив, Ю. А. Сорокин считает, что отождествлять самодержавие с восточной деспотией «сегодня все еще недостаточно аргументов» [1097, с. 31]. Установившуюся с первой четверти XVIII в. форму управления Сорокин считает абсолютной монархией, иначе — «полицейским» или «регулярным» государством, с выраженными чертами тоталитаризма [1097, с. 95–97].

Известный российский историк Б. Н. Миронов в своей книге «Социальная история России периода империи» в принципе не приемлет тезис о неправовом характере российской государственности. Он возник, отмечает Миронов, в либеральной историографии для утверждения идеалов западных демократий [691, с. 109]. В России, считает Миронов, как и в других европейских государствах, осуществлялось легитимное господство [691, с. 112].

Наконец, А. Н. Боханов, историк-монархист, так оценивал российское государство периода формирования абсолютизма: «Именно тогда во всей неповторимой самобытной красе явилось миру Русское Царство, обетованный христианами Третий Рим — прямой духовный преемник Рима Второго, т.е. Константинополя, погибшего в 1435 г. С того времени хриstopреданные души по своей земле мечтали и желали узреть наяву подлинное государственно-христианское воплощение. Теперь же, в середине XVII века, подобное давнее чаяние становилось фактом исторической действительности» [134, с. 6].

Общепринятым считается датировать формирование абсолютизма царствованием Алексея Михайловича, а окончательное установление — правлением Петра I. Однако Е. В. Анисимов подчеркивал, что говорить об установлении абсолютизма даже при Петре I преждевременно. В России конца XVII — начала XVIII в. не было ни «сословий», ни «абсолютизма», а были «служилые люди» и было «самодержавие» [36, с. 270]. С. Л. Чернов считал, что говорить об установлении абсолютизма можно лишь тогда, когда есть в законченных формах все его компоненты, а это произошло только в промежутке царствований Екатерины II и Николая I [1248, с. 47–48].

В 1990-х гг. имелись разные трактовки абсолютизма: отмеченная точка зрения Н. И. Павленко, опубликованная в 1993 г. концепция А. Я. Авреха [6], теоретические построения А. Н. Медушевского [665], С. О. Шмидта [1300] и т.д.

Концепция российского абсолютизма, представленная издаваемой в это время «Историей Европы» [387–389], являла собой вариант методологического

компромисса. Например, универсальным было утверждение о том, что в XVI–первой половине XVII в. «в условиях господства феодального способа производства происходило формирование централизованного государства в России. Ведущая роль в этом процессе принадлежала различным слоям феодалов, противоречия между которыми позволяли центральному правительству вести политику балансирования, которая была характерна для раннего абсолютизма» [387, с. 162]. С. О. Шмидт, однако, отмечает: «Государственно-политическая централизация проводилась в целом успешно... опережая экономическую централизацию: это была концентрация власти... приводящая к всемогуществу и произволу военной и гражданской бюрократии» [387, с. 248]. С другой стороны, процессы становления абсолютизма и утверждения его при Петре I раскрыты А. А. Преображенским и И. А. Булыгиным в русле положений советской историографии и концепции «равновесия» [388, с. 179–180]. В пятом томе «Истории Европы», изданном в 2000 г., уже не просматриваются установки советской историографии. Известным исследователем истории России XIX в. С. В. Тютюкиным (1935–2019) акцент делается на модернизации как приоритетной тенденции в политике монархии [389, с. 132–138, 207–213, 475–484].

Изданная в 2010-х гг. «Всемирная история» рассматривает российский абсолютизм как проявление общеевропейских тенденций развития государства. Именно об этом говорится в обзорном разделе, посвященном государственности XVII в.: «Отсылая читателей к соответствующей главе этого тома, вкратце отметим, что Россия XVII века проходила европейский путь развития своей государственности — от монархии с активно действующими сословно-представительными собраниями (Земские соборы) к торжеству абсолютистских, бюрократических методов управления» [197, с. 491].

С 1990-х гг. появляются работы, посвященные российской монархии в масштабе долгой исторической и общеевропейской перспективы. Традиционная для дореволюционной историографии идея географического детерминизма в трактовке огромной роли государства поддерживалась все более широким рядом авторов [883; 1050; 1274; 1281]. А. Н. Медушевский указывал на такие ведущие факторы в истории России, как потребность общества в стабильности в условиях, когда развитие шло в условиях постоянной внешней угрозы и невозможности накопления больших средств для внешнеполитической экспансии [665].

О. А. Омельченко впервые рассмотрел российский просвещенный абсолютизм в юридическом, правовом и терминологическом аспектах [781]. Автор указал, что понятие «просвещенный абсолютизм» появилось в XIX в. ввиду понимания нового качества монархии эпохи Просвещения, называемой в то время «просвещенным деспотизмом» [781, с. 13]. Главным звеном политической доктрины стала идея законной монархии, способной примирить разные социальные и политические устремления в единой государственно полезной

деятельности. Однако, несмотря на политические декларации просвещенного абсолютизма, он сохранял все типические черты элитарно организованной монархии с доминированием бюрократической и сословной элиты [781, с. 36–40].

В. В. Тянь (Москва) предложил авторское видение эволюции верховной власти в пореформенный период [1149]. Режим Александра II оценен как «прогрессивный», свидетельствующий об эволюции монархии от «дворцовой» к «развитому абсолютизму». Правление Александра III охарактеризовано как консервативная модернизация монархии [1149, с. 51]. Эволюция абсолютизма при Николае II заключалась в стремлении монарха сохранить «абсолютизм абсолютным», поэтому может трактоваться как «псевдозволюция» [1149, с. 50].

В связи с рассмотрением исторической динамики российского абсолютизма находились две обширные темы, получившие мощный импульс в постсоветской историографии — государственный реформизм и конституционализм, представленные как обширными нарративами, так и работами частного характера. В последнем случае речь шла о публикациях, иллюстрирующих реформы Петра I и Екатерины II [36; 43; 181; 1183], а также Александра I [328–329; 537–538], Александра II [24; 332; 336; 766].

Новым масштабом осмысления российского реформаторства стали развернутые, созданные в долговременном ракурсе работы, примером чего выступает дважды изданное (в 1996 и 2006 г.) исследование «Власть и реформы» [175–176]. В предисловии указывалось, что государственное реформирование было неотъемлемой частью развития российской монархии и носило циклический характер реформаторства и консерватизма. Однако остановить революционный процесс не удалось [175, с. 5–6]. Российские монархи исключали возможность изменения самой природы самодержавной власти — сознание ответственности только перед Богом не покидало даже последнего российского императора [175, с. 7]. Реформы носили принудительный характер и в результате не выполняли свою основную функцию — создание условий для свободного развития социальных процессов. Итоговая фраза, единственная и набранная с красной строки, была оценочным заключительным аккордом: «Россия так и не стала правовым государством» [175, с. 10].

Актуальность и дискуссионность проблемы российского реформаторства подчеркивалась А. Б. Каменским, показавшим в монографии «От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа» логику, последовательность и комплексный характер реформ, выделив в них четыре этапа — от эпохи Петра I до эпохи Екатерины II включительно [419, с. 520–526].

А. Н. Медушевский в дважды изданной монографии о российском абсолютизме [672–673] указывал, что в Новое время система управления передовых европейских стран становится объектом подражания. Это перенимание можно назвать «догоняющим развитием», т.е. модернизацией, что было в

петровской России [672, с. 47]. Потребность в модернизации по догоняющей модели оставалась для России актуальной и впоследствии [672, с. 86–105]. Автор демонстрирует, однако, и границы модернизации. Закон Петра I о единонаследии 1714 г. был отменен — землевладельцы выступили против вмешательства государства в их право распоряжения землей [672, с. 133–144]. На протяжении XVIII в. не удалось провести и кодификацию законов, так как монархи стремились не обострять отношения со своей социальной опорой — дворянами [672, с. 143].

Е. В. Анисимов указывал, что, несмотря на принятие шведского образца при реформировании системы управления Петром I, воспроизвести шведскую модель в России не удалось. Здесь не было, как в Швеции, системы сословно-представительных органов, самоуправляющихся городов и сельских общин, личной свободы населения. В результате Петр «соединил камералистскую “бюрократическую технологию” с традиционной самодержавной властью, что усилило самодержавие в России на длительный период» [43, с. 143–150].

С начала XIX в. государственное реформаторство дополняется проектами конституционализма, оставшимися нереализованными. В связи с этим Н. В. Коршунова (Челябинск) [537–538] делает вывод о том, что данные реформы предлагались интеллектуальным меньшинством, оторванным от своей социальной среды, и этого было недостаточно для проведения всего цикла преобразований [538, с. 34].

В. Ю. Захаров (Москва) отмечает, что традиционное еще с советских времен понимание реформ и либерализма Александра I как заигрывания с обществом, равно как и идея о безальтернативности развития России, нуждаются в пересмотре [329, с. 19–20]. Конституционная монархия в России времен Александра I была реальна, император задумывал и отмену крепостного права. Однако попытки его смягчить встречали отпор со стороны дворян [328, с. 47; 329, с. 26]. В докторской диссертации В. Ю. Захарова российская конституционная альтернатива не только включена в общеевропейский контекст, но рассматривается автором как возможный вариант развития российского абсолютизма [330].

В работе А. Н. Сахарова «Россия: народ, правители, цивилизация», указывается, что конституционные проекты как альтернатива присутствовали всегда. С одной стороны, развитие России впитало в себя опыт практики восточных деспотий, в первую очередь Золотой Орды и Византии. С другой — Россия испытывала также влияние германской, шведской и восточноевропейской государственности, в первую очередь Речи Посполитой с Магдебургским правом и выборностью монархов. В России не могло быть неизвестно и о сословно-представительных институтах Англии и Франции [1035, с. 232–236].

В трактовке Великих реформ Александра II применяется как системное общеисторическое рассмотрение, так и анализ в ракурсе российской истории. Первый подход реализуется А. Н. Медушевским [658], второй — Л. Г. Захаровой

[336]. Анализируя российские реформы на рубеже XIX–XX вв., А. В. Черникова (Москва) указывает, что следующее поколение реформаторов получало в наследство нерешенные проблемы, медленная эволюция монархии с трудом приспособлялась к новым условиям. Когда же монархия сделала шаг в сторону конституционного развития, этот путь не был пройден до конца [1246, с. 22].

Что же касается политической системы, установившейся в России после Манифеста 17 октября, то российские историки едины в признании того, что де-юре период абсолютизма в России закончился. Вместе с тем, однозначного определения характера думской монархии нет. Например, К. Ф. Шацилло рассуждал так: если Дума не обладала необходимой политической властью, было бы неверно считать, что у Думы вообще не было никакой власти [1278, с. 292–293]. О. Г. Малышева считает, что с момента подписания Николаем II Манифеста 17 октября Россия уже не являлась абсолютной монархией, но и не стала действительно конституционной [640, с. 6, 90]. По мнению А. Н. Медушевского, в России наблюдались поэтапные процессы: становление монархического конституционализма, его трансформация в направлении дуалистической монархии и формирование режима личного правления монарха [662, с. 33].

Установки российской историографии и западной русистики сближались, однако было бы неверно вести речь об их совпадении при характеристике российской монархии. Например, французский историк Э. Каррер д'Анкосс в книге «Незавершенная Россия» считает, что российское самодержавие сочетало в себе «московскую сеньориальную систему, монгольский деспотизм и византийский цезаропапизм» [447, с. 44]. Реформы носили кумулятивный характер и, несмотря на торможения и откаты, оцениваются автором как весьма результативные. Деятельность Витте Каррер д'Анкосс уподобляет мероприятиям Кольбера [447, с. 150]. По мнению автора, в начале XX в. 1914 г. перед Россией открывались оптимистические перспективы. Однако весь этот положительный опыт рухнул из-за войны и революций [447, с. 160–163]. В данном контексте становится понятным название еще одной книги Э. Каррер д'Анкосс «Николай Второй: расстрелянная преемственность» [448].

Р. Пайпс (1923–2018), один из крупнейших американских историков, характеризует политическую систему России как вотчинную, где политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности [834, с. 11]. Отсутствие вассалитета по европейскому образцу, неоформленность сословий, необходимость постоянной мобилизации, последствия господства монголо-татар сформировали жесткую власть и отчуждение от государства его подданных [834, с. 74–90]. С течением времени эта система перестала быть эффективной, и с петровской эпохи началась системная модернизация. «Россия, — отмечал Пайпс, — затеяла процесс внутренних реформ, которые, то ослабевая, то

усиливаясь, продолжают и по сей день» [834, с. 151–152]. Однако главной цели реформ — уравнивания силы государства и общества — достичь не удалось ввиду сохранения авторитаризма власти [834, с. 153–154].

Понять дореволюционную Россию — значить понятие отношение в ней монархии и общества — это идея одноимённой книги М. Раева. В допетровской России, «литургическом государстве» со всеобщей повинностью сословий, единомыслием и слиянием церкви и государства [963, с. 13–22] под влиянием в первую очередь внешних вызовов, назрела необходимость модернизации. Однако внешняя европеизация сочеталась с отсутствием гражданского общества, сознательного и организованного на рациональных основаниях [963, с. 116].

Значимость проблемы «образ власти и общество» обусловила популярность этого сюжета. Например, анализировалось восприятие образа монарха в культуре XVII в. [212] и на рубеже XIX–XX вв. [293], в общественном сознании XVII – начала XVIII в. [140; 498], общественном мнении и представлениях правящей элиты [89; 955; 975]. Осмыслению отношений общества, власти и личности посвящена книга С. О. Шмидта «Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX в.» [1297].

Исследовательница психологии российского дворянства Е. Н. Марасинова (Москва) анализирует изменения его политического сознания на протяжении XVIII в. [646–650]. Автор прослеживает, как трансформировались такие понятия, как «император», «империя», «государь», «самодержец», маркирующие власть, и «дворянство», «благородное сословие», «служба Отечеству», «служба императору», «сын Отечества», «народ», «холоп», «раб», отражающие социальную иерархию [648; 649]. Примечательно, что слово «гражданин», означающее равноправного субъекта отношений с государством, властью употреблялось только в абстрактном смысле [650, с. 88–89].

Изменения в отношениях власти и общества Е. Н. Марасинова выразила так: «С конца XVII столетия монархия сознательно идет на расширение спектра возможностей, предоставляемых верхушке господствующего сословия, которое призвано было решить задачи укрепления российской государственности. Открывшиеся перед дворянином новые перспективы повышают уровень претензий развивающейся индивидуальности, что неизбежно приводит к расшатыванию авторитета верховной власти, и, следовательно, ослаблению государства, вынужденного существовать в режиме мобилизационной экономики и конкуренции других европейских держав» [646, с. 7].

Наряду со сравнительно новыми исследовательскими областями, продолжалась разработка традиционных сюжетов политической истории, в интерпретации которых появлялись новые акценты. Например, Ю. А. Сорокин рассмотрел эволюцию политической практики абсолютизма на примере правлений Екатерины II и Павла I [1097] и пришел к выводу, что нет оснований считать оба

правления принципиально разными: «мать была абсолютной монархиней, сын попытался стать православным самодержцем» [1097, с. 318]. Отдельной областью изучения стала эпоха дворцовых переворотов, рассматриваемая как самоценный период российской государственности и представленная в работах И. В. Курукина (Москва) [562; 564–567].

Обширное проблемное поле внутренней политики абсолютизма представлено работами, освещающими различные аспекты правления Алексея Михайловича [281], Федора Алексеевича [256], Анны Леопольдовны [493], Елизаветы Петровны [1257], Екатерины II [548]. Особое внимание было уделено таким сферам внутренней политики, как экономика [204; 495; 771], законодательство [1001], цензура [1104; 1337], церковь [171–172; 1257] и другие.

Система государственных институтов российского абсолютизма представлена такими сюжетами, как деятельность Кабинета министров и Правительствующего Сената при Анне Иоанновне [1010; 1166], статс-секретарей при Екатерине II [842], генерал-губернаторств при Александре I [82] и т.д. Особое внимание было уделено дворянской гвардии как военной корпорации и уникальной структуре в системе российского абсолютизма [128].

Изучение российской бюрократии достаточно традиционно. В постсоветское время оно пополнилось такими ракурсами, как образовательная и нравственная составляющая приказных управленцев [1331], роль бюрократии в Смутное время [1006], персональный состав российской бюрократии XVII в. [260], дворянская служба при Петре I [953–954; 1045], чиновничество и высшая бюрократия начала XX в [218; 1049] и другими.

Особенное место в изучении российской бюрократии занимают работы Л. Ф. Писарьковой (Москва), проследившей эволюцию российского управления от приказов до министерств — с конца XVII до первой трети XIX в. [863–865]. Писарькова считает, что приказный аппарат управления был более целесообразен и лучше соответствовал взаимодействию центральной и местной власти, нежели созданная Петром I система учреждений [865, с. 534]. Когда после централизаторских Петровских реформ бумажный поток и бюрократия достигли критической массы, проводились мероприятия по децентрализации. Когда этого оказывалось недостаточно для управления, власть вновь искала выход в централизации [865, с. 542–543]. Государственное же управление России первой четверти XIX в. рассматривается автором как качественно новый этап реформирования и модернизации по европейским образцам [864].

Достаточно подробно рассмотрены исследователями и такие традиционные в рамках правового подхода области, как идеология абсолютной монархии и статус монарха. В работе М. Л. Шмыковой (Ижевск) [1301] показаны особенности обоснования легитимности Романовыми, которые учли опыт правления Б. Годунова и Смуты [1301, с. 25–27]. В диссертации И. Ю. Мурашова (Омск) [714]

продемонстрировано, как Елизавета Петровна, не желая делить власть с каким-либо государственным учреждением, юридически закрепила за собой право окончательного решения посредством «именных указов» [714, с. 24–25]. Ракурс исследования Г. В. Ибнеевой (Казань) — обоснование имперской политики Екатерины II на основании ее знакомства с пространством империи путем предпринимаемых на протяжении 1762–1787 гг. путешествий [352]. Политические и религиозные воззрения Павла I получили комплексное отражение в публикациях А. В. Скоробогатова [1075–1076] (Москва) и С. Л. Григорьева (Екатеринбург) [227].

В работе С. В. Удалова (Саратов), посвященной идеологии времен Николая I [1157], еще раз подтверждается мнение о разрозненности в России государства и общества [1157, с. 19–20]. Д. В. Соловьев (Санкт-Петербург) [1086] указывает на достаточно ожидаемый в данном контексте итог: «положительного ответа на вопрос, должна ли и может ли власть абсолютной монархии объяснять и пропагандировать среди подданных свои действия, Николай I не дал» [1086, с. 24].

В отношении правления Александра III понятие «контрреформы» применяется все реже, будучи замененным на «консервативную стабилизацию», или «охранительное самодержавие», чему посвящены работы Н. Ф. Гриценко (Москва) [228–230]. Наконец, в ряде исследований с достаточно взвешенных позиций и вне жесткой классовой риторики анализируются политические взгляды и деятельность Николая II и его окружения [846; 1101; 1293].

Представления о церемониале, символических, различных каналах трансляции власти оформились как отдельное направление исследований, чему содействовали подходы культурной антропологии. В частности, это стало предметом рассмотрения на двух российско-германских colloquiaх в Геттингене и Москве (2002 и 2003 гг.) [32; 550; 1280].

В это же время появилась сразу ставшая популярной работа американского историка Р. Уортмана «Сценарии власти» [1162–1163]. Уортман рассматривает власть как ритуал, транслирующий заложенные по властному сценарию смыслы, выраженные в определенной знаковой системе. Эти представления, действуя на воображение, привязывали подданных к престолу не меньше, чем вознаграждения за службу [1162, с. 18]. Книга Уортмана — это изложение российской истории сквозь призму реализации заложенных в правлении каждого императора сценариев власти, продиктованных задачами развития страны [1163, с. 705–706].

В целом ряде работ отражен этикет и церемониал власти: коронации, военные парады, высочайшие выходы, церемониальные застолья, придворные балы, дипломатические приемы (О. Ю. Захарова, Москва) [337–339]. Московские историки Л. Н. Вдовина и Н. В. Бессарабова акцентировали внимание на репрезентации власти Екатерины II во время праздника «Торжествующая Минерва» [161] и путешествий императрицы по стране [108]. В семиотическом ракурсе рассматривается жизненный цикл российских императоров — рождение,

бракосочетание, похороны (И. И. Домнина, Санкт-Петербург) [291]. Исследовательницы из Волгограда и Санкт-Петербурга, Н. Н. Виноградова и М. О. Логунова проанализировали полярные для правителя церемонии — коронацию [168–169] и похороны [597]. Московский историк С. А. Лиманова рассмотрела презентацию власти средствами имперских мероприятий при Николае II [593–594] — похорон, коронаций, юбилеев, парадов, крестных ходов, открытых памятников в Санкт-Петербурге и Москве, где власть «артикулировала» обществу свои задачи и систему ценностей [593, с. 25].

Семиотическая и символическая составляющая российского самодержавия разрабатываются Е. В. Пчеловым (Москва). Символика царских регалий [958], портретов [957], цветов, чисел, животных, астральных объектов [959–960], имен [956] транслирует соответствующие смыслы. Пространство дворца семантически, равно как и цвет (доминирующий — золотой, подчеркивающий сакральность власти, силу и богатство), чисел (главное — три, отражающее Святую Троицу), животных (орел, грифон, единорог, лев — символы четырех евангелистов) [959].

О. П. Святуха (Владивосток) раскрывает отражение царской власти в искусстве XVII в. [1040], а именно в портретах [1041–1042]. Формирование абсолютизма диктовало и новые подходы к костюму чинов государева двора, что показано в диссертации Д. М. Коренева (Курск) [526]. В свою очередь, двор, как социокультурный феномен, средоточие и символ власти, центр управления и концентрации правящей элиты, законодатель культуры и этикета, также получил научное освещение в ряде работ. Двор рассматривался как сквозь призму его европеизации в XVIII в. [15–16], так и конкретно при Алексее Михайловиче и его преемниках [1038; 1044], Павле I [17], Александре I и Николае I [751].

Одним из наиболее обширных и популярных сегментов проблемного поля являются политические портреты представителей династии Романовых. Количественные параметры публикаций исчисляются сотнями, книги обо всех Романовых не раз выходили в серии «Жизнь замечательных людей». Наконец, в 2000-х гг. появились специальные историографические работы о персоналиях Алексея Михайловича, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны [238; 292; 494].

Анализируя создание портретов российских самодержцев, можно ранжировать персоналии по группам, критерием чего могут выступать как исследовательские стратегии, так и степень расхождения в оценках персоналий, однако нужно учесть, что границы между группами не всегда четкие.

Так, образы Фёдора Алексеевича и Иоанна Антоновича создавались почти «с чистого листа». Фёдор Алексеевич, как показал исследователь XVII в. А. П. Богданов [123], содействовал развитию образования, торговли и промышленности, приглашал зарубежных специалистов, предписывал носить европейское платье и даже...регламентировал дуэли [123, с. 72–74]. Правление Федора, считала Н. Ф. Демидова, проложило путь Петровским реформам [259].

А. Б. Каменский впервые в отдельной статье рассказал об императоре Иване Антоновиче и его родственниках, загубленных из-за близости к трону [418].

Персоналии следующей группы традиционно определялись одной-двумя чертами, и в новых условиях ставилась цель создания более содержательных портретов. Это Михаил Федорович (первый Романов на престоле), Алексей Михайлович (отец Петра I и царь, при котором было принято Соборное Уложение 1649 г.), Екатерина I (выбившаяся из низов жена Петра I и бездарная правительница), Петр II (ничем значительным не проявивший себя внук Петра).

Несмотря на написание значительно более полных биографий монархов данной группы, существенных изменений в представлениях о них не произошло. Как и ранее, Михаил Романов предстает достойным человеком, которому пришлось взять на себя власть, восстанавливать страну после Смуты и примирять в ней «всех и вся». К этому мнению пришли ряд исследователей России XVI–XVII вв. — Л. Е. Морозова [703], А. А. Преображенский, Н. Ф. Демидова [936], Р. Г. Скрынников [1077], В. Н. Козляков [496]. Положительно отношение и к Алексею Михайловичу, переходному типу правителя между православным государем и абсолютным монархом [1094]. «Тишайший» царь проводил активную внешнюю политику и немало сделал для укрепления абсолютизма [31, с. 5–6; 936, с. 334]. А. Н. Боханов оценивает правление Алексея Михайловича с позиций монархизма, как «период русского творческого подъема» [134, с. 6].

Что касается Екатерины I, то очерк В. И. Буганова [141] и книга Н. И. Павленко [812] едины в выводах. В историю Екатерина вошла благодаря близости к Петру I [141, с. 48]. Однако И. В. Курукин не так строг. Екатерина не была политическим гением, но она стала незаменимой помощницей для Петра [563]. В оценке же личности Петра II разногласий нет. Петр — пешка в чужой игре [40, с. 62], и вообще после смерти Петра I России «не везло» на царей [821, с. 6].

При создании портретов Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III, Павла I доминирующей стратегией явилось снятие стереотипов.

Пересмотр представлений об Анне Иоанновне не смог наделить ее чертами обаятельной женщины, мудрой правительницы или просто душевного человека, ее «исторический имидж» не изменился [33]. Максимум возможного — это постараться понять ее [34, с. 355]. С другой стороны, Е. В. Анисимов предлагает отказаться от целиком негативной оценки анненского правления как «бионовщины» и засилья иностранцев [33, с. 25–27]. С этим солидарен И. В. Курукин, предлагая смотреть на проблему шире и отмечая, что «подлинная историческая роль Бирона состоит том, что он оказался первым в нашей политической истории “правильным” фаворитом, превратившим малопочтенный образ ночного “временщика” в настоящий институт власти» [565, с. 37]. Н. И. Павленко, напротив, категорически не согласен с такой постановкой вопроса. Он считает, что бироновщина — это реальный факт и целый комплекс негативных

явлений [810, с. 369]. В целом же период от Петра I до Екатерины II перестал восприниматься как нечто незначительное, а его содержание было представлено читателю такими названиями книг, как «Эпоха “дворских бурь”» И. В. Курукина [566] или «Страсти у трона» Н. И. Павленко [827].

По мнению исследователя России XVIII–XIX ст. В. П. Наумова, недооценка роли Елизаветы Петровны свидетельствует о недостаточном понимании роли монарха в абсолютистском государстве [745, с. 70]. Е. В. Анисимов считает, что правление Елизаветы оказалось одним из самых мирных и адаптировавших страну к нововведениям [37, с. 414–415]. Московский историк К. А. Писаренко утверждает, что Елизавета умела быстро и эффективно изменить ситуацию, а в нестандартности мышления мало кто мог с ней сравниться [862].

Рассказывая о Петре III, А. С. Мыльников сразу расставляет акценты: о посмертной реабилитации речь не идет, нужно попытаться постигнуть правду [717, с. 25]. Гибель Петра III — это «смерть реформатора», хотя эта точка зрения разделяется далеко не всеми исследователями российского XVIII века [716].

Значительное внимание историков привлек образ Павла I. Как отметил А. Н. Сахаров, в свое время Екатерина II предупредила сына о том, что нельзя воевать пушками против идей. Но именно так Павел I и действовал. Демонстрируя «деспотический экстремизм», он затронул социальные пласты, которые потревожить было особенно рискованно [1029, с. 76]. Московский историк государства и права В. А. Томсинов считает, что убийцы императора руководствовались не идейными, а личными мотивами. После смерти Павла изменилась лишь внешняя политика, а внутри страны реформы проходили в основном по павловскому плану [1133, с. 86]. Возможно, если бы Павел царствовал и далее, не было бы войн с наполеоновской Францией и Крымской войны, а крепостное право было бы отменено раньше [1132].

Следующую группу персоналий представляют два монарха с титулами Великих — Петр I и Екатерина II. В отношении их происходит не столько корректирование представлений, сколько максимальная популяризация. Вот оценка Петра I из книги Е. В. Анисимова «Императорская Россия»: «Опросы общественного мнения показывают, что среди выдающихся деятелей России у Петра Великого нет соперников: он один привлекает более 50 процентов общественных симпатий... Это значит, что люди признают необходимость мирных реформ и ненужность революции. В любви к первому императору видно и сожаление об исчезнувшей империи... Здесь и восхищение людей сильной личностью, хозяином, ведущим народ вперед» [38, с. 164]. По количеству посвященных ему работ историков — Н. И. Павленко [818–820; 823; 825], Е. В. Анисимова [36; 39], Я. Е. Водарского [180–181] и др. — Петр I находится в тройке наиболее популярных монархов вместе с Екатериной II и Николаем II.

Екатерина II, которая, по словам А. Б. Каменского, в советской историографии не удостоивалась доброго слова [420, с. 12], получила такое признание, что, по мнению исследователя ее эпохи П. В. Стегния, «трудно сыскать даже потаенный уголок великой жизни, куда бы не заглянул пытливым взором отечественный или зарубежный историк» [1106, с. 3]. Это объяснимо — екатерининская эпоха сыграла системообразующую роль в развитии российского общества [1106, с. 3]. Политические портреты Екатерины II создали многие российские исследователи XVIII в. — А. Б. Каменский [417; 420–421], Н. И. Павленко [811], О. И. Елисеева [307] и другие. Екатерина популярна и в западноевропейской историографии — достаточно вспомнить работы профессора славистики Лондонского университета И. де Мадариага (1919–2014) [631] и Э. Каррер д'Анкосс [446].

К 200-летию со дня смерти императрицы вышла статья «Непоколебимая Екатерина» историка дореформенной России М. А. Рахматуллина [967–968]. Очевидно, что общественные настроения в России 1990-х гг. иллюстрирует такой авторский вывод: «Двести лет назад завершилось правление императрицы, еще при жизни по праву названной Великой. Благодаря ее разумной политике Россия прочно заняла место ведущей державы мира. С тех пор во главе страны сменилось более десятка самодержцев, вождей, генсеков, президентов. И что мы имеем сегодня?! Едва ли наши соотечественники отзовутся о своем времени так же восторженно, как это делали люди Екатерининской эпохи» [968, с. 25].

Персоналии монархов XIX в. составляют отдельную группу, в осмыслении которой на первое место выступает оценочный критерий. Параллельно с психологизмом характеристик, возрастают рефлексия и расхождение оценок, выводя к главной проблеме: почему произошли Февраль и Октябрь 1917 года?

Внутри названной группы четко выделяются две подгруппы — реформаторов и консерваторов. Персоналии реформаторов — Александра I и Александра II осмысливаются также в связи с вопросом: в какой степени личность может изменить систему, элементом которой сама является?

Для Александра I лавирование было наиболее эффективной линией поведения. Но главное — через всю жизнь он пронес моральные муки вольного или невольного участия в убийстве собственного отца [1031, с. 54]. Александра преследовал страх перед переворотом и понимание того, что реформаторские идеи не удастся в полной мере воплотить. Отсюда — «жажда и боязнь реформ» [1030, с. 938–943], и не случайно исследователь XIX в. Л. М. Ляшенко утверждает, что вряд ли возможно понять мятущуюся натуру царя [626, с. 7].

Александр II, по мнению Л. Г. Захаровой, выдающейся личностью не был, только сила обстоятельств заставила его затронуть государственную систему [331, с. 78]. Тем не менее у Александра был «инстинкт прогресса», а отсутствие фанатизма и жестких рамок позволили ему провести Великие реформы [332,

с. 685]. Их оценка, однако, неоднозначна. Исследователь пореформенной эпохи Е. П. Толмачев указывает, что они были прогрессивными, но половинчатыми и непоследовательными [1130, с. 31]. С другой стороны, в книге Л. М. Ляшенко ведется речь и о жизненном подвиге царя-освободителя [625, с. 18].

Деятельность царей-консерваторов, Николая I и Александра III, в условиях оживления традиционалистских настроений приобрела новые оттенки трактовок. Почему правление Николая I закончилось так печально, спрашивает С. В. Мироненко [689, с. 93], и отвечает: мир изменился, а в России стремились только сохранить и укрепить то, что было [689, с. 154]. Можно по-разному относиться к Николаю I, соглашается Н. С. Киняпина. Однако именно он был первым, кто понял евразийское положение России, и единственным из ее царей, кто продуманно готовил наследника престола к управлению государством [462, с. 8–10]. По мнению Санкт-Петербургского историка Л. В. Выскоцкого, Николай проводил политику ограничения крепостного права [201, с. 224], осознав необходимость его отмены еще в 1826 г. [201, с. 204]. Во время восстания декабристов поведение царя, который весь день был на виду у мятежных войск, убеждая их разойтись, а потом удивлялся, как его не убили, совершенно не характеризует его как деспота и труса [426, с. 33–34]. Изданием, дающим массив информации для размышления об этом императоре, является антология «Николай I: pro et contra» [759]. Итог подвел Л. В. Выскоцкий в историографической статье о Николае I: «Нет, он не нуждается в реабилитации, но распространенные стереотипы оценки его как человека и государственного деятеля еще долго будут довлеть над отечественной историографией, воспитанной в герценовско-декабристских традициях. Однако время однозначных оценок прошло» [200, с. 79].

Александр III в интерпретациях современных историков, разумеется, не стал демократом или интеллектуалом, но взвешенное отношение и уважение к царю, прозванному Миротворцем, заметно возросли, что очевидно, например, из книги Е. П. Толмачева [1131, с. 3]. Н. Ф. Гриценко считает контрреформы консервативной стабилизацией [229–230], при которой во внутривластном курсе «получили распространение идеи... основанные на обновленной трактовке триады православие, самодержавие, народность» [229, с. 6]. Сбалансированную оценку царя высказывает В. Г. Чернуха. Этот «добропорядочный обыватель и чудесный семьянин» нес чужое бремя самодержавия, не владея соответствующими качествами и сам это понимая [1249, с. 46–47].

Наибольшая же апологетика правления Александра III, когда Россия обрела «покой и уверенность», звучит в работах А. Н. Боханова. Никаких «контрреформ», по мнению Боханова, не было, царь просто попытался «нажать на тормоза» [130, с. 291–302]. «Русский царь — понятие религиозное, — считал Боханов. — Религиозный же авторитет не подлежит реформированию» [130, с. 470]. Резким

оппонентом Боханова стал профессор Саратовского университета Н. А. Троицкий (1931–2014). В статье «“На земле стоит комок...” Александр III: время, правление, личность» [1137] Троицкий утверждает, что оснований для восхвалений Александра III нет, «за исключением, разумеется, розовых очков на глазах восторженных поклонников» [1137, с. 88].

Вокруг личности Николая II идут не только исторические, но и политические баталии, особой темой является канонизация императора и его семьи. Это позволяет рассматривать последнего самодержца как уникальную персоналию, и не случайно поэтому личность и правление Николая II являются самостоятельной темой историографических исследований [221; 1085; 1187].

Логика всех работ, посвященных Николаю II, приводит к «вечным вопросам» российской историографии: почему произошли события 1917 года? Например, Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин взвешенно оценивают деятельность последнего российского императора [25], причем еще в 1991 г. Ганелин указывал на драму расставания царя с монархической властью [208, с. 3–4].

Тональность исследований, где идет речь о Николае II, колеблется от сдержанно критических (Е. С. Радциг [962], О. Г. Малышева [640]), до апологетических, апеллирующих к сакральности самодержавной власти (А. Н. Боханов) [131–133]. При этом Боханов не только создает собственную версию «правды царя» [131], но и развертывает свое видение причин кризиса и падения российской монархии как результата кризиса духовности в российском обществе [133]. По мнению Боханова, причины потрясений, постигших Россию, нужно искать в моральной эрозии общества, крушении монархизма как идеи, чего не смог бы предотвратить ни один правитель [131, с. 431–440].

Последний российский монарх является сложнейшей фигурой российской истории, и не случайно оценки его жизни и деятельности находятся в весьма широком диапазоне. Однако представляется, что среди работ, посвященных Николаю II, одной из наиболее удачных в содержательном и оценочном аспектах является книга санкт-петербургского историка С. Л. Фирсова [1186].

Таким образом, рефлексия российского абсолютизма в исторической науке современной России — это многослойное историографическое явление, вобравшее в себя актуализированное дореволюционное наследие, сохранившее продуктивные идеи советского периода и воспринявшее, в известной мере, западные интерпретации. Широкий исследовательский охват в центральных и региональных научных центрах, изменившиеся ценностные установки, идейная окрашенность анализируемых проблем, методологическая сложность научного нарратива, разветвленность, многослойность и беспрецедентное разнообразие проблемного поля служат достаточным основанием для утверждения о том, что интерпретация российского абсолютизма историками России на современном этапе выступает предметом отдельного историографического рассмотрения.

Изучение многообразных аспектов российского абсолютизма, а шире — российского самодержавия объясняется востребованностью данного сюжета в российском обществе, где, несмотря на идейное разнообразие, тезис о величии России и ее прошлого является интегрирующим. Российское самодержавие может оцениваться и с либеральных позиций, называясь едва ли не восточной деспотией, и с монархических, как уникальная в духовном отношении составляющая российской цивилизации, однако неизменно одно — восприятие российского абсолютизма как достойного уважения сюжета научных исследований [1–А; с. 646–648; 48–А].

Таким образом, общая направленность и характеристики развития концепта европейского абсолютизма в последние десятилетия демонстрируют очевидное прохождение им масштабного методологического цикла протяженностью почти в полтора столетия. Это подтверждается рядом параллелей, которые можно провести между дореволюционной и современной российской историографией.

В методологическом плане очевидна не только реинтерпретация установок государственной школы в трактовке самодержавия, но и присущее дореволюционной историографии в целом положительное отношение к российской монархии, что не исключает при этом существования более радикальных, как в позитивном, так и в негативном отношении, оценок.

Изучение западноевропейского абсолютизма осуществляется при вхождении российских исследователей Средневековья и раннего Нового времени в мировое научное пространство и восприятию ими подходов зарубежной историографии. По аналогии с существованием «русской школы» всеобщей истории в дореволюционной России в настоящее время ведется речь о развитии «новой русской школы» в изучении Старого порядка и Французской революции. В целом же, при рассмотрении как российского, так и западноевропейского абсолютизма очевидна единая тенденция, заключающаяся в превалировании, в конечном итоге, правового и культурно-антропологического подходов.

Отмеченные параллели, разумеется, не означают полной аналогии и тем более тождественности процессов, характерных для дореволюционной и современной историографии. В данном случае уместно вести речь о подобию явлений, повторяющихся на качественно ином уровне развития методологии и предметного поля. Тем не менее, принимая во внимание приведенные аналогии, необходимо отметить признак, характерный именно для современного этапа развития концепта абсолютизма. Это — переориентация в отношении абсолютизма как исторического явления, оцениваемого в настоящее время более позитивно, нежели в дореволюционной и тем более в советской историографии [17–А; 38–А; 46 – А].

ГЛАВА 8

СОЗДАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АБСОЛЮТИЗМА В УСЛОВИЯХ РАЗНООБРАЗИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ

8.1 Современные контуры и перспективы развития концепта абсолютизма

Последние десятилетия стали временем переосмысления проблематики абсолютизма и сочетания в этом подходов различной степени новизны. На базовом уровне интерпретация абсолютизма изложена в учебной литературе для высшей школы. В пособиях 2000-х гг. предлагается, например, такое определение: «Абсолютизм — особая социально-политическая система, складывающаяся в период перехода от традиционного к индустриальному обществу и отражающая временный баланс социальных сил» [909, с. 93]. Генезис абсолютной монархии связывается с модернизацией и изменением социальной структуры и экономических основ общества, а также новыми формами социальной мотивации и картины мира [765, с. 92]. «Новые классы — новое государство», — так можно охарактеризовать этот подход [304, с. 29]. Очевидно, что в данных примерах налицо преобладание социологической модели в трактовке абсолютизма.

С другой стороны, ряд учебных пособий демонстрируют приоритет правового подхода. Для абсолютной монархии характерны «централизация, унификация и регламентация» управления [796, с. 541]. Однако отмечается, что, несмотря на использование термина «абсолютизм», ни одна монархия не была на практике неограниченной, король обязан был соблюдать «естественные законы», ограничивающие его полномочия [390, с. 32]. Абсолютная монархия в Западной Европе сохраняла правовой характер, более того, власть монарха не распространялась на собственность его подданных [970, с. 75].

Особое место среди данной группы литературы занимает учебник «Английская революция XVII века» [499] С. В. Кондратьева, где автор вообще не применяет термина «абсолютизм». Характеризуя королевскую власть, Кондратьев выделяет в ней два аспекта — правовой и социокультурный. «Странным образом представление о безграничной королевской власти в головах подданных уживалось с практическими, реально существующими, и, что еще удивительнее, декларируемыми ограничениями» [499, с. 55], — отмечает Кондратьев.

В трактовке абсолютизма во «Всемирной истории» очевидно радикальное переосмысление социологического подхода. Последний если и присутствует, то наполняется другим смыслом. Действительно, соглашается М. А. Юсим, на

сегодняшний день не существует альтернативных или более исчерпывающих формулировок для характеристики XVI–XVII вв., чем данные еще советской историографией «переход от феодализма к капитализму» или «генезис капитализма». При этом историки всего мира применяют понятия «капитализм», «капиталистическое производство», «буржуазия», далеко не всегда утруждая себя их уточнением [197, с. 52]. Далее высказывается мнение, с которым нельзя не согласиться и в отношении понятия «абсолютизм». «Видимо, объективное наличие некоторого ряда феноменов, скрывающихся за словом «капитализм», представляется очевидным, — отмечает М. А. Юсим, — а копание в теоретических нюансах, некогда обязательное для советских историков (был ли тот или иной процесс уже капиталистическим или еще докапиталистическим, когда именно установился новый строй в той или иной стране... теперь выглядит схоластическим или в лучшем случае является уделом философов и социологов» [197, с. 52]. Отмечая, что марксистская социология объясняла абсолютизм неустойчивым равновесием влияния дворянства и буржуазии, М. А. Юсим указывает на следующее: во-первых, разнообразие общественных институтов «не вписывается в схемы, нанизывающие все жизненные сферы на один стержень» [197, с. 56]. Во-вторых, абсолютизм являлся определенным «венцом государственного строительства» и политического сознания, в котором общее благо стало отождествляться с личностью государя [197, с. 56].

В главе, посвященной абсолютизму как этапу развития государственности, В. Н. Малов, рассматривая условия оформления абсолютной монархии, на первое место выдвигает военный фактор. Войны требовали огромных средств, но для монархов все более затруднительно было испрашивать их у сословий. Устранение этой необходимости и укрепление личной власти монарха В. Н. Малов считает «важнейшим критерием перехода от сословно-представительной к абсолютной монархии» [197, с. 482].

Военный фактор считает доминирующим в утверждении абсолютизма С. А. Нефедов (Екатеринбург). Основываясь на теории «военной революции», он утверждает: «Два пика самодержавия — при Иване IV и Петре I — были отмечены острыми конфликтами между аристократией и царями, и, конечно, не является случайностью, что эти конфликты совпадают по времени с радикальными военными реформами» [760, с. 138]. На геополитический и военный фактор обращает внимание и Л. И. Ивонина (Смоленск). Новый этап континентальных войн, гегемония Франции, адаптация и конкуренция государств сопровождалась процессом, называемым Л. И. Ивониной «монархизацией» [376].

Политическая культура, функционирование двора, психология власти — это поистине необъятное проблемное поле в исследовании абсолютизма может с полным правом претендовать на роль отдельной парадигмы в осмыслении абсолютизма. «Образы правят миром», а власть — категория не только правовая

или социальная, но и символическая, как подчеркивается в предисловии к материалам двух коллоквиумов российских и германских историков в 2002 и 2003 гг. Соответственно, «мы вправе описывать власть не как развитие правовых или политических норм, и даже не как совокупность предзаданных культурой установок... а как... динамический процесс складывания, трансформации и распада образов, относящихся к идеям господства и подчинения» [772, с. 5–6].

В 2016 г. была опубликована статья доктора исторических наук М. М. Крома (Санкт-Петербург) [557] в которой автор проводит историографический анализ существующих подходов к созданию модели государства раннего Нового времени, и предлагает свое видение этой проблемы. Понятия «государство Нового времени» (модерное государство) и «абсолютизм» у автора не являются тождественными, что совершенно правильно, так как формы европейской государственности рассматриваемого периода включали не только абсолютные монархии. Анализируя работы зарубежных историков, предлагавших определяющие черты новоевропейского государства, М. М. Кром приводит следующий их ряд. Это устойчивость в пространстве и времени, формирование безличных, относительно постоянных политических институций, перенос лояльности с семьи, местного сообщества на государство, деперсонализация власти, т.е. отождествление ее не с личной волей монарха, а с идеей безличного государства как объекта всеобщего служения [557, с. 4–5]. Модерное государство имеет «военно-фискальное» происхождение, осуществляет монополию на насилие и сбор налогов, корректирует в своих целях такие институты, как церковь и право и руководствуется идеологией национализма [557, с. 6–7].

Говоря о начавшемся в 1984 г. европейском проекте по изучению современного государства («*La genèse de l'État moderne*»), М. М. Кром указывает, что, несмотря на проделанную работу, «итоговая концепция не выработана» [557, с. 7–8]. Однако возможно ли, рассуждая об эволюции государства, проходящей в течение нескольких столетий и вобравшей все разнообразие его форм в масштабе Европы, прийти к единому мнению относительно его определяющих черт?

Предметом особой критики М. М. Крома выступает гипотеза «диффузии» западноевропейской модели государства в другие страны и регионы, выдвинутая французским историком Ж.-Ф. Жене. По Крому, эта гипотеза «не имеет под собой серьезных оснований», поскольку не описан механизм распространения государственных институтов из Западной Европы в другие части континента» [557, с. 9]. Действительно, вряд ли можно переносить формы правления на другую почву, но возможно заимствовать правовые и культурные нормы, организацию системы управления и т.д. — подобные примеры в избытке предоставляет, например, эпоха Петровских реформ в России. Это — культурный трансфер, выступающий важнейшим механизмом социокультурного обмена и коммуникации. Уместно указать в данном контексте на вышедшую в 2008 г. книгу,

посвященную восприятию и адаптации европейских идей и практик в России [160]. Содержание концепции диффузионизма, а также созданная на ее основе модель отражены в докторской диссертации Е. В. Алексеевой [22].

М. М. Кром предлагает собственную модель государства раннего Нового времени. В самых общих чертах, модерное государство — это переходная форма от патримониальной монархии к легальному и бюрократическому порядку. Для него характерно делегирование властных полномочий и деперсонализация управления, влияние народного представительства и коллективных петиций, а также унификация религиозной жизни, поставленной под государственный контроль. Суть же модели государства раннего Нового времени может быть определена как единство в многообразии [557, с. 10–15]. Представляется, что указанное верно, однако патерналистская культура самодержавной России не позволяет вести речь о деперсонализации управления России в такой же мере, как это было в Западной Европе.

С. Е. Федоров и А. А. Паламарчук обоснованно предлагают рассматривать власть как некий функционал, имманентно присущий любой социальной системе и включающий такие элементы, как власть как субстанциональное явление, провластный дискурс, контрвластный дискурс, и власть как процесс. Данный подход, несомненно, универсален и открывает возможности наполнения приведенной схемы неограниченным конкретным материалом [1179].

В 2006 г. вышла публикация А. Н. Медушевского «Российский абсолютизм в сравнительном освещении (XVIII–начало XX в.)» [669], где автор указывает на три основных подхода в интерпретации абсолютизма — юридический, социологический и исторический [669, с. 84]. Медушевский предлагает определять абсолютизм как форму становления национальных государств Нового времени. Эта форма, как идеальный тип, характеризуется следующими чертами.

- формированием нации и национального самосознания;
- стремлением к созданию в определенных национальных границах рациональной системы военного, административного и финансового управления;
- созданием такого консенсуса между обществом и государством, при котором последнее берет на себя основное бремя модернизации первого;
- проведением правовой унификации, систематизации и централизации;
- реализацией монархического суверенитета, как идеологического постулата, правового принципа и механизма управления;
- созданием административно-бюрократической вертикали власти, устраняющей возможность автономного и независимого общественного мнения [669, с. 87].

Трактовка Медушевского представляется на сегодняшний день оптимальной и демонстрирует многосторонние «перспективные установки» абсолютистского государства.

Однако, если А. Н. Медушевский рассматривает абсолютизм как идеальный тип с позиции его «конечных целей», не менее правомерно представить это явление в конкретно-историческом ракурсе и специфике характеристик. Указанное позволяет выявить следующие составляющие интегративной модели абсолютизма:

- хронотопический;
- правовой;
- военный;
- социологический;
- ментальный.

В концепте абсолютизма хронотоп — базовая характеристика, маркирующая явление, называемое «абсолютизмом», и указывающая на время и место его существования. В средневековой и новосторонней под абсолютизмом понимается особый тип государства Западной Европы и России, форма правления которого представляет юридически неограниченную наследственную монархию. Абсолютизм господствовал в Западной Европе раннего Нового времени, т.е. в XVI–XVIII вв., а в России сохранился до начала XX в. Хронотопические характеристики европейского абсолютизма важны для системного понимания этого явления. Западная Европа XVI–XVIII в. предстает как целостный цивилизационный феномен. Ему присущи особые природные, демографические, экономические, социальные, политические, культурные и иные характеристики, без учета которых квалифицированное рассмотрение проблематики абсолютной монархии в отдельных странах представляется затруднительным.

Правовой аспект в концепте абсолютизма занимает важнейшую позицию. Фундаментальность его доказана не только рецепцией в средневековой Европе идей римского права и деятельностью легистов и идеологов суверенитета королевской власти. Так, Ж. Боден утверждал: необходимо, «чтобы суверены не подчинялись повелениям других людей и чтобы они могли давать законы подданным и отменять» [127, с. 146]. Правовой подход был применен историками и правоведами в качестве основы в осмыслении абсолютизма во второй половине XIX–XX в., его устойчивость подтверждается и в настоящее время.

Огромная роль военного фактора в создании абсолютных монархий не вызывает сомнений. Наличие в распоряжении правителя армии и финансовых средств не только демонстрирует его потенциал власти, но и обеспечивает и реализует его. Со своей стороны, реалии войны и мобилизации усиливали монархическую власть, и ярким примером этому могут послужить Петровские реформы в России.

Вместе с тем, роль военного фактора коррелируется с положением и размером страны, ее обеспеченностью ресурсами, а правительства — средствами. Чрезвычайные меры государства сопрягаются с готовностью людей принять эти меры. Часто опустошение карманов подданных и перенапряжение страны

приводили к социальному взрыву, — отмечает в связи с этим П. Ю. Уваров. Применительно к середине XVII в. в Испании это потеря Португалии и части Каталонии, во Франции — Фронда, в России — «бунташный век», а о том, «во что вылилось лишь стремление монарха более свободно собирать налоги и распоряжаться ими по ту сторону Ла-Манша, — подводит итог Уваров, — вообще лучше не вспоминать» [1154, с. 15].

Социологический аспект в модели абсолютизма, или то, что называется социально-экономическим развитием, долгое время был господствующим, что объясняет существующую ныне долю скепсиса по отношению к нему. Однако такая реакция скорее эмоциональная, чем профессиональная. Социально-экономическое положение — это структура общества и экономика, выступающие не только как важнейший ресурс для правителя, но и как фундаментальные показатели развития конкретного государства.

Ментальный аспект в концептуальной модели абсолютизма охватывает сферу интеллектуальных, эмоциональных, ценностных, рациональных, иррациональных и подобных установок и особенностей, характерных для социальных групп и отдельных личностей. Абсолютизм является формой правления в государстве, где неразделимы светская и церковная власть. Абсолютный монарх, деяния которого сакральны, возвышается не над гражданами, а над подданными, регулируя их жизнь — публичную и частную — на основе идей общего блага, государственного интереса, службы Отечеству и т.д. Тираноборческие и демократические доктрины, равно как и крестьянские войны и восстания, ни в коей мере не отменяют этого обстоятельства. При абсолютизме невозможно переоценить значимость двора и личности монарха.

Охарактеризованные выше аспекты концептуальной модели абсолютизма, за исключением хронологического, являющегося базовым, не представляется возможности ранжировать или провести между ними четкую грань. Абсолютная монархия — это сложнейшее многомерное явление, развивающееся во времени и пространстве под влиянием множества факторов. Их сочетание и степень воздействия различаются в количественном и качественном отношении, при этом необходимо учитывать эффект их совокупного действия.

Таким образом, современные интерпретации абсолютизма представляют собой широкий спектр подходов, каждый из которых имеет безусловное основание и научную ценность, и вряд ли возможно и даже необходимо в обозримом будущем стремиться к созданию некой единой трактовки. Представленная выше интегративная модель абсолютизма предлагается как одна из альтернатив и направлена на рассмотрение абсолютизма, в первую очередь, во всем многообразии его конкретно-исторических проявлений. При этом она учитывает весь спектр современных подходов и может быть применена к максимальному диапазону государств с абсолютистской формой правления [1—А, с. 698–702].

8.2 Концепт абсолютизма в условиях терминологической и понятийной ревизии

Применение термина «абсолютизм» уже не одно десятилетие является дискуссионным. Так, начиная дискуссию 1968–1972 гг., исследователь истории России начала XX в. А. Я. Аврех подчеркнул: «Абсолютизм — тема не только важная, но и коварная. Эта проблема обладает удивительным свойством: чем больше успехи в ее конкретно-исторической разработке, тем туманнее становится ее сущность» [7, с. 82]. В 2007 г. П. Ю. Уваров указал на факт того, что «наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаем о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином «абсолютизм». Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив... и реальной практикой отправления власти и правосудия... Этот новый ракурс привел одних авторов к демонстративному развенчанию термина «абсолютизм», а других к простому игнорированию его в своих практических исследованиях» [1156, с. 237]. В 2012 г. Л. И. Ивонина акцентировала внимание на том, что «дискуссия об эпохально-специфическом качестве государства раннего нового времени никогда не кончится... Исследователями Старого порядка системное понятие «абсолютизм» перманентно подвергается критике, доходящей до утверждения, что эту категорию следует вообще удалить из ряда исторических дискурсов» [376, с. 105]. В 2014 г. исследователь российской монархии начала XIX в. К. С. Чернов, констатировал, говоря о российском абсолютизме: «До сих пор не дано четкого определения абсолютизма, не определены ни критерии, ни хронологические рамки этого явления, не предложена его периодизация» [1247, с. 128]. Наконец, в 2016 г. М. М. Кром, изучающий проблемы новоевропейской государственности в свете компаративного подхода, высказался по обозначенной проблематике так: «И хотя некоторые историки продолжают настаивать на полезности этого термина в ограниченном, прежде всего юридическом, смысле, уже ясно, что понятие «абсолютизм» не может служить концептуальной общеевропейской модели государства раннего Нового времени» [557, с. 5–6].

То, что понятия и термины условны и существуют в конкретном научном и социокультурном контексте, является общим местом в методологии науки. В свете гносеологического релятивизма последних десятилетий и сама работа историка трактуется лишь как конструирование версий, более или менее подтверждающихся источниками. Применение таких понятий, как «феодализм», «абсолютизм», «средние века» и т.д. стало объектом дискуссий. В частности, критика термина

«абсолютизм» основывается на том утверждении, что абсолютная власть монарха на практике таковой не являлась.

Н. Хеншелл в «Мифе абсолютизма» утверждал: «Сохранять название «абсолютизм», изменяя большую часть его содержания — полумера, ведущая к непоправимым заблуждениям. Кажется, нет нужды далее продлевать ему жизнь» [1200, с. 240]. Несомненно, имеет смысл и утверждение Н. Дэвиса о том, что в понятие «абсолютизм» в эпоху его существования вкладывалось самое разное содержание [301, с. 426]. Венгерский историк Я. Поор, характеризуя осмысление абсолютизма, обращается к сентенции Августина Блаженного, которую можно перевести так: «Если никто не спрашивает меня, я знаю; но если бы я хотел объяснить это тому, кто должен спросить меня, то, очевидно, я не знаю», и подытоживает, что «несмотря на поучительную истинность этого мудрого трюизма, исследователи уже более полутора столетий неустанно пытаются ответить на не имеющие ответа вопросы» [910, с. 69].

Однако, к сожалению, никто из авторов не предлагает терминологических альтернатив. Тем не менее то, что обозначается словом «абсолютизм», существовало как явление истории и существует как концепт исторической науки. «Игры ума», безусловно, полезны в научном сообществе, члены которого понимают друг друга и резонность сказанного Августином. Однако необходимо выразить суть явления «абсолютизм», прежде всего, в образовании для сохранения опорных представлений и понятий, без которых невозможно построение систематизированного знания. Не случайно П. Ю. Уваров указывал, что «нужно найти определения хотя бы для преподавания, иначе курс истории вновь превратится в перечень фактов политической истории и сборник анекдотов» [1151, с. 6]. Выходов из этой ситуации, считает Уваров, может быть три. Первый — признать, что время общих понятий и больших нарративов ушло. Второй — отбросить устаревшие понятия и придумать новые. Наконец, третий путь, на котором и предлагается сконцентрировать усилия — подумать о том, можно ли приспособить старые понятия в современных условиях, и если можно, то как это сделать [1151, с. 6].

В отношении термина «абсолютизм», не единожды отвергаемого, но имеющего, тем не менее, устойчивые коннотации, очень велико желание найти адекватную замену. Для начала можно обратиться к определениям, применяемым в эпоху существования самой абсолютной монархии. Королевская власть характеризовалась как «совершенная», «суверенная», «единовластная», она могла быть «законной» и «деспотической». Перечисленные определения, несомненно, образно передают идею величия абсолютной монархии и размежевывают в ней легитимную и самовластную основы. Однако для дефиниции абсолютизма как предмета научного анализа они малопригодны. Действующая система терминов, разумеется, не канонична, но если монархия «совершенна», что имеется в виду под

«несовершенной»? Кроме того, суверенный монарх может быть и конституционным.

Терминологический ряд возможных аналогов может быть представлен «деспотизмом», «самодержавием», «цезаризмом», «автократической монархией», «неограниченной монархией», но почти все они несут достаточно конкретную смысловую нагрузку, не указывающую в должной мере на западноевропейскую специфику того, что обозначается как «абсолютизм». Кроме того, можно ли отождествлять европейский абсолютизм с «деспотизмом», отражающим, прежде всего, отсутствие правовых гарантий у подданных, или «самодержавием», указывающим на специфику российской монархии? «Автократическая» переводится с греческого как «самодержавная». Не создаст ли терминологической путаницы «самодержавие» и «самодержавная монархия»? «Цезаризм» акцентирует внимание на узурпации власти как ее основном признаке, но в новоевропейском контексте выдвигать этот критерий на первое место — значит в большинстве случаев игнорировать исторические факты. В результате ближайшим синонимом «абсолютной монархии» выступает «неограниченная монархия». В известном смысле это словосочетание может быть принято как термин, ближайший по смыслу к термину «абсолютизм». В современной исторической литературе это имеет место, однако говорить о полной замене термина «абсолютизм» на термин «неограниченная монархия» преждевременно.

Уместно вспомнить и такую характеристику абсолютизма, как «классическая монархия». Например, П. Шоню (1923–2009) вслед за Вольтером называет Европу XVII в. классической, демонстрируя непрерывность интеллектуальных и социальных процессов XVII и XVIII вв. [1302, с. 8–10] и ведет речь о классическом государстве [1302, с. 27]. При абсолютизме «король обладает абсолютной властью в той степени, в какой он является источником всякой власти, источником закона», причем абсолютный монарх гораздо меньше, чем современное государство, вмешивался в сферу частного права, римского права или обычая [1302, с. 542]. Монархия раннего Нового времени является «классической» и для Э. Ле Руа Ладюри. При этом период 1610–1774 гг. Ле Руа Ладюри связывает с «упрощенным термином “абсолютизм”» [591, с. 6].

Не менее популярным терминологическим аналогом абсолютизма была «ренессансная монархия», выступая одновременно и как в известной мере противопоставление зрелому абсолютизму. Это понятие, не раз предлагаемое зарубежными историками, в свое время стало предметом внимания А. Д. Люблинской [612], с выводами которой можно согласиться. Действительно, формы абсолютизма разнообразны. Во Франции, например, «ренессансное государство» существовало в XVI–первой половине XVII в., затем был абсолютизм «века Людовика XIV», а в XVIII в. — государство «эпохи Просвещения» [612, с. 7–8]. Западные исследователи расценивали недостаточно сильную власть правителя

как определяющую черту ренессансной монархии [612, с. 9]. Однако, считает Люблинская, вряд ли правомерен метод прямого соотнесения культуры и типа государства. Ренессансная монархия — это не что иное, как ранний абсолютизм, а не особый тип государства [612, с. 10–11]. Проблема в том, что, по справедливому замечанию Люблинской, растянутость процесса усиления центральной власти делает проблему раннего абсолютизма трудной для исследования. Обычно эта стадия с ее неясными формами анализируется ретроспективным путем — от стадии абсолютизма завершеного [612, с. 12].

Нужно отдельно сказать о возвращенном ныне термине «Старый порядок». Однако и он — «ancien régime», отнюдь не свободен от негативного подтекста. Так, Н. Хеншелл отмечает, что в 1789 г. революционеры давали определение «ancien régime», чтобы вынести ему приговор [1200, с. 235], а далее либеральным историкам XIX века «нравилось изображать эпоху «ancien régime» пыльным складом устаревших идей и учреждений [1200, с. 217]. В дореволюционной российской историографии «абсолютизм» и «Старый порядок» применялись параллельно: под первым подразумевалась преимущественно система управления, под вторым — система общественных отношений. Представляется, что замена «абсолютизма» на «Старый порядок» правомерна, но в широком смысле, для обозначения особого социально-политического состояния общества.

Абсолютизм, разумеется, может быть определен как модерное государство, однако это не синоним, а часть характеристики. Понятие «модерное государство», какие бы коннотации в него ни вкладывались, все же гораздо шире, чем понятие «абсолютизм». Новоевропейский политический ландшафт был представлен и республиками (Швейцарская конфедерация, Венеция, шляхетская Речь Посполитая, характеризуемая также как конституционная монархия, республика Соединенных провинций).

В работах последних лет термин «абсолютизм» часто употребляется в сочетании с пояснениями. Так, в третьем томе «Всемирной истории» понятие «абсолютизм» сопровождается целым ассоциативным рядом. Это и «абсолютная власть монарха», и «ничем по сути не ограниченный суверенитет единоличного государя», и «определенный венец» «государственного строительства и развития политического сознания» [197, с. 56].

В «Истории Франции» система управления последних Валуа оценивается как абсолютизм, но при этом отмечено, что ресурсы королевской власти в середине XVI в. были еще очень малы [57, с. 101–103]. Напротив, монархия Людовика XIV характеризуется как расцвет абсолютизма и названа административной или административно-судебной [57, с. 150]. Этой же точки зрения придерживаются авторы коллективной монографии «Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время», заменив в своей работе «абсолютизм» на «абсолютную монархию» и называя ее «бюрократической» [174, с. 10].

Подводя итог, можно сказать следующее. В настоящее время термин «абсолютизм» оказывается максимально близким по значению к терминам «абсолютная монархия» и «неограниченная монархия». Рассматривая абсолютную монархию как этап в развитии государства Нового времени, уместно применять все уточняющие это понятие эпитеты — «ренессансная», «административная», «бюрократическая», «классическая», «просвещенный абсолютизм», «просвещенный деспотизм» и т.д. Для разрешения же противоречия между формально «абсолютной» властью монарха и практикой правления обоснованно задаться таким вопросом. С одной стороны, в европейских странах налицо сила местных традиций и местного самоуправления, суверенных судов, сословных прерогатив, общественного мнения. Однако существовал ли в них институт, который мог легитимно и действенно ограничить права короля? Такое случилось только после «славной революции» в Англии. Таким образом, в формально-юридическом аспекте власть монарха была неограниченна.

С учетом сказанного, оптимальным представляется определение абсолютизма, данное в словаре «Всемирная история государства и права» (2001 г.) [1. с. 6–7]: «Абсолютизм (лат. *absolutus* — независимый, неограниченный) — формально неограниченная феодальная монархия, самодержавие. Одна их форм государственного правления, при которой юридически верховная власть (законодательная, исполнительная и судебная) в полном ее объеме принадлежат монарху. Соответственно в государстве нет органа, который бы юридически ограничивал его полномочия. При А. достигается наибольшая (в условиях феодализма) степень государственной централизации, создается разветвленный бюрократический аппарат (судебный, налоговый и т.д.), большая постоянная армия и полиция; деятельность типичных для сословной монархии органов представительства или прекращается, или теряет прежнее значение» [1, с 6]. Необходимо, однако, учитывать, что силе абсолютной монархии противостояла сила общества, в любом случае сохранявшего известную автономию, и существовавшие в политической традиции ограничения власти монарха. Кроме того, в свете понятийного пересмотра последних лет словосочетание «феодальная монархия» требует уточнений.

Таким образом, идти по предложенному П. Ю. Уваровым третьему пути — приспособлению старых терминов к новым условиям, имеет смысл, но, поскольку речь идет о приспособлении, придется смириться с неизбежными допущениями. Если же вести речь о замене терминов, то на сегодняшний день представляется наиболее целесообразным перейти к более стилистически нейтральной «абсолютной монархии», что по факту произошло. Однако следует иметь в виду, что термины «абсолютная монархия» и «абсолютизм» не тождественны. Абсолютная (неограниченная) монархия есть, прежде всего, форма государственного управления. Термин же «абсолютизм» ассоциируется с

политическим режимом и социальной системой. В конечном же итоге, именно «абсолютная монархия» оказывается ближайшим синонимом «абсолютизма» и потенциальным вариантом его замены. Такое решение выглядит оправданным и по той причине, что термин «абсолютная монархия» вписывается в логический ряд: сословно-представительная монархия, абсолютная монархия, конституционная монархия, в котором ранжирование проведено по критерию баланса сил монархии и сословно-представительных институтов.

Очевидно, что в свое время применение термина «абсолютизм» было вызвано в первую очередь необходимостью подчеркнуть негативные черты абсолютной монархии как силы, противостоящей народу и общественному прогрессу. Из этих же соображений в советской историографии были созданы конструкции «царизм», «царское самодержавие», «феодално-абсолютистский строй», «феодално-крепостнической самодержавие», «крепостническое самодержавие» и другие, в настоящее время ставшие анахронизмами. Однако сам термин «абсолютизм» оказался достаточно жизнеспособным, и вряд ли в ближайшем будущем произойдет его замена.

Научная и образовательная практика показали: и понятие «абсолютизм», и обозначающий его термин, несмотря на все оговорки, имеют устойчивые коннотации, вобравшие в себя коррективы последних десятилетий, вследствие чего сохраняют устойчивость в применении. Однако вопрос не только в конвенциональности в академическом сообществе и привычности самого понятия «абсолютизм», как бы оно ни трактовалось. На сегодняшний день, в случае упразднения термина «абсолютизм», адекватная ему замена будет состоять из двух словосочетаний. Это «абсолютная монархия» (как форма государственного управления), и «Старый порядок» (как характеристика новоевропейского общества). Весьма сомнительно, с позиции функционирования языка и принципа в нем «наименьшего усилия» (он же закон «экономии») [165, с. 12–16] применение четырех слов там, где можно применить одно.

Подводя итог, можно сказать, что термин «абсолютизм» теоретически может быть отменен и (или) заменен на «абсолютную монархию», однако принцип языковой экономии и реалии применения демонстрируют обратное. Термин «абсолютизм», с пояснениями и оговорками, функционирует в научном пространстве, возглавляя целый ряд аналогов — «абсолютная монархия», «неограниченная монархия», «Старый порядок», «самодержавие». В свою очередь, в дискурсе историка абсолютная монархия может быть «ренессансной», «классической», «бюрократической», «административной», «просвещенной», и, возможно, этот ряд характеристик будет пополняться в перспективе. Очевидно, что, несмотря на все замечания о некорректности термина «абсолютизм», пожелания его отмены, сложнейшую проблему определения, маркируемого этим термином явления, полноценная замена или упразднение понятия «абсолютизм» и

соответствующего ему термина представляются задачей будущего [1–А, с. 703–713; 14–А; 19–А; 20–А].

8.3 Абсолютные монархии Западной Европы и шляхетская республика Речи Посполитой в свете задач компаративного подхода

Компаративный подход в исторической науке, демонстрируя объекты в сравнении и сопоставлении, выводя на их панорамное видение, является одним из наиболее эффективных. Сказанное не только верно применительно к изучению институтов западноевропейских монархий, но может быть также продуктивно реализовано при изучении отечественной истории раннего Нового времени.

В исторической науке Беларуси ряд проблем XVI–XVIII вв. долгое время находился на периферии исследовательского интереса. Причины этого коренились в идеологической направленности советской историографии. Перипетии советско-польской войны, итогов Рижского мира, межвоенных отношений Польши и Советского Союза, а также кануна Второй мировой войны приводили к однозначным политическим установкам, обязательным для советских историков. Соответственно, комплекс проблем развития Великого Княжества Литовского XVI–XVIII вв. интерпретировался преимущественно как угнетение белорусского народа польскими феодалами и католической церковью, а Речь Посполитая рассматривалась как неизменный источник экспансии и конфессионального давления на белорусские земли.

Так, через полторы недели после начала Второй мировой войны, 10 сентября 1939 г., в Институте истории Академии наук СССР происходило заседание сектора истории средних веков. На повестке дня было обсуждение плана работы на 1940 год. Выступала З. В. Мосина, на тот момент готовящая к защите кандидатскую диссертацию, посвященную абсолютизму Генриха IV. «Было бы нам интересно провести хотя бы в конце 1939 года конференцию и поставить вопрос об абсолютных монархиях», — предлагает она и тут же обращается к другому сюжету: «И я выдвигаю тут, как очень важный, своевременный, вопрос о польском государстве. Теперь такой большой интерес к Польше, которую бьют на наших глазах, что своевременно показать, как складывалось это государство, какой злостный характер имело оно в XVI веке. Нужно по-боевому развернуть это дело, распределить задачи. У нас есть группа специалистов по отдельным странам. Нужно подготовить три-четыре выступления» [731 л. 99].

Обширная статья В. И. Пичеты «Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии», вышедшая в 1939 г., ярко передает описанную выше настроенность. Разделы статьи «Народы Западной Украины и Западной Белоруссии в борьбе против панской Польши в XVI– XVII веках», и «Народы Западной Украины и Западной Белоруссии в борьбе против панской Польши в XVIII веке», содержали соответствующие установки, обязательные для советских историков вплоть до 1980-х гг. [871].

При таком подходе ряд проблем внутреннего развития Речи Посполитой и Великого княжества Литовского оказывались вне рассмотрения. Особенно много сюжетных пробелов было в изложении истории XVII в. Даже в трехтомной «Истории Польши», и сегодня ценной ввиду полноты материала, не нашлось специального раздела для характеристики государственных институтов, особенностей политической и сословной культуры, системы управления, попыток рецепции элементов абсолютизма, за исключением упоминания о намерении Владислава IV укрепить свою власть во время Тридцатилетней войны [392, с. 234-235].

С сожалением констатируя такое положение, нужно отметить, что еще в дореволюционный период существовала тенденция, обратная описанной выше. В 1917 г. М. К. Любавский в лекциях по истории западных славян дал развернутое и корректное обоснование необходимости изучения Речи Посполитой, достойное того, чтобы быть приведенным и сейчас. «Значительная часть Руси около двух с половиной веков обреталась в составе польской Речи Посполитой. Из-за этой Руси наше собственное национальное государство вело вековую борьбу с Польско-Литовским государством, окончившуюся не только соединением Западной Руси с Восточной, но и присоединением части собственно Польши к Русскому государству. Почему борьба между Россией и Польшей имела такой, а не другой исход, ответа на этот вопрос нужно искать, конечно, не только в истории России, но и в истории Польши, в ее внутреннем развитии и международных отношениях, — аргументирует Любавский, и продолжает: — Затем: в состав Русского государства Польша вошла с известным историческим наследием... Это наследие поляки изо всех сил старались сохранить и приумножить, доходя в этом даже до попыток восстановить Польшу от моря и до моря. Этим стремлением обязано своим происхождением немало фактов новейшей русской истории, при объяснении которых историку приходится считаться с вышеупомянутым историческим наследием Польши» [609, с. 16]. В главе, посвященной государственным институтам и сословным прерогативам в XVI–XVIII вв., Любавский подчеркивает: указанный политический строй без особых изменений существовал в Речи Посполитой более полутора веков, он обусловил многие явления ее истории, и в нем же нужно искать причины политической смерти страны во второй половине XVIII в. [609, с. 383].

Не меньшее внимание политическим институтам Речи Посполитой уделял Н. И. Кареев. Говоря в сборнике статей «Polonica» о том, что Польша пала жертвой собственной анархии и «безнарядья», Кареев предлагает не ограничиваться констатацией этого факта, а искать объяснения и не сводить их к особенностям польского национального характера [444; с. 159]. Кареев не только раскрывает особенности государственных институтов Речи Посполитой, но и делает это на основе компаративного подхода. Сопоставления, сравнения, синхронизации являются для Кареева эффективными средствами раскрытия специфики политических институтов Речи Посполитой в контексте развития этой страны в абсолютистской Европе, что продемонстрировано в «Историческом очерке польского сейма» [431].

В советской исторической науке также признавалась важность и продуктивность сравнительно-исторического метода. Профессор Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина И. И. Полосин (1891–1956), изучая опричнину, обратился к спорам о ней на сеймах Речи Посполитой, что позволило сопоставить политическую культуру и границы власти монархов в обеих странах. Результаты и перспективы исследования были оценены Полосиным в 1945 г. так: «Польша XVI в. не знала опричнины русского типа. Тем интереснее проследить за развитием элементов королевской опричнины даже в панской Польше, изучить дебаты на польских сеймах XVI в. о королевской власти, об ее основах, ее правах, ее свойствах. Польша не знала и не могла знать опричнины: тем интереснее своеобразные польские споры об опричнине» [908, с. 158].

Более полувека назад, на советско-итальянской конференции историков в 1968 г. при обсуждении проблем абсолютизма о безусловной полезности компаративного метода высказался Б. Ф. Поршнев. Он подчеркнул следующее: «Но ведь есть же в науке и метод негативного рассуждения. Не вся же Европа была абсолютистской. Есть какие-то очень важные отклонения и исключения; и, когда мы их глубоко разбираем, мы получаем нечто очень весомое для дальнейшего развития теории абсолютизма» [289, с. 204].

В современной историографии сравнительный подход уже давно обрел прочное место. Этому, в частности, способствовали предыстория и итоги дискуссии об абсолютизме. Тезис о том, что развитие абсолютизма в Европе нельзя представлять без учета специфики и взаимного влияния стран, был практически без оговорок принят советскими исследователями и получил развитие впоследствии. Так, во «Всемирной истории» отмечается, что правители континентальной Европы должны были учитывать опасность отставания своих стран в процессе монархической централизации. Они понимали, к каким последствиям это может привести, и доказательством этого служил печальный опыт Речи Посполитой [197, с. 491–492].

Пример европейских абсолютных монархий неоднократно вызывал попытки рецепции элементов абсолютизма, но усилия дальновидных представителей правящей элиты Речи Посполитой оказывались тщетными. Как это происходило и почему безрезультатно заканчивалось? Данная проблема пока не получила самостоятельного рассмотрения в историографии — как российской, так и белорусской. Между тем, в рамках компаративного подхода, она, наряду с множеством других, представляет значительный интерес. Это тем более значимо ввиду востребованности самой исторической компаративистики [556].

Нужно отметить, что ряд вопросов, касающихся изучения государственных институтов в Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой, уже получили освещение в исследованиях отечественных специалистов, и это весьма ценно для ликвидации сюжетных пробелов в историографии. Как примеры можно привести и фундаментальную Энциклопедию Великого Княжества Литовского [203], и обобщающий сборник научных трудов, посвященный различным аспектам истории ВКЛ [202]. Однако работы по истории Беларуси, как индивидуальные, так и коллективные, предстали бы в новом свете при использовании не только страноведческого, но и компаративного подхода, что может быть обеспечено развитием исследований в области всеобщей истории XVI–XVIII вв. В частности, изучение государственных институтов европейских стран раннего Нового времени с включением в данный контекст проблематики Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой может стать значительным импульсом для развития отечественной новистики.

В фундаментальном труде, вышедшем к 80-летию Института истории Национальной академии наук Беларуси, подчеркивается, что изучение всеобщей истории является чрезвычайно актуальным для суверенной Беларуси. В частности, стремление к знаниям о прошлом и настоящем других стран и народов отражает интересы государства, поскольку содействует налаживанию различного рода международных контактов [381, с. 529]. Более того, велика социальная значимость и актуальность исследований в области всемирной истории, о которых сказано следующее: «Они объективно способствуют выработке соответствующих взглядов и оценок исторических событий в различных странах мира, проведению сравнительного анализа по выявлению общих черт, закономерностей и специфических особенностей Беларуси на фоне исторической ретроспективы европейских и мировых процессов прошлого, и в конечном счете — выбору оптимальной социально-экономической модели развития Республики Беларусь при сохранении национальной идентичности в контексте всемирных социально-экономических и культурных процессов» [381, с. 539].

Однако, несмотря на сказанное, разработка проблематики всеобщей истории раннего Нового времени в белорусской историографии находится фактически на уровне формирования. Более того, до сегодняшнего дня не существует созданного

отечественными авторами и рекомендованного для высшей школы учебного пособия, в котором нашли бы отражения события и процессы истории XVI–XVIII вв. В результате сложный и насыщенный период мировой истории, включающий Ренессанс и образование национальных государств, Реформацию и Контрреформацию, становление классической науки и Просвещение, начало индустриального производства и формирование современного европейского общества, складывание колониальных империй и приобретение Европой статуса мирового лидера оказался, по сути, вне специального рассмотрения отечественных историков.

Названные процессы, перечисление которых можно было бы продолжить, напрямую влияли на огромную по тем временам Речь Посполитую. Это «государство обоих народов», основанное на принципах шляхетской республики, систему управления которого не могли четко определить ни тогдашние правоведы, ни современные историки, существовало между абсолютистской Западной Европой и самодержавной Россией, испытывая влияние разнородных процессов и осуществляя, с большим или меньшим успехом, разнообразные заимствования. Наконец, Великое Княжество Литовское, расположенное на конфессиональном, культурном и ментальном пограничье между Востоком и Западом, и вовсе уникально для исследователя, избравшего панорамное видение в ракурсе компаративного подхода.

Почему в Швеции королевской власти удалось сломить сопротивление правящей аристократии и установить абсолютизм, а в Речи Посполитой — нет? Чем отличается сейм Речи Посполитой от Генеральных штатов, кортесов, Земских соборов, ландтагов? Какими выглядят отношения Короны и Княжества в рамках унии в сопоставлении с отношениями государств, например, в системе Габсбургской империи? В чем специфика развития городов и городского населения Княжества и Короны, с одной стороны, и Германии, Швеции, России, Франции, Италии — с другой? Каков шляхтич Речи Посполитой по своей ментальности и статусу в сравнении, например, с российским дворянином, испанским идальго, германским юнкером или французским шевалье? Чем отличаются мануфактуры Великого Княжества Литовского от французских, голландских или российских? Почему Великое Княжество Литовское избежало как феодальной раздробленности, так и абсолютизма? Множество вопросов можно формулировать и далее, однако вряд ли вызывает сомнения тот факт, что исследования европейской истории раннего Нового времени и разработка проблем истории Беларуси XVI–XVIII вв. в компаративном ключе станут перспективным и востребованным направлением в отечественной историографии [1–А, с. 714–719; 42–А; 43–А].

Таким образом, существующее состояние концепта европейского абсолютизма позволяет наметить ряд перспективных направлений в дальнейшем

его развитии. Во-первых, остается актуальным предложение теоретической модели европейского абсолютизма, необходимой как для исследовательских, так и для образовательных целей. Интегративная модель, предложенная в данной работе, является многомерной и объемной, ввиду отсутствия в ней последовательного ранжирования составляющих компонентов в конструкции модели европейского абсолютизма. Данное обстоятельство позволяет максимально учитывать как особенности, так и сочетание различных факторов в реконструировании европейского абсолютизма как объекта изучения.

На сегодняшний день остается открытым вопрос о термине, необходимом для обозначения явления, называемого «абсолютизмом» и «абсолютной монархией». В силу сложившегося историографического консенсуса, термин «абсолютизм» и ближайший к нему синоним — «абсолютная монархия» продолжают широко использоваться в практике научных исследований и особенно в преподавании материала, раскрывающего соответствующие проблемы. Вместе с тем, безусловно востребовано и даже необходимо применение всего спектра терминологических аналогов с целью создания максимально адекватного исторического и историографического нарратива.

Разработка концепта европейского абсолютизма и использование выводов предложенного исследования открывает обширные возможности в развитии отечественной историографии. При этом практический результат достигается в двух областях. Во-первых, речь идет об изучении истории раннего Нового времени в рамках новистики, что совершенно необходимо, так как отечественная научная разработка XVI–XVIII вв. европейской истории находится в стадии становления. Во-вторых, открывается возможность для создания и развития нового направления в отечественной исторической науке, основанного на применении методов исторической компаративистики. Это позволит поднять на качественно новый уровень разработку проблем истории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой ввиду возможности панорамного видения и сопоставления их политических и социальных институтов с западноевропейскими и российскими аналогами [1–А, с. 691–719].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Концепт европейского абсолютизма как система социокультурно детерминированных понятий, идей и представлений явился результатом развития западноевропейской богословской, правовой и историографической традиции и стал достоянием профессиональной исторической науки к середине XIX в. В России понятие «абсолютизм» было впервые применено в лекционном курсе 1858/59 гг. медиевиста С. В. Ешевского.

Принимая во внимание цивилизационную близость Европы и России Нового времени, правомерно утверждать, что концепт европейского абсолютизма в российской историографии демонстрирует восприятие, преломление и развитие на российской почве содержания и идей западноевропейского историографического нарратива. В данном процессе, имеющем мотивационную, методологическую, содержательную и ценностную составляющие, необходимо выделить следующие периоды, определенные на основе происходивших социально-политических изменений:

I период — последняя треть XIX в. – 1917 г. характеризуется развитием концепта абсолютизма на основе позитивистской методологии и правового подхода. Западноевропейский абсолютизм интерпретировался в либеральном духе на основе европейских концептуальных установок, развитых «русской школой» всеобщей истории. Российский абсолютизм, называемый самодержавием, осмысливался с различных идейно-методологических позиций, при этом основной была либеральная государственная или юридическая школа;

II период — 1917–1920-е гг. является организационно и концептуально переходным и характеризуется установлением методологического монизма, социологической модели абсолютизма и постепенной унификацией трактовок российского и западноевропейского абсолютизма;

III период — 1930-е – первая половина 1980-х гг. — время безусловного доминирования марксистской социологической модели абсолютизма, выраженной в концепции «равновесия». С середины 1960-х гг. социологическая модель абсолютизма вошла в кризисный этап, в известной мере преодоленный результатами дискуссии об абсолютизме 1968–1972 гг.;

IV период — вторая половина 1980-х – 1991 г. определяется влиянием идей перестройки в исторической науке, что не только привело к постепенной утрате

позиций марксистской парадигмы, но и обусловило новое качество развития концепта европейского абсолютизма;

V период — 1990-е гг. — начало XXI в. — время методологического кризиса и поисков, особенно характерных для первого постсоветского десятилетия. Российская историческая наука в полной мере вошла в мировое пространство с плюралистической методологией, исследовательским релятивизмом и понятийной ревизией, что непосредственно коснулось и трактовок абсолютизма, в осмыслении которого произошел ценностный разворот. В современных условиях востребовано создание теоретической модели абсолютизма как сложнейшего исторического и социокультурного феномена [1–А; 28–А; 29–А; 33–А; 41–А; 45–А].

2. На протяжении последней трети XIX – начала XX в. были заложены и развиты основы интерпретации абсолютизма в российской историографии. Правовой подход, идея баланса сил аристократии и буржуазии при усилении королевской власти, уменьшение роли сословно-представительных институтов, дворянский характер абсолютизма и сословность абсолютистского государства — указанные тезисы стали фундаментальными для последующего развития концепта европейского абсолютизма российскими историками. Кроме того, концепция «равновесия», традиционно оцениваемая как созданная советскими историками, имплицитно существовала в работах дореволюционных новистов. Отношение к западноевропейскому абсолютизму было умеренно критическим, как к явлению, необходимому для централизации и развития страны, но затем ставшему регрессивной силой и побеждаемому революцией, российское же самодержавие оценивалось более дифференцированно.

Очевидна мотивационная и оценочная разница в осмыслении западноевропейского и российского абсолютизма. Интерес к западноевропейскому абсолютизму диктовался необходимостью сопоставления российских и европейских государственных институтов в условиях проходящей в России модернизации. Напротив, при изучении самодержавия приоритетным было формирование национального самосознания и акцентирование роли государства как движущей силы в развитии страны. Российские исследователи всеобщей истории были либералами, в то время как в трактовках истории России, наряду с либеральными установками государственной школы, существовали монархические и социал-демократические. При этом особенный импульс в оценках и изучении абсолютизма был дан событиями 1905–1907 гг. [1–А; 2–А; 3–А; 4–А; 6–А; 8–А; 10–А; 16–А; 21–А; 30–А; 31–А; 32–А; 34–А; 44–А; 46–А].

3. После Октябрьской революции были провозглашены революционные ценности и новый социальный заказ в историографии. Однако для подготовки новых кадров и установления методологического единообразия требовалось время, что заняло переходные 1920-е гг. Степень методологической, предметной и ценностной трансформации концепта абсолютизма зависела от связи изучаемой

области с актуальными политическими задачами. Среди научных приоритетов оказались буржуазные революции, что требовало внимания к предреволюционной эпохе, и, соответственно, абсолютизму. Западноевропейский абсолютизм, как явление, далекое от России, воспринимался сдержанно-критически, что являло преемственность с оценками дореволюционной новистики. Напротив, свергнутая российская монархия стигматизировалась, ее историческая роль обесценивалась. В свою очередь, важность для советских историков выяснения социальной основы абсолютизма вызывала ряд дискуссий об абсолютизме.

На протяжении 1920-х гг. как западноевропейский, так и российский абсолютизм интерпретировались в рамках «школы Покровского» как «государство торгового капитала» или государство эпохи торгового капитализма. Считалось, что абсолютизм возник на этапе разложения феодализма под воздействием товарно-денежных отношений. «Торговыми капиталистами» были как купцы, так и дворяне-помещики, хозяйство которых было ориентировано на рынок. С течением времени концепция «торгового капитала» претерпевала коррективы в сторону смещения акцентов в социальной базе абсолютизма в сторону дворянства. Это свидетельствует о преемственности как с идеями дореволюционной новистики, так и с установками западноевропейской историографии, с которой марксизм был генетически связан.

В соответствии с построением единой марксистской схемы исторического процесса постепенно нивелировались подходы к западноевропейскому и российскому абсолютизму. Специфика российских институтов власти не могла игнорироваться, но она была, во-первых, подчинена общей логике формационных процессов и, во-вторых, выступала производной от социально-экономических явлений [1–А; 11–А; 12–А; 13–А; 21–А; 23–А; 24–А; 26–А; 49–А].

4. Итогом развития советской исторической науки к середине 1930-х гг. стало установление жесткого методологического канона и обусловленных однопартийной системой принципов функционирования исторического сообщества, сохранившихся в основе своей на протяжении всей советской эпохи. Всеобщая история и история России были сведены в единую формационную схему, разница в трактовках западноевропейского и российского абсолютизма ликвидирована. Абсолютизм, в соответствии с установившейся концепцией «равновесия», считался феодальным дворянским государством, вынужденным учитывать интересы буржуазии с целью использования ее средств. Однако в данной социологической модели в трактовках российского абсолютизма все же был выражен правовой подход, в отличие от социологических схем, создаваемых при анализе западноевропейского абсолютизма. Вместе с тем даже в пределах концепции «равновесия» существовала вариативность в трактовках западноевропейского абсолютизма. Различные акценты в его понимании расставляли С. Д. Сказкин, Б. Ф. Поршнев, В. В. Бирюкович. В интерпретации российского абсолютизма свое видение предложил Б. И. Сыромятников.

В первые послевоенные годы директивная трактовка абсолютизма укрепилась. Более того, Б. Ф. Поршневым была предпринята попытка усилить ее ортодоксальность. Однако это не возымело успеха. В результате была сохранена известная возможность маневра в трактовках и проблемном поле западноевропейского абсолютизма, и на несколько десятилетий установилась известная конвенциональность в научном сообществе. И западноевропейский, и российский абсолютизм оценивался в целом негативно, как эксплуататорское и угнетающее народные массы государство, для характеристики которого применялись эпитеты «феодално-абсолютистский строй», «царизм», «крепостническое самодержавие» и другие [1–А; 17–А; 21–А; 22–А; 24–А; 47–А].

5. Эпоха «оттепели» вызвала теоретические поиски советских историков, привлечение источников, появление новых сюжетов в проблематике европейского абсолютизма. Вместе с тем в середине 1960-х гг. стало очевидно, что данные источников не позволяют вести речь о «равновесии» применительно к российскому абсолютизму, возникли разногласия в определении времени генезиса российского капитализма и степени развитости российской буржуазии. Это привело к переосмыслению представлений о генезисе российского абсолютизма и дискуссии 1968–1972 гг., выводы о которой должны быть переосмыслены.

Последняя в советской историографии дискуссия об абсолютизме никоим образом не может считаться неэффективной. В ее ходе был достигнут максимум в существовавшей методологической ситуации. Были предложены сравнительный и типологический методы в изучении абсолютизма, оптимальное определение последнего, скорректированы социологическая модель и идея «равновесия». Это дало ресурс для последующих исследований с расширением проблемного поля, изучением государственных институтов, типологическим рассмотрением абсолютизма (П. А. Зайончковский, Н. Ф. Демидова, Н. П. Ерошкин, О. А. Омельченко, Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт и другие). Дискуссия указала также на невозможность формализации социальных процессов, количественные и качественные параметры которых размыты, т.е. стала проявлением кризиса социальной истории как парадигмы исторического познания.

Несмотря на типологический подход и динамическое понимание «равновесия» А. Д. Люблинской, тезис «равновесия» была непререкаем в отношении западноевропейского абсолютизма. Выводы классиков марксизма, сделанные на основе западноевропейского материала, были аксиомой, а фонды зарубежных архивов — фактически недоступны для советских историков. Конфронтация Востока и Запада переносилась и на историческую науку, где расхождения были слишком велики, чтобы речь шла о сотрудничестве, что доказала полемика Б. Ф. Поршнева и Р. Мунье [1–А; 15–А; 17–А; 25–А; 46–А].

6. Социально-политические изменения второй половины 1980-х гг. придали особую специфичность развитию концепта абсолютизма. Эти явления стали

необратимыми в конце 1980-х гг. и могут быть определены как переходный период, подготовивший процессы, развернувшиеся после 1991 г. При формальном сохранении марксистской методологии были восприняты европейские теории конфликта элит как причины буржуазных революций, тезис о границах власти монарха при абсолютизме, началась реинтерпретация установок государственной школы.

Абсолютизм переставал восприниматься как «неизбежное зло» и предпосылка буржуазных революций и превращался в самоценный объект изучения. Постепенно исчезали такие понятия, как «феодално-крепостническое самодержавие», «феодално-абсолютистский строй», «царизм», изменилось отношение к реформам «сверху», активизировался интерес к персоналиям правящей элиты. В связи с 200-летием Французской революции были переосмыслены тезисы о неограниченности власти монарха, феодальной природе абсолютизма, соотношении феодального и буржуазного в дореволюционной Франции, а также возвращен в науку термин «Старый порядок». На фоне ослабления марксистской парадигмы происходило размытие концепции «равновесия» при активном восприятии профессиональными историками происходящих изменений [1–А; 17–А; 18–А; 36–А; 46–А].

7. После 1991 г. марксистская парадигма, утратив доминирование, сменилась антропологическим и лингвистическим поворотами, установками постмодерна, релятивизмом, понятийной и терминологической ревизией, что радикально изменило состояние концепта европейского абсолютизма.

В современных условиях развития исторической науки концепт европейского абсолютизма включен в осмысление феномена власти. Различные аспекты ее генезиса и функционирования, деятельности властных элит, индивидуальных и коллективных представлений, субъективного фактора, практик повседневности, символики, презентации и воздействия представляют собой обширное проблемное поле, в разработке которого актуальны подходы институциональной истории, культурной антропологии, истории повседневности, психоистории, гендерной истории, потестарной имагологии и других исследовательских стратегий. Концепт абсолютизма выстраивается, прежде всего, в рамках правового подхода и понимания монархической власти как института, сочетающего доминирование и сотрудничество с сословиями. Ввиду смены революционных ценностей традиционалистскими изменились ценностные установки в изучении абсолютизма — он начал рассматриваться как закономерный и самоценный период развития новоевропейской государственности.

В развитии концепта европейского абсолютизма с последней трети XIX до начала XXI в. очевидно прохождение масштабного методологического цикла, что доказывается рядом параллелей между современным состоянием концепта абсолютизма и аналогичными процессами в российской историографии на рубеже

XIX–XX вв. Так, вновь на первое место вышел правовой подход, изучение западноевропейского абсолютизма происходит в условиях диалога с европейской наукой при сохранении определенной общей позиции в среде российских историков. В исследовании российского самодержавия присутствуют либеральные и монархические установки, актуализированы идеи государственной школы. Наконец, по аналогии с дореволюционной «русской школой» всеобщей истории существует «новая русская школа» изучения Французской революции [1–А; 3–А; 7–А; 16–А; 17–А; 34–А; 35–А; 38–А; 40–А; 45–А; 48–А].

8. Принимая во внимание востребованность изучения феномена власти в современных условиях, представляется актуальным создание интегративной модели европейского абсолютизма. Опыт историографической рефлексии концепта абсолютизма показывает недостаточность в построении его модели традиционных подходов — правового и социологического. Абсолютизм, как сложнейший исторический феномен, с одной стороны, и этап развития новоевропейской государственности, с другой, может быть рассмотрен в совокупности его базовых компонентов. В качестве таковых выступают: хронологический, правовой, военный, социологический, ментальный. Перечисленные составляющие, за исключением хронологической, являющейся базовой, не представляется возможным ранжировать или провести между ними четкую грань. Абсолютная монархия — это многомерное системное явление, развивающееся под влиянием множества факторов. Степень их воздействия уникальна в каждом конкретном случае, различается в количественном и качественном отношении, а также зависит от эффекта совокупного действия.

Ввиду устойчивой традиции терминологических споров и пожеланий упразднить термин «абсолютизм» на сегодняшний день наиболее адекватной его заменой являются термины «абсолютная монархия» и «Старый порядок». При этом в первом случае делается акцент на форму управления, во втором — на специфику государства и общества. В свою очередь, в историческом нарративе абсолютная монархия может выступать как «ренессансная», «классическая», «государство барокко», «бюрократическая», «административная», «просвещенная» и т.д. Терминологические аналоги, тем не менее, не смогли разрешить проблему терминологической замены, и на сегодняшний день термин «абсолютизм» остался в активном употреблении.

Исследование проблематики европейского абсолютизма, как одного из важнейших составляющих европейской цивилизации XVI–XVIII вв. необходимо для развития отечественной новистки. Более того, изучение новоевропейской государственности позволит поднять на новый уровень и рассмотрение данного периода в истории Беларуси. На основе авторской концепции возможно формирование нового направления в белорусской историографии. Речь идет о комплексном, панорамном изучении Великого Княжества Литовского и Речи

Посполитой в свете актуального в настоящее время компаративного подхода. Указанное предполагает не только включение истории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в европейский контекст, но и более глубокое сопоставление их государственных институтов, социальной структуры, политической и сословной культуры и других аспектов развития с аналогичными явлениями и процессами в абсолютных монархиях Европы и России. В свою очередь, это позволит выйти на качественно новый уровень исследований как отечественной, так и всеобщей истории XVI–XVIII вв. в исторической науке Беларуси [1–А; 5–А; 9–А; 14–А; 19–А; 20–А; 27–А; 37–А; 39–А; 41–А; 42–А; 43–А; 45–А].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Научные выводы диссертации могут быть использованы для создания монографий, научных статей, учебных пособий, лекционных курсов по историографии и методологии исторической науки, Новой истории стран Западной Европы и России, истории Беларуси Нового времени, истории государства и права и т.д. Материалы диссертации применяются в подготовке специалистов в области музееведения, охраны историко-культурного наследия и туризма в Белорусском государственном университете культуры и искусств, о чем свидетельствуют акты внедрения выводов диссертации в учебный процесс в рамках таких учебных дисциплин, как «Гісторыя гістарычнай думкі» (акт от 26.02.2021), «Гісторыя Беларусі» (акт от 23.04.2021), «Усеагульная гісторыя» (акт от 24.06.2021).

Практическое значение выводов диссертации заключается в предложении нового ракурса исследований как по всеобщей истории, так и по истории Беларуси на основе исторической компаративистики и системного подхода. Это позволяет вести речь о новом направлении в белорусской историографии, разработка которого позволит прийти к качественно новым выводам о характере государственных институтов и социально-политического развития белорусских земель в XVI–XVIII вв. В свою очередь, активизация исследований по всеобщей истории позволит придать новое качество и уровень отечественной новистике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список использованных источников

1. Абсолютизм // Всемирная история государства и права : энцикл. слов. / [Ю. Г. Арзамасов и др.] ; под ред. А. В. Крутских. – М., 2001. – С. 6–7.
2. Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1964. – 519 с.
3. Абсолютная монархия в Европе (заключ. сл. т. Косминского на семинаре 1 курса секции Запада ист. отд-ния ИКП 9/VI 1930 г.) // Бюл. Заоч.-консул. отд-ния ИКП. – 1930. – № 10. – С. 43–52.
4. Абсолютная монархия во Франции : учеб. пособие / под ред. В. В. Бирюковича. – Л. : Воен.-полит. акад., 1936 – 31 с.
5. А. В. Заседание ученого совета Института истории АН СССР 24–28 марта 1949 г. / А. В. // Вопр. истории. – 1949. – № 3. – С. 152–155.
6. Аврех, А. Я. О природе российского самодержавия / А. Я. Аврех // Система государственного феодализма в России : сб. ст. : [в 2 вып.] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; [редкол.: Л. В. Данилова (отв. ред.), А. М. Анфимов, С. Ю. Королева]. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 254–331.
7. Аврех, А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России / А. Я. Аврех // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 82–104.
8. Аврех, А. Я. Столыпин и Третья Дума / А. Я. Аврех ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1968. – 520 с.
9. Аврех, А. Я. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе / А. Я. Аврех // Вопр. истории. – 1956. – № 11. – С. 17–33.
10. Аврех, А. Я. III Дума и начало кризиса Третьеиюньской системы (1908 – 1909) / А. Я. Аврех // Ист. зап. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; отв. ред. А. Л. Сидоров. – М., 1955. – Вып. 53. – С. 50–109.
11. Аврех, А. Я. Утраченное «равновесие» / А. Я. Аврех // История СССР. – 1971. – № 4. – С. 60–75.
12. Аврех, А. Я. Царизм и третьеиюньская система / А. Я. Аврех ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1966. – 181 с.
13. Аврех, А. Я. Царизм накануне свержения / А. Я. Аврех ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; отв. ред. А. М. Анфимов. – М. : Наука, 1989. – 254 с.
14. Аврус, А. И. Власть и университеты в России / А. И. Аврус // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории. – М., 2003. – [Вып.] 10. – С. 207–218.
15. Агеева, О. Г. Европеизация русского двора. 1700–1796 гг. / О. Г. Агеева ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : ИРИ РАН, 2006. – 264 с.

16. Агеева, О. Г. Императорский двор России. 1700–1796 годы / О. Г. Агеева ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Наука, 2008. – 380 с.
17. Агеева, О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I / О. Г. Агеева. – М. : Связь Эпох, 2018. – 439 с.
18. Агоштон, М. Русский абсолютизм XVII – первой половины XVIII в. в советской исторической науке : дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.09. / М. Агоштон. – Л., 1989. – 219 л.
19. Адо, А. В. Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в. / А. В. Адо // Социальные движения и борьба идей: проблемы истории и историографии : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения ; [редкол.: М. А. Заборов (отв. ред.) и др.]. – М., 1982. – С. 41–70.
20. Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) / Е. В. Бернадская [и др.] // Портреты историков: время и судьбы : [в 2 т.] / Акад. исслед. культуры. – М. ; Иерусалим, 2000. – Т. 2 : Всеобщая история / отв. ред. Г. Н. Севостьянов [и др.]. – С. 228–242.
21. Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) / Е. В. Бернадская [и др.] // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1983. – Вып. 46. – С. 291–323.
22. Алексеева, Е. В. Диффузия европейских инноваций в России, XVIII – начало XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Е. В. Алексеева ; Ин-т истории и археологии Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – Екатеринбург, 2007. – 42 с.
23. Альшиц, Д. Н. Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного / Д. Н. Альшиц ; Акад. наук СССР. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1988. – 244 с.
24. Ананьич, Б. Проблемы российского реформаторства / Б. Ананьич // Знание – сила. – 1992. – № 2. – С. 74–84.
25. Ананьич, Б. В. Николай II / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин // Вопр. истории. – 1993. – № 2. – С. 58–76.
26. Английская буржуазная революция XVII века : [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левицкого. – М. : АН СССР, 1954. – [Т.] 1. – 495 с.
27. Английский абсолютизм в работах В. В. Штокмар / С. Е. Федоров [и др.] // Англия XVII века: идеология, политика, культура : межвуз. сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т ; [редкол.: С. Е. Федоров (отв. ред.) и др.]. – СПб., 1992. – С. 4–13.
28. Англия в эпоху абсолютизма : ст. и источники / под ред. Ю. М. Сапрыкина. – М. : Моск. ун-т, 1984. – 200 с.
29. Англия и Франция на исходе XVIII в. (экономика и идеология) : [сб. ст.]. – Петроград : [Ком. ун-т], 1922. – 230 с.

30. Андерсон, П. Родословная абсолютистского государства / П. Андерсон ; пер. с англ. И. Куриллы. – М. : Территория будущего, 2010. – 511 с.
31. Андреев, И. Л. Алексей Михайлович / И. Л. Андреев. – М. : Мол. гвардия, 2006. – 638 с. – (Жизнь замечательных людей : серия биографий / осн. в 1890 г. Ф. Павленковым и продолж. в 1933 г. М. Горьким ; вып. 1171 (971)).
32. Андреев, И. Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях / И. Л. Андреев // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: средние века. Новое время : [сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2008. – С. 254–276.
33. Анисимов, Е. В. Анна Иоанновна / Е. В. Анисимов // Вопр. истории. – 1993. – № 4. – С. 19–33.
34. Анисимов, Е. В. Анна Иоанновна / Е. В. Анисимов. – [2-е изд.]. – М. : Мол. гвардия, 2004. – 362 с. – (Жизнь замечательных людей : серия биографий / осн. в 1890 г. Ф. Павленковым и продолж. в 1933 г. М. Горьким ; вып. 1076 (876)).
35. Анисимов, Е. В. Время петровских реформ XVIII век, 1-я четверть / Е. В. Анисимов. – Л. : Лениздат, 1989. – 496 с.
36. Анисимов, Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века / Е. В. Анисимов ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, С.-Петерб. фил. – СПб. : Д. Буланин, 1997. – 331 с.
37. Анисимов, Е. В. Елизавета Петровна / Е. В. Анисимов. – [Изд. 4-е]. – М. : Мол. гвардия, 2005. – 426 с. – (Жизнь замечательных людей : серия биографий / осн. в 1890 г. Ф. Павленковым и продолж. в 1933 г. М. Горьким ; вып. 1138 (938)).
38. Анисимов, Е. В. Императорская Россия / Е. В. Анисимов. – СПб. : Питер, 2008. – 640 с.
39. Анисимов, Е. В. Петр Великий: личность и реформы / Е. В. Анисимов. – М. ; СПб. : Питер, 2009. – 447 с.
40. Анисимов, Е. В. Петр II / Е. В. Анисимов // Вопр. истории. – 1994. – № 8. – С. 61–74.
41. Анисимов, Е. В. Петр Первый: рождение империи / Е. В. Анисимов // Вопр. истории. – 1989. – № 7. – С. 3–20.
42. Анисимов, Е. В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра / Е. В. Анисимов. – М. : Мысль, 1986. – 239 с.
43. Анисимов, Е. В. «Шведская модель» с русской «особостью»: реформа власти и управления при Петре Великом / Е. В. Анисимов // Звезда. – 1995. – № 1. – С. 133–150.
44. Анпилогов, Г. Н. Сенат при Петре I / Г. Н. Анпилогов // Ист. журн. – 1941. – № 4. – С. 40–49.
45. Антипов, В. С. Дореволюционная отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах / В. С. Антипов // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманитар. науки. – 2011. – № 13. – С. 35–44.

46. Антипов, В. С. Контрреформы и завершение политики просвещенного абсолютизма / В. С. Антипов // Вестн. Псков. гос. ун-та : Сер.: Соц.-гуманитар. науки. – 2014. – № 5. – С. 3–14.
47. Антипов, В. С. Методологическая реформа 1930-х гг. и изучение политики просвещенного абсолютизма советскими историками / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2017. – Вып. 10. – С. 126–147.
48. Антипов, В. С. Отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах (1917 – начало 1930-х гг.) / В. С. Антипов // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманитар. науки. – 2015. – № 1. – С. 21–28.
49. Антипов, В. С. Советские историки о политике просвещенного абсолютизма в зарубежных странах (1934–1941) / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2018. – Вып. 11. – С. 25–39.
50. Антипов, В. С. Социальная база контрреформ в странах просвещенного абсолютизма / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2014. – Вып. 5. – С. 270–285.
51. Антипов, В. С. Типология политики просвещенного абсолютизма / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2013. – Вып. 4. – С. 217–241.
52. Антипов, В. С. Формирование доктрины просвещенного абсолютизма / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2015. – Вып. 6. – С. 84–102.
53. Антоненко, Н. В. Идеология и программа монархического движения русской эмиграции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. В. Антоненко ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2005. – 32 с.
54. Ардашев, П. Н. Абсолютная монархия на Западе / П. Н. Ардашев. – СПб. : Тип. Акц. о-ва Брокгауз-Эфрон, 1902. – 183 с.
55. Ардашев, П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774–1789: провинциальные интенданты: историческое исследование преимущественно по архивным данным : в 2 т. / П. Ардашев. – СПб. : В. С. Балашев и К°, 1900. – Т. 1. – XVI, 658 с.
56. Ардашев, П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774–1789: провинциальные интенданты: историческое исследование преимущественно по архивным данным : в 2 т. / П. Н. Ардашев. – Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1906. – Т. 2. – XXII, 734 с.
57. Арзаканян, М. Ц. История Франции : учебник / М. Ц. Арзаканян, А. В. Ревякин, П. Ю. Уваров. – М. : Дрофа, 2005. – 474 с.
58. Арский, И. В. Могущество и упадок Испании в XVI–XVII вв. / И. В. Арский // Ист. журн. – 1937. – № 7. – С. 77–93.

59. Артикул воинский. 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm>. – Дата доступа: 02. 06. 2020.

60. Архив князя Ф. А. Куракина : [в 10 кн.] / под ред. М. М. Семева. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. – Кн. 1 : Бумаги князя Б. И. Куракина, 1676–1717 г. – 362 с.

61. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 457. Оп.1. Д. 28.

62. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 457. Оп. 1. Д. 854.

63. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 457. Оп. 1. Д. 857.

64. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп.2. Д. 3.

65. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп. 2. Д. 32.

66. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 36.

67. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 39.

68. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп. 2. Д. 164.

69. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп. 2. Д. 175.

70. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192.

71. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207.

72. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп. 2. Д. 208.

73. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп. 2. Д. 506.

74. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1577. Оп. 6. Д. 277.

75. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1604. Оп. 1. Д. 311.

76. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1742. Оп.1. Д. 11.

77. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1742. Оп. 1. Д. 87.

78. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1791. Оп. 1. Д. 87.

79. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1900. Оп. 1. Д. 90.

80. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1900. Оп.1. Д. 369.

81. Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 1900. Оп.1. Д. 430.

82. Арутюнян, В. Г. Генерал-губернаторства при Александре I : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Г. Арутюнян ; Моск. гос. ун-т. – М., 2008. – 26 с.

83. Асонов, Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Н. В. Асонов ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2009. – 42 с.

84. Афанасьев, Г. Е. Главные моменты министерской деятельности Тюрго и их значение / Г. Е. Афанасьев. – Одесса : Тип. В. Кирхнера, 1884. – X, 290, XXI [2] с.

85. Баггер, Х. Реформы Петра Великого : обзор исслед. / Х. Баггер ; пер. с дат. В. Е. Возгрин. – М. : Прогресс, 1985. – 199 с.

86. Базилевич, К. В. История СССР : учеб. пособие : [в 3 ч.] / К. В. Базилевич, Г. А. Новицкий ; Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б). – М. : Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1946. – Ч. 1 : От древнейших времен до конца XVIII века. – 742 с.

87. Базилевич, К. В. Курс истории СССР : стеногр. лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) в 1940–1941 уч. г. / К. В. Базилевич ; Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б). – М. : Тип. ВПШ, 1940. – 256 с.

88. Бакланова, Н. А. Отражение идеи абсолютизма в изобразительном искусстве первой четверти XVIII в. / Н. А. Бакланова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др.]. – М., 1964. – С. 492–507.

89. Баклашов, А. И. Екатерина II и общественное мнение : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. И. Баклашов ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2009. – 16 с.

90. Барбашина, О. И. Австрийский просвещенный абсолютизм в работах российских исследователей / О. И. Барбашина // Проблемы всеобщей истории: события, люди, факты : сб. науч. работ аспирантов и соискателей / Моск. гос. открытый пед. ун-т ; ред. И. Г. Жиряков. – М., 2000. – С. 39–53.

91. Барг, М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей / М. А. Барг. – М. : Мысль, 1991. – 399 с.

92. Барг, М. А. Кромвель и его время / М. А. Барг ; под ред. С. Д. Сказкина. – 2-е изд. – М. : Учпедгиз, 1960. – 243 с.

93. Барг, М. А. Место XVII века в истории Европы: к вопр. о «начале нового времени» / М. А. Барг // Вопр. истории. – 1985. – № 3. – С. 58–74.

94. Батыр, К. И. Аппарат управления французского абсолютизма накануне буржуазной революции / К. И. Батыр // Проблемы истории абсолютизма : сб. науч. тр. / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т ; [отв. ред. К. И. Батыр]. – М., 1983 – С. 97–120.

95. Батыр, К. И. История феодального государства Франции : учеб. пособие / К. И. Батыр. – М. : ВЮЗИ, 1975. – 50 с.

96. Батыр, К. И. Основные проблемы возникновения буржуазного государства во Франции (анализ современных французских историко-юридических исследований) : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / К. И. Батыр ; Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М., 1989. – 41 с.

97. Бауер, В. В. Лекции по новой истории, читанные в Санкт-Петербургском университете : в 2 т. / В. В. Бауер. – СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1886. – Т. 1. – 339 с.

98. Бауер, В. В. Лекции по новой истории, читанные в Санкт-Петербургском университете : в 2 т. / В. В. Бауер. – СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1888. – Т. 2. – 566 с.

99. Белявский, М. Т. Вопрос о крепостном праве и положении крестьян в «Наказе» Екатерины II / М. Т. Белявский // Вестн. Моск. ун-та. – 1963. – № 6. – С. 44–63.

100. Белявский, М. Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия / М. Т. Белявский // Вестн. Моск. ун-та. – 1970. – № 2. – С. 65–79.

101. Белявский, М. Т. Накануне «Наказа» Екатерины II: к вопросу о социальной направленности политики «просвещенного абсолютизма» / М. Т. Белявский // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма : межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т ; [редкол.: Ю. Н. Смирнов (отв. ред.) и др.]. – Куйбышев, 1985. – С. 31–47.

102. Беляев, М. П. Великий курфюрст Фридрих Вильгельм / М. П. Беляев, Ю. Е. Ивонин // Новая и новейш. история. – 2019. – № 2. – С. 173–184.

103. Берго, И. Б. К вопросу о политической предыстории Великой Французской революции / И. Б. Берго // Актуальные проблемы истории Великой Французской революции : материалы «круглого стола» 19–20 сент. 1988 г. / Ин-т всеобщ. истории Акад. наук СССР ; [редкол.: Е. Б. Черняк (отв. ред.) и др.]. – М., 1989. – С. 120–129.

104. Берго, И. Б. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749–1776 гг. / И. Б. Берго // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Г. С. Кучеренко. – М., 1988. – С. 37–58.

105. Берго, И. Б. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой Французской революции / И. Б. Берго // Новая и новейш. история. – 1988. – № 6. – С. 39–55.

106. Берсе, И.-М. Размышления о том, как пишется история / И.-М. Берсе // Советская и французская историография в зеркальном отражении: 20-е–80-е годы XX века : [по материалам фр.-рос. коллоквиума «Французская и советская историография Старого порядка и Революции XVIII века в зеркальном отражении (20–80-е годы XX в.)», Визиль, 22–23 сент. 2006 г.] : фр. ежегодник, 2007 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2007. – С. 27–33.

107. Беспалов, С. В. Проблемы восприятия и репрезентации царской власти в России : аналит. обзор / В. С. Беспалов // История России. Сер. аналит. обзоры и сб. – 2013. – № 1. – С. 110–135.

108. Бессарабова, Н. В. Путешествие Екатерины II по России в контексте внутренней и внешней политики (1763–1767, 1780–1787) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. В. Бессарабова ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М., 2003. – 22 с.

109. Бессмертный, Ю. Л. А. Д. Люблинская – историк-медиевист / Ю. Л. Бессмертный, В. Н. Малов // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1972. – Вып. 35. – С. 3–14.

110. Бессмертный, Ю. Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории / Ю. Л. Бессмертный // Одиссей, 1995: человек в истории. Представления о власти / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. ред. А. Я. Гуревич. – М., 1995. – С. 5–19.

111. Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй : в 2 т. / В. А. Бильбасов. – Берлин : Ф. Готтгейнер, [1900]. – Т. 1 : Екатерина до воцарения, 1729–1762. – X, 659 с.

112. Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй / В. А. Бильбасов. – Берлин : Ф. Готтгейнер, [1900]. – Т. 2 : Воцарение Екатерины, 1762–1764. – VIII, 830 с.

113. Бирюкович, В. В. Италия в XIV–XVI вв. : учеб. пособие / В. В. Бирюкович. – Л. : Изд. Воен.-полит. акад. РККА, 1937. – 37 с.

114. Бирюкович, В. В. Народные восстания в Бордо и Гиени / В. В. Бирюкович // Ист. зап. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1938. – Вып. 2. – С. 360–397.

115. Бирюкович, В. В. Народные движения во Франции в 1624–1634 гг. / В. В. Бирюкович // Труды военно-политической академии : сб. ст. / редкол.: А. М. Царицын [и др.]. – М., 1940. – Вып. 4. – С. 223–279.

116. Бирюкович, В. В. О некоторых вопросах развития феодального общества / В. В. Бирюкович // Вопр. истории. – 1952. – № 2. – С. 30–46.

117. Бирюкович, В. В. Французские «финансисты» в политической борьбе 1622–1624 гг. / В. В. Бирюкович // Ист. зап. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1938. – Вып. 3. – С. 181–240.

118. Блуменау, С. Ф. Жак Неккер / С. Ф. Блуменау // Вопр. истории. – 2004. – № 7. – С. 56–76.

119. Блуменау, С. Ф. Людовик XV / С. Ф. Блуменау // Вопр. истории. – 2000. – № 9. – С. 62–82.

120. Блуменау, С. Ф. Некоторые проблемы изучения Великой Французской революции / С. Ф. Блуменау // Преподавание истории в шк. – 1989. – № 4. – С. 7–18.

121. Блуменау, С. Ф. Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение / С. Ф. Блуменау // Вопр. истории. – 2003. – № 9. – С. 155–161.

122. Богданов, А. А. Краткий курс экономической науки / А. А. Богданов ; Рос. ком. партия (большевики). – Перераб. и доп. – Петроград : Госиздат, 1922. – 264 с.

123. Богданов, А. П. Федор Алексеевич / А. П. Богданов // Вопр. истории. – 1994. – № 7. – С. 59–77.

124. Богословский, М. М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века / М. М. Богословский. – Изд. 2-е. – Петроград : Задруга, 1918. – 47 с.
125. Богословский, М. М. Конституционное движение 1730 г. / М. М. Богословский. – М. : Е. В. Кожевникова и Е. А. Коломийцев, 1906. – 40 с. – (Библиотека «Свободная Россия» ; № 18).
126. Богословский, М. М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–1727 гг. / М. М. Богословский. – М. : Имп. об-во истории и древностей при Моск. ун-те, 1902. – XVI, 522 с.
127. Боден, Ж. Шесть книг о государстве / Ж. Боден // Антология мировой философии : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М., 1970. – Т. 2 : Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – С. 144–147.
128. Болтунова, Е. М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация / Е. М. Болтунова ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М. : РГГУ, 2011. – 351 с.
129. Боровой, А. А. История личной свободы во Франции / А. Боровой. – М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1910. – Т. 1, ч. 1 : Старый порядок и революция. – VI, 670 с.
130. Боханов, А. Н. Император Александр III: [жизнеописание рус. царя] / А. Н. Боханов. – 5-е изд. – М. : Рус. сл., 2009. – 511 с.
131. Боханов, А. Н. Император Николай II / А. Н. Боханов. – 3-е изд. – М. : Рус. сл., 2004. – 567 с.
132. Боханов, А. Последний самодержец / А. Боханов // Alma mater : вестн. высш. шк. – 1991. – № 12. – С. 98–107.
133. Боханов, А. Н. Сумерки монархии / А. Н. Боханов. – М. : Воскресенье, 1993. – 288 с.
134. Боханов, А. Н. Царь Алексей Михайлович / А. Н. Боханов. – М. : Вече, 2012. – 368 с.
135. Брачев, В. С. Травля русских историков / В. С. Брачев. – М. : Алгоритм, 2006. – 318 с.
136. Брикнер, А. Г. История Екатерины Второй / А. Г. Брикнер. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – 687 с.
137. Брикнер, А. Г. История Павла I / А. Г. Брикнер ; [пер. М. Чепинской]. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – 287 с.
138. Брикнер, А. Г. История Петра Великого : в 2 т. / А. Г. Брикнер. – М. : Terra, 1996. – 2 т.
139. Брикнер, А. Г. Русский двор при Петре Втором (1727–1730) / А. Г. Брикнер. – [Б. м. : б. и.], 1896. – 108 с.
140. Бугаева, Н. А. Петр I в русском общественном сознании конца XVII – первой четверти XVIII века: формирование нового образа государя в России

: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. А. Бугаева ; Омск. гос. пед. ун-т. – Омск, 2008. – 26 с.

141. Буганов, В. И. Екатерина I / В. И. Буганов // Вопр. истории. – 1994. – № 11. – С. 39–49.

142. Буганов, В. И. Петр Великий и его время / В. И. Буганов. – М. : Наука, 1989. – 192 с.

143. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века : в 2 ч. / В. П. Бузескул. – Л. : АН СССР, 1929. – Ч. 1 / ред. В. И. Вернадский. – 218 с. – (Труды Комиссии по истории знаний / Акад. наук СССР ; вып. 7).

144. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века : в 2 ч. / В. П. Бузескул. – Л. : АН СССР, 1931. – Ч. 2 / ред. С. А. Жебелев. – 223 с. – (Труды Комиссии по истории знаний / Акад. наук СССР ; вып. 7).

145. Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В. П. Бузескул ; Рос. акад. наук, С.-Петерб. фил. арх. Рос. акад. наук ; сост. И. В. Тункина. – М. : Индрик, 2008. – 831 с.

146. Булыгин, И. А. Начальный этап генезиса капитализма в России / И. А. Булыгин // Вопр. истории. – 1966. – № 10. – С. 65–90.

147. Буров, С. В. Королевский двор и политическая борьба в Англии во второй половине двадцатых–тридцатых годах XVII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. В. Буров ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 20 с.

148. Бутенко, В. А. Наука новой истории в России / В. А. Бутенко // Анналы. – 1922. – № 2. – С. 129–167.

149. Буткевич, Т. И. Уроки первой Французской революции (из переписки друзей) / Т. И. Буткевич. – Харьков : Тип. Губ. Правления, 1907. – 179 с.

150. Вайнштейн, О. Л. Изучение истории Франции средних веков и нового времени советскими историками / О. Л. Вайнштейн // Статьи и материалы по истории Франции : фр. ежегодник, 1958 / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: В. П. Волгин (гл. ред.) и др.]. – М., 1959. – С. 491–513.

151. Вайнштейн, О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней / О. Л. Вайнштейн ; Ин-т истории Акад. наук СССР. – Л. ; М. : Соцэкгиз, 1940. – 375 с.

152. Вайнштейн, О. Л. История советской медиевистики. 1917–1966 / О. Л. Вайнштейн ; Акад. наук СССР, Ин-т истории, Ленингр. отд-ние. – Л. : Наука, 1968. – 424 с.

153. Вайнштейн, О. Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. : очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине 17-го в. / О. Л. Вайнштейн. – [М.]. : Госполитиздат, 1947. – 216 с.

154. Вайнштейн, О. Л. Феодализм в Западной Европе / О. Л. Вайнштейн, Е. А. Косминский. – [М.] : Журн.-газ. об-ние, 1932. – Ч. 1. – 164 с.
155. Ванаг, Н. Н. Краткий очерк истории народов СССР / Н. Н. Ванаг. – Л. : Партиздат, 1932. – Ч. 1. – 415 с.
156. Вандалковская, М. Г. «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова и современники / М. Г. Вандалковская // История и историки : [сб. ст.] / Рос. акад. наук [и др.] ; отв. ред. И. Д. Ковальченко. – М., 1995. – С. 255–278.
157. Вандалковская, М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика / М. Г. Вандалковская; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Наука, 1992. – 287 с.
158. Варьяш, О. И. Королевская власть и ордена в Испании XVI века (по док. ордена Калатрава, ЛОИИ АН СССР) / О. Л. Варьяш // Россия и Испания: историческая ретроспектива / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: З. В. Удальцова (отв. ред.) и др.]. – М., 1987. – С. 222–229.
159. Васильева, Н. И. Первая российская революция и самодержавие : (гос.-прав. пробл.) / Н. И. Васильева, Г. Б. Гальперин, А. И. Королев ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : ЛГУ, 1975. – 151 с.
160. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» : к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А. В. Доронин. – М. : Рос. полит. энцикл., 2008. – 255 с.
161. Вдовина, Л. Н. Риторика праздника: Москва в дни маскарада «Торжествующая Минерва» / Л. Н. Вдовина // Россия в средние века и новое время : сб. ст. к 70-летию чл.-кор. Рос. акад. наук Л. В. Милова / [Моск. гос. ун-т, Ист. фак., Ин-т рос. истории Рос. акад. наук ; редкол.: В. А. Кучкин (отв. ред.) и др.]. – М., 1999. – С. 256–271.
162. Вебер, Б. Г. [Рецензия] / Б. Г. Вебер // Изв. Акад. наук СССР. – 1948. – Т. 5, № 4. – С. 382–387. – Рец. на кн.: Поршневу, Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648) / Б. Ф. Поршнев ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 724 с.
163. Вебер, Б. Г. Историографические проблемы / Б. Г. Вебер ; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1974. – 336 с.
164. Ведюшкин, В. А. Дворянство в кастильских кортесах (XVI–XVII вв.) / В. А. Ведюшкин // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме : [сб. ст.] / Акад. наук СССР [и др. ; отв. ред. Е. В. Гутнова]. – М., 1985. – С. 93–110.
165. Величко, А. В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка / А. В. Величко // Мир рус. сл. – 2015. – № 2. – С. 12–16.
166. Виванти, К. Заметки к дискуссии об абсолютизме / К. Виванти // Документы советско-итальянской конференции историков «Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи второй половины XIX века»,

Москва, 8–10 апр. 1968 г. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории, Нац. ком. совет. историков ; [редкол.: С. Д. Сказкин (отв. ред.) и др.]. – М., 1970. – С. 61–85.

167. Виллар, Ж. Формирование французской нации (X – начало XIX в.) / Ж. Виллар, К. Виллар ; пер. с фр. О. В. Волкова ; ред. А. З. Манфред. – М. : Иностран. лит., 1957. – 335 с.

168. Виноградова, Н. Н. Коронация Александра II: образ власти глазами современников (на основе анализа материалов прессы) / Н. Н. Виноградова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. – 2008. – № 2 (14). – С. 28–37.

169. Виноградова, Н. Н. Коронация в России во второй половине XIX века как общественно-политическое явление : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Н. Виноградова ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2004. – 30 с.

170. Виппер Р. Ю. Новая история : [в 2 кн.] / Р. Ю. Виппер. – 8-е изд. – М. : Мир, 1923. – Кн. 1 : Новая история. 1500–1789. – 283 с.

171. Вишленкова, Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. / Е. А. Вишленкова ; [Саратов. межрегион. ин-т обществ. наук]. – Саратов : Саратов. ун-т, 2002. – 467 с.

172. Вишленкова, Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи / Е. А. Вишленкова ; Казан. гос. ун-т. – Казань : Форт диалог, 1997. – 188 с.

173. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – 3-е изд., доп. – Киев ; СПб. : Изд-во Н. Я. Оглоблина, 1900. – 667, II с.

174. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Моск. гос. ун-т, Ист. фак. ; отв. ред. Т. П. Гусарова. – М. : КДУ, 2011. – 597 с.

175. Власть и реформы : от самодержавной к Советской России / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, С.-Петербург. фил. ; [редкол.: Б. В. Ананьич (отв. ред.) и др.]. – СПб. : Д. Буланин, 1996. – 801 с.

176. Власть и реформы: от самодержавной к Советской России / ОЛМА медиагр. ; [редкол.: Б. В. Ананьич (отв. ред.) и др.]. – 2-е изд. – М. : Олма-Пресс, 2006. – 734 с.

177. Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; Моск. гос. ун-т ; [сост. О. С. Воскобойников ; отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М. : Наука, 2008. – 600 с.

178. Внутренняя политика французского абсолютизма, 1633–1649 гг. : [сб. док.] / Акад. наук СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории. – Л. ; М : Наука, 1966. – 406 с.

179. Внутренняя политика французского абсолютизма, 1633–1649 гг.: Северные и Центральные провинции : [сб. док.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд. ; под ред. А. Д. Люблинской. – Л. : Наука, 1980. – 278 с.

180. Водарский, Я. Е. Петр I / Я. Е. Водарский // *Вопр. истории.* – 1993. – № 6. – С. 59–78.

181. Водарский, Я. Е. Реформаторство Петра I и Екатерины II в контексте европейской истории / Я. Е. Водарский // *Россия и мировая цивилизация : к 70-летию чл.-кор. Рос. акад. наук А. Н. Сахарова / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; [редкол.: А. Н. Боханов и др.].* – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. – С. 168–184.

182. Волгин, В. П. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748–1789) / В. П. Волгин ; *Акад. наук СССР, Ин-т истории.* – М. ; Л. : АН СССР, 1940. – 192 с.

183. Волков, М. Я. О становлении абсолютизма в России / М. Я. Волков // *История СССР.* – 1970. – № 1. – С. 90–104.

184. Волкова, И. В. «Новый период» истории России в трудах С. М. Соловьева (из истории общественной мысли середины XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. В. Волкова ; *Моск. гос. ун-т.* – М., 1984. – 20 с.

185. Волобуев, О. В. Николай Александрович Рожков / О. В. Волобуев // *Избранные труды / Н. А. Рожков ; Ин-т обществ. мысли.* – М., 2010. – С. 5–50.

186. Володьков, О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.) / О. П. Володьков ; *М-во образования и науки Рос. Федерации, Омск. гос. ун-т ; [отв. ред. Ю. А. Сорокин].* – Омск : Омск. гос. ун-т, 2011. – 567 с.

187. Володьков, О. П. Проблемы торгового капитализма в работах М. Н. Покровского конца 1890-х – 1917 гг. : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / О. П. Володьков ; *Омск. гос. ун-т.* – Омск, 2002. – 18 с.

188. Володьков, О. П. Торговый капитализм и специфика революционного процесса в оценке М. Н. Покровского / О. П. Володьков // *Вестн. Томск. гос. ун-та.* – 2013. – № 5. – С. 118–121.

189. Волосюк, О. В. Г. М. де Ховельянос и политика просвещенного абсолютизма в Испании во второй половине XVIII века : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Волосюк ; *Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории.* – М., 1985. – 25 с.

190. Воробьева, Е. Д. Политическая борьба в Англии в парламентах Якова I Стюарта, 1603–1625 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Е. Д. Воробьева ; *М-во просвещения РСФСР, Моск. гос. пед. ин-т.* – М. : 1962. – 12 с.

191. Воровский, В. В. Буржуазия и монархия / В. В. Воровский // *Избранные произведения о первой русской революции / В. В. Воровский.* – М., 1955. – С. 32–38.

192. Воровский, В. В. О природе абсолютизма : (по поводу книги М. Александрова «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России») / В. В. Воровский // *Сочинения : в 3 т.* – М., 1932. – Т. 1. – С. 189–208.

193. Всемирная история : в 10 т. / [Акад. наук СССР и др.] ; гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Соцэкгиз, 1958. – Т. 4 / [под ред. М. М. Смирин (отв. ред.) и др.]. – 823 с.

194. Всемирная история : в 10 т. / [Акад. наук СССР и др.] ; гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Соцэкгиз, 1958. – Т. 5 / [под ред. Я. Я. Зутиса (отв. ред.) и др.]. – 782 с.

195. Всемирная история : в 10 т. / [Акад. наук СССР и др.] ; гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Соцэкгиз, 1959. – Т. 6 / [под ред. Н. А. Смирнова (отв. ред.) (и др.)]. – 830 с.

196. Всемирная история : в 10 т. / [Акад. наук СССР и др.] ; гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Соцэкгиз, 1960. – Т. 7 / [под ред. А. А. Губера (отв. ред.) и др.]. – 819 с.

197. Всемирная история : в 6 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. О. Чубарьян (гл. ред.) и др.]. – М. : Наука, 2013. – Т. 3 : Мир в раннее Новое время / отв. ред.: В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. – 854 с.

198. Всемирная история : в 6 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. О. Чубарьян (гл. ред.) и др.]. – М. : Наука, 2013. – Т. 4. : Мир в XVIII веке / отв. ред. С. Я. Карп. – 787 с.

199. Вульфийус, А. Г. Западная Европа в Новое время / А. Г. Вульфийус. – Петроград : Наука и шк., 1920. – 39 с.

200. Выскочков, Л. В. Император Николай I. Проблемы изучения николаевской эпохи (Российская историография последнего десятилетия, 1996–2005) / Л. В. Выскочков // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История. – 2005. – Вып. 4. – С. 79–99.

201. Выскочков, Л. В. Николай I / Л. В. Выскочков. – Изд. 2-е, испр. – М. : Мол. гвардия, 2006. – 694 с. – (Жизнь замечательных людей . Сер. биографий ; вып. 1175 (973)).

202. Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура : зб. навук. арт. : [матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі] : у 2 ч. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; [уклад. А. А. Скеп'ян ; рэдкал.: У. Р. Гусакоў (старш.) і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – 2 ч.

203. Вялікае Княства Літоўскае : ВКЛ : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2005–2010. – 2 т.

204. Гайнутдинов, Р. К. Политико-правовая идеология меркантилизма в России XVII – первой четверти XVIII веков : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Р. К. Гайнутдинов ; Ин-т междунар. права и экономики. – М., 2005. – 39 с.

205. Галанза, П. Н. Об ошибочных взглядах Б. Ф. Поршнева по вопросу о сущности феодального государства / П. Н. Галанза // Вестн. Моск. ун-та. Сер. обществ. наук. – 1951. – Вып. 4, № 9. – С. 163–174.

206. Галанза, П. Н., Феодальное государство и право Германии / П. Н. Галанза ; Моск. гос. ун-т, Юрид. фак. – М. : МГУ, 1963. – 45 с.
207. Галанза, П. Н. Феодальное государство и право Франции / П. Н. Галанза ; Моск. гос. ун-т, Юрид. фак. – М. : МГУ, 1963. – 64 с.
208. Ганелин, Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году : реформы и революция / Р. Ш. Ганелин / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, С.-Петербург. отделение. – СПб. : Наука, 1991. – 221 с.
209. Ганелин, Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой : страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х гг. / Р. Ш. Ганелин. – СПб. : Нестор-История, 2004. – 214 с. – (Библиотека журнала "Нестор": источники и исследования истории и культуры России и Восточной Европы ; т. 8).
210. Ганелин, Р. Ш. Творческий путь А. Я. Авреха / Р. Ш. Ганелин // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 102–112.
211. Германская история в новое и новейшее время : в 2 т. / редкол.: С. Д. Сказкин [и др.]. – М. : Наука, 1970. – Т. 1. – 510 с.
212. Герцен, Н. А. Восприятие образа правителя в русской культуре конца XVII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / Н. А. Герцен ; Гос. акад. слав. культуры. – М., 2006. – 28 с.
213. Герье, В. И. История XVIII века : лекции, чит. в 1902–1903 гг. / В. И. Герье. – М. : Типо-Литогр. Ю. Венер, 1902. – 525 с.
214. Герье, В. И. Понятия о власти и о народе в наказах 1789 г. / В. И. Герье. – М. : Унив. тип. Каткова, 1884. – 143 с.
215. Гизо, Ф. История цивилизации в Европе : пер. с фр. / Ф. Гизо ; ред. совет: Г. П. Пашков (пред.) [и др.]. – Минск : Белорус. энцикл., 2005. – 416 с.
216. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Избр. произведения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М., 1964. – Т. 2. – С. 45–678.
217. Гоббс, Т. Основы философии : часть третья : о гражданине // Избр. произведения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М., 1964. – Т. 1. – С. 287–387.
218. Голечкова, О. Ю. Высшая бюрократия Российской империи в конце XIX – начале XX века: А. А. Половцов и его окружение : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. Ю. Голечкова ; Моск. гос. ун-т. – М., 2013. – 31 с.
219. Голикова, Н. Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. / Н. Б. Голикова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др.]. – М., 1964. – С. 243–282.
220. Горбачев, М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается : докл. на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верхов. Совета СССР и Верхов. Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской социалист.

революции в Кремл. дворце съездов 2 нояб. 1987 г. / М. С. Горбачев. – М. : Политиздат, 1987. – 63 с.

221. Горбунова, Ю. Ф. Император Николай II как государственный деятель в отечественной историографии (конец XIX – начало XXI в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Ю. Ф. Горбунова ; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2004. – 26 с.

222. Гордон, А. В. Историки железного века / А. В. Гордон ; Рос. акад. наук, Ин-т науч. информации по обществ. наукам. – М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2018. – 447 с.

223. Гордон, Л. С. Абсолютизм XVII века / Л. С. Гордон, Б. Ф. Поршнев // История Франции : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.) и др.]. – М., 1972. – Т. 1. – С. 235–284.

224. Горин, П. О. М. Н. Покровский – большевик-историк : сб. ст. о М. Н. Покровском / П. О. Горин ; Белорус. акад. наук, Ин-т истории. – Минск : [б. и.], 1933. – 113 с.

225. Горяинов, А. Н. О публикуемой рукописи и ее судьбе / А. Н. Горяинов // Одиссей, 2007 : Человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. ред. А. Я. Гуревич. – М., 2007. – С. 250–252.

226. Градовский, А. Н. Собрание сочинений : в 9 т. / А. Н. Градовский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. – Т. 7 : Начала русского государственного права, ч. 1 : О государственном устройстве. – 433 с.

227. Григорьев, С. Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. Л. Григорьев ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.

228. Гриценко, Н. Ф. Власть и общество: вольное экономическое общество и либеральное движение в России в конце XIX в. / Н. Ф. Гриценко // Экон. и соц.-гуманитар. исслед. – 2014. – № 2. – С. 99–108.

229. Гриценко, Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881–1894 годах: политические и духовные аспекты внутренней политики / Н. Ф. Гриценко. – М. : Рус. путь, 2000. – 240 с.

230. Гриценко, Н. Ф. Официальная доктрина внутривластного курса России конца XIX века: политические и духовные аспекты внутренней политики : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Н. Ф. Гриценко ; Моск. гор. пед. ун-т. – М., 2000. – 43 с.

231. Губер, А. А. XII Международный конгресс исторических наук / А. А. Губер // Вопр. истории. – 1966. – № 3. – С. 3–14.

232. Гуревич, А. Я. Историк среди руин: попытка критического прочтения мемуаров Е. В. Гутновой / А. Я. Гуревич // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2002. – Вып. 63. – С. 362–393.

233. Гуревич, А. Я. История историка / А. Я. Гуревич. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. – 288 с.
234. Гуревич, А. Я. О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич // Вопр. истории. – 1991. – № 3/4. – С. 21–36.
235. Гуревич, А. Я. О присвоении прошлого. Открытое письмо Л. Т. Мильской / А. Я. Гуревич // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2005. – Вып. 66. – С. 408–414.
236. Гуревич, А. Я. «Путь прямой, как Невский проспект» или исповедь историка / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. – 1994. – Т. 1992. – С. 7 – 34.
237. Гусарова, Т. П. Святая венгерская корона: теория и практика в XVI–XVII вв. / Т. П. Гусарова // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1995. – Вып. 58. – С. 163–170.
238. Гусев, А. В. Личность и мировоззрение царя Алексея Михайловича в отечественной историографии XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. В. Гусев ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М., 2005. – 24 с.
239. Гусев, И. В. Монархическое направление русской социально-политической мысли XIX–XX веков : автореф. ... дис. канд. филос. наук : 09.00.03 / И. В. Гусев ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2005. – 19 с.
240. Гутнова, Е. В. Академик Сергей Данилович Сказкин и проблемы медиевистики / Е. В. Гутнова, А. Н. Чистозвонов // Европа в средние века: экономика, политика, культура : сб. ст. к 80-летию акад. Сергея Даниловича Сказкина. – М., 1972. – С. 5–15.
241. Гутнова, Е. В. Академик Сергей Данилович Сказкин : к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деятельности / Е. В. Гутнова // Вопр. истории. – 1961. – № 1. – С. 116–120.
242. Гутнова, Е. В. Академик Сергей Данилович Сказкин (1890–1973) / Е. В. Гутнова // Новая и новейш. история. – 1993. – № 2. – С. 145–163.
243. Гутнова, Е. В. Государство в структуре и эволюции феодального общества / Е. В. Гутнова // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред.: А. О. Чубарьян, В. В. Согрин. – М., 1989. – Вып. 2. – С. 247–260.
244. Гутнова, Е. В. Историография истории средних веков. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / Е. В. Гутнова. – М. : Высш. шк., 1985. – 419 с.
245. Гутнова, Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.) / Е. В. Гутнова. – М. : Высш. шк., 1974. – 399 с.
246. Гутнова, Е. В. Основные проблемы истории средних веков в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса : учеб.-метод. пособие / Е. В. Гутнова. – Изд. 2-е. – М. : МГУ, 1970. – 103 с.

247. Гутнова, Е. В. Памяти академика С. Д. Сказкина / Е. В. Гутнова // *Вопр. истории.* – 1980. – № 10. – С. 121–128.
248. Гутнова, Е. В. *Пережитое* / Е. В. Гутнова. – М. : РОССПЭН, 2001. – 464 с.
249. Гутнова, Е. В. Проблемы истории средних веков на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте / Е. В. Гутнова, Л. А. Котельникова, Л. С. Чиколини // *Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории.* – М., 1987. – Вып. 50. – С. 30–57.
250. Гутнова, Е. В. Пятьдесят лет советской медиевистики / Е. В. Гутнова // *Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории.* – М., 1967. – Вып. 30. – С. 3–40.
251. Давидович, А. М. Ленинская концепция абсолютизма (самодержавия) и современная литература / А. М. Давидович // *Актуальные проблемы истории государства и права / Ин-т государства и права Акад. наук СССР.* – М., 1976. – С. 32–37.
252. Давидович, А. М. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма / А. М. Давидович, С. А. Покровский // *История СССР.* – 1969. – № 1. – С. 58–67.
253. Давидович, А. М. Русский абсолютизм. К вопросу о его возникновении и классовой сущности / А. М. Давидович // *Труды науч. сессии Всесоюзного ин-та юрид. наук 1–6 июля 1946 г.* – М. : Юрид. изд., тип. [Высш. парт. школы при ЦК ВКП (б)], 1948. – С. 101–125.
254. Давидович, А. М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России) / А. М. Давидович ; – М. : Наука, 1975. – 350 с.
255. *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда* / под ред. Н. А. Хачатурян. – М. ; СПб. : Алетейя, 2001. – Вып. 1. – 352 с.
256. Делягин, И. В. Высшая власть и управление в царствование Федора Алексеевича : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. В. Делягин ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2004. – 19 с.
257. Демидова, Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. / Н. Ф. Демидова // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории.* – М., 1964. – С. 206–242.
258. Демидова, Н. Ф. Государственный аппарат России в XVII веке / Н. Ф. Демидова // *Ист. зап. / Рос. акад. наук, Отд. истории.* – М., 1982. – Вып. 108. – С. 109–154.
259. Демидова, Н. Ф. Пролог: Сценарий, по которому Петр I преобразовал Россию, был написан его братом царем Федором Алексеевичем / Н. Ф. Демидова // *Родина.* – 1993. – № 1. – С. 126–127.

260. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625 – 1700) : биографический справочник / Н. Ф. Демидова. – М. : Памятники исторической мысли, 2011. – 717 с.

261. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова ; отв. ред. А. А. Преображенский. – М. : Наука, 1987. – 225 с.

262. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма : автореф. дис. ...д-ра ист. наук : 07. 00. 02. / Н. Ф. Демидова ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М., 1988. – 44 с.

263. Денисенко, Н. П. Испанская корона и крестьянство в XVI в. / Н. П. Денисенко // Россия и Испания: историческая ретроспектива / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1987. – С. 230–241.

264. Денисенко, Н. П. Испанская монархия в последней трети XV – начале XVI века : учеб. пособие / Н. П. Денисенко ; Иванов. гос. ун-т. – Иваново : ИГУ, 1991. – 74 с.

265. Дербов, Л. А. В. И. Ленин о классовой сущности и основных этапах эволюции самодержавия в России / Л. А. Дербов // Историографический сборник / Саратов. ун-т. – Саратов, 1962. – Вып. 1. – С. 3–33.

266. Десимон, Р. Политический брак короля с республикой во Франции XV – XVIII вв.: функции метафор / Р. Десимон // «Анналы» на рубеже веков: антология / отв. ред. А. Я. Гуревич. – М., 2002. – С. 169–193.

267. Десятый международный конгресс историков в Риме, сент. 1955 г. : докл. совет. делегации / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: А. М. Панкратова (отв. ред.) и др.]. – М. : АН СССР, 1956. – 686 с.

268. Дитятин, И. И. Верховная власть в России XVIII столетия : ст. по истории рус. права / И. И. Дитятин. – СПб. : О. Н. Попова, 1895. – [4], 632 с.

269. Дискуссии // Вопр. истории. – 1968. – № 2. – С. 82–104.

270. Дискуссия по статье М. А. Бойцова “Вперед, к Геродоту!” // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. – М., 1999. – Вып. 2. – С. 42–75.

271. Дживелегов, А. Абсолютизм / А. Дживелегов // Энциклопедический словарь русского библиографического института “Гранат” : в 58 т. / под ред. Ю. С. Гамбарова [и др.]. – 7-е перераб. изд. – М., [б. г.]. – Т. 1 : А – Актуарий. – Стб. 64–73.

272. Дмитриева, О. В. «Древняя и достойнейшая процессия»: репрезентация королевской власти в парламентских церемониях второй половины XVI – начала XVII в. / О. В. Дмитриева // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 360–382.

273. Дмитриева, О. В. «Древо жизни в земном Раю»: библейские аллюзии в репрезентации Елизаветы I / О. С. Дмитриева // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Моск. гос. ун-т ; [отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М., 2006. – С. 377–403.

274. Дмитриева, О. В. Елизавета Тюдор / О. В. Дмитриева. – М. : Мол. гвардия, 2004. – 308 с.

275. Дмитриева, О. В. Корона и парламент: гармония и дисгармония дискурсов ритуальных речей в парламентах елизаветинской Англии / О. В. Дмитриева // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Моск. гос. ун-т ; [сост. О. С. Воскобойников ; отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М., 2008. – С. 469–494.

276. Дмитриева, О. В. «Милостивейшая и грозная»: репрезентация Елизаветы I во вступительных парламентских речах лорда-хранителя печати / О. В. Дмитриева // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатуряна / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 164–186.

277. Дмитриева, О. В. «Монументы преданности»: частное строительство и организация королевских визитов в елизаветинской Англии / О. В. Дмитриева // Культура Возрождения и власть / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Комис. по культуре Возрождения. – М., 1999. – С. 178–186.

278. Дмитриева, О. В. «Новая бюрократия» при дворе Елизаветы I Тюдор / О. В. Дмитриева // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под. ред. Н. А. Хачатурян. – М. ; СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 137–148.

279. Дмитриева, О. В. Сотворение божества: сакрализация культа Елизаветы I Тюдор / О. В. Дмитриева // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1995. – Вып. 58. – С. 155–163.

280. Дмитриева, О. В. Социально-политическая борьба в Англии в конце XVI – начале XVII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Дмитриева ; Моск. гос. ун-т. – М., 1985. – 22 с.

281. Докукин, А. В. Денежная реформа царя Алексея Михайловича : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Докукин ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2002. – 16 с.

282. Документы по истории внешней политики Франции, 1547–1548 гг / Акад. наук СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории. – Л. ; М : АН СССР, 1963. – 394 с.

283. Документы по истории гражданских войн во Франции, 1561–1563 гг. : [из отд. рукоп. Гос. публ. б-ки] / Акад. наук СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории ; [под ред. А. Д. Люблинской]. – М ; Л. : АН СССР, 1962. – 364 с.

284. Документы по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари ; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1958. – Вып. 12. – С. 149–171.

285. Документы по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари ; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1958. – Вып. 13. – С. 155–180.
286. Документы по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари ; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1959. – Вып. 14. – С. 168–190
287. Документы по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари ; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1959. – Вып. 15. – С. 149–174.
288. Документы по истории Франции середины XVI в. / публ. Т. П. Вороновой, Е. Г. Гурари ; под ред. А. Д. Люблинской // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1961. – Вып. 19. – С. 292–329.
289. Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апр. 1968 г. «Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи во второй половине XIX века». – М. : Наука, 1970. – 374 с.
290. Долгих, А. Н. О терминах «самодержавие», «абсолютизм» и «просвещенный абсолютизм» и их использовании в современной исторической науке / А. Н. Долгих // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2 (76). – С. 93–97.
291. Домнина, И. И. История российского императорского двора. Формирование обрядов жизненного цикла российских императоров (первая четверть XVIII – середина XIX веков) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. И. Домнина ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб, 2001. – 24 с.
292. Донников, А. В. Правление Анны Иоанновны в отечественной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. В. Донников ; Моск. гос. ун-т сервиса. – М., 2003. – 28 с.
293. Дорофеева, А. В. Эволюция образа власти в массовой культуре России в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Дорофеева ; Моск. гос. ун-т. – М., 2009. – 28 с.
294. Дорохов, В. Н. Исторические взгляды П. Н. Милюкова : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / В. Н. Дорохов ; Ун-т Рос. акад. образования. – М., 2005. – 30 с.
295. Дружинин, Н. М. Воспоминания и мысли историка / Н. М. Дружинин. – 2-е изд. – М. : Наука, 1979. – 166 с.
296. Дружинин, Н. М. Просвещенный абсолютизм в России / Н. М. Дружинин // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1964. – С. 428–459.
297. Дубровский, А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии

(1930 – 1950-е гг.) / А. М. Дубровский. – Брянск : Брян. гос. ун-т. – Брянск, 2005. – 800 с.

298. Дубровский, С. М. Дворянская монархия XVIII века : стеногр. лекции / С. М. Дубровский ; Шк. пропагандистов при Ленингр. обл. и гор. комитете ВКП(б). – Л. : Шк. пропагандистов при Ленингр. обл. и гор. комитете ВКП(б), 1936. – 16 с.

299. Дубровский, С. М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала / С. М. Дубровский. – М. : Науч. ассоц. востоковедов при ЦИК СССР, 1929. – 169 с.

300. Дунаевский, В. А. Николай Михайлович Лукин. Портреты историков: время и судьбы : очерки : [в 5 т.] / Рос. Акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М. ; Иерусалим, 2000–2010. – Т. 2 : Всеобщая история / отв. ред.: Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. – 2000. – С. 310–321.

301. Дэвис, Н. История Европы / Н. Дэвис ; пер. с англ. Т. Б. Менской. – М. : АСТ, 2004. – 943 с.

302. Дякин, В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. / В. С. Дякин ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. – Л. : Наука, 1988. – 227 с.

303. Дякин, В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917) / В. С. Дякин. – М. : Наука, 1967. – 371 с.

304. Евдокимова, А. А. История раннего Нового времени. Эпоха Реформации / А. А. Евдокимова. – Ростов-н/Д. : Феникс, 2004. – 288 с.

305. Европа в средние века: экономика, политика, культура : сб. ст. к 80-летию акад. С. Д. Сказкина. – М. : Наука, 1972. – 446 с.

306. Европейские монархии в прошлом и настоящем, XVIII–XX века. – СПб. ; М. : Алетейя, 2001. – 302 с.

307. Елисеева, О. И. Екатерина Великая / О. И. Елисеева. – М. : Мол. гвардия, 2010. – 635 с.

308. Ерохин, В. Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI–XVII в. в современной британской исторической науке / М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 752 с.

309. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : пособие для учителя / Н. П. Ерошкин. – М. : Учпедгиз, 1960. – 395 с.

310. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник / Н. П. Ерошкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1983. – 352 с.

311. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции : учеб. пособие / Н. П. Ерошкин, Ю. В. Куликов, А. В. Чернов. – М. : МГИАИ, 1965. – 417 с.

312. Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.) / Н. П. Ерошкин. – М. : Мысль, 1981. – 252 с.
313. Ерошкин, Н. П. Основные тенденции развития высшей государственности феодально-крепостнической России первой половины XIX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Н. П. Ерошкин ; Моск. гос. ист-арх. ин-т. – М., 1973. – 96 с.
314. Ерошкин, Н. П. Российское самодержавие : к 75-летию Ист.-арх. ин-та / Н. П. Ерошкин ; отв. ред В. А. Муравьев. – М. : РГГУ, 2006. – 495 с.
315. Ерошкин, Н. П. Самодержавие накануне краха / Н. П. Ерошкин. – М. : Просвещение, 1975. – 160 с.
316. Ефимов, А. В. Изучение Новой истории в СССР / А. В. Ефимов // Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры : науч. конф. 5–12 июня 1944 г. : прогр. и тез. докл. / Моск. гос. ун-т ; [отв. ред. В. И. Спицын]. – М., 1944. – С. 71 – 72.
317. Ешевский, С. В. Сочинения : в 2 ч. / С. В. Ешевский. – М. : Тип. Грачева и К°, 1870. – Ч. 1. – 576 с.
318. Желенина, И. А. Международные конгрессы историков / И. А. Желенина // Советская историческая энциклопедия : [в 16 т.] / гл. ред. Е. М. Жуков. – М., 1966. – Т. 9 : Мальта-Нахимов. – Стб. 269–276.
319. Жордания Гиви Георгиевич [Электронный ресурс] // Всемирная история. – Режим доступа: https://w.histrf.ru/articles/article/show/zhordaniia_givi_georghiiievich. – Дата доступа: 27.08.2021.
320. За воинствующий материализм в общественной науке // Коммунист. – 1953. – № 2. – С. 3–13.
321. Зайончковский, П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов / П. А. Зайончковский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 511 с.
322. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1968. – 366 с.
323. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1978. – 288 с.
324. Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция 80-х – начала 90-х гг. / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1970. – 444 с.
325. Зарецкий, Ю. П. Актуальное прошлое: стенограмма собрания московских медиевистов 1949 года: опыт медленного чтения [Электронный ресурс] / Ю. П. Зарецкий // Неприкосновен. запас. – 2009. – № 1. – Режим доступа: <https://intelros.ru/readroom/nz/-63/3560-aktualnoe-proshloe-stenogramma.html>. – Дата доступа: 27.01.2020.

326. Зарубин, А. Н. Проблемы истории старого порядка и революции конца XVIII века в творчестве П. Н. Ардашева : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. Н. Зарубин ; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2012. – 338 л.

327. Захаров, В. Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий [Электронный ресурс] / В. Ю. Захаров // Знание. Понимание. Умение.– 2008. – № 6. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov/> – Дата доступа: 27.08.2021.

328. Захаров, В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века / В. Ю. Захаров // Рос. история. – 2011. – № 6. – С. 31–52.

329. Захаров, В. Ю. Могла ли Россия стать конституционной монархией при Александре I / В. Ю. Захаров // Преподавание истории в шк. – 2008. – № 8. – С. 19 – 26.

330. Захаров, В. Ю. Российский конституционализм 2-й половины XVIII – 1 ой четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 ; 07.00.03 / В. Ю. Захаров ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2010. – 54 с.

331. Захарова, Л. Г. Александр II / Л. Г. Захарова // Вопр. истории. – 1992. – № 6/7. – С. 58–79.

332. Захарова, Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России / Л. Г. Захарова. – М. : РОССПЭН, 2011. – 719 с.

333. Захарова, Л. Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 г. / Л. Г. Захарова // Вопр. истории. – 1972. – № 8. – С. 119–140.

334. Захарова, Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России / Л. Г. Захарова // Вопр. истории. – 1989. – № 10. – С. 3–24.

335. Захарова, Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861 / Л. Г. Захарова. – М. : Моск. ун-т, 1984. – 254 с.

336. Захарова, Л. Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874 (к вопросу о выборе пути развития) / Л. Г. Захарова // Великие реформы в России. 1856–1874 : сборник / под. ред. Л. Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бешнелл. – М., 1992. – С. 24–43.

337. Захарова, О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX вв.: коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы / О. Ю. Захарова. – М. : АиФ-принт, 2003. – 398 с.

338. Захарова, О. Ю. Государственный церемониал как программа власти / О. Ю. Захарова. – М. : Центрополиграф, 2014. – 381 с.

339. Захарова, О. Ю. Использование государственных и военных церемониалов в системе управления Российской империи XVIII – начала XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / О. Ю. Захарова ; Моск. гос. ун-т. – М., 2002. – 46 с.

340. Захарова, Т. И. Сакрализация власти как фактор трансформации современной России : автореф. ... дис. канд. полит. наук : 23.00.02 / Т. И. Захарова ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2009. – 20 с.
341. Защита диссертации в Военно-политической академии в Москве // Историк-марксист. – 1939. – № 5/6. – С. 278–279.
342. Зезегова, О. И. Исторические взгляды В. В. Бирюковича : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / О. И. Зезегова ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2004. – 24 с.
343. Земцов, Б. История России [Электронный ресурс] : для студентов техн. вузов / Б. Земцов, А. Шубин, И. Данилевский. – СПб. : Питер, 2013. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/283872/read>. – Дата доступа: 27.08.2021.
344. Зимин, А. А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма / А. А. Зимин // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1964. – 517 с.
345. Зимин, А. А. Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1964. – 535 с.
346. Зимин, А. А. Реформы Ивана Грозного / А. А. Зимин. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 511 с.
347. Зимин, А. А. Храм науки: (размышления о прожитом). Москва, 1976 / А. А. Зимин // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич, – М. : Аквариус, 2015. – С. 35–383.
348. Золотарев, В. П. Николай Иванович Кареев / В. П. Золотарев // Портреты историков: время и судьбы : очерки : [в 5 т.] / Рос. Акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2000–2010. – Т. 2 : Всеобщая история / отв. ред.: Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. – 2000. – С. 276–293.
349. Золотарев, В. П. Владимир Владимирович Бирюкович (1893–1954) / В. П. Золотарев, О. И. Зезегова // Новая и новейш. история. – 2001. – № 6. – С. 171–189.
350. Золотухина, Н. М. Историческое и современное значение политико-юридической терминологии / Н. М. Золотухина // Lex Rossica. – 2016. – № 10. – С. 202–230.
351. Зонова, Н. С. Российские историки на международных конгрессах исторических наук начала XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Н. С. Зонова. – Н. Новгород, 2004. – 23 с.
352. Ибнеева, Г. В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Г. В. Ибнеева ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2007. – 43 с.
353. Иванова, Т. Н. В. И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Т. Н. Иванова ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : 1984. – 17 с.

354. Ивонин, Ю. Е. Абсолютизм в Германии в XVI–XIX вв. / Ю. Е. Ивонин // Новая и новейш. история. – 1990. – № 4. – С. 65–75.
355. Ивонин, Ю. Е. Англия и мир в Като-Камбрези / Ю. Е. Ивонин // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии : межвуз. сб. / Горьков. гос. ун-т ; [редкол.: Е. В. Кузнецов (отв. ред.) и др.]. – Горький, 1980. – С. 17–32.
356. Ивонин, Ю. Е. Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. / Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина. – Смоленск : Русич, 2004. – 463 с.
357. Ивонин, Е. Ю. Восшествие на престол Марии Тюдор и габсбургская дипломатия / Ю. Е. Ивонин // Вопросы истории древнего мира и средних веков : [сб. ст. : посвящ. 100-летию юбилею выдающ. белорус. учен. Н. М. Никольского, В. Н. Перцева] / под ред. Ф. М. Нечая, Г. М. Лившица. – Минск, 1977. – С. 106–115.
358. Ивонин, Ю. Е. Генрих VIII Тюдор / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 2008. – № 8. – С. 44–63.
359. Ивонин, Ю. Е. Густав II Адольф / Ю. Е. Ивонин, А. А. Ходин // Вопр. истории. – 2010. – № 9. – С. 52–69.
360. Ивонин, Ю. Е. Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI века : ист. очерки / Ю. Е. Ивонин. – Днепропетровск : ДГУ, 1994. – 234 с.
361. Ивонин, Ю. Е. Карл V Габсбург / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 2007. – № 10. – С. 46–63.
362. Ивонин, Ю. Е. Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме? / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 1989. – № 12. – С. 176–178.
363. Ивонин, Ю. Е. О влиянии крестьянской войны и Реформации в Германии на политику монархий Англии и Франции / Ю. Е. Ивонин // Античная древность и средние века : сб. науч. тр. / М-во образования Рос. Федерации, Урал. гос. ун-т, Каф. ист. др. мира и средних веков. – Свердловск, 1976. – Вып. 13. – С. 132–140.
364. Ивонин, Ю. Е. О характере реформации Генриха VIII / Ю. Е. Ивонин // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1980. – Вып. 3. – С. 83–93.
365. Ивонин, Ю. Е. Позднее средневековье или ранняя новая история? / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 1987. – № 1. – С. 67–77.
366. Ивонин, Ю. Е. Проблема возникновения княжеского абсолютизма в Германии (некоторые аспекты политики Морица Саксонского) / Ю. Е. Ивонин // Проблемы социальной истории и культуры средних веков : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т. : [редкол.: Г. Л. Курбатов (отв. ред.) и др.]. – Л., 1987. – С. 84–95.
367. Ивонин, Ю. Е. Проблема княжеского абсолютизма в Германии в современной немецкой историографии (традиции и новации) / Ю. Е. Ивонин // Историческое познание: традиции и новации : материалы Междунар. теорет. конф., Ижевск, 26–28 окт. 1993 г. : [в 2 ч.] / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук [и

др. ; сост. и общ. ред.: В. В. Иванова, В. В. Пузанова]. – Ижевск, 1993. – Ч. 1. – С. 142 – 146.

368. Ивонин, Ю. Е. Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Ю. Е. Ивонин ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1974. – 23 с.

369. Ивонин, Ю. Е. Сословия, католицизм и абсолютизм / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 1974. – № 8. – С. 193–194.

370. Ивонин, Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время, 1495–1806 : в 2 т. / Ю. Е. Ивонин. – М. : РКонсульт, 2007. – Т. 2, ч. 1 : Властители Старой империи : очерки. – 274 с.

371. Ивонин, Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время, 1495–1806 : в 2 т. / Ю. Е. Ивонин. – М. : РКонсульт, 2009. – Т. 2, ч. 2 : Рейхстаги. Национальное и универсальное. Бюрократия и придворное общество. Секуляризация 1803 г. и конец Священной Римской империи. – 335 с.

372. Ивонин, Ю. Е. Филипп II Габсбург / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 2011. – № 12. – С. 41–57.

373. Ивонин, Ю. Е. Франциск I Валуа / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 2014. – № 4. – С. 19–42.

374. Ивонин, Ю. Е. Фридрих II Гогенцоллерн и Иосиф II Габсбург / Ю. Е. Ивонин // Вопр. истории. – 2003. – № 10. – С. 49–74.

375. Ивонина, Л. И. Мазарини / Л. И. Ивонина. – М. : Мол. гвардия, 2007. – 301 с.

376. Ивонина, Л. И. Монархизация правителей Классической Европы в конце XVII–начале XVIII в. / Л. И. Ивонина // Вопр. истории. – 2012. – № 8. – С. 104–117.

377. Иконников, В. С. [Рецензия] / В. С. Иконников // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1900. – Февр. – С. 367–399. – Рец. на кн.: Платонов, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / С. Ф. Платонов. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1899. – 665 с. – (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета ; ч. 52)

378. Иконников, В. С. [Рецензия] / В. С. Иконников // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1900. – Апр. – С. 165–189. – Рец. на кн.: Платонов, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / С. Ф. Платонов. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1899. – 665 с. – (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета ; ч. 52).

379. Ильдесаймер, Ф. Архивы канцлера Сегье: от Парижа до Санкт-Петербурга / Ф. Ильдесаймер // Советская и французская историография в зеркальном отражении: 20-е–80-е годы XX века : [по материалам фр.-рос. коллоквиума «Французская и советская историография Старого порядка и Революции XVIII века в зеркальном отражении (20–80-е годы XX в.)», Визиль, 22 – 23 сент. 2006 г.] : фр. ежегодник, 2007 / Ин-т всеобщ. истории РАН, Фр.-рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2007. – С. 69–86.

380. Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т [и др. ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 2011. – 503 с.

381. Институт истории НАН Беларуси, 1929–2009 / [А. А. Коваленя и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 628 с.

382. Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб. : Алетейя, 2007. – 507 с.

383. Историография истории нового времени стран Европы и Америки : [учебник] / [А. В. Адо и др.] ; под ред. И. П. Дементьева. – М. : Высш. шк., 1990. – 511 с.

384. Историческая наука в Московском университете, 1934–1984 / [Ю. С. Кукушкин и др. ; редкол.: Ю. С. Кукушкин (отв. ред.) и др.]. – М. : МГУ, 1984. – 333 с.

385. Историческая наука в условиях перестройки : круглый стол // Вопр. истории. – 1988. – № 3. – С. 3–57.

386. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : одобрен ЦК ВКП(б) 1938 г. : краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). – [М.] : Госполитиздат, 1938. – 352 с.

387. История Европы: с древнейших времен до наших дней : в 8 т. / Рос. акад. наук [гл. редкол.: А. О. Чубарьян (пред.) и др.]. – М. : Наука, 1993. – Т. 3 : От средневековья к новому времени (конец XV–первая половина XVII вв.) / [редкол.: Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург (отв. ред.) и др.]. – 653 с.

388. История Европы: с древнейших времен до наших дней : 8 т. / Рос. акад. наук [гл. редкол.: А. О. Чубарьян (пред.) и др.]. – М. : Наука, 1994. – Т. 4 : Европа нового времени (XVII–XVIII века) / редкол.: М. А. Барг (отв. ред.) [и др.]. – 509 с.

389. История Европы: с древнейших времен до наших дней : в 8 т. / Рос. акад. наук [редкол.: А. О. Чубарьян (пред.) и др.]. – М. : Наука, 2000. – Т. 5 : От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны / редкол.: С. П. Пожарская (отв. ред.) [и др.]. – 667 с.

390. История Нового времени: 1600–1799 годы : учеб. пособие / под ред. А. В. Чудинова, П. Ю. Уварова, Д. Ю. Бовыкина. – М. : Академия, 2007. – 384 с.

391. История освобождения России / Рос. Соц. Федерация Совет. Респ. – М. : ВЦИК, 1918. – Т. 1 : Царизм и революция М. Н. Покровского. Общественно-литературные течения конца XIX века В. М. Фриче. – 46 с.

392. История Польши : в 3 т. / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. – М. : АН СССР, 1954. – Т. 1. – 583 с.

393. История Правительствующего сената за двести лет, 1711–1911 гг. : [в 5 т.] / сост.: А. Е. Пресняков [и др.]. – СПб. : Сенат. тип., 1911. – Т. 2 : Правительствующий сенат в царствование Елисаветы Петровны и Петра Феодоровича. – 806 с.

394. История России от древнейших времен до начала XX в. [Электронный ресурс] : учебник / под ред. И. Я. Фроянова. – СПб. : [б. и.], 1992. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Frojan/index.php. – Дата доступа : 08.05.2020.

395. История России с древнейших времен до 1861 года : [учебник для вузов] / [Н. И. Павленко и др.] ; под ред. Н. И. Павленко. – М. : Высш. шк., 1996. – 559 с.

396. История средних веков : [учебник] / [М. А. Барг и др. ; редкол.: М. Л. Абрамсон, А. Я. Гуревич, Н. Ф. Колесницкий]. – М. : Высш. шк., 1964. – 703 с.

397. История средних веков : [учебник] : в 2 т. / под ред. С. Д. Сказкина [и др.]. – М. : Высш. шк., 1966. – Т. 2. – 388 с.

398. История средних веков : [учебник : в 2 т.] / Ин-т истории Акад. наук СССР, Ист. фак. Моск. гос. ун-та ; под ред. С. Д. Сказкина, А. С. Самойло, А. Н. Чистозвонова. – М. : Госполитиздат, 1954. – Т. 2. – 520 с.

399. История средних веков : [учебник : в 2 т.] / под общ. ред. С. Д. Сказкина. – 2-е изд., перераб. – Т. 2 [С. Д. Сказкин и др.]. – М. : Высш. шк., 1977. – 335 с.

400. История средних веков : [учебник] / [М. Л. Абрамсон и др.] ; под ред. Н. Ф. Колесницкого. – Изд 2-е., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1986. – 576 с.

401. История средних веков : [в 2 т.] / под ред. С. Д. Сказкина, О. Л. Вайнштейна. – М. : Соцэкгиз, 1939. – Т. 2. – 562 с.

402. История СССР / Ин-т истории Акад. наук СССР, Ист. фак. Моск. гос. ун-та ; [под ред. Л. В. Черепнина (отв. ред.) и др.] – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 1 : С древнейших времен до 1861 г. Первобытно-общинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. – 896 с.

403. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века : учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов / акад. Б. А. Рыбаков [и др.]. – М.: Высш. шк., 1975. – 496 с.

404. История СССР: с древнейших времен до наших дней : в 2 сер. : в 12 т. / АН СССР, Ин-т истории ; гл. ред. совет.: Б. Н. Пономарев (пред.) [и др.]. – М. : Наука, 1963–1980 – Сер. 1 : С древнейших времен до Великой Октябрьской

социалистической революции, т. 4 : Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. / отв. ред. А. В. Фадеев. – 1967. – 742, [1] с.

405. История СССР : учеб. для ист. фак. пед. ин-тов : в 2 т. / под ред. П. П. Епифанова, В. В. Мавродина. – М. : Просвещение, 1983–1984. – Т. 1 : С древнейших времен до 1861 года / П. П. Епифанов [и др.]. – 1983. – 576 с.

406. История СССР : учебник : [в 2 т.] / Ин-т истории Акад. наук СССР, Каф. истории СССР, Каф. истории СССР ист. фак. Моск. гос. ун-та ; под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. – М. : Соцэкгиз, 1939. – Т. 1 : С древнейших времен до конца XVIII века. – 792 с.

407. История Франции : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1972. – Т. 1. – 359 с.

408. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.]. – М. : РГГУ, 2004. – 702 с.

409. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – 688 с.

410. Каждан, А. П. Трудный путь в Византию / А. П. Каждан // Одиссей, 1992 : Человек в истории. Историк и время / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [отв. ред. А. Я. Гуревич]. – М., 1994. – С. 35–50.

411. Казак, О. М. Теоретико-методологические основания концепции русской истории С. М. Соловьева : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / О. М. Казак ; Моск. гос. ун-т. – М., 1987. – 24 с.

412. Казаков, И. В. Генрих VII Тюдор: «новый» король и его двор / И. В. Казаков // История и историография зарубежного мира в лицах : межвуз. сб. науч. ст. / Самар. гос. ун-т, Каф. зарубеж. истории. – Самара, 1996. – Вып. 1. – С. 42–53.

413. Казаков, И. В. Становление новой монархии в Англии: аристократия и королевский двор в конце XV – начале XVI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / И. В. Казаков ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 1999. – 20 с.

414. Калистратова, Т. И. Институт истории ФОН МГУ-РАНИОН (1921–1929) / Т. И. Калистратова. – Н. Новгород : Ниж. Новгород, 1992. – 216 с.

415. Калущкая, Л. П. Политические идеи кардинала Ришелье : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Л. П. Калущкая ; Харьк. гос. ун-т, Каф. истории средних веков. – Харьков, 1951. – 30 с.

416. Каменский, А. Б. Екатерина II / А. Б. Каменский // Вопр. истории. – 1989. – № 3. – С. 62–88.

417. Каменский, А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой / А. Б. Каменский. – М. : Знание, 1997. – 288 с.

418. Каменский, А. Б. Иван VI Антонович / А. Б. Каменский // Вопр. истории. – 1994. – № 11. – С. 50–62.

419. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа / А. Б. Каменский ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 575 с.
420. Каменский, А. Б. «Под сению Екатерины...» : вторая половина XVIII в. / А. Б. Каменский. – СПб. : Лениздат, 1992. – 448 с.
421. Каменский, А. Б. Политика как искусство возможного / А. Б. Каменский // Родина. – 1993. – № 1. – С. 148–155.
422. Каменский, А. Б. Российское дворянство в 1767 году (к проблеме консолидации) / А. Б. Каменский // История СССР. – 1990. – № 1. – С. 58–77.
423. Кан, А. С. История Швеции / А. С. Кан, Г. А. Некрасов, Х. А. Пийримяэ ; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1974. – 719 с.
424. Кан, А. С. Швеция 1809–1810 гг.: государственный переворот или буржуазная революция / А. С. Кан // Новая и новейшая история. – 1973. – № 1. – С. 63–81.
425. Каплан, А. Б. Психологическая характеристика различных типов абсолютных монархов : ист.-биограф. аспект / А. Б. Каплан // Средние века : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1995. – Вып. 58. – С. 171–172.
426. Капустина, Т. А. Николай I / Т. А. Капустина // Вопр. истории. – 1993. – № 11/12. – С. 27–49.
427. Карамзин, Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин ; [предисл., подгот. текста и примеч. Ю. С. Пивоварова] – М. : Наука, 1991. – 125, [2] с. – (Серия «Ретроспективная и сравнительная политология»).
428. Кареев, Н. И. Две английские революции XVII века / Н. И. Кареев ; Гос. публ. ист. б-ка России. – М. : ГПИБ, 2002. – 205 с.
429. Кареев, Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – 452 с.
430. Кареев, Н. И. Историка Французской революции : в 3 т. / Н. И. Кареев. – Л. : Колос, 1925. – Т. 3 : Изучение Французской революции вне Франции. – 308 с.
431. Кареев, Н. И. Исторический очерк польского сейма / Н. И. Кареев. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888. – IV, [2], 163 с. – (Очерки из истории европейских народов ; [вып.] 3).
432. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время: развитие культурных и социальных отношений : в 3 т. / Н. И. Кареев. – 5-е изд., перераб. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. – Т. 1 : Переход от средних веков к новому времени. – IV, 422 с.

433. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время: развитие культурных и социальных отношений : в 3 т. / Н. И. Кареев. – 5-е изд., перераб. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, – 1915. – Т. 2 : История XVI и XVII веков. – 640 с.

434. Кареев, Н. И. Книга о Иосифе II как представителе и деятеле просвещенного абсолютизма / Н. И. Кареев // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1907.– Нояб. – С. 134–187. – Рец. на кн.: Митрофанов, П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги. (1780–1790) / П. П. Митрофанов. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – [2], VI, [2], 784 с.

435. Кареев, Н. И. М. М. Ковалевский как историк французской революции / Н. И. Кареев // Вестн. Европы. – 1917. – Т. 1, кн. 2. – С. 211–226.

436. Кареев, Н. И. Отзыв о сочинении П. Н. Ардашева “Провинциальная администрация в последнюю пору старого порядка, 1774–1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным, Т. 1, СПб., 1900 г., Т. 2, Киев, 1906 г. / Н. И. Кареев // Отчет о тринадцатом присуждении Императорскою Академиею Наук премий митрополита Макария в 1909 году по историко-филологическому отделению. – СПб., 1911. – С. 23–63.

437. Кареев, Н. И. Последние работы русских ученых о французской революции / Н. И. Кареев // Вестн. Европы. – 1911. – № 4. – С. 318–324.

438. Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев ; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. – Л. : Ленингр. ун-т, 1990. – 384 с.

439. Кареев, Н. И. Происхождение современного народно-правового государства: исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – X, 496 с. – (Типологические курсы по истории государственного быта ; [вып.] 5).

440. Кареев, Н. И. Работы русских ученых по истории французской революции / Н. И. Кареев // Изв. С.-Петербур. политехн. ин-та. – 1904. – Т. 1, вып. 1/2 – С. 41–73.

441. Кареев, Н. И. Работы русских ученых по истории французской революции / Н. И. Кареев // Изв. С.-Петербур. политехн. ин-та. – 1904. – Т. 1, вып. 3/4. – С. 155–202.

442. Кареев, Н. И. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800) : введение в историю XIX века (основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XVI–XVIII вв.) / Н. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – VIII, 176 с.

443. Кареев, Н. И. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911) / Н. И. Кареев // Историческое обозрение : сб. ист. О-ва при Имп. С.-Петербур. ун-те. – 1912. – Т. 17. – С. 12–126.

444. Кареев Н. И. Polonia : сб. ст. по пол. делам (1881–1905) / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. – IX, [3], 268 с.

445. Карпачев, М. Д. Эволюция самодержавия в России во второй половине XIX века / М. Д. Карпачев // Российская монархия: вопросы истории и теории : межвуз. сб. ст., посвящ. 450-летию учрежд. царства в России (1547–1997) / Моск. гос. соц. ун-т [и др. ; редкол.: М. Д. Карпачев (отв. ред.) и др. – Воронеж, 1998. – С. 171–180.
446. Каррер д'Анкокс, Э. Екатерина II. Золотой век в истории России : пер. с фр. / Э. Каррер д'Анкокс. – М. : РОССПЭН, 2006. – 448 с.
447. Каррер д'Анкокс, Э. Незавершенная Россия : пер. с фр. / Э. Каррер д'Анкокс. – М. : РОССПЭН, 2005. – 192 с.
448. Каррер д'Анкокс, Э. Николай Второй: расстрелянная преемственность / Э. Каррер д'Анкокс ; пер. с фр. Е. Богатыренко. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. – 446 с.
449. Кафенгауз, Б. Вопросы историографии Петра Великого / Б. Кафенгауз // Ист. журн. – 1944. – № 9. – С. 24–42.
450. Кафенгауз, Б. Б. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России / Б. Б. Кафенгауз // Вопросы генезиса капитализма в России / Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1960. – С. 5–13.
451. Кафенгауз, Б. Б. Россия при Петре Первом / Б. Б. Кафенгауз. – М. : Учпедгиз, 1955. – 176 с.
452. Кафенгауз, Б. Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки / Б. Б. Кафенгауз // Петр Великий : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. А. И. Андреева. – М. ; Л., 1947. – С. 334–389.
453. Кенигсбергер, Г. Европа раннего Нового времени 1500–1789 / Г. Кёнигсбергер ; пер. с англ. Д. Э. Харитоновича. – М. : Весь мир, 2006. – 320 с.
454. Кизеветтер, А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. : опыт ист. коммент. / А. А. Кизеветтер. – М. : Тип. Моск. ун-та, 1909. – X, 473 с.
455. Кизеветтер, А. А. Девятнадцатый век в истории России / А. А. Кизеветтер. – Ростов н/Д. : Дон. речь, 1905. – 48 с.
456. Кизеветтер, А. А. День царя Алексея Михайловича: сцены из жизни Москвы XVII века / А. А. Кизеветтер. – Изд. 3-е. – М. : Тип. В. И. Воронова, 1913. – 20 с.
457. Кизеветтер, А. А. Исторические силуэты / А. А. Кизеветтер. – Ростов н/Д. : Феникс, 1997. – 475, [2] с.
458. Кизеветтер, А. А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст. : ист. очерк / А. А. Кизеветтер. – 2-е изд. – М. : Задруга, 1917. – 120 с.
459. Кизеветтер, А. А. Петр Великий за границей / А. А. Кизеветтер. – М. : С. Стаханов, С. Курнин и К^о, 1900. – 24 с.
460. Кизеветтер, А. А. Русское общество в восемнадцатом столетии / А. А. Кизеветтер. – 2-е изд. – Ростов н/Д. : Дон. речь, 1905. – 48 с.
461. К изучению истории : сборник. – М. : Госполитиздат, 1938. – 40 с.

462. Киняпина, Н. С. Николай I: личность и политика / Н. С. Киняпина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 2000. – № 6. – С. 8–41.
463. Киняпина, Н. С. Промышленная политика русского самодержавия в годы кризиса феодальной системы / Н. С. Киняпина // Вопр. истории. – 1965. – № 6. – С. 61–75.
464. Киреева, Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р. А. Киреева. – М. : Наука, 1983. – 216 с.
465. Кирсанова, Е. С. Методологические идеи русской консервативно-либеральной историографии второй половины XIX – начала XX в. / Е. С. Кирсанова. – М. : МГОУ, 2004. – 119 с.
466. Кирьянова, Е. А. «Зримый образ Бога»: король и монархическая власть в инаугурационных проповедях в период «единоличного правления» Карла I Стюарта / Е. А. Кирьянова // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2010. – Вып. 71 (3/4). – С. 225–242.
467. Кирьянова, Е. А. Король и монархическая власть в инаугурационных проповедях в период Английской революции / Е. А. Кирьянова // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2011. – Вып. 72 (1/2). – С. 175–193.
468. Кирьянова, Е. А. Орден Подвязки как средство репрезентации власти Карла I Стюарта / Е. А. Кирьянова // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2008. – Вып. 69. – С. 92–119.
469. Клюев, А. И. Основные подходы к изучению истории отечественной медиевистики 1920–1940-х годов / А. Клюев, А. Свешников // Вестн. Омск. ун-та. – 2013. – № 3. – С. 57–62.
470. Ключевский, В. О. Боярская дума Древней Руси / В. О. Ключевский // Русская история : в 5 т. – М., 2001. – Т. IV : Боярская дума древней Руси. Древнерусские жития святых как исторический источник. Статьи. – С. 45–478.
471. Ключевский, В. О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / В. О. Ключевский ; под ред. Р. А. Киреевой. – М. : Рус. Панорама, 2012. – 416 с.
472. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. И. Янина]. – М. : Мысль, 1987–1990. – Т. 1 : Курс русской истории, ч. 1 / сост.: В. А. Александров, В. Г. Зимица. 1987. – 431 с.
473. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. И. Янина]. – М. : Мысль, 1987–1990. – Т. 2 : Курс русской истории, ч. 2 / сост.: В. А. Александров, В. Г. Зимица. – 1988. – 447 с.

474. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. И. Янина]. – М. : Мысль, 1987–1990. – Т. 3 : Курс русской истории, ч. 3 / сост.: В. А. Александров, В. Г. Зими́на. – 1988. – 415 с.

475. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. И. Янина]. – М. : Мысль, 1987–1990. – Т. 4 : Курс русской истории, ч. 4 / сост.: В. А. Александров, В. Г. Зими́на. 1989. – 398, [1] с.

476. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. И. Янина]. – М. : Мысль, 1987–1990. – Т. 5 : Курс русской истории, ч. 5 / сост.: В. А. Александров, В. Г. Зими́на. – 1989. – 477 с.

477. Кныш, Н. А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Н. А. Кныш ; Омск. гос. ун-т. – Барнаул, 2009. – 23 с.

478. Ковалев, В. А. Королевский церемониал ранних Стюартов : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. А. Ковалев ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 16 с.

479. Ковалев, В. А. Придворные маски в правление Якова I: репрезентация власти и создание династической мифологии / В. А. Ковалев // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Моск. гос. ун-т ; [сост. О. С. Воскобойников ; отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М., 2008. – С. 527–554.

480. Ковалевский, М. М. Английская конституция и ее историк / М. М. Ковалевский. – М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1880. – [2], 61 с.

481. Ковалевский, М. М. [Рецензия] / М. М. Ковалевский // Крит. обозрение. – 1879. – № 15. – С. 32–33. – Рец. на кн.: Лучицкий, И. В. Провинциальные собрания при Людовике XVI и их политическая роль (публ. лекция, чит. 25 февр. 1879 г.) / И. В. Лучицкий. – Киев : Унив. тип. (И. И. Завадского), 1879. – 42 с.

482. Ковалевский, М. М. Социология : в 2 т. / М. М. Ковалевский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – Т. 1 : Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. – 300 с.

483. Ковальченко, И. Д. XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии / И. Д. Ковальченко, А. М. Сахаров // История и историки / Акад. наук СССР. – М., 1978. – С. 5–16.

484. Ковальченко, И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах / И. Д. Ковальченко // Новая и новейш. история. – 1995. – № 1. – С. 3–33.

485. Ковин, В. С. Королевские слуги и яковитский двор в Англии (1603 – 1625) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. С. Ковин ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1999. – 22 с.

486. Ковин, В. С. Раннестюартовский двор: проблема дефиниции / В. С. Ковин // Эпоха средневековья: проблемы истории и культуры : тез. докл.

XVIII всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых учен., Санкт-Петербург, 23–27 нояб. 1998 г. / С.-Петерб. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории сред. веков ; [редкол.: Г. Е. Лебедева (отв. ред.) и др.]. – СПб., 1999. – С. 40–41.

487. Коган, М. А. Обзор исторических источников и исторической литературе о Струензе / М. А. Коган // Скандинавский сборник / Тарт. ун-т. – Таллин, 1958. – С. 290–312.

488. Коган, М. А. Просвещенный абсолютизм в Дании. Реформы Струензе : лекция / М. А. Коган. – Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т, 1972. – 52 с.

489. Коган, М. А. Просвещенный абсолютизм в Дании 70-х гг. XVIII в. (реформы Струензе) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / М. А. Коган ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1972. – 30 с.

490. Кожокин, Е. М. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции / Е. М. Кожокин ; отв. ред. П. П. Черкасов. – М. : Наука, 1989. – 176 с.

491. Кожокин, Е. М. Фронда: кризис французского государства в середине XVII века / Е. М. Кожокин // Статьи и материалы по истории Франции : фр. ежегодник, 1986 / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [В. В. Загладин (гл. ред.) и др.]. – М., 1988. – С. 54–80.

492. Козандей, Ф. Церемониальная политика во Франции XVI–XVII вв. / Ф. Козандей // Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV : фр. ежегодник, 2014 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Франк.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2014. – С. 239–251.

493. Козлов, Д. В. Внутренняя и внешняя политика России в правление Анны Леопольдовны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. В. Козлов ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2006. – 26 с.

494. Козлова, А. А. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных историков : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. А. Козлова ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2003. – 22 с.

495. Козлова, Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. : 20-е – начало 60-х гг. / Н. В. Козлова. – М. : Археограф. центр, 1999. – 384 с.

496. Козляков, В. Н. Михаил Федорович / В. Н. Козляков. – Изд. 2-е. – М. : Мол. гвардия, 2010. – 346 с.

497. Комова, Н. Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н. Б. Комова ; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2012. – 55 с.

498. Конанова, Е. И. Петр I в русском общественном сознании XVIII – первой половины XIX в.: конструирование и деконструкция мифологического образа : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. И. Конанова ; Юж. Федерал. ун-т, Пед. ин-т. – Ставрополь, 2008. – 26 с.

499. Кондратьев, С. В. Английская революция XVII века : учебник / С. В. Кондратьев. – М. : Академия, 2010. – 192 с.

500. Кондратьев, С. В. Английские юристы конца XVI – начала XVII вв. о королевской власти / С. В. Кондратьев // Англия XVII века: идеология, политика, культура : межвуз. сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т ; [редкол.: Г. Е. Левин (отв. ред.) и др.]. – СПб., 1992. – С. 13–21.

501. Кондратьев, С. В. Основные черты административно-судебной системы Англии XVI – начала XVII вв.: носители власти и структура институтов / С. В. Кондратьев // Европа на этапе от классического средневековья к новому времени / Тюмен. гос. ун-т ; [редкол.: Г. Л. Курбатов и др.]. – Тюмень, 1991. – С. 54–70.

502. Кондратьев, С. В. Политика и политические элиты в предреволюционной Англии / С. В. Кондратьев // Англия XVII века: социальные группы и общество : межвуз. сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т ; под ред. С. Е. Федорова. – СПб., 1994. – С. 17–32.

503. Кондратьев, С. В. Политическая мысль Англии конца XVI – первой четверти XVII века. Из истории формирования идейных предпосылок Английской буржуазной революции: по работам английских юристов : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. В. Кондратьев. – Л., 1987. – 234 л.

504. Кондратьев, С. В. Юристы в предреволюционной Англии : политические и правовые воззрения / С. В. Кондратьев. – Шадринск : Исеть, 1993. – 125 с.

505. Кондратьев, С. В. А. Д. Люблинская versus Б. Ф. Поршнева: Что было не так в книге «Народные восстания во Франции перед Фрондой» / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева // Войны и революции в Новое время : фр. ежегодник, 2020 / Ин-т всеобщей истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр гуманитар наук ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2020. – С. 257–292.

506. Кондратьев, С. В. Б. Ф. Поршнева в дискуссии о роли классовой борьбы в истории (1948–1953) / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева // Советская и французская историография в зеркальном отражении: 20–80-е годы XX века : фр. ежегодник, 2007 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2008. – С. 34–54.

507. Кондратьев, С. В. Б. Ф. Поршнева – интерпретатор французского абсолютизма / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева // Абсолютизм во Франции: к 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) : фр. ежегодник, 2005 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2005. – С. 68–85.

508. Кондратьев, С. В. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева. – Тюмень : Мандр и К°, 2003. – 272 с.

509. Кондратьева, Т. Н. «Абсолютизм», «народные массы», «буржуазия» и «Фронда» в трактовке Б. Ф. Поршнева в 30–40-е годы / Т. Н. Кондратьева // Европа. – 2002. – № 2. – С. 126–147.

510. Кондратьева, Т. Н. Архивные свидетельства об академической деятельности Б. Ф. Поршнева (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) / Т. Н. Кондратьева // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2010. – № 332. – С. 81–82.

511. Кондратьева, Т. Н. Борис Федорович Поршнев и Александра Дмитриевна Люблинская: к истории взаимоотношений / Т. Н. Кондратьева // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 178–183.

512. Кондратьева, Т. Н. Б. Ф. Поршнев в дискуссиях советских историков о французском абсолютизме / Т. Н. Кондратьева // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 51–58.

513. Кондратьева, Т. Н. Б. Ф. Поршнев в Московском отделении ГАИМК / Т. Н. Кондратьева // Европа. – 2005. – № 5. – С. 185–188.

514. Кондратьева, Т. Н. Б. Ф. Поршнев и дискуссия об абсолютизме в институте истории АН СССР (1940) / Т. Н. Кондратьева // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. – 2009. – Т. 65, № 3. – С. 240–247.

515. Кондратьева, Т. Н. В поисках демиурга (об одной дискуссии в отечественной исторической науке конца 40-х – начала 50-х гг.) / Т. Н. Кондратьева // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия : тез. докл. Всерос. науч. конф., Тюмень 27–28 апр. 2000 г. / Тюмен. гос. ун-т, Рос. акад. наук, Отд-ние истории ; [отв. ред. Е. Б. Заболотный]. – Тюмень, 2000. – С. 127–128.

516. Кондратьева, Т. Н. От исторической фактуры к социологическим фигурам, или Как кардинал де Рец обратил Бориса Федоровича Поршнева во франковеда / Т. Н. Кондратьева // Новый ист. вестн. – 2016. – № 4. – С. 145–164.

517. Кондратьева, Т. Н. Проблема французского абсолютизма в работах В. В. Бирюковича / Т. Н. Кондратьева // Европа. – 2001. – № 1. – С. 76–86.

518. Кондратьева, Т. Н. Проблемы французского абсолютизма в отечественной медиевистике 20-х – начала 50-х гг. XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Т. Н. Кондратьева ; Тюмен. гос. ун-т. – Омск, 2002. – 30 с.

519. Коновалов, В. С. Государственное управление в России (XVI–XVIII вв.) : анализ, обзор / В. С. Коновалов // История России. Сер. аналит. обзоров и сб. – 2013. – № 1. – С. 71–95.

520. Копосов, Н. Е. Абсолютная монархия во Франции / Н. Е. Копосов // Вопр. истории. – 1989. – № 1. – С. 42–57.

521. Копосов, Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века / Н. Е. Копосов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 248 с.

522. Копосов, Н. Е. Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка / Н. Е. Копосов // От Старого порядка к революции : к 200-летию Великой

Французской революции : межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. – Л., 1988. – С. 26–51.

523. Копосов, Н. Е. К изучению политических карьер во Франции XVII в. / Н. Е. Копосов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Сер. 2. – 1989. – Вып. 2. – С. 11–18.

524. Копосов, Н. Е. Провинциальные интенданты во Франции Старого порядка : (аналит. обзор) / Н. Е. Копосов // К 200-летию Французской революции: зарубежная историография : реф. сб. / Акад. наук СССР ; редкол.: Т. М. Фадеева (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИНИОН, 1988. – С. 150–160.

525. Копосов, Н. Е. Хватит убивать кошек! / Н. Е. Копосов. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. – 246 с.

526. Коренев, Д. М. Процесс централизации власти в Московском государстве и его отражение в костюме чинов государева двора и полка (вторая половина XVI–XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. М. Коренев ; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2011. – 21 с.

527. Корзун, В. П. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат / В. П. Корзун, Д. М. Колеватов // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории. – М., 2010. – Вып. 33. – С. 59–85.

528. Корзун, В. П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / В. П. Корзун ; Омск. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2002. – 38 с.

529. Корзун, В. П. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х–середина 1950-х гг. / В. П. Корзун, Н. А. Кныш, Д. М. Колеватов ; [под ред. В. П. Корзун]. – М. : РОССПЭН, 2011. – 471 с.

530. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. – М. : РОССПЭН, 2010. – 520 с.

531. Коркунов, Н. М. Русское государственное право : пособие к лекциям : в 2 т. / Н. М. Коркунов ; Юрьев. ун-т. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1892. – Т. 1 : Введение и общая часть. – 402 с.

532. Корнилов, А. А. Крестьянская реформа / А. А. Корнилов. – СПб. : П. П. Гершуни и К°, 1905. – IV, 271 с.

533. Корнилов, А. А. Курс русской истории XIX века / А. А. Корнилов. – М. : Высш. шк., 1993. – 446 с.

534. Корнилов, А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881) / А. А. Корнилов. – М. : Рус. мысль, 1909. – 263 с.

535. Королевский двор в Англии XV–XVII в. / [А. А. Паламарчук и др.]. – СПб. : Алетейя, 2015. – 382 с.

536. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М. : Наука, 2004. – 540 с.

537. Коршунова, Н. В. Проекты реформ в России (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в. / Н. В. Коршунова. – Челябинск : Пирс, 2009. – 300 с.

538. Коршунова, Н. В. Проекты реформ в России второй половины XVIII – первой четверти XIX вв.: замысел и механизмы реализации : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Н. В. Коршунова ; Челяб. гос. пед. ун-т. – М., 2010. – 38 с.

539. Косминский, Е. А. Абсолютизм во Франции : стенограмма лекции, прочит. в Высш. шк. пропагандистов / Е. А. Косминский. – М. : [б. и.], 1938. – 43 с.

540. Косминский, Е. А. Английский абсолютизм. Буржуазная революция в Англии в XVII веке : стенограмма лекции, прочит. 13 и 16 марта 1940 г. / Е. А. Косминский. – М. : Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1940. – 72 с.

541. Косминский, Е. А. Изучение истории средних веков за 25 лет / Е. А. Косминский // Двадцать пять лет исторической науки в СССР / под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. – М. ; Л., 1942. – С. 209–215.

542. Косминский, Е. А. История средних веков: 1936 уч. г. / Е. А. Косминский. – М. : МГУ, 1936. – Вып. 1 : Лекции 1-3, курс 1935. – 40 с.

543. Косминский, Е. А. Лекции по истории средних веков: с конца IV по XV век включительно : для студентов-заочников пед. и учит. ин-тов / Е. А. Косминский ; Упр. высш. шк. НКП РСФСР. – М. : Наркомпрос РСФСР, 1938. – 479 с.

544. Косминский, Е. А. О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма : по поводу ст. Б. Ф. Поршнева / Е. А. Косминский // Изв. Акад. наук СССР. – 1951. – Т. 8, № 3. – С. 237–255.

545. Косминский, Е. А. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке / Е. А. Косминский. – М. : АН СССР, 1955. – 88 с.

546. Косминский, Е. А. Проблемы английского феодализма в историографии средних веков / Е. А. Косминский ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : АН СССР, 1963 – 456 с.

547. Косминский, Е. А. Сорок лет советской медиевистики / Е. А. Косминский, Е. В. Гутнова, Н. А. Сидорова // Вопр. истории. – 1957. – № 11. – С. 186–205.

548. Котова, О. А. Государственная деятельность Екатерины II : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. А. Котова ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2000. – 15 с.

549. Кошелева, О. Е. Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645–1682) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. Е. Кошелева ; Моск. гос. ун-т. – М., 1987. – 18 с.

550. Кошелева, О. Е. Указотворчество Петра Великого и формирование образа его власти / О. Е. Кошелева // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века. Новое время / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; [сост. М. А. Бойцов] ; под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. – М., 2008. – С. 78–94.

551. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович ; отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 688 с.

552. Краснов, И. А. Символика английской придворной культуры XV – XVII вв. / И. А. Краснов // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда / под ред. Н. А. Хачатурян. – М. ; СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 215–224.

553. Краткая всемирная история : [в 2 кн.] / под ред. А. З. Манфреда. – М. : Наука, 1966. – Кн. 1. – 608 с.

554. Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / Б. В. Ананьич [и др.] ; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние ; редкол.: В. С. Дякин (отв. ред.) [и др.]. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. – 664 с.

555. Кристенсен, С. О. История России XVII в. : обзор исслед. и источников : пер. с дат. / С. О. Кристенсен ; общ. ред. В. И. Буганова. – М. : Прогресс, 1089. – 256 с.

556. Кром, М. М. Введение в историческую компаративистику / М. М. Кром. – СПб. : Европ. ун-т, 2015. – 247 с.

557. Кром, М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия / М. М. Кром // Новая и новейш. история. – 2016. – № 4. – С. 3–15.

558. Кропоткин, П. А. Великая Французская революция, 1789–1793 / П. А. Кропоткин ; пер. с фр. П. А. Кропоткина. – М. : Голос тр., 1922. – VIII, 608 с.

559. Кудрявцев, А. Е. Великая Английская революция / А. Е. Кудрявцев. – Л. : Прибой, 1925. – 232 с.

560. Кудрявцев, А. Е. Испания в средние века / А. Е. Кудрявцев. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 250 с.

561. Кудрявцев, А. Е. Кризис абсолютизма в Англии начала XVII века: время Якова Стюарта, 1603–1625 гг. / А. Е. Кудрявцев // Учен. зап. / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1939. – Вып. 4, № 39. – С. 216–231.

562. Курукин, И. В. Дворцовый переворот 1741 года: причины, «технология», уроки / И. В. Курукин // Отеч. история. – 1997. – № 5. – С. 3–23.

563. Курукин, И. В. Екатерина I / И. В. Курукин. – М. : Мол. гвардия, 2016. – 398 с.

564. Курукин, И. В. Из истории складывания режима «бирановщины» / И. В. Курукин // Отеч. история. – 2003. – № 2. – С. 3–19.
565. Курукин, И. В. Фаворит на десять лет. Незлобивое слово о герцоге Эрнсте Иоганне Бироне / И. В. Курукин // Родина. – 2000. – № 9. – С. 37–42.
566. Курукин, И. В. «Эпоха “дворских бурь”». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762) / И. В. Курукин. – М. : Наука, 2019. – 757 с.
567. Курукин, И. В. «Эпоха дворцовых переворотов» (1725–1762) в контексте политической истории России : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / И. В. Курукин ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2004. – 46 с.
568. Куцева, Е. А. Аристократия во Франции в конце Старого порядка : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Е. А. Куцева ; Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2006. – 24 с.
569. Кучма, В. В. Создание и деятельность органов общей полиции во Франции в период абсолютизма / В. В. Кучма // Античная древность и средние века : сборник / Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1978. – Вып. 15. – С. 83–95.
570. Лавровский, В. М. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы буржуазной революции 40-х годов XVII века / В. М. Лавровский, М. А. Барг. – М. : Соцэкгиз, 1958. – 366 с.
571. Лазорин, К. Б. Формирование полицейского государства в странах Европы в XVIII – XIX веках [Электронный ресурс] / К. Б. Лазорин // Пробелы в рос. законодательстве. – 2013. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-politseyskogo-gosudarstva-v-stranah-evropy-v-xviii-xix-vekah> – Дата доступа: 02.06.2020.
572. Лаппо-Данилевский, А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований / А. С. Лаппо-Данилевский // Голос минувшего. – 1914. – № 12. – С. 5–38.
573. Лаппо-Данилевский, А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II / А. С. Лаппо-Данилевский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. – [2], 62 с.
574. Лебедев, В. [Рецензия] / В. Лебедев, С. Юшков // Ист. журн. – 1944. – № 10/11. – С. 124–131. – Рец. на кн.: Сыромятников, Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. / Б. И. Сыромятников. – М. ; Л. : АН СССР, 1943. – Ч. 1. – 212 с.
575. Лебедева, Г. Е. Профессор О. Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ) / Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени : сборник / С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2005. – Вып. 5. – С. 102–126.
576. Лебедева, Г. Е. Труды и дни профессора В. В. Штокмар / Г. Е. Лебедева, А. В. Березкин, Н. Ю. Черепенина // Проблемы социальной истории и культуры

средних веков и раннего Нового времени : сборник / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПбГУ, 2015. – Вып. 12. – С. 20–37.

577. Лебедева, Г. Е. Cathedra medii aevi : материалы к истории ленингр. медиевистики 1930-х–1950-х годов / Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский. – СПб. : СПбГУ, 2008. – 125 с.

578. Лебедева, Е. И. К истории политического кризиса накануне Великой французской буржуазной революции: (план реформ Ш.-А. де Калонна) / Е. И. Лебедева // Проблемы новой и новейшей истории : сб. ст. / Моск. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. новой и новейш. истории. – М., 1983. – С. 3–19.

579. Лебедева, Е. И. Кризис «верхов» накануне Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Е. И. Лебедева ; Моск. гос. ун-т. – М., 1985. – 19 с.

580. Лебедева, Е. И. Кризис «верхов» накануне Великой французской революции: современная историографическая ситуация / Е. И. Лебедева // Господствующий класс феодальной Европы / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1989. – С. 219–231.

581. Ленин, В. И. Анкета об организациях крупного капитала / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 21 : Декабрь 1911 – июль 1912. – С. 288–305.

582. Ленин, В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 17 : Март 1908 – июнь 1909. – С. 339–353.

583. Ленин, В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 20 : Ноябрь 1910 – ноябрь 1911. – С. 171–180.

584. Ленин, В. И. «Левение» буржуазии и задачи пролетариата / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 17 : Март 1908–июнь 1909. – С. 407–414.

585. Ленин, В. И. Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 20 : Ноябрь 1910–ноябрь 1911. – С. 114–133.

586. Ленин, В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1974. – Т. 39 : Июнь – декабрь 1919. – С. 64–84.

587. Ленин, В. И. По поводу юбилея / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1973. – Т. 20 : Ноябрь 1910–ноябрь 1911. – С. 161–170.

588. Ленин, В. И. Попятное направление в русской социал-демократии / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1971. – Т. 4 : 1898–апрель 1901. – С. 240–272.

589. Ленин, В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1971. – Т. 1 : 1893–1894. – С. 125–346.

590. Леонидова, О. А. П. Н. Ардашев: материалы к научной биографии / О. А. Леонидова, Т. Н. Иванова // Эпоха Великой Французской революции: проблемы истории и историографии: к 200-летию юбил. революции : межвуз. сб. науч. тр. / Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 1989. – С. 76–92.

591. Ле Руа Ладюри, Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610 / Э. Ле Руа Ладюри ; пер. с фр. Е. Н. Корендясова, В. А. Павлова. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 416 с.

592. Леушина, Е. В. П. П. Митрофанов о реформировании церкви эпохи просвещенного абсолютизма / Е. В. Леушина // Историческая наука и методология истории в России XX века : к 140-летию со дня рожд. акад. А. С. Лаппо-Данилевского / С.-Петерб. ин-т истории Рос. акад., Ин-т междунар. образоват. прогр. С.-Петерб. гос. ун-та, Фонд культуры и образования ; отв. ред. А. В. Малинов [и др.] – СПб., 2003. – С. 276–283.

593. Лиманова, С. А. Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. А. Лиманова ; Моск. гос. ун-т. – М., 2013. – 30 с.

594. Лиманова, С. А. Столичные торжества российской империи в царствование Николая II / С. А. Лиманова. – М. : Кучково поле, 2017. – 358 с.

595. Литаврина, Э. Э. К проблеме экономического упадка Испании в XVI в. / Э. Э. Литаврина // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.) : сб. ст. / [под ред. С. Д. Сказкина]. – М., 1957. – С. 173–185.

596. Литаврина, Э. Э. Состояние земледелия в Испании во второй половине XVI в. / Э. Э. Литаврина // Социально-экономические проблемы истории Испании : сб. ст. / [редкол.: И. М. Майский (отв. ред.) и др.]. – М., 1965. – Вып. 4. – С. 124–157.

597. Логунова, М. О. Траурный церемониал в Российской империи в XVIII–XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. О. Логунова ; Сев.-Зап. акад. гос. службы. – СПб., 2010. – 21 с.

598. Лозинский, А. А. Кульминационный этап гражданских войн во Франции XVI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / А. А. Лозинский. – М. : МГПИ, 1978. – 31 с.

599. Лозинский, А. А. Париж накануне народного восстания 12 мая 1588 г.: социальная структура населения и муниципалитет / А. А. Лозинский // Наук. зап. / Львів. держ. ун-т. Сер. іст. – Львів, 1953. – Т. 25, вып. 5. – С. 192–215.

600. Лозинский, А. А. Парижская Лига. Социально-политическая борьба в Париже в период подъема народного движения (конец 80-х гг. XVI в.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. А. Лозинский. – Л., 1949. – 269, [VIII] л.

601. Лозинский, С. Г. Эпоха торгового капитала / С. Г. Лозинский. – Л. : Книга, 1926. – 246 с.

602. Лола, Е. С. Меркантилизм / Е. С. Лола. – Л. ; М. : Мол. гвардия, 1930. – 78 с.

603. Лукин, Н. М. За большевистскую партийность в исторической науке. К итогам дискуссии на западном участке исторического фронта / Н. М. Лукин // Историк-марксист. – 1931. – Вып. 22. – С. 3–10.

604. Лучицкий, И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Опыт истории демократического движения во Франции во II половине XVI века : по неизд. ист. : в 2 т. / И. В. Лучицкий. – Киев : Унив. тип., 1877. – Т. 1. – 622 с.

605. Лучицкий, И. В. Провинциальные собрания при Людовике XVI и их политическая роль / И. В. Лучицкий. – Киев : Унив. тип., 1879. – 40 с.

606. Лучицкий, И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции / И. В. Лучицкий. – Киев : Унив. тип., 1871. – Ч. 1 : [От Варфоломеевской ночи до мира в Шатенуа]. – IV, 647 с.

607. Лысяков, В. Б. Людовик XIV о государстве и монаршей власти / В. Б. Лысяков // Новая и новейш. история. – 2002. – № 5. – С. 186–199.

608. Лысяков, В. Б. Социально-политические воззрения Людовика XIV : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. Б. Лысяков ; Моск. гос. ун-т. – М., 2003. – 29 с.

609. Любавский, М. К. История западных славян / М. К. Любавский. – Изд. 3-е. – М. : Парад, 2004 – 608 с.

610. Любавский, М. К. История царствования Екатерины II / М. К. Любавский. – 2-е изд. – СПб. : Лань, 2001. – 256 с.

611. Любимов, Н. А. Крушение монархии во Франции. Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции (1787–1790) / Н. А. Любимов. – М. : Унив. тип., 1893. – XX. – 657 с.

612. Люблинская, А. Д. Государство эпохи Возрождения в Западной Европе / А. Д. Люблинская // Типология и периодизация культуры Возрождения / Акад. наук СССР, Науч. совет по истории матер. культуры. – М., 1978. – С. 7–14.

613. Люблинская, А. Д. Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV : тез. к дис. ... канд. ист. наук / А. Д. Люблинская ; отв. ред. О. Л. Вайнштейн ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1940. – 4 с.

614. Люблинская, А. Д. К вопросу о классовой природе французского абсолютизма (конец XV–середина XVII вв.) / А. Д. Люблинская // Новая и новейш. история. – 1979. – № 4. – С. 55–70.

615. Люблинская, А. Д. Крестьянские восстания на юго-западе Франции в 30-х гг. XVII в. / А. Д. Люблинская // Новая и новейш. история. – 1980. – № 4. – С. 58–74.

616. Люблинская, А. Д. Новейшая буржуазная концепция абсолютной монархии / А. Д. Люблинская // Критика новейшей буржуазной историографии : сб. ст. / Акад. наук СССР. – М. ; Л., 1961. – Вып. 3. – С. 374–403.

617. Люблинская, А. Д. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма / А. Д. Люблинская // Критика новейшей буржуазной историографии : сб. ст. / Акад. наук СССР. – М. ; Л., 1967. – С. 282–314.

618. Люблинская, А. Д. Очерки истории Франции / А. Д. Люблинская, Д. П. Прицкер, М. Н. Кузьмин. – Л. : Учпедгиз, 1957. – 370 с.

619. Люблинская, А. Д. Проблемы медиевистики на XII Международном конгрессе историков в Вене / А. Д. Люблинская // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1967. – Вып. 30. – С. 261–270.

620. Люблинская, А. Д. Ришелье в исторической литературе XIX–XX вв. / А. Д. Люблинская // Вопр. истории. – 1946. – № 10. – С. 112–117.

621. Люблинская, А. Д. Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции в 1610–1620 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / А. Д. Люблинская. – Л., 1951. – 1060 л.

622. Люблинская, А. Д. Франция в начале XVII века (1610–1620) / А. Д. Люблинская. – Л. : Ленингр. ун-т, 1959. – 294 с.

623. Люблинская, А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. / А. Д. Люблинская ; отв. ред. В. И. Рутенбург. – Л. : Наука, 1982. – 275 с.

624. Люблинская, А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII века / А. Д. Люблинская. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 361 с.

625. Ляшенко, Л. М. Александр II, или История трех одиночеств / Л. М. Ляшенко. – Изд. 3-е, испр. – М. : Мол. гвардия, 2010. – 359 с.

626. Ляшенко, Л. М. Александр I. Самодержавный республиканец / Л. М. Ляшенко. – М. : Мол. гвардия, 2014. – 352 с.

627. Ляшкевич, Л. М. Торговый капитализм / Л. М. Ляшкевич. – М. : Ком. ун-т, 1927. – 288 с. – (Сборник документов и материалов по истории развития общественных форм ; вып. 4).

628. Мавродин, В. В. История СССР : (стенограф. лекции) : в 2 ч. / В. В. Мавродин. – Л. : ЛГУ, 1938. – Ч. 2. – 154 с.
629. Мавродин, В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России (1725–1773) : курс лекций / В. В. Мавродин. – Л. : ЛГУ, 1964. – 194 с.
630. Мавродин, В. В. Некоторые вопросы эволюции российского самодержавия в XVII–XVIII вв. / В. В. Мавродин // Вопросы генезиса капитализма в России / Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1960. – С. 77–89.
631. Мадариага, И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де Мадариага ; пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 976 с.
632. Макьявелли, Н. Государь : пер. с итал. / Н. Макьявелли // Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма : сборник / Н. Макьявелли. – М., 2004. – С. 58–135.
633. Малов, В. Н. Абсолютистская бюрократия и французское общество. Социальная и экономическая политика Кольбера : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / В. Н. Малов ; Ин-т всеобщ. истории Акад. наук СССР. – М., 1989. – 36 с.
634. Малов, В. Н. Единство и противоречия позднефеодального периода / В. Н. Малов // Новая и новейш. история. – 1986. – № 4. – С. 82–86.
635. Малов, В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество / В. Н. Малов. – М. : Наука, 1991. – 240 с.
636. Малов, В. Н. Людовик XIV: опыт психологической характеристики / В. Н. Малов // Новая и новейш. история. – 1996. – № 6. – С. 152–169.
637. Малов, В. Н. Парламентская Фронда: Франция 1643–1653 / В. Н. Малов ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М. : Наука, 2009. – 497 с.
638. Малов, В. Н. Представительные собрания и парламенты во Франции Старого порядка / В. Н. Малов // Из истории европейского парламентаризма. Франция / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М., 1999. – С. 15–22.
639. Малов, В. Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма / В. Н. Малов // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) : фр. ежегодник, 2005 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2005. – С. 86–128.
640. Малышева, О. Г. Думская монархия: рождение, становление, крах : в 2 ч. / О. Г. Малышева. – М. : РАГС, 2001. – Ч. 1 : Власть и зарождение Государственной думы. – 193 с.
641. Мандру, Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640 : эссе по ист. психологии / Р. Мандру ; пер. с фр. А. Лазарева. – М. : Территория будущего, 2010. – 328 с.
642. Манфред, А. З. [Рецензия] / А. З. Манфред // Совет. кн. – 1948. – № 9. – С. 82–85. – Рец. на кн.: Поршнев, Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой / Б. Ф. Поршнев. – М. ; Л. : АН СССР, 1948. – 724 с.

643. Манфред, А. З. Великая Французская революция / А. З. Манфред. – М. : Наука, 1983. – 431 с.
644. Манфред, А. З. Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789–1794) / А. З. Манфред. – М. : Учпедгиз, 1950. – 176 с.
645. Маньков, А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. – Л. : Наука, 1980. – 271 с.
646. Марасинова, Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века / Е. Н. Марасинова ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук ; [отв. ред. Л. В. Милов]. – М. : Наука, 2008. – 460 с.
647. Марасинова, Е. Н. Власть и общество в России XVIII в. / Е. Н. Марасинова // Тр. ин-та Рос. истории / Рос. акад. наук. – М., 2005. – Вып. 5 / отв. ред. А. Н. Сахаров. – С. 87–107.
648. Марасинова, Е. Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века: по материалам законодательства и переписки : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Н. Марасинова ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М., 2008. – 51 с.
649. Марасинова, Е. Н. К истории политического языка в России XVIII века / Е. Н. Марасинова // Отеч. история. – 2005. – № 5. – С. 3–16.
650. Марасинова, Е. Н. О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. / Е. Н. Марасинова // Вопр. истории. – 2007. – № 12. – С. 81–92.
651. Марецкий, Г. К вопросу об эволюции самодержавия / Г. Марецкий // Большевик. – 1926. – № 5. – С. 86–97. – Рец. на кн.: Покровский, М. Н. Марксизм и особенности исторического развития России / М. П. Покровский. – Л. : Прибой, 1925. – 142 с.
652. Маркс, К. К критике гегелевской философии права / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1954. – Т. 1 : [Работы К. Маркса за 1842–1844 гг. ; работы Ф. Энгельса за 1839–1844 гг.]. – С. 219–368.
653. Маркс, К. Монтескье LVI / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1957. – Т. 6 : [Ноябрь 1848–июль 1849]. – С. 192–207.
654. Маркс, К. Морализирующая критика и критицирующая мораль / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 4 : [Май 1846–март 1848 г.]. – С. 291–321.
655. Маркс, К. Фрагмент первоначального текста второй главы первого выпуска «К критике политической экономии» и начало третьей главы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК

КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1968. – Т. 46, ч. 2 : [Экономические рукописи 1857–1859 годов]. – С. 407–493.

656. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская ; [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.

657. Медушевский, А. Н. Административные реформы в России XVIII – XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе / А. Н. Медушевский ; отв. ред. Т. Л. Моисеенко. – М. : ИНИОН, 1990. – 46 с.

658. Медушевский, А. Н. Великая реформа и модернизация России / А. Н. Медушевский // Рос. история. – 2011. – № 1. – С. 3–27.

659. Медушевский, А. Н. Государственный строй России периода феодализма XV–XIX вв.: зарубежная историография : науч.-аналит. обзор / А. Н. Медушевский. – М. : ИНИОН, 1989. – 61 с.

660. Медушевский, А. Н. К изучению государственного аппарата в период утверждения абсолютизма в России (первая четверть XVIII в.) / А. Н. Медушевский // Общественно-политическое развитие феодальной России : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М., 1985. – С. 89–102.

661. Медушевский, А. Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России / А. Н. Медушевский // Рос. история. – 2012. – № 1. – С. 3–16.

662. Медушевский, А. Н. Конституционная монархия в России / А. Н. Медушевский // Вопр. истории. – 1994. – № 8. – С. 30–46.

663. Медушевский, А. Н. Научное сообщество и его критерии: старые обиды, новые разочарования и незавершенный поиск идентичности / А. Н. Медушевский // Рос. история. – 2012. – № 4. – С. 203–208.

664. Медушевский, А. Н. Новое в исследованиях по истории России XVII – середины XIX в. / А. Н. Медушевский, И. В. Сабенникова // Преподавание истории в шк. – 1988. – № 5. – С. 30–36.

665. Медушевский, А. Н. Общество и государство в русском историческом процессе / А. Н. Медушевский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социал.-полит. исслед. – 1993. – № 1. – С. 15–30.

666. Медушевский, А. Н. Реформы и контрреформы в истории России XVIII – XIX вв. / А. Н. Медушевский // Вестн. высш. шк. – 1990. – № 3. – С. 66–73.

667. Медушевский, А. Н. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе. Часть 1 / А. Н. Медушевский // Вестн. высш. шк. – 1990. – № 2. – С. 79–88.

668. Медушевский, А. Н. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе. Ч. 2 / А. Н. Медушевский // Вестн. высш. шк. – 1990. – № 3. – С. 65–72.

669. Медушевский, А. Н. Российский абсолютизм в сравнительном освещении (XVIII – начало XX вв.) / А. Н. Медушевский // Российская и Австро-

Венгерская монархии от расцвета до кризиса / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М., 2006. – С. 84–117.

670. Медушевский, А. Н. Российское государство XVII–XVIII веков в освещении современной немарксистской историографии : обзор лит. / А. Н. Медушевский // История СССР. – 1988. – № 3. – С. 195–206.

671. Медушевский, А. Н. Русская государственность допетровской эпохи / А. Н. Медушевский // Вестн. высш. шк. – 1990. – № 1. – С. 55–62.

672. Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование / А. Н. Медушевский. – М. : Текст, 1993. – 320 с.

673. Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование / А. Н. Медушевский. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 320 с.

674. Медушевский, А. Н. Феодалные верхи и формирование бюрократии в России в первой четверти XVIII в.: источниковедческое исследование : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. Н. Медушевский ; Ин-т истории Акад. наук СССР. – М., 1985. – 23 с.

675. Мельникова, А. В. Интенданты провинций в системе французского абсолютизма (от их возникновения до середины XVII в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. В. Мельникова. – М., 1951. – 16 с.

676. Милюков, П. Н. Верховники и шляхетство / П. Н. Милюков. – Ростов н/Д. : Дон. речь, 1905. – 74 с.

677. Милюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. / П. Н. Милюков. – М. : Директ-Медиа, 2014. – Т. 1. – 400 с.

678. Милюков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Милюков. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1892. – XVI, 736 с.

679. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : [в 3 т.] / П. Н. Милюков. – М. : Прогресс, 1993. – Т. 1. – 528 с.

680. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : [в 3 т.] / П. Н. Милюков. – М. : Прогресс, 1994. – Т. 2, ч. 2. – 496 с.

681. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : [в 3 т.] / П. Н. Милюков. – М. : Прогресс, 1995. – Т. 3. – 480 с.

682. Милюков, П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) / П. Н. Милюков // Рус. мысль. – 1886. – Кн. 6. – С. 80–92.

683. Мильская, Л. Т. Воспоминания Е. В. Гутновой и их достоверность / Л. Т. Мильская // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2002. – Вып. 63. – С. 394–401.

684. Мильская, Л. Т. Заметки на полях (по поводу статьи А. Я. Гуревича «Историк среди руин» / Л. Т. Мильская // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2004. – Вып. 65. – С. 214–228.

685. Минц, И. И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и 6-м международном конгрессе историков в Осло / И. И. Минц // Историк-марксист. – 1928. – № 9. – С. 84–96.

686. Мир историка. XX век / под ред. А. Н. Сахарова. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2002. – 475 с.

687. Мироненко, А. А. Идея королевской власти в общественной мысли Франции XV–XVII веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. А. Мироненко ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М. : РГГУ, 2000. – 28 с.

688. Мироненко, К. Н. Манифест 17 октября 1905 г. / К. Н. Мироненко // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. юрид. наук. – Л., 1958. – Вып. 10 : Вопросы государства и права. – С. 158–179.

689. Мироненко, С. В. Николай I / С. В. Мироненко // Российские самодержцы (1801–1917) / [А. Н. Боханов и др. ; отв. ред А. П. Корелин]. – М., 1993. – С. 91–158.

690. Мироненко, С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко ; отв. ред. С. С. Дмитриев. – М. : Наука, 1989. – 240 с.

691. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б. Н. Миронов – 2-е изд, испр. – СПб. : Д. Буланин, 2000. – Т. 2. – 567 с.

692. Митрофанов, В. П. Аграрная политика Тюдоров и Стюартов (вторая половина XVI – начало XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. П. Митрофанов ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1982. – 19 с.

693. Митрофанов, В. П. Крестьяне и государство в Англии (1550–1640) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / В. П. Митрофанов ; Нижегород. гос. ун-т. – Н. Новгород, 2001. – 41 с.

694. Митрофанов, П. П. История Австрии с древнейших времен до 1792 г. / П. П. Митрофанов. – Изд. 2-е. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 156 с.

695. Митрофанов, П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги (1780–1790) / П. П. Митрофанов. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – [2], VI, [2], 784 с.

696. Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века. Историографическая революция : курс лекций / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Томск. ун-т, 2008. – Вып. 3. – 558 с.

697. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской буржуазной медиевистики середины 70-х гг. XIX – начала XX вв. / Б. Г. Могильницкий // Методологические и историографические вопросы исторической науки : тр. Томск. гос. ун-та : сб. ст. / Томск. гос. ун-т. – Томск, 1963. – Т. 166. – С. 62–84.

698. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 90-х годов / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Томск. ун-т, 1969. – 408 с.

699. Моисеев, В. В. История России. С древнейших времен до наших дней : учеб. для вузов / В. В. Моисеев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 732 с.

700. Молок, А. И. Буржуазная революция во Франции конца XVIII века : в 2 ч. / А. И. Молок. – Л. : Изд. проп. при Ленингр. обл. и гор. ком. ВКП(б), 1936. – Ч. 1. – 26 с.

701. Молок, А. И. Феодально-абсолютистский порядок во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века / А. И. Молок // Стенограмма лекции профессора Молока А. И., прочитанной 17 апреля 1936 г. – Л. : Шк. проп. при Ленингр. обл. и гор. ком. ВКП(б), 1936. – 22 с.

702. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Избранные произведения / Ш. Монтескье ; под общ. ред. М. П. Баскина. – М., 1955. – С. 159–733.

703. Морозова, Л. Е. Михаил Федорович // Вопр. истории. – 1992. – № 1. – С. 32–47.

704. Мосина, З. В. Абсолютизм в политике Генриха IV / З. В. Мосина // Историк-марксист. – 1938. – № 2. – С. 34–62.

705. Мосина, З. В. [Рецензия] / З. В. Мосина // Вопр. истории. – 1948. – № 7. – С. 127–132. – Рец. на кн.: Поршневу, Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой / Б. Ф. Поршневу. – М. ; Л. : Акад. наук, 1948. – 724 с.

706. Мосина, З. В. Из истории борьбы французского народа за национальное государство. Вторжение испано-германских войск во Францию в 1536 г. / З. В. Мосина // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1953. – Вып. 4. – С. 225–248.

707. Мосина, З. В. Франциск I и коннетабль Бурбон / З. В. Мосина // Вопр. истории. – 1948. – № 2. – С. 108–117.

708. Мосина З. В. Франция при Генрихе IV / З. В. Мосина // Ист. журн. – 1938. – № 9. – С. 95–104.

709. Мосина, З. В. «Хронологические выписки» Маркса (III тетрадь) / З. В. Мосина // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1942. – Вып. 1. – С. 202–211.

710. Москаленко, А. В. Институте истории Академии Наук СССР. Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева / А. Москаленко // Вопр. истории. – 1951. – № 6. – С. 138–143.
711. Мунье, Р. Убийство Генриха IV (14 мая 1610) / Р. Мунье ; пер. с фр. М. Ю. Некрасов ; науч. ред. В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2008. – 416 с.
712. Муравьев, В. А. Николай Петрович Ерошкин и его труды по истории российского самодержавия / В. А. Муравьев // Российское самодержавие / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2006. – С. 5–37.
713. Муравьев, В. А. Современная советская историография революции 1905–1907 годов / В. А. Муравьев ; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – М. : МГИАИ, 1985. – 94 с.
714. Мурашов, И. Ю. Властные полномочия российского монарха в правление Елизаветы Петровны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. Ю. Мурашов ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2010. – 26 с.
715. Мухин, О. Н. Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий / О. Н. Мухин // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 2. – С. 142–149.
716. Мыльников, А. С. Петр III / А. С. Мыльников // Вопр. истории. – 1991. – № 4/5. – С. 43–57.
717. Мыльников, А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях / А. С. Мыльников. – М. : Мол. гвардия, 2002. – 511 с.
718. Мягков Г. П. «Русская историческая школа» : методологические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. – Казань : Казан. ун-т, 1988. – 200 с.
719. Мякиньякая, А. Новая история Франции в современной отечественной историографии: традиции и новации / А. Мякиньякая // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : II Междунар. науч. конф., Пинск, 30 нояб. – 1 дек. 2018 г. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. – Пинск, 2018. – Вып. 3. – С. 311–315.
720. Мякиньякая, А. В. Проблема французского абсолютизма в довоенной советской историографии [Электронный ресурс] / А. В. Мякиньякая // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 20–21 дек. 2019 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск, 2019. – Вып. 4. – Режим доступа: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/17299>. – Дата доступа: 06. 08. 2020.
721. Мякиньякая, А. В. Теоретические подходы к определению понятия «абсолютизм» в современной российской историографии / А. В. Мякиньякая // Философия. Культура. Общество : сб. тр. молодых учен. и аспирантов : в 2 ч. / редкол.: М. М. Демчук (пред.) [и др.]. – Минск, 2004. – Вып. 4, ч. 1. – С. 145–151.
722. Мякиньякая, А. В. Французская абсолютная монархия в дореволюционной российской историографии / А. В. Мякиньякая // Научные труды

Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 3 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2019. – Вып. 19, ч. 1 : Историографические и психолого-педагогические науки / [редкол.: В. А. Гайсенек (пред.) и др.]. – С. 373–379.

723. Назаров, В. Д. Проблемы политической истории феодальной России в новейшей историографии / В. Д. Назаров, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин // Вопр. истории. – 1976. – № 4. – С. 25–48.

724. Научная и педагогическая деятельность С. Д. Сказкина // Средние века : [к семидесятилетию акад. С. Д. Сказкина] : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1960. – Вып. 17. – С. 5–18.

725. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 10.

726. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 11.

727. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 30.

728. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф. СПбИИ РАН. Оп. 1. Д. 133.

729. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф. СПбИИ РАН. Оп. 1, ч. 1. Д. 5.

730. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф. СПбИИ РАН. Оп. 1. ч. II. Д. 565.

731. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.

732. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 89.

733. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 321.

734. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 321, т. 1.

735. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.

736. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 401.

737. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 535.

738. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 537.

739. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1, Оп.2. Ед. хр. 14.

740. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп.2. Ед. хр. 61.

741. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 156.

742. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп.2. Д. 173.

743. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 174.

744. Научный архив института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). – Ф. 1. Оп. 4. Д. 441.

745. Наумов. В. П. Елизавета Петровна / В. П. Наумов // Вопр. истории. – 1993. – № 5. – С. 51–72.

746. На фронте исторической науки: в Совнарком Союз СССР и ЦК ВКП(б): [постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, замечания И. Сталина, С. Кирова и А. Жданова о конспектах учеб. и др. материалы]. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 27, [2] с.

747. Некоторые итоги и задачи изучения новой и новейшей истории // Новая и новейш. история. – 1973. – № 4. – С. 3–13.

748. Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени: Протокол заседания сектора истории Средних веков от 28.09.1956 г.

749. Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории РАН. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Т. 1: Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма: материалы науч. сессии 11–13 мая 1966 г.

750. Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории РАН. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Стенограмма объединенного заседания секции «Генезис капитализма» и сектора Средних веков Института истории академии наук СССР, 8 апр. 1966 г.

751. Несмеянова, И. И. Российский императорский двор первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. И. Несмеянова ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2002. – 24 с.

752. Нечкина, М. В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества / М. В. Нечкина ; Акад. наук СССР, Отд. истории, Науч. совет по проблеме «История исторической науки». – М. : Наука, 1974. – 638 с.

753. Нечухрин, А. Н. Методологические основы российской историографии в 80-е гг. XIX в. – 1917 г. (смена парадигм) / А. Н. Нечухрин // Наш радавод : матэрыялы міжнар. навук. канф. "Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага" (Гродна, 28 верас. – 1 кастр. 1992 г.) / Беларус. дзярж. музей гіст. рэлігіі [і інш.] ; уклад. Д. Караў. – Гродна, 1994. – Кн. 6, ч. 1. – С. 49–60.

754. Нечухрин, А. Н. Проблема специфики исторического познания в творчестве Н. И. Кареева / А. Н. Нечухрин // Методологические и историографические вопросы исторической науки : сб. ст. / Томск. гос. ун-т ; [отв. ред. А. И. Данилов]. – Томск : Томск. ун-т, 1979. – Вып. 13. – С. 59–72.

755. Нечухрин, А. Н. Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / А. Н. Нечухрин ; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 1993. – 49 с.

756. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в.–1917 г.) / А. Н. Нечухрин. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 348 с.

757. Нижник, Н. С. Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» / Н. С. Нижник // Genesis. – 2016. – № 6. – С. 183–194.

758. Никифоров, Е. А. Обсуждение работы Отделения истории РАН / Е. А. Никифоров // Новая и новейш. история. – 1993. – № 2. – С. 51–55.

759. Николай I: pro et contra : антология / [Рос. акад. образования, Сев.-зап. отд. ; сост.: Т. В. Андреева, Л. В. Выскочков]. – СПб. : С.-Петербур. культурол. о-во, 2011. – 966 с.

760. Нефедов, С. А. Теория военной революции: полвека спустя / С. А. Нефедов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. – 2013. – № 3. – С. 134–141.

761. Нобилитет в истории старой Европы : материалы конф. в С.-Петербур. ун-те // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2008. – Вып. 69. – С. 41–118.

762. Новая история : [учеб. пособие] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. В. В. Бирюковича [и др.]. – М. : Госполитиздат, 1951. – Т. 1 : (1640–1789). – 471 с.

763. Новая история : [учебник] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова, Ф. А. Хейфец. – М. : Соцэкгиз, 1939. – Ч. 1 : От Французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны (1789–1870) / [сост.: Р. А. Авербух и др.]. – 571 с.

764. Новая история : первый период (1640–1870) : прогр. для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов / М-во высш. образования СССР, Каф. новой истории Моск. ун-та ; отв. ред. И. Д. Белкин. – М. : МГУ, 1954. – 48 с.

765. Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века : учеб. для студентов вузов : в 3 ч. / [А. М. Родригес и др.] ; под ред. А. И. Родригеса, М. В. Пономарева. – М. : ВЛАДОС, 2005. – Ч. 1. – 528 с.

766. Новицкая, Т. Е. Реформы Александра II / Т. Е. Новицкая // Вестн. Моск. ун-та. – 1998. – № 6. – С. 38–53.

767. Новицкий, Г. А. Образование Российской империи : стеногр. лекций, прочит. 21, 27 и 29 янв. 1940 г. / Г. А. Новицкий // Курс истории СССР / Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б). – М. : Тип. Высш. парт. шк., 1940. – 52 с.

768. Новоселов, В. Р. Дуэль и двор его величества короля Франции / В. Р. Новоселов // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 49–70.

769. Новоселов, В. Р. Королевский арбитраж в вопросах чести. Антидуэльное законодательство французских королей: бой с тенью / В. Р. Новоселов // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; [отв. ред. Н. А. Хачатурян ; сост. О. С. Воскобойников]. – М., 2008. – С. 176–194.

770. Носов, Н. Е. Централизация и сословное представительство в России XVI в.: (закон и действительность) / Н. Е. Носов // Чтения, посвященные памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина / редкол.: З. В. Удальцова [и др.]. – М., 1983. – С. 51–57.

771. Носова, Г. В. Государственная политика протекционизма и предпринимательства в России в первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. В. Носова ; Рос. экон. ун-т. – М., 2003. – 23 с.

772. Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; [сост. М. А. Бойцов] ; под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. – М. : Наука, 2008. – 443 с.

773. Обсуждение проблемы абсолютизма // Историк-марксист. – 1940. – № 6. – С. 63–68.

774. Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева, опубликованных в журнале «Известия АН СССР, Серия истории и философии» в 1948–1950 гг. // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1951. – Т. 8, № 2. – С. 201–208.

775. Об учебных программах и режиме начальной и средней школе [Электронный ресурс] : постановление ЦК ВКП(б), 25 авг. 1932 г. // Исторические

материалы. – Режим доступа: [http:// https://istmat.info/node/57330](http://https://istmat.info/node/57330) – Дата доступа: 27.08.2021.

776. XI Международный конгресс исторических наук в Стокгольме // Вопр. истории. – 1960. – № 12. – С. 3–29.

777. Ольминский, М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России / М. С. Ольминский. – 3-е изд. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. – 221 с.

778. Омельченко, О. А. Историко-политическая концепция абсолютной монархии в классическом марксизме: к критике традиционных проблем исторического государствоведения [Электронный ресурс] / О. А. Омельченко // Фемис : ежегодник истории права и правоведения / Моск. гос. индустр. ун-т. – М. : МГИУ, 2000. – Вып. 1. – Режим доступа: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=2930716>. – Дата доступа: 27.08.2021.

779. Омельченко, О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века) : учеб. пособие / О. А. Омельченко. – М. : ВЮЗИ, 1989. – 148, [3] с.

780. Омельченко, О. А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. / О. А. Омельченко // Проблемы истории абсолютизма : сб. науч. тр. / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т ; под ред. К. И. Батыра. – М., 1983. – С. 25–62.

781. Омельченко, О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России. Политическая доктрина. Правовая политика. Государственные реформы : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / О. А. Омельченко ; Моск. гос. индустр. ун-т. – М. : МГИУ, 2002. – 42 с.

782. Омельченко, О. А. «Наказ» комиссии о составлении проекта нового уложения Екатерины II. Официальная политическая теория русского абсолютизма второй половины XVIII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. А. Омельченко ; Моск. гос. ун-т. – М., 1977. – 27 с.

783. Омельченко, О. А. Политическая теория в «Наказе» комиссии о составлении проекта нового Уложения Екатерины II / О. А. Омельченко // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: История. – 1977. – № 1. – С. 77–92.

784. Ону, А. М. Выборы 1789 г. во Франции и наказания третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны / А. М. Ону. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – Ч. 1 : Опыт установления метода исследования и критики наказов как исторического источника. – XI, 718 с.

785. Оржеховский, И. В. Внутренняя политика российского самодержавия (усиление реакционно-охранительных начал) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / И. В. Оржеховский ; Ленингр. отд. ин-та истории Акад. наук СССР. – Л., 1974. – 44 с.

786. Оржеховский, И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-х – 70-х годах XIX века : лекции по спецкурсу / И. В. Оржеховский. – Горький : Горьк. ун-т, 1974. – 168 с.

787. Основы курса истории России / А. С. Орлов [и др.]. – М. : Простор, 2001. – 650 с.

788. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 9.

789. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 14.

790. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 684. Картон 8. Ед. хр. 4.

791. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 684. Картон 11. Ед. хр. 11.

792. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 684. Картон 16. Ед. хр. 14.

793. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 4.

794. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 684. Картон 28. Ед. хр. 3.

795. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 684. Картон 28. Ед. хр. 4.

796. Отечественная история / И. Ю. Заорская [и др.]. – М. : Логос, 2002. – 559 с.

797. От Старого порядка к революции: К 200-летию Великой Французской революции : межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. – Л. : ЛГУ, 1988. – 175 с.

798. Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 г. / [И. М. Кривогуз и др.]. – М. : Учпедгиз, 1959. – 358 с.

799. Очерки истории исторической науки в СССР : [в 5 т.] / Акад. наук СССР, Ит-т истории ; под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1960. – Т. 2. – 861 с.

800. Очерки истории исторической науки в СССР : [в 5 т.] / Акад. наук СССР, Ит-т истории ; под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1963. – Т. 3. – 830 с.

801. Очерки по истории исторической науки в СССР : [в 5 т.] / Акад. наук СССР, Ит-т истории ; под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1966. – Т. 4. – 854 с.

802. Очерки истории исторической науки в СССР : [в 5 т.] / Акад. наук СССР, Ит-т истории ; под ред. М. В. Нечкиной (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1985. – Т. 5. – 605 с.

803. Очерки истории Италии 476–1918 годы : пособие / под ред. М. А. Гуковского. – М. : Учпедгиз, 1959. – 388 с.
804. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. В. П. Корзун. – Омск : ОМГУ, 2005. – 684 с.
805. Очерки истории СССР: период феодализма. Россия во второй половине XVIII века / под ред. А. И. Барановича [и др.]. – М. : АН СССР, 1956. – 894 с.
806. Очерки истории СССР: период феодализма. Россия во второй четверти XVIII века / под ред. А. И. Барановича [и др.]. – М. : АН СССР, 1957. – 866 с.
807. Очерки истории СССР: период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. – М. : АН СССР, 1954. – 814 с.
808. Очерки истории СССР: период феодализма. XVII в. / под ред. А. А. Новосельцева, Н. В. Устюгова. – М. : АН СССР, 1955. – 1032 с.
809. Очерки истории СССР (1907 – март 1917) / под ред. А. Л. Сидорова. – М. : Учпедгиз, 1954. – 349 с.
810. Павленко, Н. И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе / Н. И. Павленко. – М. : АСТ-Пресс, 2002. – 384 с.
811. Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – Изд. 6-е. – М. : Мол. гвардия, 2006. – 495 с.
812. Павленко, Н. И. Екатерина I / Н. И. Павленко. – М. : Мол. гвардия, 2004. – 262, [3] с.
813. Павленко, Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. / Н. И. Павленко // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1964. – С. 389–427.
814. Павленко, Н. И. История СССР с древнейших времен до 1861 г. / Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров ; под ред. Н. И. Павленко. – М. : Просвещение, 1989. – 558, [1] с.
815. Павленко, Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России / Н. И. Павленко // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 54–74.
816. Павленко, Н. И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. / Н. И. Павленко // Вопросы генезиса капитализма в России / Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1960. – С. 54–75.
817. Павленко, Н. И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. / Н. И. Павленко // История СССР. – 1961. – № 2. – С. 71–87.
818. Павленко, Н. И. Петр Великий / Н. И. Павленко. – М. : Мысль, 1990. – 591 с.
819. Павленко, Н. И. Петр Великий / Н. И. Павленко. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
820. Павленко, Н. И. Петр Великий / Н. И. Павленко. – М. : АСТ, 2010. – 832 с.

821. Павленко, Н. И. Петр II / Н. И. Павленко. – М. : Мол. гвардия, 2006. – 281 с.
822. Павленко, Н. И. Петр Первый / Н. И. Павленко. – М. : Мол. гвардия, 1975. – 384 с.
823. Павленко, Н. И. Петр I / Н. И. Павленко. – М. : Мол. гвардия, 2000. – 428 с.
824. Павленко, Н. И. Петр I. К изучению социально-политических взглядов / Н. И. Павленко // Россия в период реформ Петра I / редкол.: Н. И. Павленко (отв. ред.) [и др.]. – М., 1973. – С. 40–102.
825. Павленко, Н. И. Сопратники Петра / Н. И. Павленко, О. Ю. Дроздова, И. Н. Колкина. – М. : Мол. гвардия, 2001. – 494 с.
826. Павленко, Н. И. Спорные вопросы генезиса капитализма в России / Н. И. Павленко // Вопр. истории. – 1966. – № 11. – С. 81–102.
827. Павленко, Н. И. Страсти у трона / Н. И. Павленко. – М. : РГ-Пресс, 2018. – 336 с.
828. Павлова, Е. Л. Феномен сакрализации и десакрализации: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е. Л. Павлова. – Ростов-н/Д., 2008. – 20 с.
829. Павлова, Т. А. Английская буржуазная революция в освещении советской историографии / Т. А. Павлова // Вопр. истории. – 1968. – № 10. – С. 152 – 162.
830. Павлов-Сильванский, Н. П. Феодализм в древней Руси / Н. П. Павлов-Сильванский. – Петроград : Прибой, 1924. – 160 с.
831. Павлова-Сильванская, М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России / М. П. Павлова-Сильванская // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 71–85.
832. Павлова-Сильванская, М. Н. Социальная сущность областной реформы Екатерины II / М. П. Павлова-Сильванская // Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.) : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1964. – С. 460 – 491.
833. Павлова-Сильванская, М. П. Учреждение о губерниях 1775 г. и его классовая сущность : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. П. Павлова-Сильванская ; Моск. гос. ун-т. – М., 1964. – 19 с.
834. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М. : Независ. газ., 1993. – 421 с.
835. Паламарчук, А. А. Имперская идея английской монархии: осмысление властных традиций лондонскими антиквариями начала XVII в. / А. А. Паламарчук // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; Моск. гос. ун-т ; [сост. О. С. Воскобойников ; отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М., 2008. – С. 519–526.

836. Паламарчук, А. А. Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII в. / А. А. Паламарчук // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук; Моск. гос. ун-т; [отв. ред. Н. А. Хачатурян]. – М., 2006. – С. 404–418.

837. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / сост. и общ. ред.: Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – М., 1986. – С. 22–73.

838. Переход от феодализма к капитализму : материалы Всесоюзной дискуссии / [редкол.: В. И. Шунков (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1969. – 413 с.

839. Перцев, В. [Рецензия] / В. Перцев // Рус. мысль. – 1908. – Кн. 2. – С. 24–27. – Рец. на кн.: Митрофанов, П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги / П. Митрофанов. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – 784 с.

840. Перцев, В. Н. Германия в XVIII веке / В. Н. Перцев. – Минск : БГУ, 1953. – 78 с.

841. Перцев, В. Н. Очерки новой истории (XVI–XIX вв.) / В. Н. Перцев, Е. А. Ефимова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Задруга, [1918]. – [2], 282 с.

842. Перышкин, М. Ю. Институт статс-секретарей при Екатерине II (1762 – 1796) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. Ю. Перышкин; Рос. акад. гос. службы. – М., 2004. – 24 с.

843. Петр Великий : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. А. И. Андреева. – М. ; Л. : АН СССР, 1947. – 432 с.

844. Петров, М. Н. Лекции по всемирной истории : в 5 т. / М. Н. Петров. – СПб. : Изд-во Березовского, 1913. – Т. 3 : История нового времени (реформационная эпоха). – 270 с.

845. Петров, М. Н. Лекции по всемирной истории : в 5 т. / М. Н. Петров. – СПб. : Изд-во Березовского, 1913. – Т. 4 : История нового времени (от Вестфальского мира до Конвента). – 298 с.

846. Петрова, Е. Е. Великокняжеская оппозиция в России. 1915–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Е. Петрова; С.-Петерб. фил. ин-та Рос. истории Рос. акад. наук. – СПб., 2001. – 22 с.

847. Пименова, Л. А. Власть короля абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. / Л. А. Пименова // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) : фр. ежегодник, 2005 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Фр.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2005. – С. 195–222.

848. Пименова, Л. А. Дворянство накануне Великой Французской революции / Л. А. Пименова. – М. : МГУ, 1986. – 215 с.

849. Пименова, Л. А. Дворянство Франции ко времени Французской революции (по материалам современных исследований) / Л. А. Пименова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1982. – № 4. – С. 50–61.

850. Пименова, Л. А. Доктрина французской монархии в конце Старого порядка / Л. А. Пименова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 4, История. – 1996. – № 5. – С. 33–44.

851. Пименова, Л. А. Королевский двор в публичном пространстве «века Просвещения» / Л. А. Пименова // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 157–174.

852. Пименова, Л. А. Людовик XVI / Л. А. Пименова // Вопр. истории. – 2000. – № 3. – С. 62–83.

853. Пименова, Л. А. Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка : сб. науч. ст. / Л. А. Пименова ; под общ. ред. Л. С. Белоусова. – М. : Ист. фак. МГУ, 2018. – Вып. 1 : Научные статьи-ретроспектива. – 410 с. – (Труды исторического факультета Московского государственного университета. Серия «Исторические исследования II» ; вып. 116).

854. Пименова, Л. А. О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе века Просвещения (по наказам дворянского сословия генеральным штатам 1789 г.) / Л. А. Пименова // От Старого порядка к революции: к 200-летию Великой Французской революции : межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. – Л., 1988. – С. 77–85.

855. Пименова, Л. А. О некоторых спорных вопросах истории старого порядка и революции / Л. А. Пименова // Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции : материалы «круглого стола», 19–20 сент. 1988 г. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1989. – С. 93–98.

856. Пименова, Л. А. Осень Версаля глазами современников / Л. А. Пименова // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда / под ред. Н. А. Хачатурян. – М. ; СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 336–351.

857. Пименова, Л. А. Просвещение и «дворянский расизм» (особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века) / Л. А. Пименова // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология : [сб. ст. к 200-летию юбил. Великой Фр. революции] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1988. – С. 59–74.

858. Пименова, Л. А. Символический образ власти между Старым порядком и Революцией: от помазания короля на царство к празднику Федерации / Л. А. Пименова // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М., 2008. – С. 277–290.

859. Пименова, Л. А. Социально-политическая позиция дворянства накануне Великой французской революции / Л. А. Пименова // Новая и новейш. история. – 1984. – № 1. – С. 63–75.

860. Пименова, Л. А. Социально-политическая программа дворянства Франции накануне Великой Французской революции (по материалам наказов Генеральным штатам 1789 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Л. А. Пименова ; Моск. гос. ун-т. – М. : МГУ, 1984. – 24 с.

861. Пименова, Л. А. Таинство, праздник, спектакль: восприятие коронационной символики во Франции XVIII в. / Л. А. Пименова // Поблекшее сияние власти : материалы «круглого стола» (Москва, нояб. 2004 г.) / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; отв. ред. М. А. Бойцов. – Препр. изд. – М., 2006. – С. 108 – 124.

862. Писаренко, К. А. Императрица Елизавета Петровна (мифы и реальность) / К. А. Писаренко // Вопр. истории. – 2012. – № 6. – С. 152–165.

863. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в. Становление министерской системы / Л. Ф. Писарькова. – М. : Новый хронограф, 2019. – 416 с.

864. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение / Л. Ф. Писарькова. – М. : Новый хронограф, 2012. – 448 с.

865. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы / Л. Ф. Писарькова. – М. : РОССПЭН, 2007. – 743 с.

866. Пискорский, В. К. История Испании и Португалии / В. К. Пискорский. – изд. 2-е, доп. – СПб. : Брокгауз-Эфрон, 1909. – 276 с.

867. Письмо в редакцию // Вопр. истории. – 1953. – № 4. – С. 139–142.

868. Питулько, Г. Н. Образ привилегированного купечества на страницах английской публицистики начала XVII в. / Г. Н. Питулько // Англия XVII века: социальные группы и общество : межвуз. сб. науч. тр. / Гос. пед. ун-т ; под ред. С. Е. Федорова. – СПб., 1994. – С. 32–42.

869. Питулько, Г. Н. Торговый кризис начала 1620-х гг. и английское привилегированное купечество / Г. Н. Питулько // Англия XVII века: идеология, политика, культура : межвуз. сб. науч. тр. / Гос. пед. ун-т ; [редкол.: Г. Е. Левин (отв. ред.) и др.]. – СПб., 1992. – С. 21–30.

870. Пихоя, Р. Г. Востребованная история. Становление феномена советской историографии на рубеже 20-х – 30-х годов / Р. Г. Пихоя // История и философия отечественной исторической науки : учеб. пособие. – М., 2009. – С. 220–254.

871. Пичета, В. И. Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии / В. И. Пичета // Историк-марксист. – 1939. – № 5/6. – С. 67–98.

872. Платонов, С. Ф. Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов. – М. : Фирма СТД, 2005. – 832 с.
873. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли : [в 3 т.] / Г. В. Плеханов. – СПб. : Мир, 1914. – Т. 1. – II, 304 с.
874. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли : [в 3 т.] / Г. В. Плеханов. – М. : Мир, 1915. – Т. 2. – 286 с.
875. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли : [в 3 т.] / Г. В. Плеханов. – М. : Мир, 1917. – Т. 3. – 294 с.
876. Плешкова, С. Л. Генрих IV Французский / С. Л. Плешкова // Вопр. истории. – 1999. – № 10. – С. 65–81.
877. Плешкова, С. Л. Екатерина Медичи, Черная королева / С. Л. Плешкова. – М. : МГУ, 1995. – 309 с.
878. Плешкова, С. Л. Искусство возможного: религиозные мирные соглашения французских монархов / С. Л. Плешкова // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян. – СПб., 2007. – С. 258–285.
879. Плешкова, С. Л. Реальности и мифы Варфоломеевской ночи / С. Л. Плешкова // Вопр. истории. – 1998. – № 8. – С. 114–124.
880. Плешкова, С. Л. Франция XVI – начала XVII века: королевский галликанизм: церковная политика монархии и формирование официальной идеологии : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / С. Л. Плешкова. – М. : МГУ, 2005. – 464 л.
881. Плешкова, С. Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.) / С. Л. Плешкова. – М. : Моск. ун-та, 1992. – 176 с.
882. Плешкова, С. Л. Французская Реформация (спецкурс и пер. ист.) : учеб.-метод. пособие / С. Л. Плешкова. – М. : МГУ, 1993. – 122 с.
883. Плосконосова, В. П. Российский абсолютизм и динамика социальных изменений / В. П. Плосконосова // Клио. – 2004. – № 2 (25). – С. 31–38.
884. Покровская, М. А. К вопросу о налоговой политике французского абсолютизма первой половины XVI века / М. А. Покровская // Учен. зап. / Орлов. гос. пед. ун-т, Ист.-филол. фак. – Орел, 1954. – Т. 22. – С. 213–234.
885. Покровская, М. А. К вопросу экономической политики французского абсолютизма первой половины XVI века / М. А. Покровская // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1955. – Вып. 7. – С. 135–151.
886. Покровская, М. А. Основные принципы экономической политики французского абсолютизма в первой половине XVI столетия : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / М. А. Покровская ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1952. – 16 с.
887. Покровский, М. Н. Абсолютизм / М. Н. Покровский // Большая советская энциклопедия : в 65 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М., 1926. – Т. 1 : А – Аколла. – Стб. 90.

888. Покровский, М. Н. Александр I (1801–1815) / М. Н. Покровский // История России в XIX веке / М. Н. Покровский [и др.]. – М., 2001. – С. 31–66.

889. Покровский, М. Н. Борьба классов и русская историческая литература / М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки. – М. ; Л., 1933. – Вып. 1. – С. 7–100.

890. Покровский, М. Н. Задачи Общества историков-марксистов: речь, произнесенная при открытии Общества и заседании 1 июня 1925 г. / М. Н. Покровский // Историк-марксист. – 1926. – № 1. – С. 3–10.

891. Покровский, М. Н. Как и кем писалась русская история до марксистов / М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки. – Вып. 1–2. – М-Л : Госуд. соц.-экон. изд-во, 1933. – Вып. 1. – С. 101–117.

892. Покровский, М. Н. Кончаю ... / М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки. – М. ; Л., 1933. – Вып. 1. – С. 150–151.

893. Покровский, М. Н. Марксизм и особенности исторического развития России / М. Н. Покровский. – Л. : Прибой, 1925. – 142, [2] с.

894. Покровский, М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет / М. Н. Покровский // Вестн. Коммун. акад. – 1928. – Кн. 26. – С. 3–30.

895. Покровский, М. Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России / М. Н. Покровский // М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки. – М. ; Л., 1933. – Вып. 1. – С. 285–303.

896. Покровский, М. Н. Ответ тов. Томсинскому / М. Н. Покровский // Вестн. Коммун. акад. – 1926. – Кн. 15. – С. 284–299.

897. Покровский, М. Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия? / М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки. – М. ; Л., 1933. – Вып. 1. – 1933. – С. 167–205.

898. Покровский, М. Н. Очерк истории русской культуры: Экономический строй: от первобытного хозяйствования до промышленного капитализма. Государственный строй: обзор развития права и учреждений / М. Н. Покровский. – Изд. 5-е, испр. – М. : Либроком, 2010. – 256 с.

899. Покровский, М. Н. Павел Петрович / М. Н. Покровский // История России в XIX веке / М. Н. Покровский [и др.]. – М. : Центрополиграф, 2001. – 589 с.

900. Покровский, М. Н. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию»? / М. Н. Покровский // Борьба классов и русская общественная литература : лекции, читан. в Коммун. ун-те. – Петроград, 1923. – С. 119–131.

901. Покровский, М. Н. Русская история : [в 3 т.] / М. Н. Покровский. – СПб : Полигон, 2002. – Т. 1. – 2002. – 346 с. – (Историческая библиотека).
902. Покровский, М. Н. Русская история : [в 3 т.] / М. Н. Покровский. – СПб. : Полигон, 2002. – Т. 2. – 2002. – 383 с. – (Историческая библиотека).
903. Покровский, М. Н. Русская история : [в 3 т.] / М. Н. Покровский. – СПб.: Полигон, 2002. – Т. 3. – 2002. – 367 с. – (Историческая библиотека).
904. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – 4-е изд. – [М.] : Партиздат, 1933. – 544 с.
905. Покровский, М. Н. Троцкизм и «особенности исторического развития России» / М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки / М. Н. Покровский ; Комакад. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1933. – Вып. 1. – С. 152–166.
906. Покровский, С. А. К вопросу о классовой природе абсолютизма / С. А. Покровский // Изв. Акад. наук СССР. – 1946. – № 4. – С. 28–299.
907. Полосин, И. И. Социально-политическая история России XVI– начала XVII в. : сб. ст. / И. И. Полосин ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : АН СССР, 1963. – 384 с.
908. Полосин, И. И. Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569–1582) / И. И. Полосин // Социально-политическая история России XVI-начала XVII вв. / И. И. Полосин ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1963. – С. 156–181.
909. Пономарев, М. В. Новая и новейшая история стран Европы и Америки : практ. пособие для вузов : [в 3 ч.] / М. В. Пономарев, С. Ю. Смирнова. – М. : ВЛАДОС, 2004. – Ч. 1 : Предмет и периодизация курса. Европейская цивилизация в XVI–XVII вв. Век Просвещения – период становления индустриального общества. – 288 с.
910. Поор, Я. О понятии просвещенного абсолютизма / Я. Поор // Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения : материалы науч. конф., Москва, 31 марта, 4 апр. 2005 г. / [редкол.: Л. П. Колодникова и др.]. – М., 2006. – С. 69–83.
911. Попов, Д. Ф. Проблема российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке / Д. Ф. Попов. – М. : М-Артика, 1999. – 362 с.
912. Попова, М. К. «Век Елизаветы»: королевская власть и печатное слово / М. К. Попова // Культура Возрождения и власть : [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Комис. по культуре Возрождения ; [редкол.: Л. М. Брагина (отв. ред.) и др.]. – М., 1999. – С. 172–177.
913. Поршневу, Б. Ф. [Рецензия] / Б. Ф. Поршневу // Вопр. истории. – 1947. – №9. – С. 143–147. – Рец. на кн.: Mousnier, R. La venalité des offices sous Henri IV et Louis XIII / R. Mousnier. – Rouen : Editions Mangard, 1946. – 629, [XXIX] p.

914. Поршнева, Б. Ф. [Рецензия] / Б. Ф. Поршнева // Историк-марксист. – 1937. – № 5/6. – С. 234–237. – Рец. на кн.: Сен-Симон, Л. Мемуары: избранные части «Подлинных воспоминаний герцога де Сен-Симона о царствовании Людовика XIV и эпохе регентства»: [в 2 т.] / Л. Сен-Симон; пер. И. М. Гревса. – М.; Л.: Academia, 1936. – Т. 2. – 475 с.

915. Поршнева, Б. Ф. Из истории восстания «босоногих» в Нормандии в 1639 году / Б. Ф. Поршнева // Средние века: сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1942. – Вып. 1. – С. 164–184.

916. Поршнева, Б. Ф. История средних веков и указания тов. Сталина об «основной черте» феодального общества / Б. Ф. Поршнева // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1949. – Т. 6, № 6. – С. 531–537.

917. Поршнева, Б. Ф. Крестьянские и плебейские движения XVII–XVIII вв. во Франции / Б. Ф. Поршнева // Историк-марксист. – 1939. – № 4. – С. 85–93.

918. Поршнева, Б. Ф. Народные восстания во Франции в XVII в. / Б. Ф. Поршнева // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1944. – Вып. 1. – С. 37–39.

919. Поршнева, Б. Ф. Народные восстания во Франции 20-х – 40-х гг. XVII в. / Б. Ф. Поршнева // Учен. зап. / Нар. комиссариат просвещения РСФСР, Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1940. – Т. 2. – С. 3–99.

920. Поршнева, Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623 – 1648) / Б. Ф. Поршнева; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.; Л.: АН СССР, 1948. – 724 с.

921. Поршнева, Б. Ф. Народные восстания во Франции при Кольбере / Б. Ф. Поршнева // Средние века: сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1946. – Вып. 2. – С. 373–404.

922. Поршнева, Б. Ф. Основные проблемы изучения новой истории / Б. Ф. Поршнева // Новая и новейшая история. – 1961. – № 6. – С. 30–44. – С. 42.

923. Поршнева, Б. Проблема Фронды / Б. Поршнева // Историк-марксист. – 1941. – № 5. – С. 96–105.

924. Поршнева, Б. Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях / Б. Ф. Поршнева // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1948. – Т. 5, № 6. – С. 473–488.

925. Поршнева, Б. Ф. Сущность феодального государства / Б. Ф. Поршнева // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1950. – Т. 7, № 5. – С. 418 – 444.

926. Поршнева, Б. Ф. Феодализм и народные массы / Б. Ф. Поршнева; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1964. – 520 с.

927. Поршнева, Б. Ф. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации / Б. Ф. Поршнева // Изв. Акад. наук СССР. Сер. истории и философии. – 1950. – Т. 8. – № 3. – С. 205–221.

928. Поршнева, Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. / Б. Ф. Поршнева ; [Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории]. – М. : Наука, 1970. – 387 с.

929. Поршнева, Б. Ф. Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? / Б. Ф. Поршнева // Историк-марксист. – 1940. – № 2. – С. 91–113.

930. Послесловие редколлегии // Средние века : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М., 2005. – Вып. 66. – С. 415.

931. Потемкин, Ф. В. Кризис феодально-абсолютистского порядка во Франции / Ф. В. Потемкин // Новая история : учеб. пособие / Высш. парт. шк. при ЦК КПСС, Каф. всеобщ. истории. – М., 1956. – Ч. 1 : Первый период, 1642–1870. – С. 54–67.

932. Потемкин, Ф. В. Кризис феодально-абсолютистского порядка и буржуазная революция 1789–1794 годов во Франции : лекции, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / Ф. В. Потемкин, А. И. Молок. – М. : Тип. Высш. парт. шк., 1952. – 47 с.

933. Потемкин, Ф. В. Кризис феодально-абсолютистского порядка и буржуазная революция 1789–1794 годов во Франции : стеногр. лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / Ф. В. Потемкин, А. И. Молок. – М. : Тип. Высш. парт. шк., 1949. – 55 с.

934. Представительные институты в России в контексте европейской истории: XV – середина XVII в. / Рос. акад. наук [и др. ; отв. ред. В. Д. Назаров]. – М. : Древлеханилище, 2017. – 315 с.

935. Преображенский, А. А. О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса абсолютизма в России / А. А. Преображенский // История СССР. – 1971. – № 2. – С. 108–117.

936. Преображенский, А. А. Первые Романовы на российском престоле / А. А. Преображенский, Л. Е. Морозова, Н. Ф. Демидова. – 2-е изд., доп. – М. : Рус. сл., 2007. – 455 с.

937. Преображенский, А. А. Проблемы классовой борьбы в XVII–XVIII вв. и абсолютизма в трудах Л. В. Черепнина / А. А. Преображенский // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV–XVIII вв. : чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина : тез. докл. и сообщ., Москва, 26 – 28 нояб. 1980 г. / Акад. наук СССР [и др. ; редкол.: В. Т. Пашуто (отв. ред.) и др.]. – М., 1980. – С. 12–18.

938. Преображенский, В. Д. История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма / В. Д. Преображенский. – [Харьков] : Пролетар, 1931. – 420 с.

939. Пресняков, А. Е. Александр I / А. Е. Пресняков. – Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1924. – 189 с.

940. Пресняков, А. Е. Апогей самодержавия. Николай I / А. Е. Пресняков. – Л. : Брокгауз-Ефрон, 1925. – 99 с.

941. Принцева, Т. А. Торговая политика английской абсолютной монархии в первой трети XVI века (вопрос о торговле по лицензиям) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Т. А. Принцева ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1984. – 17 с.

942. Прокопьев, А. Ю. Германия в годы религиозного раскола, 1555–1648 / А. Ю. Прокопьев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : СПбГУ, 2008. – 482 с.

943. Прокопьев, А. Ю. Дворянство Священной Римской империи: социокультурный аспект / А. Ю. Прокопьев // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2007. – Вып. 4. – С. 207–219.

944. Прокопьев, А. Ю. Династии и дворянство конфессиональной Германии: к проблеме идентичности элит / А. Ю. Прокопьев // Нобилитет в истории Старой Европы : [сб. ст.] / С.-Петербур. гос. ун-т ; под ред. С. Е. Федорова, А. Ю. Прокопьева. – СПб., 2009. – С. 194–228.

945. Прокопьев, А. Ю. Жезл гофмаршала (высшие должности при дрезденском дворе в XVII в.) / А. Ю. Прокопьев // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2002. – Вып. 1. – С. 36–49.

946. Прокопьев, А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1565–1656): власть и элита в конфессиональной Германии / А. Ю. Прокопьев ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб. : СПбГУ, 2011. – 821 с.

947. Прокопьев, А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1565–1656): власть и элита в конфессиональной Германии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / А. Ю. Прокопьев ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 46 с.

948. Прокопьев, А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонский (1585–1656). Портрет эпохи раннего барокко / А. Ю. Прокопьев // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 1995. – Вып. 2. – С. 95–101.

949. Прокопьев, А. Ю. На пороге Нового времени: сословия и княжеская власть в архиепископстве Магдебург во второй половине XV – первой половине XVI в. / А. Ю. Прокопьев // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 1992. – Вып. 3. – С. 12–23.

950. Прокопьев, А. Ю. Саксонское дворянство в Тридцатилетнюю войну / А. Ю. Прокопьев // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение – 2001. – Вып. 3. – С. 15–27.

951. Против механистических тенденций в исторической науке : дискуссия в Ин-те Красной профессуры / Ин-т Красной профессуры. – М. ; Л. : Госиздат, 1930. – 240 с.

952. Против объективизма в исторической науке // Вопр. истории. – 1948. – № 12. – С. 3–12.

953. Пудина, С. И. Вознаграждение дворянства за государственную службу в первой четверти XVIII в. / С. И. Пудина // Экон. и соц.-гуманитар. исслед. – 2016. – № 1. – С. 131–136.

954. Пудина, С. И. Дворянская служба в конце XVII – первой четверти XVIII в.: идеология и практика : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. И. Пудина ; Моск. гор. пед. ун-т. – М., 2012. – 26 с.

955. Пушкарев, Л. Н. Верховная власть в менталитете русских государей XVI-начала XVIII вв. / Л. Н. Пушкарев // Российская монархия: вопросы истории и теории : межвуз. сб. ст., посвящ. 450-летию учрежд. царства в России (1547–1997) / Моск. гос. соц. ун-т [и др. ; редкол.: М. Д. Карпачев (отв. ред.) и др.]. – Воронеж, 1998. – С. 32–40.

956. Пчелов, Е. В. Династия Романовых: генеалогия и антропонимика / Е. В. Пчелов // Вопр. истории. – 2009. – № 6. – С. 76–83.

957. Пчелов, Е. В. Жесты и эмоции на парадных портретах российских монархов / Е. В. Пчелов // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 3. – С. 98–122.

958. Пчелов, Е. В. Символика регалий российских государей: эмблематика и символическая преемственность / Е. В. Пчелов // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2011. – № 12 (74). – С. 186–194.

959. Пчелов, Е. В. Символика российских государственных регалий: цвета и числа / Е. В. Пчелов // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 7 (50). – С. 140–152.

960. Пчелов, Е. В. Солнце и Луна в в бестиарной символике русской культуры / Е. В. Пчелов // Бестиарий антитез : сб. ст. по материалам междунар. конф., Москва, 19–20 янв. 2018 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т., Ин-т мировой лит., Моск. гос. ун-т ; сост.: О. Л. Довгий, А. Львова. – М., 2019. – С. 80–85.

961. Пыхтеев, Б. Б. Мероприятия Генриха IV по развитию сельского хозяйства во Франции / Б. Б. Пыхтеев // Учен. зап. / Моск. гос. пед. ин-т, Каф. истории средних веков. – М., 1940. – Т. 26, вып. 1. – С. 57–86.

962. Радциг, Е. С. Николай II в воспоминаниях приближенных / Е. С. Радциг // Новая и новейш. история. – 1999. – № 2. – С. 134–146.

963. Раев, М. Понять дореволюционную Россию : государство и о-во в Рос. империи / М. Раев ; пер. с фр.: Я. Горбаневского, Н. Дюжевой. – London : Overseas publ. interchange, 1990. – 304 с.

964. Раков, В. М. «Европейское чудо» : (рождение новой Европы в XVI-XVIII вв.) : учеб. пособие / В. М. Раков. – Пермь : Перм. ун-т, 1999. – 254 с.

965. Рамазанов, С. П. Кризис в российской историографии начала XX века : в 2 ч. / С. П. Рамазанов ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Волгогр.

гос. ун-т, Волж. гуманитар. ин-т. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – Ч. 1 : Постановка и попытка решения проблемы. – 144 с.

966. Рахматуллин, М. А. К дискуссии об абсолютизме в России / М. А. Рахматуллин // История СССР. – 1972. – № 4. – С. 65–88.

967. Рахматуллин, М. А. Непокколебимая Екатерина / М. А. Рахматуллин // Отеч. история. – 1996. – № 6. – С. 19–47.

968. Рахматуллин, М. А. Непокколебимая Екатерина / М. А. Рахматуллин // Отеч. история. – 1997. – № 1. – С. 13–26.

969. Ревуненков, В. Г. Очерки по истории Великой Французской революции: падение монархии 1789–1792 / В. Г. Ревуненков ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : ЛГУ, 1982. – 240 с.

970. Ревякин, А. В. Новая история стран Европы и Америки: конец XV – XIX вв. : учеб. пособие для студентов вузов / А. В. Ревякин. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 508 с.

971. Рейснер, М. А. Введение / М. А. Рейснер // Политический строй современных государств : [в 2 т.] / Изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича при участии ред. газ. "Право". – СПб., 1905. – Т. 1. – С. 1–77.

972. Рейснер, М. А. Государство буржуазии и РСФСР : в 3 ч. / М. А. Рейснер. – М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. – 424 с.

973. Рейснер, М. А. Общественное благо и абсолютное государство / М. А. Рейснер // Вестн. права. – 1902. – № 9/10. – С. 1–128.

974. Рейснер, М. А. Русский абсолютизм и европейская реакция / М. А. Рейснер. – [СПб.] : Дело, 1906. – 106 с.

975. Ремнев, П. А. Образ российской монархии в восприятии российской политической элиты первой четверти XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / П. А. Ремнев ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2008. – 26 с.

976. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ЛКИ, 2009. – 320 с.

977. Реформы второй половины XVII–XX вв. : подготовка, проведение, результаты : сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; [редкол.: Ф. В. Шелов-Коведяев (отв. ред.) и др.]. – М. : Ин-т истории СССР, 1989. – 190 с.

978. Рогинская, А. Е. Очерки по истории Франции (XVII–XIX вв.) / А. Е. Рогинская ; Ин-т междунар. отношений. – М. : ИМО, 1958. – 368 с.

979. Рожков, Н. А. От самовластия к народовластию: очерк из истории Англии, Франции и Германии / Н. А. Рожков. – СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1908. – 252 с.

980. Рожков, Н. А. Очерки из истории Англии, Франции и Германии. XII–XX вв.: от самовластия к народовластию / Н. А. Рожков. – 2-е изд., испр. и доп. – Петроград : Изд. О. Богдановой, 1923. – 119 с.

981. Рожков, Н. А. Происхождение самодержавия в России / Н. Рожков. – М. : Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1906. – [4], 231 с.

982. Рожков, Н. А. Происхождение самодержавия в России / Н. А. Рожков // Избранные труды / Н. А. Рожков ; [сост.: О. В. Волобуев, А. Ю. Морозов] ; Ин-т обществ. мысли. – М., 2010. – С. 211–419.

983. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – 2-е изд., – Л. : М. : Книга, 1928. – Т. 1 : Первобытное общество. Дикари. Варвары. Феодалная революция. – 1928. – 444 с.

984. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – 2-е изд., – Л. : М. : Книга, 1928. – Т. 2. : Феодализм. – 1928. – 370 с.

985. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – 2-е изд., – Л. : М. : Книга, 1928. – Т. 5 : Конец дворянской революции в России: ее третий момент. – 1928. – 274 с.

986. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – Л. : М. : Книга, 1928. – Т. 6 : Дворянская революция в южной Руси, в Западной Европе, на Древнем Востоке и античном мире. – 1928. – 285 с.

987. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – Л. : М. : Книга, 1928. – Т. 7 : Старый порядок (господство дворянства). – 1928. – 273 с.

988. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – Л. : М. : Книга, 1928. – Т. 10 : Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века. – 1928. – 385 с.

989. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – Л. : М. : Книга, 1928. – Т. 11 : Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины и начала века. 1928. – 406 с.

990. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) : [в 12 т.] / Н. А. Рожков. – Л. : М. : Книга, 1928. – Т. 12 : Финансовый капитализм в Европе и революция в России. – 1928 – 396 с.

991. Розенталь, Н. Н. Западно-европейское средневековье : [в 2 ч.] / Н. Н. Розенталь. – Л. : Прибой, 1925. – Ч. 2 : Позднее средневековье. – 152 с.

992. Розенталь, Н. Н. История Европы в эпоху торгового капитализма / Н. Н. Розенталь. – Л. : Прибой, 1927. – 224 с.

993. Розенталь, Н. Н. Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье (к вопросу об отмене политического завещания Людовика XIII)

/ Н. Н. Розенталь // Учен. зап. / Рос. ассоц. науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. – М., 1928. – Т. 6. – С. 110–126.

994. Ролова, А. Д. Италия в XVIII в. / А. Д. Ролова // История Италии : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: С. Д. Сказкин, К. Ф. Мизиано, С. И. Дорофеев. – М., 1970. – Т. 1 / под ред. С. Д. Сказкина (отв. ред), Л. А. Котельниковой, В. И Рутенбурга. – С. 505–525.

995. Ролова, А. Д. Политика Тосканского правительства в отношении народных масс (вторая половина XVI – начало XVII в.) / А. Д. Ролова // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1973. – Вып. 37. – С. 174–195.

996. Ролова, А. Д. Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527–1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи : дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.03 / А. Д. Ролова. – Л., 1953. – 482 л.

997. Ролова, А. Д. Феодалная реакция и упадок Италии / А. Д. Ролова // История Италии : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; редкол.: С. Д. Сказкин, К. Ф. Мизиано, С. И. Дорофеев. – М., 1970. – Т. 1 / под ред. С. Д. Сказкина (отв. ред), Л. А. Котельниковой, В. И Рутенбурга. – С. 466–504.

998. Ролова, А. Д. Флоренция и проблема экономического упадка Италии (вторая половина XVI – начало XVII в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / А. Д. Ролова ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1974. – 43 с.

999. Российская монархия: вопросы истории и теории : Межвуз. сб. ст., посвящ. 450-летию учреждения царства в России (1547–1997) / Отв. ред. Карпачев М. Д. – Воронеж : Истоки, 1998. – 184 с.

1000. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн ; под ред. А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева, М. В. Мандрик. – [2-е изд.]. – СПб. : СПбГУ, 2008. – 939 с.

1001. Ружицкая, И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / И. В. Ружицкая. – СПб. : ЦГИ, 2015. – 240 с.

1002. Рутенбург, В. И. Истоки Рисорджименто. Италия в XVII–XVIII веках / В. И. Рутенбург ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1980. – 303 с.

1003. Рутенбург, В. И. Италия и Европа накануне Нового времени : очерки / В. И. Рутенбург. – М. : Наука, 1974. – 323 с.

1004. Рутенбург, В. И. Ранние буржуазные революции (к вопросу о начале капиталистической эры в Западной Европе) / В. И. Рутенбург // Вопр. истории. – 1984. – № 3. – С. 72–81.

1005. Рутенбург, В. И. Теория и практика итальянского абсолютизма / В. И. Рутенбург // Европа в средние века: экономика, политика, культура : сб. ст. : к 80-летию акад. С. Д. Сказкина / [Акад. наук СССР, Отд-ние истории ; редкол.: З. В. Удальцова (отв. ред.) и др.]. – М., 1972. – С. 225–235.

1006. Рыбалко, Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. / Н. В. Рыбалко ; Волгогр. гос. ун-т, Каф. истории России. – М. : Квадрига : МБА, 2011. – 656 с.

1007. Рыжковский, В. В. Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) / В. В. Рыжковский // Новое лит. обозрение. – 2009. – № 3. – С. 58–89.

1008. Рындзюнский, П. Г. Российское самодержавие и его классовые основы / П. Г. Рындзюнский // История СССР. – 1977. – № 2. – С. 34–52.

1009. Савельев, А. Б. Российский абсолютизм конца XIX – начала XX вв. в отечественной историографии : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. Б. Савельев. – М., 2001. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/rossiiskii-absolyutizm-kontsa-xix-nachala-xx-vv-v-otechestvennoi-istoriografii> – Дата доступа: 27.08.2021.

1010. Савельева, Е. Н. Кабинет министров императрицы Анна Иоанновны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Н. Савельева ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2004. – 16 с.

1011. Савельева, М. Ю. Монархия как форма самоопределения личности: российский опыт становления феномена “сакральное” / М. Ю. Савельева. – Киев : ПАРАПАН, 2007. – 410 с.

1012. Савин, А. Н. Век Людовика XIV / А. Н. Савин. – [М.] : Госиздат, 1930. – 247 с.

1013. Савин, А. Н. История Англии в Новое время. (XVI–XVIII вв.) : курс лекций литограф. : по зап. слушателей : [в 2 т.] / А. Н. Савин. – М. : О-во взаимопомощи студентам-филол. ИМУ, 1912. – Т. 1. – 179 с.

1014. Савин, А. Н. Лекции по истории Английской революции / А. Н. Савин ; под общ. ред. Е. А. Косминского. – 2-е изд. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 388 с.

1015. Савин, А. Н. Лекции по истории Английской революции / А. Н. Савин. – М. : Крафт+, 2000. – 535 с.

1016. Савин, А. Н. Университетские дела : дневник 1908–1917 / А. Н. Савин ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Нац. исслед. ун-т "Высш. шк. экономики" ; отв. ред. А. К. Гладков. – М. ; СПб. : ЦГИ, 2015. – 524 с.

1017. Савинова, А. Н. Внешнеполитическая доктрина прусского абсолютизма в трудах Фридриха II : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. Н. Савинова ; Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2005. – 22 с.

1018. Самойло, А. С. Проблема абсолютной монархии в современной марксистской и буржуазной историографии / А. С. Самойло // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1959. – Вып. 16. – С. 125–135.

1019. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1. Д. 1663.

1020. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1 (1943). Д. 3.

1021. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 4.
1022. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 133. Оп. 1 (1949). Д. 7.
1023. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 17.
1024. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 227. Оп. 2. Д. 1.
1025. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). – Ф. 227. Оп. 2. Ед. хр. 2.
1026. Сапрыкин, Ю. М. Абсолютистские идеи англиканской реформации в XVI в. / Ю. М. Сапрыкин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1985. – № 1. – С. 79–90.
1027. Сапрыкин, Ю. М. Научная и педагогическая деятельность С. Д. Сказкина : к 75-летию со дня рожд. / Ю. М. Сапрыкин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1966. – № 2. – С. 89–99.
1028. Сахаров, А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. : [учеб. пособие] / А. М. Сахаров. – М. : Высш. шк., 1969. – 224 с.
1029. Сахаров, А. Н. Александр I / А. Н. Сахаров ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Наука, 1998. – 287 с.
1030. Сахаров, А. Н. Александр I: жажда и боязнь реформ / А. Н. Сахаров // Вестн. Рос. акад. наук. – 1994. – Т. 64, № 10. – С. 938–943.
1031. Сахаров, А. Н. Александр I (к истории жизни и смерти) / А. Н. Сахаров // Российские самодержцы (1801–1917) / [А. Н. Боханов и др. ; отв. ред. А. П. Корелин]. – М., 1993. – С. 13–90.
1032. Сахаров, А. Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма / А. Н. Сахаров // История СССР. – 1971. – № 1. – С. 110–126.
1033. Сахаров, А. Н. История России с древнейших времен до наших дней : учебник : в 2 т. / [А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков] ; под ред. А. Н. Сахарова. – М. : Проспект, 2013. – 2 т.
1034. Сахаров, А. Н. О новых подходах к российской исторической науке. 1990-е годы / А. Н. Сахаров // История и историки, 2002 : историограф. вестн. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Комис. по истории ист. науки ; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М., 2002. – С. 3–28.
1035. Сахаров, А. Н. Россия: народ, правители, цивилизация / А. Н. Сахаров ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : ИРИ РАН, 2004. – 958 с.
1036. Сванидзе, А. А. Король Густав II Адольф, реформатор и полководец, на фоне Швеции и династии Ваза / А. А. Сванидзе // Человек XVII столетия : [тем. сб. ст. : в 2 ч.] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр западноевроп.

Средневековья и раннего Нового времени ; под ред. А. А. Сванидзе, В. А. Ведюшкина. – М., 2005. – Ч. 1. – С. 19–43.

1037. Сванидзе, А. С. Наши задачи / А. С. Сванидзе // Вестн. древней истории. – 1937. – № 1. – С. 5–13.

1038. Светова, Е. А. Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти / Е. А. Светова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. пед. гос. ун-т. – М. : [б. и.], 2013. – 211 с.

1039. Свешников, А. Советская медиевистика в идеологической борьбе 1930-х – 1940-х годов / А. Свешников // Новое лит. обозрение. – 2008. – № 2. – С. 86–112.

1040. Святуха, О. П. «Идея» государственной власти и «носитель» власти. Отражение проблемы в русском искусстве XVII в. / О. П. Святуха // Ленингр. юрид. журн. – 2008. – № 1 (11). – С. 121–136.

1041. Святуха, О. П. Легитимизация царской власти в русских портретах XVII в. / О. П. Святуха // Ленингр. юрид. журн. – 2006. – № 1 (5). – С. 197–204.

1042. Святуха, О. П. Репрезентация царской власти в русских портретах XVII в. / О. П. Святуха // История и культура. – 2005. – № 4. – С. 94–106.

1043. Священное тело короля: ритуалы и мифология власти : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т [и др. ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 2006. – 484 с.

1044. Седов, П. В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века / П. В. Седов ; Рос. акад. наук, С.-Петерб. ин-т истории. – [2-е изд., испр.]. – СПб. : Д. Буланин, 2008. – 604 с.

1045. Селихов, Е. А. Формирование руководящего состава органов государственного управления России конца XVII – начала XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. А. Селихов ; [Моск. гос. обл. ун-т]. – М., 2011. – 20 с.

1046. Семенов, В. Ф. История средних веков / В. Ф. Семенов : [учеб. для студентов ист. фак. пед. ин-тов]. – 4-е изд. – М. : Просвещение, 1975. – 590 с.

1047. Семенов, В. Ф. История средних веков : учеб. для пед. ин-тов / В. Ф. Семенов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 551 с.

1048. Семенов, В. Ф. История средних веков : учеб. для учителей ин-тов / В. Ф. Семенов. – М. : Учпедгиз, 1949. – 424 с.

1049. Семин, Г. А. Чиновничество Московской губернии в начале XX в.: социальный аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. А. Семин ; [Моск. гос. обл. ун-т]. – М., 2017. – 25 с.

1050. Сенин, А. С. История Российской государственности : учеб. пособие / А. С. Сенин. – М. : Владос, 2003. – 337 с.

1051. Сергей Данилович Сказкин : [некролог] // Новая и новейш. история. – 1973. – № 4. – С. 217–219.

1052. Серегин, А. В. Теоретические проблемы монархической формы правления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Серегин ; Рост. гос. ун-т. – Саратов, 2003. – 22 с.

1053. Серегина, А. Ю. Проблема происхождения власти и государства в английской католической мысли на рубеже XVI и XVII веков / А. Ю. Серегина // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук [и др.]. – М., 2000. – Вып. 3. – С. 201–213.

1054. Сидоренко, М. А. Король танцует: политический театр королевской власти при Людовике XIV / М. А. Сидоренко. – М. : Наука, 2019. – 281 с.

1055. Сидоренко, М. А. Придворный балет Людовика XIV – дело государственное / М. А. Сидоренко // Новая и новейш. история. – 2016. – № 1. – С. 190–201.

1056. Сидоренко, М. А. Сцены для короля, или история подмостков политического театра Людовика XIV / М. А. Сидоренко // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М., 2020. – Вып. 81 (3). – С. 110–134.

1057. Сидоров, А. В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов / А. В. Сидоров ; Моск. гос. ун-т, Ин-т гос. упр. и соц. исслед. – М. : Унив. гуманитар. лицей ; Симферополь : Таврия, 1998. – 229 с.

1058. Сидоров, А. Л. Исторические взгляды Н. А. Рожкова: к выходу нового издания 12 томов «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» / А. Л. Сидоров // Историк-марксист. – 1929. – № 13. – С. 184–220.

1059. Сидорова, Л. А. Оттепель в советской исторической науке : совет. историография первого послесталин. десятилетия / Л. А. Сидорова ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Памятники ист. мысли, 1997. – 288 с.

1060. Сидорцов, В. Н. Лингвистический поворот в историографии и дискурс-анализ / В. Н. Сидорцов, О. М. Шутова // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. / Беларус. гос. ун-т. – М., 2008. – Вып. 5 : Дискурс в современном гуманитарном знании / [М. О. Александрович и др.]. – С. 37–48.

1061. Сказкин, С. Д. Абсолютизм / С. Д. Сказкин // Советская историческая энциклопедия : [в 16 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; гл. ред. Е. М. Жуков. – М., 1961. – [Т.] 1 : Аалтонен – Аяны. – Стб. 45–49.

1062. Сказкин, С. Д. Абсолютизм во Франции, Австрии и Пруссии в XVII – XVIII веках : стеногр. лекции, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) в 1940–41 учеб. г. / С. Д. Сказкин. – М. : Тип. ВПШ при ЦК ВКП(б), 1941. – 24 с.

1063. Сказкин, С. Д. Английская революция : стеногр. лекции, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) в 1940–41 учеб. г. / С. Д. Сказкин. – М. : [б. и.], 1941. – 19 с.

1064. Сказкин, С. Д. Буржуазная революция в Англии : стеногр. лекции, прочит. на Ленин. курсах при ЦК ВКП(б) в 1941 году / С. Д. Сказкин. – М. : [б. и.], 1941. – 20 с.

1065. Сказкин, С. Д. Буржуазная революция XVII века в Англии. Страны континентальной Европы в XVII–XVIII веках : лекция, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / С. Д. Сказкин. – М. : Тип. ВПШ при ЦК ВКП(б), 1952. – 32 с.

1066. Сказкин, С. Д. В. И. Ленин и некоторые проблемы медиевистики / С. Д. Сказкин // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1960. – Вып. 18. – С. 3–8.

1067. Сказкин, С. Д. История средних веков : учеб. пособие / С. Д. Сказкин, А. Д. Удальцов ; Высш. парт. шк. при ЦК КПСС, Каф. всеобщ. истории. – М. : [б. и.], 1955. – 223 с.

1068. Сказкин, С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме / С. Д. Сказкин // Учен. зап. / Моск. город. пед. ин-т. – М., 1941. – Т. 3 : Кафедра Исторического факультета, вып. 1. – С. 3–25.

1069. Сказкин, С. Д. Предисловие к книге: А. де Виньи. Сен-Мар, или Заговор во времена Людовика XIII. – М., 1964. – С. 5–21 / С. Д. Сказкин // Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века : материалы науч. наследия : [сборник] / Акад. наук СССР ; Отд-ние истории. – М., 1981. – С. 221–235.

1070. Сказкин, С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения) / С. Д. Сказкин // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.) : сб. ст. / [под ред. С. Д. Сказкина]. – М., 1957. – С. 5–18.

1071. Сказкин, С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения) / С. Д. Сказкин // Избранные труды по истории / С. Д. Сказкин ; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1973. – С. 341–354.

1072. Сказкин, С. Д. Реформация и религиозные войны / С. Д. Сказкин // История Франции : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.) и др.]. – М., 1972. – Т. 1. – С. 181–234.

1073. Сказкин С. Д. Старый порядок во Франции / С. Д. Сказкин. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. – 96 с.

1074. Сказкин, С. Д. Франция – единое государство / С. Д. Сказкин // История Франции : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.) и др.]. – М., 1972. – Т. 1. – С. 151–180.

1075. Скоробогатов, А. В. Политические взгляды Павла I: становление, эволюция, реализация : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А. В. Скоробогатов ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2005. – 48 с.

1076. Скоробогатов, А. В. Цесаревич Павел Петрович : полит. дискурс и соц. практика / А. В. Скоробогатов ; [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. – М. : РГГУ, 2005. – 346 с.

1077. Скрынников, Р. Г. Михаил Романов / Р. Г. Скрынников. – М. : АСТ : Ермак, 2005. – 334 с.

1078. Скрынников, Р. Г. Опричнина Ивана Грозного : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Р. Г. Скрынников ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1967. – 42 с.

1079. Сливко, С. А. Социальная борьба в Англии XV века и формирование английского абсолютизма : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. А. Сливко ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1965. – 24 с.

1080. Смирнов, В. П. Анатолий Васильевич Адо (1928–1995) / В. П. Смирнов // Портреты историков: время и судьбы : очерки [в 5 т.] / Акад. исслед. культуры. – М. ; Иерусалим, 2000 – 2010. – Т. 4 : Новая и новейшая история / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – 2004. – С. 3–22.

1081. Смирнов, И. И. Очерки политической истории Русского государства 30- х–50-х гг. XVI века / И. И. Смирнов ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. ; Л. : АН СССР, 1958. – 516 с.

1082. Соборное Уложение 1649 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> – Дата доступа: 27.08.2021.

1083. Советская историография : [сб. ст.] / Рос. гос. гуманитар. ун-т ; [под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева]. – М. : РГГУ, 1996. – 591 с. – (Россия. XX век ; кн. 2).

1084. Соколов, А. Б. Карл I Стюарт / А. Б. Соколов // Вопр. истории. – 2005. – № 12. – С. 70–85.

1085. Соколов, Н. П. Николай II в отечественной литературе эпохи «перестройки» / Н. П. Соколов // Россия в новое время: выбор пути исторического развития : материалы межвуз. науч. конф., Москва, 22–23 апр. 1994 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т [и др. ; редкол.: А. П. Логунов (отв. ред.) и др]. – М. 1994. – С. 12 – 15.

1086. Соловьев, Д. В. Формирование политической лояльности в России в 1825–1856 гг.: «виды правительства», печать и общественное мнение : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. В. Соловьев ; С.-Петерб. ин-т истории Рос. акад. наук. – СПб., 2008. – 24 с.

1087. Соловьев, С. М. Публичные чтения о Петре Великом / С. М. Соловьев // Сочинения : в 18 кн. – М. : Мысль, 1988–2000. – Кн. 18 : Работы разных лет / [отв. ред. И. Д. Ковальченко]. – 1995. – С. 5–152.

1088. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1988–2000. – Кн. 7 : История России в древнейших времен, т. 13/14 / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – 1991. – 701 с.

1089. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1988–2000. – Кн. 9, т. 17/18. / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – 1993. – 671 с.

1090. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1988–2000. – Кн. 10 : История России с древнейших времен, т. 19/20. / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – 1993. – 751 с.

1091. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1988–2000. – Кн. 12 : История России с древнейших времен, т. 23/24 / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – 1993. – 668 с.

1092. Соловьев, Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века / Ю. Б. Соловьев ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. – Л. : Наука, 1973. – 383 с.

1093. Соловьев, Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. / Ю. Б. Соловьев. – Л. : Наука, 1981. – 256 с.

1094. Сорокин, Ю. А. Алексей Михайлович / Ю. А. Сорокин // Вопр. истории. – 1992. – № 4/5. – С. 73–90.

1095. Сорокин, Ю. А. О понятии «абсолютизм» [Электронный ресурс] / Ю. А. Сорокин // Исторический ежегодник / Омск. гос. ун-т ; [редкол.: А. В. Якуб (отв. ред.) и др.]. – Омск : ОмГУ, 1996. – Режим доступа: https://studopedia.ru/24_58240_sorokin-yua-o-ponyatii-absolyutizm.html – Дата доступа: 27.08.2021.

1096. Сорокин, Ю. А. Павел I / Ю. А. Сорокин // Вопр. истории. – 1989. – № 11. – С. 46–64.

1097. Сорокин, Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. / Ю. А. Сорокин ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Омск. гос. ун-т ; отв. ред. А. П. Толочко. – Омск : ОмГУ, 1999. – 322 с.

1098. Сорокин, Ю. А. Российский император Павел I : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. А. Сорокин ; Томск. гос. ун-т. – Томск, 1989. – 20 с.

1099. Соусова, Ю. И. Английская королева Мария Тюдор / Ю. И. Соусова // Вопр. истории. – 2013. – № 4. – С. 152–160.

1100. Софронов, Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время / Б. Г. Софронов. – М. : Моск. ун-т, 1976. – 222 с.

1101. Софьин, Д. М. Политико-династические представления российских консерваторов и членов императорского дома, конец XIX – начало XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. М. Софьин ; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – 29 с.

1102. Сталин, И. В. Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом 13 декабря 1931 г. / И. В. Сталин // Сочинения : [в 13 т.] / И. В. Сталин ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). – М., 1951. – Т. 13 : Июль 1930– январь 1934. – С. 104–123.

1103. Сталин, И. В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. / И. В. Сталин // Сочинения : [в 13 т.] / И. В. Сталин ;

Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). – М., 1951. – Т. 13 : Июль 1930 – январь 1934. – С. 236–256.

1104. Старкова, Л. К. Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист наук : 07.00.02 / Л. К. Старкова ; Саратов. гос. тех. ун-т. – Саратов, 2000. – 18 с.

1105. Стегарь, С. Научная работа на историческом факультете Московского государственного педагогического института / С. Стегарь // Историк-марксист. – 1941. – № 2. – С. 149–152.

1106. Стегний, П. В. Хроники времен Екатерины II : 1729–1796 гг. / П. В. Стегний. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 511 с.

1107. Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета // Одиссей, 2007: Человек в истории. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. ред. А. Я. Гуревич. – М., 2007. – С. 253–340.

1108. Стишов, М. На историческом факультете МГУ / М. Стишов // Вопр. истории. – 1949. – № 2/3. – С. 154–158.

1109. Суховерхов, В. В. Гаспар Мельхиор де Ховельянос / В. В. Суховерхов // Вопр. истории. – 2010. – № 4. – С. 29–39.

1110. Суховерхов, В. В. Карл V и Франциск I: «Итальянские войны» / В. В. Суховерхов // Вопр. истории. – 2011. – № 4. – С. 111–121.

1111. Суховерхов, В. В. Преобразования «просвещенного абсолютизма» в Испании XVIII в. / В. В. Суховерхов // Вопр. истории. – 2010. – № 9. – С. 35–49.

1112. Сыромятников, Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология / Б. И. Сыромятников ; Акад. наук СССР, Ин-т права. – М. ; Л. : АН СССР, 1943. – Ч. 1. – 212 с.

1113. Тарановский, Т. К. Особенности российской самодержавной монархии в XIX столетии / Т. К. Тарановский // Российская монархия : вопросы истории и теории : межвуз. сб. ст., посвящ. 450-летию учрежд. царства в России (1547–1997 гг.) / Моск. гос. соц. ун-т [и др. ; редкол.: М. Д. Карпачев (отв. ред.) и др.]. – Воронеж, 1998. – С. 157–171.

1114. Тарановский, Ф. В. Догматика положительного государственного права во Франции при Старом порядке / Ф. В. Тарановский. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1911. – VII, 633 с.

1115. Тарле, Е. В. История Италии в новое время / Е. В. Тарле. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1901. – 196 с.

1116. Тарле, Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России / Е. В. Тарле ; Гос. публ. ист. б-ка России ; под ред. Ю. И. Семенова. – 2-е изд., доп. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2011. – 272 с.

1117. Татищев, С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование / С. С. Татищев. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2006. – 1006 с.
1118. Татищев, С. С. Император Николай I и иностранные дворы : ист. очерки / С. С. Татищев. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. – 460 с.
1119. Творческий путь советских ученых: академик Сергей Данилович Сказкин / Е. В. Гутнова [и др.] // Вопр. истории. – 1966. – № 4. – С. 148–158.
1120. Титов, Ю. П. Абсолютизм в России / Ю. П. Титов // Совет. государство и право. – 1973. – № 1. – С. 107–112.
1121. Титов, Ю. П. Проблемы российского абсолютизма / Ю. П. Титов // Проблемы истории абсолютизма : сб. науч. тр. / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т ; [отв. ред. К. И. Батыр]. – М., 1983. – С. 4–24.
1122. Тихомиров, И. А. [Рецензия] / И. А. Тихомиров // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1907. – Июль. – С. 190–200. – Рец. на кн.: Ключевский, В. О. Курс русской истории : в 4 ч. / В. О. Ключевский. – М. : Синод. типогр., 1906. – Ч. 2. – 508, IV с.
1123. Тихомиров, Л. А. Апология Веры и Монархии : [сборник] / Л. А. Тихомиров ; [сост. М. Б. Смолина]. – М. : Изд-во журн. «Москва», 1999. – 476 с.
1124. Тихомиров, Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения / Л. А. Тихомиров. – М. : Трим, 1993. – 192 с.
1125. Тихомиров, М. Н. История СССР : [учебник] / М. Н. Тихомиров, С. С. Дмитриев ; Моск. гос. ун-т. – М. : Госполитиздат, 1948. – Т. 1 : С древнейших времен до 1861 года. – 410 с.
1126. Тихонов, В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1940-х – 1955 г.) / В. В. Тихонов. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. – 427 с.
1127. Тихонов, В. В. Исторические взгляды Б. И. Сыромятникова : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / В. В. Тихонов ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2007. – 42 с.
1128. Токарева, Т. Н. Политические взгляды Сюлли [Электронный ресурс] : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Т. Н. Токарева ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1999. – Режим доступа: https://freereferats.ru/product_info.php?products_id=37580 –Дата доступа: 27.08.2021.
1129. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Токвиль ; пер. с фр. Л. Н. Ефимова. – СПб. : Алетейя, 2008. – 247 с.
1130. Толмачев, Е. П. Александр II и его время : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Е. П. Толмачев ; Моск. гос. ун-т. – М., 1998. – 32 с.
1131. Толмачев, Е. П. Александр III и его время / Е. П. Толмачев. – М. : Терра-Кн. клуб, 2007. – 720 с.

1132. Томсинов, В. А. Император Павел I, реформатор и законодатель : к 200-летию со дня гибели : ст. первая / В. А. Томсинов // Законодательство. – 2001. – № 3. – С. 88–91.
1133. Томсинов, В. А. Император Павел I, реформатор и законодатель : к 200-летию со дня гибели : ст. пятая / В. А. Томсинов // Законодательство. – 2001. – № 7. – С. 83–89.
1134. Томсинский, С. Г. К вопросу о социальной природе русского самодержавия / С. Г. Томсинский // Вестн. Ком. акад. – 1926. – Кн. 15. – С. 255–283.
1135. Томсинский, С. Г. Очерки истории феодально-крепостной России / С. Г. Томсинский / Ленингр. отд-ние Комакад., Ин-т истории. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. – Ч. 1 : Крестьянские войны в эпоху образования империи. – 205 с.
1136. Томсинский, С. Г. Петровские реформы / С. Г. Томсинский // Историк-марксист. – 1933. – № 4. – С. 53–80.
1137. Троицкий, Н. А. «На земле стоит комод...» : Александр III: время, правление, личность / Н. А. Троицкий // Свободная мысль. – 2000. – № 5. – С. 88 – 98.
1138. Троицкий, С. М. В. И. Ленин об абсолютной монархии в России / С. М. Троицкий // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; [редкол.: Л. В. Черепнин (отв. ред.) и др.]. – М., 1970. – С. 294–311.
1139. Троицкий, С. М. В. И. Ленин об абсолютной монархии в России / С. М. Троицкий // Россия в XVIII веке : сб. ст. / А. Б. Каменский. – М., 1982. – С. 5–17.
1140. Троицкий, С. М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века / С. М. Троицкий // Вопр. истории. – 1977. – № 2. – С. 67–75.
1141. Троицкий, С. М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России / С. М. Троицкий // История СССР. – 1969. – № 3. – С. 130–149.
1142. Троицкий, С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. : формирование бюрократии / С. М. Троицкий ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1974. – 394 с.
1143. Троицкий, С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. : формирование бюрократии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : / С. М. Троицкий ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М., 1972. – 51 с.
1144. Троицкий, С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке / С. М. Троицкий ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1966. – 275 с.
1145. Троицкий, С. М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. / С. М. Троицкий // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деят.

Б. Б. Кафенгауза / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др.]. – М., 1964. – С 281–319.

1146. Троцкий, Л. Д. 1905 / Л. Д. Троцкий. – 2-е изд. – М. : Гос. изд-во, 1922. – 427 с.

1147. Тьерри, О. История происхождения и успехов третьего сословия / О. Тьерри ; пер. с фр. Р. Ю. Виппера ; под ред. Р. Ю. Виппера. – М. : Тип. И. А. Баландина, 1899. – 306 с.

1148. Тэн, И. Происхождение современной Франции : в 3 т. / И. Тэн ; пер. с фр., под ред. Я. В. Швырова. – СПб. : Тип. П. Ф. Пантелеева, 1907. – Т. 1 : Старый порядок. – 195 с.

1149. Тян, В. В. Эволюция верховной самодержавной власти в России (1860 – е – 1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / В. В. Тян ; Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2006. – 54 с.

1150. Уваров, П. Ю. В поисках феодализма / П. Ю. Уваров // Одиссей, 2006: Человек в истории. Феодализм перед судом историков / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; гл. ред. А. Я. Гуревич. – М., 2006. – С. 5–10.

1151. Уваров, П. Ю. Между «ежами» и «лисами» : заметки об историках / П. Ю. Уваров. – М. : Новое лит. обозрение, 2015. – 278 с. – (Научная библиотека. Научное приложение ; вып. 134)

1152. Уваров, П. Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации / П. Ю. Уваров // Новое лит. обозрение. – 2006. – № 5. – С. 194–208.

1153. Уваров, П. Ю. Раннее Новое время: взгляд из Средневековья / П. Ю. Уваров // Новая и новейш. история. – 2011. – № 2. – С. 109–120.

1154. Уваров, П. Ю. «Событийная история» и «история-проблема» на фоне общеевропейского кризиса XVII в. / П. Ю. Уваров // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны : [сб. ст.] / отв. ред.: В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. – М., 2018. – С. 7–15.

1155. Уваров, П. Ю. Франция XVI века : опыт реконструкции по нотариальным актам / П. Ю. Уваров ; [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории]. – М.: Наука, 2004. – 511 с.

1156. Уваров, П. Ю. Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавелье, 1546–1553) / П. Ю. Уваров // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 236–257.

1157. Удалов, С. В. Государственная идеология в России второй четверти XIX века: пропаганда и реализация : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. В. Удалов ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2005. – 20 с.

1158. Удальцов, А. Д., История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удальцов, С. Д. Сказкин. – М. : [б. и.], 1944. – 275 с.

1159. Удадьцов, А. Д. История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удадьцов, С. Д. Сказкин ; Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), Каф. всеобщ. истории. – М. : [б. и.], 1952. – 222 с.

1160. Удадьцов, А. Д. История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удадьцов, С. Д. Сказкин ; Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б). – М. : Тип. Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1948. – 320 с.

1161. Удадьцов, А. Д. История средних веков : курс лекций, прочит. в Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б) / А. Д. Удадьцов, С. Д. Сказкин. – М. : Тип. им. Сталина и тип. Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1946. – 271 с.

1162. Уортман, Р. С. Сценарии власти : мифы и церемонии рус. монархии : [в 2 т.] / Р. С. Уортман. – М. : ОГИ, 2002. – Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I / [пер. с англ. С. В. Житомирской]. – 606 с. – (Материалы и исследования по истории русской культуры. Труды по истории / под ред. Е. В. Пермякова ; вып. 8).

1163. Уортман, Р. С. Сценарии власти : мифы и церемонии рус. монархии : [в 2 т.] / Р. С. Уортман. – М. : ОГИ, 2004. – Т. 2 : От Александра II до отречения Николая II / пер. с англ. И. А. Пильщикова. – 797 с.

1164. Фадеев, А. В. Дореформенная Россия (1800–1861) / А. В. Фадеев. – М. : МГУ, 1960. – 181 с.

1165. Фадеева, Т. М. Российский абсолютизм в XVIII в. (аналитический обзор) / Т. М. Фадеева // История России. Сер. аналит. обзоров и сб. – 2013. – № 1. – С. 173–205.

1166. Фаизов, А. В. Правительствующий Сенат в 1730–1741 гг.: полномочия и компетенция / А. В. Фаизов // Вестн. Перм. ун-та. История. – 2016. – Вып. 4 (35). – С. 34–42.

1167. Федоров, В. А. Александр I / В. А. Федоров // Вопр. истории. – 1990. – № 1. – С. 50–72.

1168. Федоров, С. Е. Абсолютная власть государя в контексте средневековой политической теологии (постановка проблемы) / С. Е. Федоров // Proslogion: проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. А. Ю. Прокопьева. – СПб., 2016. – Вып. 2 (14). – С. 31–44.

1169. Федоров, С. Е. Бытовое поведение стюартовской аристократии (аспект гостеприимства) / С. Е. Федоров // Кунсткамера. Этнографические тетради. – 1996. – Вып. 10. – С. 130–145.

1170. Федоров, С. Е. Вторая коронация Карла I Стюарта: шотландская версия сценария / С. Е. Федоров // Власть, общество, индивид в средневековой Европе : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, О-во медиевистов и историков раннего Нового времени ; [редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М., 2008. – С. 495–518.

1171. Федоров, С. Е. Королевская семья в церемониальном пространстве раннестюартовской монархии / С. Е. Федоров. – СПб. : Алетейя, 2018. – 270 с.

1172. Федоров, С. Е. Некоторые черты бытового поведения знатной женщины в стюартовскую эпоху: Элизабет Берти и Мэри Уиддингтон / С. Е. Федоров // Англия XVII века: социальные группы и общество : межвуз. сб. науч. тр. / Рос. гос. пед. ун-т ; под ред. С. Е. Федорова. – СПб., 1994. – С. 54–66.

1173. Федоров, С. Е. Персональный состав елизаветинской титулованной знати: материалы к групповой просопографии / С. Е. Федоров // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени : межвуз. сб. / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2003. – Вып. 4. / под ред. Г. Е. Лебедевой. – С. 218–245.

1174. Федоров, С. Е. Позднетюдоровская аристократия к началу стюартовского правления: проблема границ / С. Е. Федоров // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2002. – Вып. 1 (№ 2). – С. 16–35.

1175. Федоров, С. Е. Раннестюартовская аристократия (проблемы генезиса) / С. Е. Федоров // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2007. – Вып. 4. – С. 220–225.

1176. Федоров, С. Е. Раннестюартовская аристократия (1603–1629) / С. Е. Федоров. – СПб. : Алетейя, 2005. – 525 с.

1177. Федоров, С. Е. Раннестюартовская знать династии: креатуры (1603–1615) / С. Е. Федоров // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2006. – Вып. 3. – С. 114–131.

1178. Федоров, С. Е. Раннестюартовская монархия и титулованная знать: итоги династического строительства (финальный эпизод 1616–1629) / В. Е. Федоров // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. 2003. – Вып. 4 (№ 26). – С. 3–21.

1179. Федоров, С. Е. Рассуждения о формуле власти / С. Е. Федоров, А. А. Паламарчук // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени : сборник / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М., 2020. – Вып. 81 (1). – С. 21–30.

1180. Федоров, С. Е. Титульные продажи при первых Стюартах / С. Е. Федоров // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 2005. – Вып. 1. – С. 119–133.

1181. Федосов, И. А. Просвещенный абсолютизм в России / И. А. Федосов // Вопр. истории. – 1970. – № 9. – С. 34–55.

1182. Федосов, И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма / И. А. Федосов // Вопр. истории. – 1971. – № 7. – С. 46–65.

1183. Федосова, Э. П. Из истории российской государственности (шведский опыт) / Э. П. Федосова // Россия и мировая цивилизация : к 70-летию чл.-корр. Рос.

акад. наук А. Н. Сахарова : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; [редкол.: А. Н. Боханов и др.]. – М., 2000. – 671 с.

1184. Федотова, В. Г. Методология истории сегодня / В. Г. Федотова // Новая и новейш. история. – 1996. – № 6. – С. 60–70.

1185. Феодальный строй / БСЭ. – 2-е изд. – М., 1956. – Т. 44. – С. 608.

1186. Фирсов, С. Л. Николай II. Пленник самодержавия / С. Л. Фирсов. – М. : Мол. гвардия, 2010. – 526 с.

1187. Фирсов, С. Л. Образ последнего русского императора Николая II в современной отечественной исторической литературе / С. Л. Фирсов // Ист. экспертиза. – 2019. – № 1. – С. 238–270.

1188. Франция и ее владения : [справочник] / под ред. Ф. Н. Петрова. – М. : ОГИЗ-ГИСЭ, 1948. – 800 с.

1189. Франция – *dominium regale* христианнейших королей? // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 206–317.

1190. Французская буржуазная революция, 1789–1794 / [сост.: Р. А. Авербух и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле. – М. ; Л. : АН СССР. – 1941. – VIII, 852 с.

1191. Французский ежегодник = *Annuaire d'études françaises*, 2014 : жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Франк.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М. : ИВИ РАН, 2014. – 384 с.

1192. Фюре, Ф. Постигение Французской революции / Ф. Фюре ; пер. с фр. Д. В. Соловьева. – СПб. : Инапресс, 1998. – 224 с.

1193. Хачатурян, Н. А. Авторитарный и коллективный принципы в эволюции средневековой государственности / Н. А. Хачатурян // Власть и политическая культура в средневековой Европе : [сб. ст. Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: Е. В. Гутнова (отв. ред.) и др.]. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 14–23.

1194. Хачатурян, Н. А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике / Н. А. Хачатурян // Двор монарха в средневековой Европе / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М. ; СПб., 2001. – Вып. 1 : Явление, модель, среда. – С. 7–30.

1195. Хачатурян, Н. А. Политическая и государственная история западного Средневековья в контексте структурного анализа / Н. А. Хачатурян // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1991. – Вып. 54. – С. 5–22.

1196. Хачатурян, Н. А. Сакральное в человеческом сознании: загадки и поиски реальности / Н. А. Хачатурян // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т [и др. ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М., 2006. – С. 5–16.

1197. Хачатурян, Н. А. Современная историография о проблеме королевской власти в средневековом обществе / Н. А. Хачатурян // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1995. – Вып. 58. – С. 144–149.

1198. Хачатурян, Н. А. Суверенитет, закон и «вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества / Н. А. Хачатурян // Власть, общество, индивид в средневековой Европе : [сб. ст.] / [сост. О. С. Воскобойников ; Моск. гос. ун-т и др. ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М., 2008. – С. 5–8.

1199. Хачатурян, Н. А. Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент / Н. А. Хачатурян // Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV : фр. ежегодник, 2014 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; под ред. А. В. Чудинова, Ю. П. Крыловой. – М., 2014. – С. 8–26.

1200. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма : перемены и преемств. в развитии западноевроп. монархии ран. Нового времени / Н. Хеншелл ; пер. с англ. А. А. Паламарчук [и др.]. – СПб. : Алетей, 2003. – 271 с.

1201. Хмылев, Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. / Л. Н. Хмылев. – Томск : Том. ун-т, 1978. – 171 с.

1202. Хомяков, Д. А. Православие. Самодержавие. Народность / Д. А. Хомяков. – М. : Даръ, 2005. – 464 с.

1203. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Л. Р. Хут ; Моск. пед. гос. ун-т, Адыг. гос. ун-т. – М. : Прометей, 2010. – 704 с.

1204. Царева, Ю. И. Основные направления финансовой политики Тюдоров (1485–1603) / Ю. И. Царева // Новая и новейш. история. – 2018. – № 2. – С. 3–14.

1205. Цатурова, С. К. Верховные ведомства и лимиты власти короля в сфере законодательства в XIV–XV вв. / С. К. Цатурова // Власть, общество, индивид в средневековой Европе : [сб. ст.] / [сост. О. С. Воскобойников ; Моск. гос. ун-т и др. ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М., 2008. – С. 152–175.

1206. Цатурова, С. К. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии) / С. К. Цатурова // Новая и новейш. история. – 2016. – № 6. – С. 3–16.

1207. Цатурова, С. К. Король Франции и его чиновники (своеобразие принципа королевской власти *Quod principi placuit*) / С. К. Цатурова // Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) : фр. ежегодник, 2005 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Франк.-Рос. центр обществ. и гуманитар. наук, Саратов. гос. ун-т ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2005. – С. 129–149.

1208. Цатурова, С. К. «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV–XV вв. / С. К. Цатурова // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 99–131.

1209. Цатунова, С. К. «На ком платье короля?» Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV–XV вв.) / С. К. Цатунова // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 216–248.

1210. Цатунова, С. К. Нина Александровна Хачатурян: портрет ученого в зрелости / С. К. Цатунова // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 5–45.

1211. Цатунова, С. К. Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV в. / С. К. Цатунова. – М. : Логос, 2002. – 384 с.

1212. Цатунова, С. К. Парижский парламент в первой трети XV в. (по «Дневникам» секретарей суда) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. К. Цатунова ; Моск. гос. ун-т. – М., 1990. – 24 с.

1213. Цатунова, С. К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. / С. К. Цатунова // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т [и др. ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М., 2006. – С. 78–95.

1214. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 14. Оп. 3. Д. 16113.

1215. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 348.

1216. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 650.

1217. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 736.

1218. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 754.

1219. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 827.

1220. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 867.

1221. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2054.

1222. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2088.

1223. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2090.

1224. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2279.

1225. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2403.

1226. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2405.

1227. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 418. Оп. 513, т. 1. Д. 2575.

1228. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 1609. Оп. 4. Ед. хр. 2а.

1229. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 1609. Оп. 6. Д. 24.

1230. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 1609. Оп. 6. Д. 40.

1231. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). – Ф. 1609. Оп. 6. Д. 69.

1232. Черепнин, Л. В. Выступление на расширенном заседании Ученого совета Института истории АН СССР (1971 г.) / Л. В. Черепнин // Вопросы методологии исторического исследования : теорет. пробл. истории феодализма : сб. ст. / Л. В. Черепнин ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР. – М., 1981. – С. 215–218.

1233. Черепнин, Л. В. XII Международный конгресс историков / Л. В. Черепнин // История СССР. – 1966. – № 1. – С. 3–23.

1234. Черепнин, Л. В. Заключительное слово по докладу «К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) / Л. В. Черепнин // Вопросы методологии исторического исследования : теорет. пробл. истории феодализма : сб. ст. / Л. В. Черепнин ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР. – М., 1981. – С. 208–214.

1235. Черепнин, Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России / Л. В. Черепнин / А. А. Зимин // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию со дня рожд. и 45-летию науч. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: Н. М. Дружинин (отв. ред.) и др.]. – М., 1964. – С. 92–133.

1236. Черепнин, Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. / Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1978. – 417 с.

1237. Черепнин, Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) / Л. В. Черепнин // Документы советско-итальянской конференции историков «Абсолютизм в Западной Европе и России. Русско-итальянские связи второй половины XIX века», [Москва], 8–10 апр. 1968 г. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории, Нац. ком. совет. историков ; [редкол. : С. Д. Сказкин (отв. ред.) и др.]. – М., 1970. – С. 11–60.

1238. Черепнин, Л. В. Образование русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте / Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто // Вопр. истории. – 1978. – № 2. – С. 41–53.

1239. Черепнин, Л. В. Основные этапы развития феодализма в России : [докл. совет. делегации на X Междунар. конгр. историков в Риме] / Л. В. Черепнин. – М. : АН СССР, 1955. – 78 с.

1240. Черепнин, Л. В. Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России / Л. В. Черепнин // Вопросы методологии исторического исследования : теорет. пробл. истории феодализма : сб. ст. / Л. В. Черепнин ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР. – М., 1981. – С. 219–235.

1241. Черкасов, П. П. Кардинал Ришелье / П. П. Черкасов. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 384 с.

1242. Черкасов, П. П. Людовик XVI и Екатерина II (1774–1776) / П. П. Черкасов // Новая и новейш. история. – 1999. – № 5. – С. 161–182.

1243. Черкасов, П. П. Людовик XVI и Екатерина II (1774–1776) / П. П. Черкасов // Новая и новейш. история. – 1999. – № 6. – С. 154–166.

1244. Черменский, Е. Д. История СССР : Период империализма (90-е гг. XIX в. – март 1917 г.) : пособие для студ. пед. ин-тов / Е. Д. Черменский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 511 с.

1245. Черменский, Е. Д. Царизм и Третьеиюньская Дума / Е. Д. Черменский // Вопр. истории. – 1973. – № 1. – С. 30–47.

1246. Черникова, А. В. Российская монархия конца XIX века – 1917 года: эволюция монархической доктрины и политических институтов : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Черникова ; Моск. гос. акад. ком. хоз-ва и стр-ва. – М., 2009. – 25 с.

1247. Чернов, К. С. Абсолютизм в России / К. С. Чернов // Вопр. истории. – 2014. – № 1. – С. 128–136.

1248. Чернов, С. Л. К вопросу о возникновении абсолютизма в России / С. Л. Чернов // Россия в XVIII–XX веках: страницы истории. – М, 2000. – С. 32–50.

1249. Чернуха, В. Г. Александр III / В. Г. Чернуха // Вопр. истории. – 1992. – № 11/12. – С. 46–64.

1250. Чернуха, В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В. Г. Чернуха ; под ред. Р. Ш. Ганелина. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние. – 1978. – 248 с.

1251. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта ; Наука, 2000. – 136 с.

1252. Черняев, Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия : [сборник] / Н. И. Черняев. – М. : Москва, 1998. – 432 с.

1253. Чикалова, И. Р. Англоведение в императорской России в именах и публикациях (1801–1917) / И. Р. Чикалова. – СПб. : Алетейя, 2013. – 392 с.

1254. Чикалова, И. Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.) / И. Р. Чикалова. – СПб. : Алетейя, 2017. – 576 с.

1255. Чикалова, И. Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.) / И. Р. Чикалова ; Нац. акад. наук Беларуси, ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 414 с.

1256. Чикалова, И. Р. «Старый порядок» и революция конца XVIII в. во Франции в трудах российских историков рубежа XIX–XX вв. / И. Р. Чикалова // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рожд. акад. В. И. Пичеты / редкол.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 371 – 380.

1257. Чикова, В. А. Государственная власть, Православная церковь и духовенство в царствование Елизаветы Петровны : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. А. Чикова ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2017. – 29 с.

1258. Чистозвонов, А. Н. К дискуссии об абсолютизме в России / А. Н. Чистозвонов // История СССР. – 1971. – № 3. – С. 72–76.

1259. Чистозвонов, А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма / А. Н. Чистозвонов // Вопр. истории. – 1968. – № 5. – С. 46–62.

1260. Чистякова, Е. В. Ленинская концепция истории России периода феодализма : учеб. пособие / Е. В. Чистякова, И. Ф. Мальцева. – М. : Ун-т дружбы народов, 1985. – 33 с.

1261. Что придет на смену старому? // Вестн. высш. шк. – 1990. – № 1. – С. 54– 55.

1262. Чубарьян, А. О. Опыт мировой истории и идеология обновления / О. А. Чубарьян // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред.: А. О. Чубарьян, В. В. Согрин. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 7–18.

1263. Чудинов, А. В. Абсолютизм и меркантилизм – практика и теория (Англия, 20–30-е годы XVII в.) / А. В. Чудинов // Буржуазная общественная мысль Англии XVII–XIX вв / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол. К. М. Андерсон (отв. ред.) и др.]. – М., 1989. – С. 9–25.

1264. Чудинов, А. В. История Французской революции : пути познания / А. В. Чудинов ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – М. : Полит. энцикл., 2017. – 280 с.

1265. Чудинов, А. В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа / А. В. Чудинов // Абсолютизм во Франции : к 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972) : фр. ежегодник, 2005 / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; [гл. ред. А. В. Чудинов]. – М., 2005. – С. 259–293.

1266. Чудинов, А. В. Назревшие проблемы изучения истории Великой Французской революции (по материалам обсуждения в Институте всеобщей

истории АН СССР) / А. В. Чудинов // Новая и новейш. история. – 1989. – № 2. – С. 65–74.

1267. Чудинов, А. В. Накануне «смены веков». Советская историография Французской революции в начале 1980-х гг. / А. В. Чудинов // Россия и мир: панорама исторического развития : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию Урал. гос. ун-та / Федер. агентство по образованию [и др. ; редкол.: Д. А. Редин (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург, 2008. – С. 112–127.

1268. Чудинов, А. В. «Новая русская школа» в историографии Французской революции: ad fontes! / А. В. Чудинов // Universitas historiae : сб. ст. в честь Павла Юрьевича Уварова / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; [отв. ред.: А. О. Чубарьян]. – М., 2016. – С. 523–532.

1269. Чудинов, А. В. Прощание с эпохой (размышления над книгой В. Г. Ревуненкова) / А. В. Чудинов // Вопр. истории. – 1998. – № 7. – С. 156–162.

1270. Чудинов, А. В. Смена веков: 200-летие Революции и российская историография / А. В. Чудинов // 200 лет Французской революции, 1789–1799 гг.: итоги юбилея : фр. ежегодник, 2000 / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр фр. ист. исслед. ; [ред. совет: А. В. Чудинов (отв. ред.) и др.]. – М., 2000. – С. 5–23.

1271. Чудинов, А. В. Старый порядок во Франции и его крушение / А. В. Чудинов. – М. : Наука, 2017. – 205 с.

1272. Чудинов, А. В. Французская революция: история и мифы / А. В. Чудинов. – М. : Наука, 2007. – 310 с.

1273. Шапиро, А. Л. Об абсолютизме в России / А. Л. Шапиро // История СССР. – 1968. – № 5. – С. 69–82.

1274. Шаповалов, В. Ф. Россиеведение : учеб пособие для вузов / В. Ф. Шаповалов. – М. : Фаир-Пресс, 2001. – 576 с.

1275. Шарапов, Ю. Защита докторской диссертации на тему «Народные восстания во Франции XVII века» / Ю. Шарапов // Ист. журн. – 1941. – № 5. – С. 147–149.

1276. Шартье, Р. Культурные истоки Французской революции / Р. Шартье ; пер. с фр. О. Э. Гринберг. – М. : Искусство, 2001. – 256 с.

1277. Шарф, К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения / К. Шарф // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблемам адаптации западных идей и практик в Российской империи : [сб. материалов конф. "XVIII век. Трансфер и адаптация европейских идей в российском историческом контексте", Москва, 16–17 июня 2006 г.] / сост. А. В. Доронин ; Герм. ист. ин-т в Москве. – М., 2008. – С. 9 – 45.

1278. Шацилло, К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика / К. Ф. Шацилло ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М. : РОССПЭН, 2000. – 399 с.

1279. Шацилло, К. Ф. Предисловие / К. Ф. Шацилло // Дневники императора Николая II / [сост.: В. П. Козлов и др. ; общ. ред. К. Ф. Шацилло]. – Тверь, 1992. – С. 3–34.

1280. Шевырев, А. П. Петербург и Москва: две столицы, два образа власти / А. П. Шевырев // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси : Средние века. Новое время : [сборник] / [сост. М. А. Бойцов] ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. – М., 2008. – С. 362–386.

1281. Шестопалов, А. П. Российский абсолютизм: особенности развития российской государственности / А. П. Шестопалов // Россия в Новое время: выбор пути исторического развития : материалы межвузов. науч. конф., Москва, 22–23 апр. 1994 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т [и др. ; редкол.: А. П. Логунов (отв. ред.) и др.]. – М., 1994. – С. 20–23.

1282. Шильдер, Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование / Н. К. Шильдер. – М. : Слово/Slovo, 2013. – 733 с. – (Библиотека «Дом Романовых» ; т. 10).

1283. Шильдер, Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование / Н. К. Шильдер. – М. : Слово/Slovo, 2013. – 710 с. – (Библиотека «Дом Романовых» ; т. 11).

1284. Шильдер, Н. К. Император Павел Первый / Н. К. Шильдер. – М. : Слово/Slovo, 2013. – 542 с. – (Библиотека «Дом Романовых» ; т. 9).

1285. Шишкин, В. В. Кардинал и королева: борьба за власть при дворе Франции в 30-е гг. XVII в. / В. В. Шишкин // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян / [отв. ред. О. В. Дмитриева]. – СПб., 2007. – С. 302–317.

1286. Шишкин, В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках / В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2004. – 287 с.

1287. Шишкин, В. В. Королевский двор Франции в эпоху Возрождения : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук : 07.00.03 / В. В. Шишкин ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2019. – 37 с.

1288. Шишкин, В. В. Королевский двор Франции и его структура при Генрихе III / В. В. Шишкин // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени : [сб. ст.] / С.-Петербург. гос. ун-т ; под ред. Г. Е. Лебедевой. – СПб., 1996. – С. 103–116.

1289. Шишкин, В. В. Мужчины в доме французской королевы XVI–XVII вв. / В. В. Шишкин // Двор монарха в средневековой Европе / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М. ; СПб., 2001. – Вып. 1 : Явление, модель, среда. – С. 149–164.

1290. Шишкин, В. В. Французский двор в конце гугенотских войн: потеря единства и проблема воссоздания / В. В. Шишкин // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 41–52.

1291. Шишкин, В. В. Французский королевский двор в XVI веке: история института / В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2018. – 544 с.

1292. Шишкин, В. В. Эволюция французского королевского двора в конце XVI – первой трети XVII в. / В. В. Шишкин // Средние века : сборник / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1997. – Вып. 59. – С. 137–155.

1293. Шишлянникова, Г. И. Политические взгляды и государственная деятельность Николая II: 1881 – февраль 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. И. Шишлянникова ; Рос. гос. торг.-экон. ун-т, Воронеж. фил. – Тамбов, 2009. – 24 с.

1294. Шляхов, М. Ю. Общественно-политическая деятельность и научные взгляды А. А. Корнилова : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. Ю. Шляхов ; Нижегород. гос. пед. ун-т. – Н. Новгород, 2002. – 25 с.

1295. Шмидт, С. О. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) / С. О. Шмидт, Е. В. Гутнова, Т. М. Исламов // Новая и новейш. история. – 1985. – № 3. – С. 42–58.

1296. Шмидт, С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века / С. О. Шмидт // Вопр. истории. – 1987. – № 3. – С. 42–58.

1297. Шмидт, С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия : XVII – первая треть XIX в. / С. О. Шмидт ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Археограф. комис. – М. : Наука, 2002. – 365 с.

1298. Шмидт, С. О. Политика просвещенного абсолютизма в России середины XVIII века / С. О. Шмидт // Россия и Испания: историческая ретроспектива : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; [редкол.: З. В. Удальцова (отв. ред.) и др.]. – М., 1987. – С. 261–286.

1299. Шмидт, С. О. Становление российского самодержавства: исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного / С. О. Шмидт. – М. : Мысль, 1973. – 359 с.

1300. Шмидт, С. О. У истоков российского абсолютизма: исследования социально-экономической истории времени Ивана Грозного / С. О. Шмидт. – М. : Прогресс : Культура, 1996. – 494 с.

1301. Шмыкова, М. Л. Идеологическое обоснование великокняжеской и царской власти в России в конце XV–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. Л. Шмыкова ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2006. – 30 с.

1302. Шоню, П. Цивилизация классической Европы / П. Шоню ; [пер. с фр. В. Бабинцева]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 608 с.

1303. Штокмар, В. В. Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI в. / В. В. Штокмар // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества : межвуз. науч. сб. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. Г. Л. Курбатов. – Л., 1974. – Вып. 1. – С. 124–134.

1304. Штокмар, В. В. Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор / В. В. Штокмар // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. – Л., 1950. – Вып. 17 : История / отв. ред. А. И. Молок, № 127. – С. 223–248.

1305. Штокмар, В. В. История Англии в средние века : учеб. пособие / В. В. Штокмар ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : Ленингр. ун-т, 1973. – 184 с.

1306. Штокмар, В. В. Кровавое законодательство Тюдоров против обезземеленных народных масс / В. В. Штокмар // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. – Л., 1951. – Вып. 18 : История / [отв. ред.: М. В. Левченко, П. Ф. Кухарский], № 130. – С. 185–206.

1307. Штокмар, В. В. Особенности пуританского движения конца XVI–первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией / В. В. Штокмар // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. Г. Л. Курбатов. – Л., 1980. – Вып. 3. – С. 93–104.

1308. Штокмар, В. В. Очерки по истории Англии XVI века / В. В. Штокмар ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : ЛГУ, 1957. – 163 с.

1309. Штокмар, В. В. Пуритане и церковная политика английской абсолютной монархии в конце XVI начале XVII в. / В. В. Штокмар // Проблемы отечественной и всеобщ. истории : сб. ст. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. В. А. Ежов. – Л., 1973. – Вып. 2. – С. 42–47.

1310. Штокмар, В. В. Социальная и экономическая политика английской абсолютной монархии второй половины XVI века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / В. В. Штокмар ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1963. – 35 с.

1311. Штокмар, В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета / В. В. Штокмар ; Ленингр. ун-т. – Л. : ЛГУ, 1962. – 154 с.

1312. Шунков, В. И. Институт истории Академии наук СССР в 1940 году / В. И. Шунков // Ист. журн. – 1941. – № 3. – С. 154–157.

1313. Щеголев, П. П. Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв. : курс лекций / П. П. Щеголев ; Ленингр. гос. ун-т, Ист. фак. – Л. : Соцэкгиз, 1938. – 492 с.

1314. Щеголев, П. П. Учение Маркса о первоначальном накоплении / П. П. Щеголев // Изв. Гос. акад. истории материал. культуры. – 1934. – Вып. 84. – С. 3–86.

1315. Элиас, Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / Н. Элиас ; пер. с нем. А. П. Кухтенкова [и др.]. – М. : Яз. славян. культуры, 2002. – 368 с.

1316. Эльфонд, И. Я. Методы конструирования имиджа власти во Франции второй половины XVI в. / И. Я. Эльфонд // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / [сост. О. С. Воскобойников, отв. ред. Н. А. Хачатурян] ; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; Моск. гос. ун-т. – М., 2008. – С. 423–449.

1317. Эльфонд, И. Я. Политические учения эпохи Возрождения и Реформации (Франция) : учеб. пособие / И. Я. Эльфонд ; Челяб. гос. пед. ин-т, Саратов. гос. пед. ин-т. – Саратов : СГПИ, 1991. – 72 с.

1318. Эльфонд, И. Я. Учение о «божественном праве» государей во французской доктрине абсолютизма второй половины XVI века / И. Я. Эльфонд // Средние века / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1995. – Вып. 58. – С. 172 – 178.

1319. Эльфонд, И. Я. Учение о суверенитете во французской политической мысли второй половины XVI в. / И. Я. Эльфонд // Культура Возрождения и власть / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Комис. по культуре Возрождения. – М., 1999. – С. 162–171.

1320. Эльфонд, И. Я. Французский двор последних Валуа глазами оппозиции / И. Я. Эльфонд // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Моск. гос. ун-т, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – С. 27–40.

1321. Эльфонд, И. Я. Эволюция династического мифа в культуре Франции позднего средневековья / И. Я. Эльфонд // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т [и др. ; редкол.: Н. А. Хачатурян (отв. ред.) и др.]. – М., 2006. – С. 345–364.

1322. Энгельгардт, Р. Ю. Очерки по истории Франции конца XVII – начала XVIII столетия / Р. Ю. Энгельгардт // Учен. зап. Кишинев. гос. ун-та. Сер. Сер. ист. наук. – Кишинев, 1968. – Т. 104. – С. 4–298.

1323. Энгельгардт, Р. Ю. Социально-экономическое положение Франции в конце XVII – начале XVIII века / Р. Ю. Энгельгардт ; Кишинев. гос. ун-т. – Кишинев : Штиинца, 1976. – 243 с.

1324. Энгельгардт, Р. Ю. Французский абсолютизм конца XVII и начала XVIII века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 573 / Р. Ю. Энгельгардт ; Перм. гос. ун-т. – Кишинев, 1972. – 44 с.

1325. Энгельс, Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств / Ф. Энгельс. // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т маркс.-ленин. при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1961. – Т. 21. – С. 406–416.

1326. Энгельс, Ф. Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т маркс.-ленин. при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1961. – Т. 21. – С. 258–259.

1327. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т маркс.-ленин. при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – М., 1961. – Т. 21. – С. 23–178.

1328. Эпштейн, А. Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. / А. Д. Эпштейн ; Ин-т междунар. отношений. – М. : ИМО, 1961. – 619 с.

1329. Эцина, Е. И. Английский двор в семейной переписке Арабеллы Стюарт / Е. И. Эцина // Эпоха средневековья: проблемы истории и культуры : тез. докл. XVIII всерос. конф. студентов, аспирантов и мол. учен., Санкт-Петербург, 23–27 нояб. 1998 г. / С.-Петербург. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории сред. веков ; [редкол.: Г. Е. Лебедева (отв. ред.) и др.]. – СПб., 1999. – С. 42–43.

1330. Эцина, Е. И. Идеино-политические основы раннестюартовской монархии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Е. И. Эцина ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 16 с.

1331. Юркин, Н. Г. Приказные управленцы XVI–XVII вв.: уровень образования и морально-нравственные черты : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Г. Юркин ; Иванов. гос. ун-т. – Иваново, 2002. – 26 с.

1332. Юшков, С. В. История государства и права СССР : [учебник : в 2 т.] / С. В. Юшков ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М. : Юрид. изд-во. – 1947. – 2 т.

1333. Юшков, С. В. Учебное пособие по истории государства и права СССР / С. В. Юшков. – М. : Юрид. изд-во, 1946. – Вып. 5/6 : История государства и права в период превращения русского государства в многонациональное. – 84 с.

1334. Яковлев, Н. О так называемом «завещании» Петра Великого / Н. Яковлев // Ист. журн. – 1941. – № 12. – С. 128–133.

1335. Янов, А. Л. Россия: у истоков трагедии, 1462–1584 : заметки о природе и происхождении русской государственности / А. Л. Янов. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 559 с.

1336. Ястер, И. В. Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного исторического образования в 1920-х – 1930-х гг. / И. В. Ястер // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории, Рос. о-во интеллект. истории ; [гл. ред.: Л. П. Репина]. – М., 2003. – Вып. 10. – С. 282–288.

1337. Ячевский, С. И. Цензурная политика царского правительства в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. И. Ячевский ; Гос. ун-т управления. – М., 2002. – 16 с.

1338. Absolutism in Seventeenth-Century Europe / ed. J. Miller. – London : The Macmillan Press LTD, 1990. – 268 p.

1339. Beik, W. The absolutism of Louis XIV as social collaboration / W. Beik // Past and Present. – 2005. – Vol. 188, iss. 1. – P. 195–224.

1340. Bély, L. La France au XVIIe siècle: puissance de l'État, contrôle de la société / L. Bély. – [S. 1.] : Presses univ. de France, 2009. – 846 p.

1341. Bercé, Y. M. [Compte rendu] / Y. M. Bercé // Bibl. del école des chartes. – 1964. – № 122. – P. 354–358. – Compte rendu : Porchnev, B. F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648 / B. F. Porchnev. – Paris : SEVPEN, 1963. – 679 p.– (Oeuvres étrangères / École pratique des hautes études. 6-e section. Centre de recherches historiques ; part. 4).

1342. Campbell, P. R. Power and politics in old regime France, 1740–1745 / P. R. Campbell. – London ; New York : Routledge, 2003. – 432 p.

1343. Cosandey, F. De lance en quenouille. La place de la reine dans l'État moderne (XIVe–XVIe siècles) / F. Cosandey // Annales. – 1997. – Vol. 52, iss. 4. – P. 799–820.

1344. Cosandey, F. La reine de France. Symbole et pouvoir, XVe–XVIII siècles / F. Cosandey. – Paris : Gallimard, 2000. – 414 p.

1345. Cosandey, F. L'absolutisme en France: histoire et historiographie / F. Cosandey, R. Descimon. – Paris : Le Seuil, 2002. – 316 p.

1346. Cosandey, F. Préséances et sang royal: le rite comme construction d'un mythe identitaire / F. Cosandey // Cahiers de la Méditerranée. – 2008. – Vol. 77. – P. 19– 26.

1347. Chaussinant-Nogaret, G. La noblesse au XVIIIe siècle: de la féodalité aux Lumières / G. Chaussinant-Nogaret. – Paris : Hachett, 1976. – 239 p.

1348. Doucet, R. Étude sur le gouvernement de François Ier dans ses rapports avec le Parlement de Paris / R. Doucet. – Paris : É. Champion, 1921. – Vol. 1. – 379 p.

1349. Goubert, P. L'ancien régime / P. Goubert. – Paris : A. Colin, 1969. – Vol. 1 : La société. – 271 p.

1350. Goubert, P. Les Français et l'Ancien régime / P. Goubert, D. Roche. – Paris : A. Colin, 1984. – Vol. 1 : La société et l'état. – 383 p.

1351. Goubert, P. Louis XIV et vingt millions de Français / P. Goubert. – Paris : Fayard, 1966. – 252 p.

1352. Hartung, F. Quelques problèmes concernant la monarchie absolue / F. Hartung, R. Mousnier // Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche, Roma, 4–11 Sett. 1955 / Com. intern. di scienze storiche. – Firenze, 1955. – Vol. 4 : Storia moderna. – P. 3–55.

1353. Hurt, J. J. Louis XIV and the parlements: the assertion of royal authority / J. J. Hurt. – Manchester : Manchester Univ. Press, 2004. – 249 p.

1354. Jouanna, A. La France du XVIe siècle, 1483–1598 / A. Jouanna. – P. : Presses univ. de France, 2012. – 720 p.

1355. Jouanna, A. Le prince absolu. Apogée et déclin de l'imaginaire monarchique / A. Jouanna. – Paris : Gallimard, 2013. – 436 p.

1356. Legault, C. Repenser l'absolutisme en France aux XVIe et XVIIe siècles. Note de lecture sur Le Prince absolu. Apogée et déclin de l'imaginaire monarchique d'Arlette Jouanna [Electronic resource] / C. Legault // HistoireEngagée.ca. – Mode of access: <https://histoireengagee.ca/repenser-labsolutisme-en-france-aux-xvie-et-xviie-siecles-note-de-lecture-sur-le-prince-absolu-apogee-et-declin-de-limaginaire-monarchique-darlette-jouanna> – Date of access: 16.04.20.

1357. Mandrou, R. Introduction à la France moderne: essai de psychologie historique, 1500–1640 / R. Mandrou. – Paris : Albin Michel, 1961. – 400 p.

1358. Mandrou, R. La France aux XVII et XVIII siècles / R. Mandrou. – Paris : Presses univ. de France, 1974. – 355 p.

1359. Mandrou, R. La Raison du Prince – Europe "absolutiste": raison et raison d'État, 1649–1775 / R. Mandrou. – Paris : Fayard, 1977. – 401 p.

1360. Mandrou, R. Les soulèvements populaires et la Société française du XVIIe siècle / R. Mandrou // Annales. – 1959. – Vol. 14, iss. 4. – P. 756–765.

1361. Mousnier, R. [Compte rendu] / R. Mousnier // Revue belge de Philologie et d'Histoire. – 1965. – № 1. – P. 166–171. – Compte rendu : Porchnev, B. F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648 / B. F. Porchnev. – Paris : SEVPEN, 1963. – 679 p. – (Oeuvres étrangères / École pratique des hautes études. 6-e section. Centre de recherches historiques ; part. 4).

1362. Mousnier, R. La venalité des offices sous Henri IV et Louis XIII / R. Mousnier. – Rouen : Ed. Mangard, 1946. – 629, [XXIX] p.

1363. Mousnier, R. Les XVI et XVII siècles: les progrès de la civilisation européenne et le déclin de l'Orient (1492–1715) / R. Mousnier. – Paris : Presses univ. de France, 1954. – 605 p.

1364. Mousnier, R. Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde / R. Mousnier // Revue d'histoire moderne et contemporaine. – 1958. – Vol. 5, № 2. – P. 81–113.

1365. Pagés, G. La monarchie d'Ancien Régime en France (De Henri IV à Louis XIV) / G. Pagés. – Paris : A. Colin, 1928. – 215 p.

1366. Porchnev, B. F. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648 / B. F. Porchnev. – Paris : SEVPEN, 1963. – 679 p. – (Oeuvres étrangères / École pratique des hautes études. 6-e section. Centre de recherches historiques ; part. 4).

1367. The origins of the English Civil war / ed. C. Russell. – London : The Macmillan Press LTD, 1973. – 296 p.

1368. Une émission de Roger Chartier avec Fanny Cosandey et Robert Descimon [Electronic resource] // Les Lundis de l'Histoire: 16 décembre 2002 // YouTube. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=yJRz4xMb-6Y>. – Date of access: 15.04.2020.

Список публикаций соискателя ученой степени

Монография

1–А. Ландина, Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. / Л. В. Ландина ; под науч. ред. В. С. Кошелева. – Минск : Энциклопедикс, 2020. – 816 с.

Статьи в научных изданиях в соответствии с п. 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь

2–А. Ляхович (Ландина), Л. В. «Просвещенный абсолютизм» в России: российская дворянская и буржуазная историография / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. / под. ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2007. – Вып. 4 (9). – С. 91–96.

3–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Французский абсолютизм и причины революции 1789 года в российской дореволюционной историографии и современной учебной литературе / Л. В. Ляхович (Ландина) // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2009. – № 5 (83). – С. 3–7.

4–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский абсолютизм XVIII века в исторической концепции В. И. Герье / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2009. – Вып. 8 (13), ч. 1. – С. 99–105.

5–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Сацыяльна-палітычнае развіццё Рэчы Паспалітай ва ўмовах еўрапейскага абсалютызму (канцэпцыя М. І. Карэева) / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – Вып. 25. – С. 25–29.

6–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский абсолютизм в российской дореволюционной историографии (концепция П. Н. Ардашева) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2010. – Вып. 10 (15), ч. 1. – С. 107–112.

7–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Старый порядок накануне 1789 года в российской дореволюционной (концепция П. Н. Ардашева) и современной научной и учебной литературе / Л. В. Ляхович (Ландина) // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2010. – № 6. – С. 7–10.

8–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема европейского абсолютизма в контексте становления российской новистики (концепция В. В. Бауера) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Выш. шк. – 2010. – № 4 (78). – С. 31–35.

9–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Английская монархия и общество накануне революции 1640 г. (научный и образовательный аспекты) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2011. – № 3 (105). – С. 3–7.

10–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский «просвещенный абсолютизм» в отражении российской историографии начала XX века / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. В 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2011. – Вып. 11, ч. 1. – С. 129–135.

11–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема российской монархии как пример идейного и научного противостояния в историографии 20-х гг. XX в. (концепции С. Ф. Платонова и М. Н. Покровского) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2012. – Вып. 12, ч. 1. – С. 184–190.

12–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Научно-методические основы российской новистики 20-х гг. XX в. (на примере исследования проблемы европейского абсолютизма) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Выш. шк. – 2012. – № 6 (92). – С. 57–60.

13–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Интерпретация проблемы европейского абсолютизма как проявление методологического перехода в российской историографии 20-х гг. XX в. [Электронный ресурс] / Л. В. Ляхович (Ландина) // История. – 2012. – Вып. 3 (11) : Знания о прошлом в политико-правовых практиках переходных периодов всемирной истории. // Режим доступа: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000387-4-1/?reader=Y> – Дата доступа: 18.08.2021.

14–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема сущности и определения понятия «абсолютизм» в современной научной и учебной литературе / Л. В. Ляхович (Ландина) // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2013. – № 8 (26). – С. 3–7.

15–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Дискуссия 1968–1972 гг. и разработка проблемы абсолютной монархии в российской историографии второй половины XX века / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2013. – Вып. 12, ч. 1. – С. 221–229.

16–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема французского абсолютизма накануне 1789 г. в дореволюционной новистике и современной российской историографии / Л. В. Ляхович (Ландина) // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т ; [рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) і інш.]. – Мінск, 2013. – Вып. 8. – С. 121–130.

17–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Ад класавага падыходу – да псіхагісторыі: асобы манархаў дынастыі Раманавых у савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // Беларус. гіст. часоп. – 2013. – № 9 (170). – С. 33–45.

18–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Российская историография французского абсолютизма рубежа 1980-х–1990-х гг.: опыт дискурсивного анализа / Л. В. Ляхович (Ландина) // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т ; [рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) і інш.]. – Мінск, 2014. – Вып. 9. – С. 179–189.

19–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Понятие «абсолютизм»: проблема интерпретации и критериев определения / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2014. – Вып. 14, ч. 1. – С. 181–188.

20–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты / Л. В. Ляхович (Ландина) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории : [сб. ст.] / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Центр интелект. истории, Рос. о-во интелект. истории ; гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2014. – Вып. 48. – С. 59–75.

21–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский абсолютизм в российской дореволюционной и советской историографии: ценностные установки исследований / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2015. – Вып. 15, ч. 1 / [редкол.: М. И. Демчук (пред.) и др.]. – С. 118–125.

22–А. Ландина, Л. В. Французские монархи эпохи абсолютизма и их окружение: дискурс советской историографии 1920-х–50-х гг. / Л. В. Ландина // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2016. – Вып. 11 / [рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) і інш.]. – С. 83–102.

23–А. Ландина, Л. В. Социально-политические изменения первых советских лет и преподавание всеобщей истории в высшей школе (на примере ФОН МГУ) / Л. В. Ландина // Выш. шк. – 2017. – № 3 (119). – С. 41–45.

24–А. Ландина, Л. В. Понятие абсолютизма в советской историографии 1920-1930-х годов: преемственность или дискретность? / Л. В. Ландина // Средние века : Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщ. истории РАН; – отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Наука, 2017. – Вып. 78 (1-2). – С. 326–345.

25–А. Ландина, Л. В. Дискуссия 1968–1972 гг. об абсолютизме: пятьдесят лет спустя / Л. В. Ландина // Средние века : Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщ. истории РАН; – отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Наука, 2018. – Вып. 79 (4). – С. 133–152.

26–А. Ландина, Л. В. Проблема абсолютизма в концепции Н. А. Рожкова как отражение методологической трансформации в российской историографии начала

XX века / Л. В. Ландина // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Центр интеллект. истории, Рос. о-во интеллект. истории. – М., 2019. – Вып. 66 / [редкол.: А. Э. Афанасьева и др.]. – С. 223–237.

Статьи в сборниках материалов научных конференций

27–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема европейского абсолютизма и его французского варианта в практике преподавания исторических дисциплин в высшей школе / Л. В. Ляхович (Ландина) // Организация самостоятельной работы студентов на факультете вуза : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 нояб. 2006 г. / БГУ; редкол.: В. В. Сергеевкова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2006. – С. 328–330.

28–А. Ляхович (Ландина), Л. В. «Просвещенный абсолютизм» в России: анализ и оценка французских авторов XVIII века / Л. В. Ляхович (Ландина) // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья : материалы междунар. науч.-теорет. конф., Витебск, 19–20 апр. 2007 г. : в 2 ч. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2007. – Ч. 1. – С. 177–178.

29–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский абсолютизм: проблемное поле историографии / Л. В. Ляхович (Ландина) // Материалы III Междунар. науч.-практич. конф. «Научное пространство Европы – 2007», [Днепропетровск], 16–30 апр. 2007 г. / ред. С. В. Екимов. – Днепропетровск, 2007. – Т. 9 : История. – С. 27 – 31.

30–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский абсолютизм (XVI – начало XVIII в.) в исторической концепции Н.И. Кареева / Л. В. Ляхович (Ландина) // Методология исследований истории Беларуси: проблемы, достижения, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 окт. 2008 г. / Ин-т истории НАН Беларуси; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – С. 153–156.

31–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Княжеский абсолютизм германских земель (XVI – первая половина XVIII вв.) в российской либеральной историографии (концепция Н. И. Кареева) / Л. В. Ляхович (Ландина) // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты : материалы Междунар. науч. конф., Витебск, 8–9 окт. 2009 г. / УО Федерации профсоюзов Беларуси «Междунар. Ин-т трудовых и социальных отношений»; [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. – Витебск, 2009. – С. 12–14.

32–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблематика европейского абсолютизма в отражении российской историографии второй половины XIX века (концепция М. Н. Петрова) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Культура и власть : сб. ст.

VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию каф. отечественной истории ПГПУ им. В. Г. Белинского, Пенза, декабрь 2010 г. / Пензенский гос. педагогич. ун-т им. В. Г. Белинского ; Пензен. обл. отделение Рос. о-ва историков-архивистов ; Пензен. регион. обществ. организация «Пензенская энциклопедия» ; Общество «Знание» России, Приволжский Дом знаний ; / под ред. к. ист. н. В. А. Власова. – Пенза, 2010. – С. 13–15.

33–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Суадносіны духоўнай і свецкай улады ў Еўропе ранняга Новага часу / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // «Духоўныя асновы сучаснай культуры: праблемы захавання культурнай спадчыны» : XVI Міжнар. Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры, Мінск, 26–28 мая 2010 г. : Мін. культуры Рэсп. Бел., Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў; рэдкал. : М. А. Мажэйка (старш.) [і інш.]. – Мн : Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2011. – Т. 1. – С. 43–48.

34–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Французская монархия в российской дореволюционной новистике (концепция П. Н. Ардашева) и современной российской историографии / Л. В. Ляхович (Ландина) // Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени (к 100-летию проф. Л. М. Шнеерсона) : междунар. науч.-теорет. конф. [Минск, 25 февр. 2011 г.] / Белорус. гос. ун-т, Ист. фак. – Минск, 2012. – С. 47–49.

35–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Расійская манархія і яе духоўныя асновы: гістарыяграфічныя трансфармацыі XX – пач. XXI ст. / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // Матэрыялы XIX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытанняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры, Мінск, 22–24 мая 2013 г. : у 2 ч. / рэдкал.: В. Р. Языковіч (адк. рэд. [і інш.]). – Мінск, 2013. – Ч. 1. – С. 153–156.

36–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема французского абсолютизма в контексте методологических изменений на рубеже 1980–90-х гг. / Л. В. Ляхович (Ландина) // Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы VI Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 22 апр. 2013 г. / Белорус. гос. пед. ун-т имени Максима Танка; редкол.: В. В. Тугай (отв. ред) [и др.]. – Минск, 2013. – С. 91–93.

37–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Дыскурсіўны падыход у гістарыяграфіі і культуралогіі: сродкі, метады, магчымасці / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 мая 2013 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Бел. ; Бел. гос. ун-т культуры и искусств ; Бел. гос. академия искусств ; Бел. гос. академия музыки ; науч. ред. В. Р. Языкович. – Мн. : БГУКИ, 2013. – С. 495–499.

38–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Манархі дынастыі Раманавых: ацэнкі і спрэчкі ва ўмовах сацыякультурных і навуковых змен мяжы XX–XXI ст. / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // Матэрыялы XX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытанняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры, Минск,

20-23 мая 2014 г. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў – Мінск, 2014. – С. 150–154.

39–А. Ляхович (Ландина), Л. В. Возможности дискурс-анализа в историографии (на примере интерпретации проблемы европейского абсолютизма) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 мая 2014 г. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: В. М. Черник (пред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 356–362.

40–А. Ландина, Л. В. Концепт западноевропейского абсолютизма: методологические проблемы постсоветской историографии / Л. В. Ландина // Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Древность, средние века, новое и новейшее время : материалы IX Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 10–11 нояб. 2016 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. пед. ун-т, Ист. фак. ; редкол.: А. В. Касович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 109–111.

41–А. Ландина, Л. В. Концептуальная модель европейского абсолютизма в контексте современной методологии / Л. В. Ландина // Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований : сб. науч. ст. и материалов Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти д-ра ист. н., профессора Г. А. Космача и в связи с 65-летием со дня его рождения (1953–2016 гг.), Минск, 21–22 июня 2018 г. / Мин. обр. Респ. Бел., Бел. гос. педагогич. ун-т имени М. Танка; Витеб. гос. ун-т имени П. М. Машерова – Псков : ООО «Логос», 2018. – С. 289–296.

42–А. Ландина, Л. В. Речь Посполитая и абсолютные монархии в европейском геополитическом пространстве: историографический аспект / Л. В. Ландина // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны: Москва, 19–20 сент. 2018 г.: материалы конф. / Ин-т всеобщ. истории РАН, отв. ред.: В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. – М., 2018. – С. 412–420.

43–А. Ландина, Л. В. Междисциплинарный и компаративный подходы в изучении государственных институтов Речи Посполитой / Л. В. Ландина // Навуковы пошук у сферы культуры і мастацтва : матэрыялы навук. канф. праф.-выкладч. складу БДУКМ, прысвеч. Году культуры ў Рэсп. Беларусь, Мінск, 24 лістап. 2016 г. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал.: Ю. П. Бондар (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2018. – С. 239–243.

44–А. Ландина, Л. В. Дифференциация подходов к изучению абсолютной монархии в российской историографии начала XX века / Л. В. Ландина // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 мая 2018 г. : / М-во культуры Респ. Бел., Бел. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: А. А. Корбут [и др.]. – Мн., : БГУКИ, 2018. – С. 348–352.

45–А. Ландина, Л. В. Концепт европейского абсолютизма: проблемное поле современной историографии / Л. В. Ландина // Актуальные проблемы истории и

культуры : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск, 2018. – Вып. 1 : Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 мая 2017 г. / сост.: Е. А. Александрович [и др.] ; редкол.: В. В. Данилович (гл. ред.), В. В. Тугай, Е. А. Кривичанина. – С. 76–82.

46–А. Ландина, Л. В. Соотношение подходов в изучении западноевропейского абсолютизма в российской историографии конца XIX – начала XXI в. / Л. В. Ландина // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация : сб. науч. ст. по матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты «История и историография: объективная реальность и научная интерпретация», Минск, 05 окт. 2018 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : БГУ, 2018. – С. 258–268.

47–А. Ландина, Л. В. Российская государственность XVI–XVIII вв. в советской историографии периода Великой Отечественной войны / Л. В. Ландина // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Великой Победы и 45-летию Белорус. гос. ун-та культуры и искусств, Минск, 14 мая 2020 г. / М-во культуры Респ. Бел., Бел. гос. ун-т культуры и искусств ; Бел. гос. академия музыки ; Бел. гос. академия искусств ; редкол.: А. А. Корбут [и др.]. – Минск, 2020. – С. 65–69.

48–А. Ландина, Л. В. Постсоветская историография в период социокультурной трансформации 1990-х гг.: переосмысление государства и его институтов / Л. В. Ландина // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13 мая 2021 г. : / М-во культуры Респ. Бел., Бел. гос. ун-т культуры и искусств ; ; Бел. гос. академия музыки ; Бел. гос. академия искусств; редкол.: Н. В. Карчевская (пред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 161–166.

Резюме докладов

49–А. Ляхович, Л. В. Европейский абсолютизм в российской новистике 20-х гг. XX в.: методологическая трансформация историографии переходного периода / Л. В. Ляхович // Переходные периоды всемирной истории: трансформации исторического знания : [резюме докладов Междунар. конф., Москва, 23 сент. 2011 г.] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр истории ист. знания ; [редкол.: М. С. Бобкова (отв. ред.) и др.]. – М., 2012. – С. 66–67.

Учебно-методические комплексы и программы

50–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Сусветная гісторыя: новы час : праграма для студэнтаў II курса спецыялізацыі "музеязнаўства і ахова гісторыка-культурнай спадчыны" : вучэб. выд. / Л. У. Ляховіч (Ландзіна). – Мінск : БДУКМ, 2004. – 46 с.

51–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Сусветная гісторыя (да новага часу) : праграма для студэнтаў I курса спецыялізацыі "музеязнаўства і ахова гісторыка-

культурнай спадчыны" : вучэб. выданне / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) ; БДУКМ, – Мн., 2007. – 42 с.

52–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Гісторыя і тэорыя гістарычнай навукі : праграма для студэнтаў IV курса спецыялізацыі “музеязнаўства і ахова гісторыка-культурнай спадчыны” : вучэб. выд. / Л. У. Ляховіч (Ландзіна). – Мінск : БДУКМ, 2008. – 28 с.

53–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Усеагульная гісторыя. Раздзел 3. Новы час. : вучэб. праграма па спецыяльнасці 1-23 01 12 «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны» (па напрамках) вучэб выданне / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) ; БДУКМ, – 2013. – 43 с.

54–А. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Усеагульная гісторыя. Раздзел II. Сярэднія вякі: вучэб. праграма ўстановы вышэйш. адукацыі па вучэб. дысцыпліне для спецыяльнасці 1-23 01 12 «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны» (па напрамках) : вучэб выданне / Л. У. Ляховіч (Ландзіна);– БДУКМ – Мн., 2015. – 28 с.

55–А. Ландзіна, Л. У. Гісторыя гістарычнай думкі [Электронный ресурс] вучэб. праграма установы выш. адукацыі па вучэб. дысцыпліне для спецыяльнасці 1-23 01 12 Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны (па напрамках) / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; склад. Л. У. Ландзіна. – Электрон. тэкставыя даныя. – Мінск, 2017. – 32 с. : табл. – Загал. з экрана. – Дэп. ў БДУКМ 03. 11. 2017, № 018803112017. – Рэжым доступу: <http://repository.buk.by/handle/123456789/14689> . – Дата доступу. – 20.08. 2021.

56–А. Ландзіна, Л. У. Усеагульная гісторыя [Электронный ресурс] : вучэб.-метад. комплекс для спецыяльнасці Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны (па напрамках) : у 4 ч. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; склад. Л. У. Ландзіна. – Электрон. тэкставыя даныя. – Мінск, 2017. Ч. 3: Новы час. – 109 с. : табл. – Загал. з экрана. – Дэп. ў БДУКМ 03. 11. 2017, № 018303112017. – Рэжым доступу: <http://repository.buk.by/handle/123456789/14682>. – Дата доступу: – 20. 08. 2021.

57–А. Ландзіна, Л. У. Усеагульная гісторыя: вучэб. праграма ўстановы выш. адукацыі па вучэб. дысцыпліне для спецыяльнасці 1- 23 01 12 «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны» (па напрамках). Раздзел 3. Новы час / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; [склад. Л. У. Ландзіна].– [Мінск] : [БДУКМ], 2021. – 48 с. : табл.

**Документы, подтверждающие прикладное значение результатов
диссертации**

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ